

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Проф. Н.Ф. ЯКОВЛЕВ

СИНТАКСИС
ЧЕЧЕНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1940 ЛЕНИНГРАД

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ПИСЬМЕННОСТИ НАРОДОВ СССР
АКАДЕМИИ НАУК СССР

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Проф. Н. Ф. ЯКОВЛЕВ

При участии: А. Х. Хумпарова, М. С. Саидова и А. С. Бекова

СИНТАКСИС

ЧЕЧЕНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1940 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор *акад. И. И. Мещанинов*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ленинско-сталинская национальная политика превратила отсталые и угнетенные окраины царской России в цветущие и передовые республики Советского Союза. Освобождение их от эксплуатации, развитие в них мощной промышленности и колхозного движения подняло национальную культуру этих республик на небывалую высоту, наполнив ее социалистическим содержанием. Только в результате этих коренных изменений в жизни СССР лишь советская наука получила полную возможность служить делу дальнейшего развития всех национальных республик СССР и, в частности, делу развития их литературных языков.

Синтаксис чеченского языка в разработанном виде появляется впервые. Предшествующие исследователи чеченского языка — П. К. Услар, акад. Шифнер и составитель ингушской грамматики Э. Мальсагов — главное свое внимание уделяли морфологии. Поэтому составителю чеченского синтаксиса пришлось заново собрать и исследовать огромный языковой материал, чтобы установить впервые законы построения чеченского предложения.

Вопреки утверждениям всякого рода маловеров и ликвидаторов в области языкового строительства, факты чеченского синтаксиса еще раз с несомненностью доказывают, что все национальные языки Советского Союза, в том числе и чеченский язык, обладают достаточным богатством и разнообразием, гибкостью и красотой форм, чтобы полностью обеспечить передачу тончайших оттенков мысли, обеспечить точные и доступные для народа, простые, красивые и образные по языку переводы классиков марксизма-ленинизма, классиков русской и мировой литературы и способствовать цветущему росту оригинальной национальной литературы на этих языках.

Издаваемый синтаксис представляет собою научную работу, а не учебник, но автор старался научность содержания связать с возможной простотой и доступностью изложения, чтобы сделать книгу понятной для всякого чеченского работника, сколько-нибудь подготовленного для самостоятельной работы над книгой. Кроме того, в синтаксисе чеченского языка освещены многие теоретические вопросы, которые не безинтересно будет прочесть и лингвистам вообще, и специалистам в области других языков, и педагогам, преподающим русский язык. Таковы, например, вопросы об определении предложения, о порядке слов и способах выражения „логического“ ударения, об активном строе переходного предложения, о развитии форм субъекта, объекта и предиката, о соотношении формы и содержания в языке, о развитии сочинения и подчинения и др. В основном же „Синтаксис чеченского языка“ предназначен для преподавателей чеченского языка в вузах, в средней и неполной средней школе, для студентов педвузов и для чеченских авторов, переводчиков и издательских работников. Цель книги — дать этому кругу читателей возможность ознакомиться с богатством и разнообразием форм чеченской речи и помочь им сознательно применять это богатство в доступной для каждого области.

При всем богатстве чеченских народных говоров малая их изученность заставила автора ограничиться лишь формами литературного языка, сложившимися на основе плоскостных говоров и установившимися в результате двадцатилетней традиции существования чеченской письменности. Во многих местах книги приводятся на ряду с основными формами и параллельно употребляемые (обозначенные знаком ||) литературные и народные варианты.

Несмотря на довольно большой объем книги, автор, конечно, не имел возможности исчерпать все богатство форм такого развитого языка, как чеченский. Кое-что из основных вопросов синтаксиса оказалось упущенным, например, вопрос об употреблении времен. К недостаткам следует отнести местами также однообразие приводимых примеров. Однако, по мнению автора, такое однообразное повторение одного и того же предложения в различных формальных вариациях часто позволяет с большей для читателя наглядностью уловить зависимость формальных разновидностей от смысловых оттенков. Мы надеемся, что педагоги сами сумеют подыскать необходимый им для преподавания материал речи, пользуясь примерами из синтаксиса лишь как типовыми образцами. Издание данного синтаксиса есть, конечно, лишь начало синтаксического изучения чеченского языка. В дальнейшем чеченские педагоги и специалисты по языку сумеют более подробно и на более удачном подборе примеров осветить и пополнить те стороны синтаксиса, которые не нашли в данной книге достаточного освещения или были упущены. Тем не менее мы считаем, что данная книга в основном дает достаточно верное и полное обозрение синтаксиса чеченского языка и принесет пользу делу его дальнейшего литературного развития.

Над составлением книги работала летом 1938 г. бригада педагогов в составе тт.: Хумпарова, Саидова и А. Бекова под руководством проф. Н. Ф. Яковлева, который является составителем всего данного труда. Хумпаров, Саидов и А. Беков выполнили большую работу по подбору примеров из чеченской речи и по просмотру всей работы в целом. Дружная, слаженная и напряженная работа всей бригады дала возможность провести и закончить ее в кратчайший срок — всего в продолжение трех месяцев. В течение всего хода работы бригада пользовалась постоянной помощью и вниманием со стороны Чечено-Ингушского обкома ВКП(б), Наркомпроса Чечено-Ингушской АССР, Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, а также со стороны многих работников чеченской школы, издательства, редакции газеты „Ленин нехъ“ и союза писателей. Кроме того, комиссия НКП Чечено-Ингушской АССР по рецензированию и редактированию данного труда в составе: Х. Магомаева, Х. Гугиева, Н. Мурдалова, Тембота Бекова и Н. Музаева проделала большую работу по просмотру и корректированию всей работы в целом. Этим учреждениям и отдельным лицам мы выражаем здесь глубокую благодарность.

Н. Яковлев.

г. Москва
25 мая 1939 г.

ВВЕДЕНИЕ

Задачи и метод синтаксического исследования. Синтаксис изучает типы предложения в целом, связь слов в простом предложении и связь слов и предложений в сложном предложении. Изучая тип предложения в целом, мы не подразделяем предложения на составные его части — слова. Мы изучаем предложение, не обращая внимания на те связи, которые имеют в этом предложении отдельные слова. Такое изучение предложения необходимо потому, что каждое предложение, даже состоящее из одних и тех же слов и имеющее одни и те же главные и второстепенные члены, может изменять свою форму и иметь различное значение, в зависимости от того, какое в нем выражено отношение содержания речи к действительности. Таким образом, предложение с одним и тем же словарным составом и с одной и той же формой связи слов между собою, все в целом может иметь различную форму. Эту форму предложения в целом мы называем типом предложения. Изучением этой формы и занимается синтаксис предложения в целом. После того как мы рассмотрим эту часть синтаксиса, мы перейдем к рассмотрению различных форм связи слов в предложении. Слова, из которых состоит предложение, называются его членами. Эти члены бывают главными и второстепенными. В языках с развитой морфологией, к которым относится чеченский, связи слов в предложении выражаются не только их порядком, интонацией и т. д., но и их морфологическим оформлением, т. е. окончаниями, префиксами и т. д. Поэтому, изучая связь слов в предложении, мы должны изучать все способы выражения в отдельных словах этой связи. Таким образом мы должны изучать в сущности в синтаксисе и те элементы, которые изучает морфология. Разница, однако, заключается в том, что морфология изучает слово и его формы изолированно, вне связи его с другими словами, синтаксис же изучает эти формы всегда только как выражение связи слов между собою — в едином предложении. Такого рода изучение будет составлять вторую главу нашего синтаксиса — синтаксис связи слов в простом предложении. После того как будет исследовано простое предложение как в целом, так и в его словесных связях, мы приступим к исследованию сложного предложения. Разница между простым и сложным предложением заключается в том, что в состав сложного предложения входят не только слова, но и целые предложения (придаточные или главные). Эти „предложения в предложении“ играют роль таких же его членов, как и отдельные слова. Следовательно, синтаксис сложного предложения должен исследовать не только связи слов, из которых оно состоит, но и связь одного или нескольких предложений, входящих в его состав на правах членов предложения. Задача изучения сложного предложения, таким образом, представляет большие трудности. Для решения этих трудностей мы должны в отношении сложного предложения усвоить следующую точку зрения: предложения, из которых состоит сложное предложение, независимо от словарного их состава, приходится рассматривать вначале как неде-

лимые целые, т. е. как простые его члены-слова. В зависимости от этого так называемые придаточные предложения приходится классифицировать по той же системе, по какой мы классифицируем слова-члены простого предложения.

Следовательно, метод синтаксического исследования заключается в том, чтобы изучить предложение как отражение и мысли и определенного реального содержания. Оттенки этой мысли и реального содержания выражаются теми формами, которые имеют и отдельные слова, и целые предложения, входящие в состав одного предложения, и все это предложение в целом. Изучить и понять единство формы и содержания в предложении можно только исторически, изучая историческое развитие формы предложения и его содержания. История развития производительных сил и производственных отношений и история развития общества в целом и классовой борьбы в нем дают языку и всякому предложению его содержание. Всякая языковая форма, как это мы увидим дальше, вырастает из реального содержания речи. Только таким образом мы можем правильно объяснить любую грамматическую форму, в том числе и синтаксическую, какой бы далекой, оторванной от реального содержания речи она на первый взгляд ни казалась. К сожалению, в настоящий момент мы еще не в состоянии дать полную картину исторического развития синтаксических форм чеченского языка, вследствие малой изученности этого вопроса.

Однако мы постараемся освещать историческое развитие чеченских синтаксических форм всюду, где это позволяют нам сделать накопленные материалы.

Отношение синтаксиса к другим отделам грамматики. Синтаксис представляет собою лишь один из отделов грамматики, т. е. науки о строе данного языка. Тем не менее синтаксис — самый сложный и первый по порядку исследования отдел грамматики. Элементы, которые изучают все остальные отделы грамматики, входят и в синтаксис. Так, например, нельзя изучать предложение и связь слов в нем, не изучая морфологических элементов, т. е. различных окончаний или префиксов отдельных слов, которые зачастую и выражают эти связи. Таким образом, синтаксис изучает и те элементы, которые входят в морфологию, но изучает их совершенно иначе. Синтаксис изучает морфологические элементы только как выражение связи слов в предложении. Хотя такое изучение и представляется нам односторонним, но на деле только оно может осветить подлинную роль, подлинный смысл существования морфологических элементов в языке. Ибо и слова, и их морфологическое оформление, и звуки существуют в языке только как способы отражения действительности и мысли. Действительность же и мысль могут быть выражены в языке только в форме предложения. Поэтому синтаксис и представляет собою тот отдел грамматики, в котором раскрывается подлинный смысл существования всех других грамматических элементов. И слова, и значимые части слов — семы, и формы слов, и звуки, из которых они состоят, — все это находит свое оправдание и объяснение только в предложении, все это получает свое полное развитие и приобретает свое полноценное значение только в предложении и через предложение. Таким образом, синтаксис представляет собою и первую основную и последнюю завершающую часть грамматического исследования. По отношению к синтаксису все остальные части грамматики имеют подчиненное значение. Всякое научное доказательство существования тех или иных значений слова, тех или иных форм этого слова (например: определение количества частей речи, падежей, форм спряжения и т. д.) мы можем найти только в синтаксических формах — в предложении или в сочетании слов. Это обстоятельство имеет особенно большое значение для таких малоизученных языков, как чеченский, в которых очень часто приходится заново устанавливать или доказывать существование тех или

иных грамматических категорий. Поэтому мы и начинаем наше исследование с синтаксиса, как с наиболее важного раздела чеченской грамматики.

Синтаксис представляет собою единство (синтез) и лексики, и семантики,¹ и морфологии, и фонетики в формах предложения. Семантика и морфология — это отражение синтаксиса в отдельном слове. Фонетика (учение о фонеме) представляет собою отражение морфологии в звуках. Лексика является отражением содержания речи в отдельном слове.

Способы выражения синтаксической формы. Существует пять способов выражения не только синтаксической, но и грамматической формы вообще: интонация, порядок слов, так называемое логическое, вернее сказать, синтаксическое ударение, добавление служебных слов или служебных частиц и, наконец, морфологическое оформление отдельных слов. Разумеется, эти формы употребляются в различных языках по-разному. В одних языках преобладают одни способы оформления, в других — другие. Но в общем можно сказать, что в наиболее развитых языках — языках нашей эпохи — в той или иной мере представлены все эти пять способов оформления.

Интонацией называется повышение или понижение музыкального тона, т. е. голоса, на протяжении отдельного предложения. Под порядком слов мы понимаем порядок, в котором располагаются слова — члены предложения. Смысловое подчеркивание отдельного слова в предложении, т. е. перенесение внимания на одно из слов, составляющих предложение, называется „логическим“ ударением в том случае, если это достигается усилением голоса, т. е. более громким произношением данного слова. В таком ударении, однако, в сущности нет ничего логического. Это ударение, выделяющее силой голоса одно из слов в предложении, представляет собою единство звука и содержания, как и все существующее в речи. Следовательно, в „логическом“ ударении не больше логического, чем в любой другой грамматической форме. Логическое ударение представляет собою просто грамматическую форму, служащую для смыслового выделения, для смыслового подчеркивания того или иного слова в предложении. Поэтому будет правильнее назвать этот род ударения, в отличие от ударения в слове (лексического ударения), — синтаксическим ударением. Помимо этих способов изменение формы предложения в целом достигается добавлением в предложение тех или иных служебных слов или частиц. К таким относятся, например, частицы отрицания, различные усилительные частицы и т. д. Разумеется, под служебными словами и частицами мы понимаем здесь лишь те грамматические элементы, которые в данном языке, отчасти может быть и условно, считаются отдельными словами или хотя бы частицами, которые пишутся через дефис. В этом отличие служебных слов и частиц от морфологических элементов, оформляющих отдельное слово. Наконец, под морфологическим оформлением отдельных слов мы понимаем нераздельные части данного слова, придающие ему тот или другой оттенок значения. Сюда относятся, например, словообразовательные и словоизменятельные суффиксы, т. е. частицы, присоединяемые после корня, и такие же префиксы, т. е. частицы, присоединяемые перед корнем. В отличие от служебных слов и частиц, морфологические элементы слова, хотя и имеют каждый свое отдельное значение, но считаются неотъемлемыми составными частями слова. Итак, для того, чтобы изменить форму предложения, не меняя полнозначных слов, входящих в его состав, мы можем изменить или интонацию, или порядок слов, или поставить синтаксическое ударение на каком-либо слове, или добавить служебные слова и частицы,

¹ Под семантикой мы понимаем учение о составе слова (не смешивать с семантикой!).

или, наконец, изменить морфологическое оформление отдельных слов, в связи с чем изменится связь слов в данном предложении. Все эти способы существуют одновременно и в чеченском языке, причем они могут употребляться или все в одном и том же предложении одновременно или каждый в отдельности в различных предложениях и в разных сочетаниях друг с другом. Применение этих многообразных и взаимонезависимых способов оформления предложения и создает в языке то изобилие форм, которое дает возможность нашей речи отражать все богатство тончайших оттенков мысли. Разумеется, перечисленные нами способы появились в человеческом языке не одновременно. Они появлялись и развивались на основе развития общества в разные исторические эпохи, пока не достигли своего современного богатства и многообразия.

Историческое развитие способов выражения синтаксической формы. Из перечисленных способов выражения синтаксической формы наиболее древними являются интонация и порядок слов. В языках, не имевших морфологии, т. е. в так называемых аморфных (бесформенных) языках, интонация и порядок слов некогда являлись единственными способами выражения связи слов в предложении. Следы этого состояния до сих пор сохраняются в таких языках, как китайский и другие. В дальнейшем из интонации развивается синтаксическое ударение и появляются служебные слова и частицы. Наконец, последним из этих способов исторически развивается морфологическое оформление отдельного слова. Морфология отдельного слова возникает еще в первобытной общине. Такова вкратце картина исторического развития синтаксических форм.

После появления языков с морфологией (полисинтетических, агглютинативных и флективных) одним из основных способов синтаксического оформления стало именно оформление отдельного слова. В современных языках, в том числе и в чеченском, морфология, как способ выражения синтаксической формы, играет важнейшую роль. Можно сказать, что теперь синтаксис сделался в своей основе морфологическим. Однако, наряду с этим, сохраняются и все остальные способы выражения синтаксической формы. Они всегда существуют наряду и одновременно с морфологией отдельного слова. Только там, где синтаксические связи выражены морфологически, роль остальных способов затушевывается, отступает на второй план. Тем не менее при более внимательном анализе мы всегда можем заметить, что наряду с морфологическим выражением таких синтаксических категорий, как подлежащее, сказуемое и прямое дополнение, для оформления их имеет значение также интонация и порядок слов. В редких случаях, однако, когда морфология не в силах выразить синтаксическую форму, на первый план выступает значение порядка слов и интонаций, как древних способов выражения синтаксической формы. Такие случаи возможны даже в русском языке; например, при совпадении именительного и винительного падежей единственным способом различения подлежащего и прямого дополнения служит порядок слов. Аналогичные случаи имеют место и в чеченском языке, когда подлежащее и прямое дополнение оба стоят в именительном падеже. В чеченском языке, однако, мы находим, по сравнению с русским, несколько более ясные следы аморфного (бесформенного) строя. В особенности отличается этим чеченский глагол, который (в тех случаях, когда он не имеет изменения по классам) морфологически не выражает никакой связи, никакого согласования сказуемого ни с подлежащим, ни с прямым дополнением. Таким образом, чеченский язык, обладая богатой развитой морфологией (ср., например, склонение), в некоторых отношениях сохраняет ясные пережитки аморфности (ср. спряжение).

Ч А С Т Ь I

СИНТАКСИС ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ГЛАВА I

СИНТАКСИС ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЦЕЛОМ

Определение предложения. Существует довольно много определений предложения, употребительных большею частью в школьных учебниках грамматики. К таким определениям относятся, например: „Предложение есть мысль, выраженная словами“, „Предложение есть словесное выражение мысли“, „Слово или сочетание слов, выражающее мысль, есть предложение“,¹ „Предложение есть законченная мысль, выраженная одним или несколькими словами“, „Слово или группа слов, выражающая законченную мысль, называется предложением“,² „Сочетание слов или отдельное слово, выражающее законченную мысль, называется предложением“.³

Все эти определения предложения с точки зрения научной являются неудовлетворительными. Основной недостаток их заключается в том, что они не отделяют предложения от того, что больше предложения, — от абзаца, статьи, книги. Отдельная законченная мысль может выражаться и на деле всегда выражается не только отдельным предложением, но и абзацем, статьей и целой книгой. Таким образом, и эти формы выражения отдельной законченной мысли подходят под приведенные выше определения. С другой стороны, несомненно, что и отдельное слово, взятое вне предложения, выражает или может выразить какую-то отдельную мысль, какое-нибудь отдельное понятие. Можно спорить о том, является ли эта мысль или понятие законченным или незаконченным, вполне развитым или не вполне развитым. Но ведь тот же самый вопрос встает и по отношению к отдельному предложению, и отдельное предложение всегда содержит в себе мысль не вполне законченную, не вполне развитую. Следовательно, вышеприведенные определения предложения не являются сколько-нибудь правильными или обоснованными. Они не выдерживают никакой научной критики. Они не проводят ясной границы между тем, что больше предложения, что состоит из нескольких предложений, и тем, что меньше предложения, что является частью предложения, — словом.

Разрабатывая теорию познания диалектического материализма, Ленин показал, что: „... в *любом* предложении можно (и должно), как в „ячейке“ („клеточке“), вскрыть зачатки всех элементов диалектики, показав, таким

¹ Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, 6 изд., М., 1938, предисловие, стр. 29.

² Шапиро. Грамматика, ч. II, Синтаксис. Учебник для неполной средней и средней школы, М., 1935 г., стр. 5.

³ Бархударов. Грамматика русского языка, ч. II. Синтаксис. Учебник для неполной средней и средней школы. М., 1938 г., стр. 3.

образом, что всему познанию человека вообще свойственна диалектика“ (Ленин, т. XIII, стр. 303). Это положение Ленина позволяет и нам, лингвистам, сделать важные выводы.

Основным признаком предложения является то, что наша речь может состоять только из целых предложений. Предложение может быть различным по своему составу. Оно может состоять и из одного слова („слово-предложение“) и из многих слов. Однако наша речь для того, чтобы быть понятной, не может состоять меньше чем из одного целого предложения, а обычно состоит из многих целых предложений. Таким образом, предложение по отношению к речи действительно является простейшей, элементарной ее частицей. Подобно тому, как всякий живой организм состоит из живых клеточек, точно так же и наше мышление, и наша речь состоит из отдельных предложений. Подобно тому, как по отношению к живому организму клеточка является простейшей неделимой частицей, точно так же и предложение является простейшей неделимой частицей и мысли и речи. Могут возразить, что предложения можно разделить на слова и, таким образом, наша речь окажется будто бы состоящей не из предложений, а из слов. Однако такое возражение не выдерживает никакой критики. Любая элементарная частица вещества органического или неорганического, возьмем ли мы клеточку организма или молекулу какого-либо вещества — тоже состоит из многих элементов. В большинстве случаев мы можем разложить и эту клеточку и эту молекулу. Мы можем расчленить живую клеточку на ядро, оболочку, протоплазму и т. д., мы можем разложить молекулу воды на атомы водорода и кислорода, но при этом мы не получим ни живого организма, ни воды. Точно так же и с предложением. Мы можем разложить любое предложение на слова и далее слова — на слоги, а слоги на звуки и т. д. Однако при таком разложении мы уже не получим ни речи, ни мысли в собственном смысле слова. Следовательно, несмотря на то, что предложение, как и всякая элементарная частица, поддается дальнейшему разложению, элементы, которые получаются в результате этого разложения, уже не составляют речи и не являются простейшими элементами речи и мысли. Они являются простейшими элементами самого предложения.

Итак, в речи нельзя сказать меньше одного предложения. Всякая речь и всякая мысль состоит только из целых предложений. Следовательно, предложение — это „ячейка“, „клеточка“ — простейшая частичка и мысли и речи.

Для научного определения предложения необходимо провести ясную и точную границу между элементами самого предложения — отдельными словами, значимыми частями слов — семами, слогами и звуками-фонемами, с одной стороны, и между всем тем, что состоит из многих предложений — абзацем, статьей, книгой, с другой. Предложение мы считаем элементарной неделимой частицей всякой речи, статьи, книги. А по отношению ко всему тому, что входит в его состав — по отношению к слову, семе, фонеме — предложение само представляет собою хотя и многосоставное, сложное, но цельное единство. Все элементы, входящие в состав предложения, получают полное свое развитие и действительное содержание только через предложение и благодаря предложению. Ни слова, ни семы, ни фонемы не имеют в речи самостоятельного существования. Они существуют лишь в предложении. Короче говоря, они не есть простейшие частицы мысли и речи. Простейшей частицей мысли и речи является только предложение. Поэтому исследование грамматики удобнее начинать с предложения.

Развитое и неразвитое предложение. В школьной грамматике иногда делают предложения на полные и неполные, распространенные и нераспространенные. Полным называют предложение, в котором налицо все

главные члены, неполным — такое, в котором отсутствует один из главных членов. Нераспространенным предложением обычно называют то предложение, в котором нет второстепенных членов, а распространенным — предложение с второстепенными членами. Однако эта классификация предложения обращает слишком большое внимание на форму и оставляет в тени подлинное развитие мысли в предложении. Дело в том, что предложение, состоящее из одного слова, например: „идет“ — по этой классификации неполное, так как в нем нет подлежащего (подлежащее подразумевается), так же как и предложение: „смеркается“, в котором тоже нет подлежащего (но оно в этом случае не подразумевается). Однако, если мы скажем вместо „идет“ — „он идет“, т. е. полное предложение, то увидим, что оба эти предложения не дают действительной полноты мысли. Больше того, предложение „он идет“ не полнее, чем предложение „идет“, потому что и в этом втором предложении подлежащее ясно выражено личным окончанием глагола. Предложение „смеркается“ хотя по грамматической терминологии является неполным, но с точки зрения содержания выражает полно развитую мысль. Несколько иную картину мы наблюдаем в чеченском языке. Здесь предложение, состоящее из одного слова-сказуемого, является действительно весьма неполным, неясным по своему содержанию, например: „воьду“. Если взять это предложение вне связи с предшествующим и последующим, то его можно понимать и как: „иду“, и как: „идешь“, и как: „идет“ и как: „еду, едешь, едет“, так как чеченский глагол не имеет изменения по лицам. Понятно только одно, что речь в данном случае идет о подлежащем-мужчине. Если возьмем сказуемое-глагол, не изменяющийся по классам, то содержание такого предложения в одно слово станет для нас еще более неясным: „оху“. Это может значить: „пашу“, „пашешь“, „пашет“, „пашем“, „пашете“, „пашут“ о любом подлежащем. Следовательно, в чеченском языке постановка подлежащего при глаголе-сказуемом имеет большое значение для полноты мысли.

Таким образом, мы ясно видим, что разница между полным и неполным предложениями весьма условна. Не всякое неполное предложение становится полным по мысли при включении в него подразумеваемого главного члена. Это имеет действительное значение только в тех случаях, когда, как это имеет место в чеченском языке, одно слов-сказуемое совсем не выражает формы подлежащего, т. е. тогда, когда добавление подлежащего в предложение действительно развивает мысль, делает эту мысль более полной.

Возьмем еще один пример:

„1937-чу шеран 12-чу декабрехь массо-а СССР-н Верховни Совете харжамашка!“

„12-го декабря 1937 года все на выборы в Верховный Совет СССР!“

Это предложение считается, конечно, грамматически неполным, так как в нем отсутствует сказуемое. Однако с точки зрения полноты развития мысли и реальности содержания, это предложение таково, что к нему вряд ли что-нибудь можно прибавить. Если, подчиняясь правилам школьной грамматики, включить в это предложение недостающее сказуемое: „идите“, — то мы получим вместо большей полноты мысли искажение смысла данного предложения, так как вместо формы всенародного лозунга, всенародного призыва, получится простое повелительное предложение с гораздо более слабым, повелительным значением. В чеченском языке в этих случаях можно поставить глагол-сказуемое в форме категорического повелительного наклонения: „гIойла“. Однако эта форма тоже не совсем точно передает значение всенародного лозунга, так как имеет оттенок простого категорического приказания. В последнее время, под влиянием русского синтаксиса, и в чеченском языке для передачи лозунгов начинают употребляться предложения без глагольного сказуемого.

Итак, мы видим, что грамматически неполное предложение в некоторых случаях более полно передает мысль и необходимые ее оттенки, чем так называемое полное предложение.

Все сказанное нами относится и к делению предложений на нераспространенные и распространенные. Разграничение нераспространенного предложения, т. е. предложения без второстепенных членов, и распространенного, т. е. предложения с второстепенными членами, тоже не соответствует делению предложений на полные и неполные по мысли. Для полноты мысли иногда второстепенный член предложения важнее главного. Иногда же, наоборот, нераспространенное и неполное предложение в одном слове выражает всю полноту мысли. Все эти наблюдения над предложениями показывают, что существующая грамматическая классификация предложений на полные и неполные, распространенные и нераспространенные является чисто условной, принимающей во внимание только форму, но не действительное содержание мысли.

Подлинное развитие, подлинную полноту мысли в предложении мы получим только тогда, когда мы предложение с неясным, неточным содержанием превратим в точное, верное и полное отражение действительности. Только в этом смысле и можно говорить о развитии предложения. Поэтому в научном отношении предложения лучше делить на развитые и неразвитые по мысли, например, в ответах на вопрос:

- Хиун до ахь?
- Что ты делаешь?
- Вовду.
- Иду || еду.
- Мила вовду?
- Кто идет || едет?
- Со.
- Я.

такие предложения, состоящие из одного слова, называются словами-предложениями; они возможны только в связной речи, обычно в диалоге, так как иначе их смысл остается неясным и неполным. Однако любое из этих предложений можно довести до полного развития, до полной ясности мысли, например:

- Со вовду.
- Я иду || еду.
- Со театре вовду.
- Я иду в театр.
- Со тахана театре вовду.
- Я сегодня иду в театр.
- Со тахана цуьнца театре вовду.
- Я сегодня иду в театр с ним || с ней.
- Со тахана цуьнца театре вовду пьесе хьажа.
- Я сегодня иду с ним || с ней в театр смотреть пьесу.
- Со тахана цуьнца Нохч-Галг'айн театре вовду пьесе хьажа.
- Я сегодня иду с ним || с ней в Чечено-Ингушский театр смотреть пьесу.
- Со тахана цуьнца Нохч-Галг'айн театре вовду „Асетан“ пьесе хьажа.
- Я сегодня иду с ним || с ней в Чечено-Ингушский театр смотреть пьесу „Асет“.

- Со тахана Маржанца Нохч-ПалгIайн театре вoдy „Асетан“
пьесе хьажа.
- Я сегодня иду с Маржан в Чечено-Ингушский театр смотреть
пьесу „Асет“.
- Со тахана Маржанца Нохч-ПалгIайн театре вoдy яздархочун
Музаеван „Асет“ пьесе хьажа.
- Я сегодня иду с Маржан в Чечено-Ингушский театр смотреть
пьесу писателя Музаева „Асет“.

Возьмем еще один пример:

- ХIун до промыслехь?
- Что делают на промыслах?
- Мехкдайтта доккху.
- Добывают нефть.
- Белхалоша мехкдайтта доккху.
- Рабочие добывают нефть.
- Белхалоша промыслехь мехкдайтта доккху.
- Рабочие на промыслах добывают нефть.
- Сoьлж-Палин белхалоша промыслехь мехкдайтта доккху.
- Грозненские рабочие на промыслах добывают нефть.
- Сoьлж-Палин белхалоша Нови промыслехь мехкдайтта доккху.
- Грозненские рабочие на Новых промыслах добывают нефть.
- Сoьлж-Палин белхалоша Нови промыслехь мехкдайтта дукха
доккху.
- Грозненские рабочие на Новых промыслах много добывают
нефти.
- Сoьлж-Палин белхалоша Нови промыслехь мехкдайтта дукха а,
чехка а доккху.
- Грозненские рабочие на Новых промыслах быстро и много
добывают нефти.
- Сoьлж-Палин белхалоша Нови промыслехь дийнахь-бусий мехк-
дайтта кхо эзар тонна гергга доккху.
- Грозненские рабочие на Новых промыслах добывают в сутки
около трех тысяч тонн нефти.
- Грозненски белхалоша Нови промыслехь а, Стари промыслехь а,
Малгабекехь а, Бена-промыслехь а дийнахь-бусий мехкдайтта итт
эзар тонна гергга доккху.
- Грозненские рабочие и на Новых промыслах, и на Старых
промыслах, и на Малгобеке, и на Беноевских промыслах добы-
вают в сутки около десяти тысяч тонн нефти.
- И хIун ю?
- Что это?
- Стоьмаш бу.
- Фрукты (есть).
- Хьенан?
- Чьи?
- Колхозан.
- Колхозные.
- Стоьмаш колхозан бу.
- Фрукты — колхозные.

- Колхозан — стоьмаш бу.
- У колхоза есть фрукты.
- Колхозан бошмашкахь стоьмаш бу.
- В колхозных садах есть фрукты.
- Колхозан бошмашкахь дукха стоьмаш бу.
- В колхозных садах много фруктов.
- Тхан колхозан бошмашкахь дукха стоьмаш бу.
- В наших колхозных садах много фруктов.
- БелгIатойн-Эвларчу тхан колхозан бошмашкахь дукха стоьмаш бу.
- В наших Белгатоевских колхозных садах много фруктов.
- БелгIатойн-Эвларчу „Цен байракх“ цIе йолчу тхан колхозан бошмашкахь дукха стоьмаш бу.
- В садах нашего Белгатоевского колхоза по имени (имеющего имя) „Красное знамя“ много фруктов.
- БелгIатойн-Эвларчу „Цен байракх“ цIе йолчу тхан колхозан бошмашкахь дукха а, дика а стоьмаш бу.
- В садах нашего Белгатоевского колхоза по имени „Красное знамя“ много хороших (и многие и хорошие) фруктов.
- БелгIатойн-Эвларчу „Цен байракх“ цIе йолчу тхан колхозан бошмашкахь дукха а, дика а Iежаш а, кхораш а, хьечаш а и д. кх. стоьмаш бу.
- В садах нашего Белгатоевского колхоза по имени „Красное знамя“ много хороших фруктов: яблок, груш, слив и других.

Эти примеры показывают нам настоящее развитие мысли в предложении до законченной полноты и конкретности. При этом слова в менее развитых предложениях, имеющие двойное или вообще неясное значение (вобду, цуьнца, доккху, дукха, колхозан и т. д.), получают более точное значение или заменяются более точными словами. В этом смысле можно назвать менее развитые предложения, в особенности же предложения в одно слово, — безразлично-абстрактными, неопределенно-абстрактными по содержанию, а более развитые предложения — реально-определенными и конкретными (ср. Маркс „Введение к критике политической экономии“, Сочинения, т. XII, ч. I, 1937 г., стр. 192—195 и др.).

Бессубъектное („безличное“) предложение. Настоящие бессубъектные (безличные) предложения мы имеем в чеченском языке в следующих примерах:

- Арахь Iаржьелла.
- На дворе стемнело.
- Селхана кхоблинера || кхоблина яра.
- Вчера было облачно, пасмурно.
- Тахана екхна.
- Сегодня прояснилось.
- Арахь малъелла.
- На дворе потеплело.
- Арахь Iорийна.
- На дворе подморозило.
- Арахь шельелла.
- На дворе похолодало.
- Ца чухь йохъелла.
- В доме потеплело.
- РегIахь яьчна.
- На гряде холмов пошел дождь || пошел снег || погода испортилась.

Все эти предложения, хотя и называются грамматически неполными, выражают, однако, полно развитую мысль и не могут быть пополнены подлежащим без искажения их значения. В отличие от русских бессубъектных предложений, чеченские бессубъектные предложения не выражают формы лица подлежащего и лишь в части случаев выражают форму класса подлежащего. Таким образом, „безличный“ характер чеченских предложений грамматически выражен яснее, чем в русском языке. (

Вообще термин „безличные предложения“ неточен, в особенности по отношению к русскому и др. европейским языкам. Так называемые безличные предложения грамматически имеют вполне выраженное лицо подлежащего в форме глагола-сказуемого, например, третье лицо единственного числа, хотя и не имеют и не могут иметь подлежащего, выраженного отдельным словом. Поэтому правильнее называть этого рода предложения не безличными, а бессубъектными.

В следующих примерах мы имеем в чеченском языке субъектные предложения, в то время как в русском им соответствуют так называемые безличные, т. е. бессубъектные.

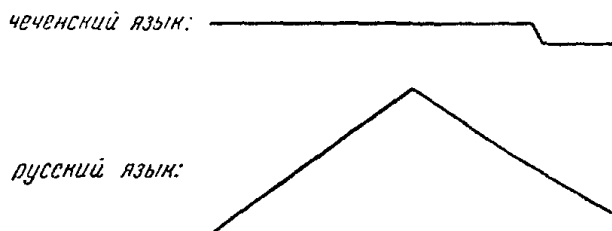
Са хилла.	Де даьлла.
Рассвело.	День настал.
Буквально: Свет стал.	Де долу.
Са хуьлу.	День настает.
Светает.	
Буквально: Свет становится.	

В этих предложениях, представляющих собою непереходный оборот, подлежащие словесно выражены: де — „день“, са — „свет“.

Интонация предложения. Интонацией называется повышение и понижение голоса (его музыкального тона) на протяжении предложения. Интонация представляет собою одну из грамматических форм, оформляющих предложение. Несомненно, что в каждом языке мы имеем значительное богатство интонационных форм предложения. Учесть и исследовать все это богатство в данной грамматике не представляется возможным. Поэтому мы ограничимся здесь приведением нескольких наиболее типичных чеченских интонаций. Мы приводим их сравнительно с интонациями русского предложения. Для изображения интонации мы пользуемся чисто условным схематическим способом, изображая движение голоса в виде движения черты.

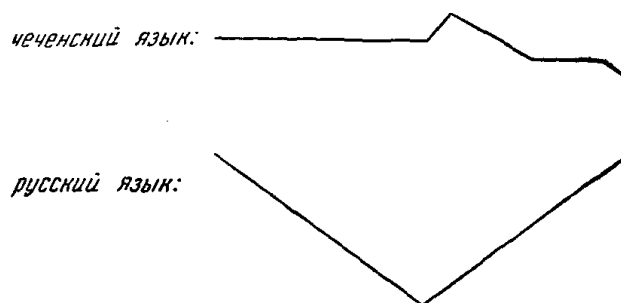
Интонация чеченского предложения отличается от русской следующими признаками:

Повествовательная интонация. В утвердительном и отрицательном чеченском предложении интонация имеет ровный низкий тон на протяжении всей фразы и понижение на ее конце (начиная с предпоследнего слога последнего слова, которое является обычно сказуемым). В русском же повествовательном предложении голос повышается на первой части предложения и понижается на второй. Схематически это можно изобразить следующим образом:

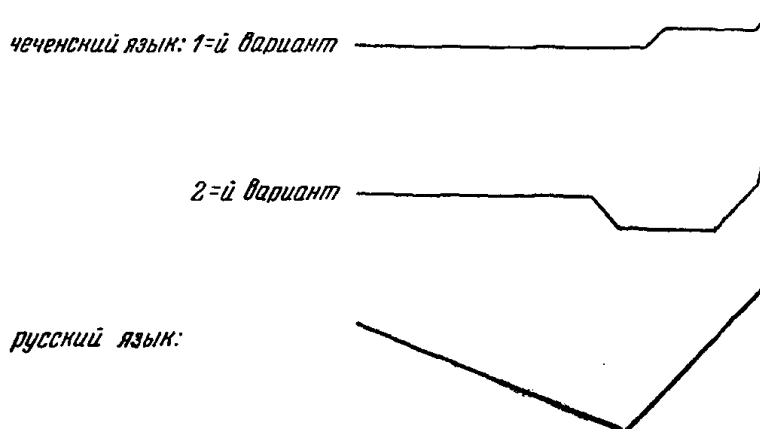

Вопросительная интонация. В вопросительном чеченском предложении голос на протяжении предложения имеет ровный высокий тон, который на предпоследнем слоге последнего слова-сказуемого повы-

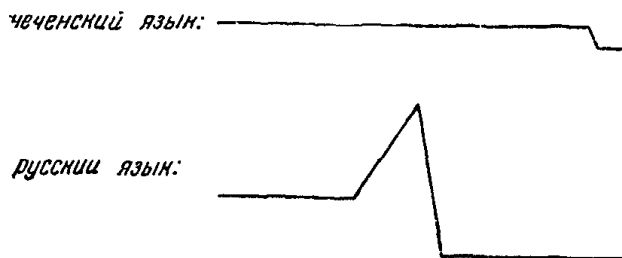
шается, а затем понижается и на последнем слоге его падает ниже первоначального уровня. В русском вопросительном предложении голос понижается на первой его части и повышается на второй:

Вопросительная интонация с оттенком удивления. В чеченском предложении, выражающем вопрос с оттенком удивления, голос на протяжении предложения сохраняет сначала ровный высокий тон, на предпоследнем же слоге последнего слова-сказуемого повышается и еще более повышается на последнем его слоге. Это один тип вопросительной интонации с оттенком удивления. Параллельно ему возможна и другая разновидность (вариант) этой интонации: на третьем от конца предложения слоге (в слове-сказуемом) голос понижается. Это понижение сохраняется до последнего слога, на котором музыкальный тон резко повышается. Таков второй возможный тип чеченской вопросительной интонации с оттенком удивления. В русском предложении того же рода мы имеем такую же интонацию, как и в русском простом вопросе, но во второй части предложения круче идущую на повышение:

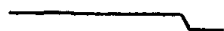
Повелительная интонация с оттенком восклицания. В чеченском повелительном предложении с оттенком восклицания голос на протяжении предложения сначала сохраняет низкий ровный тон, который понижается только на последнем слоге последнего слова-сказуемого. Все предложение и в особенности сказуемое произносится при этом с большей силой выдыхания (экспирации), чем это имеет место в обычном повелительном предложении. В русском повелительном предложении с оттенком восклицания голос резко повышается только на сказуемом, на каком бы месте оно ни находилось во фразе. На начальной же части предложения голос остается на уровне низкого тона, а после сказуемого он резко падает ниже этого уровня:

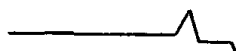
Таковы основные формы интонации чеченского предложения в четырех выбранных нами типах предложений. В большинстве случаев чеченское повествовательное (утвердительное и отрицательное) предложение отличается от вопросительного и повелительного морфологически, т. е. особыми окончаниями слова-сказуемого. Однако небольшое число чеченских глаголов-сказуемых совпадает как в письме, так и в произношении в этих трех формах. Что касается вопросительной интонации с оттенком удивления, то она в чеченском языке морфологически никогда не выражается. Во всех этих случаях единственным способом различения перечисленных нами четырех типов чеченских предложений остается интонация. Эти случаи особенно ценны для нас, так как в них интонация звучит и улавливается ухом особенно отчетливо. Поэтому мы приводим здесь примеры именно на эти случаи.

Интонация чеченского предложения:

Шу городе лела.

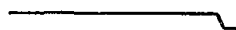
Шу городе лела?

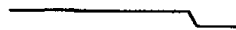
Шу городе лела?!?

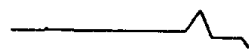
Шу городе лизла!

Хьуна бераш дизза.

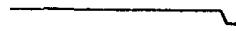
Хьуна бераш дизза?

Хьуна бераш ца дизза?!?

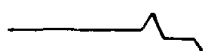
Хьуна бераш дизза!

Хьа заемиз язла.

Хьа заемиз язла?

Хьа заемиз ца язла?!?

Хьа заемиз язлуо!

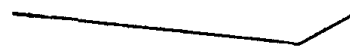
Вы ходите || ездите в город.

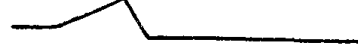
Вы ходите || ездите в город?

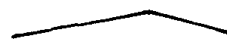
Вы ходите || ездите в город?!?

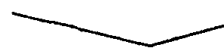
Вы ходите || ездите в город!

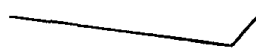
Ты любишь детей.

Ты любишь детей?

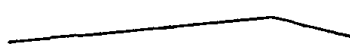
Ты не любишь детей?!?

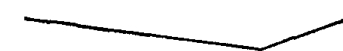
Ты люби детей!

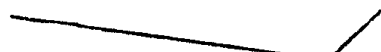
Ты подписываешься на заем.

Ты подписываешься на заем?

Ты не подписываешься на заем?!?

Ты подпишись на заем!

Кроме этих случаев, когда интонация играет роль формы всего предложения в целом, она употребляется еще для смыслового подчеркивания в предложении того или иного слова. В этом случае интонация по своему значению равна так называемому логическому ударению (см. ниже). Такое применение интонации мы называем интонационным ударением в отличие от силового (экспираторного) ударения. Интонационное ударение может ставиться на любом слове в предложении, за исключением того слова, на которое падает фразовое изменение интонации (т. е., в большинстве случаев, за исключением последнего слова в предложении — сказуемого). Для того чтобы дать некоторое понятие об интонационном ударении, приведем один пример:

Со города вьѡду. Я еду в город.

В этом предложении ни одно из слов не выделено с помощью интонационного ударения. Ниже мы отмечаем слово с интонационным ударением двойным знаком ударения:

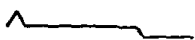
Со гѡрода вьѡду.

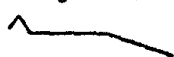
Я еду в гѡрод.

Со̂ гѡрода вьѡду.

Я̂ еду в город.

Со гѡрода вьѡдѹ, шу щѡть из.

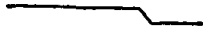

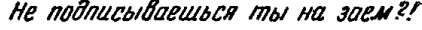
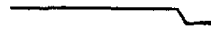
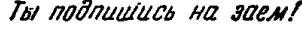

Я̂ еду в город, (а) вы оставайтесь дома.

В приведенных нами примерах, за исключением последнего, нельзя поставить интонационного ударения на сказуемом, так как в данном случае (в повествовательном предложении) на сказуемом голос должен понижаться, а интонационное ударение требует повышения голоса на ударяемом слове. Однако в последнем примере на слове-сказуемом „вьѡду“ стоит интонационное ударение — повышение голоса. Оно возможно здесь потому, что данное слово не стоит в конце предложения, а находится в середине сложносочиненного предложения. Так как в чеченском языке в этом случае (при противопоставлении двух главных предложений) отсутствует союз, соответствующий русскому союзу „а“, то противопоставление двух частей сложносочиненного предложения достигается здесь лишь интонацией, и на первом сказуемом возможно повышение голоса, которое служит одновременно и интонационным ударением и способом противопоставления первого предложения второму.

Выше мы приводили формы повествовательной, вопросительной, повелительно-восклицательной интонации в предложениях, в которых сказуемое стоит на конце, т. е. в предложениях с обычным порядком слов. Может возникнуть вопрос, что происходит с интонационным повышением или понижением тона, характерным для каждого из этих типов предложения, в том случае, если сказуемое не будет стоять в конце фразы. Дело в том, что интонационное повышение или понижение голоса, отличающее один тип предложения от другого, как мы видим из примеров, связано всегда с последними слогами в предложении. Эти последние слоги обычно как раз и входят в состав сказуемого. Следовательно, необходимо выяснить, связано ли интонационное повышение или понижение тона со сказуемым или оно связано с последним словом в предложении, независимо от

того, является ли это слово сказуемым или нет. Для того, чтобы решить этот вопрос, передвинем сказуемое с последнего места в предложении и посмотрим, что будет происходить при этом с повышением или понижением тона: останется ли это повышение или понижение на своем месте, или оно передвинется вместе со сказуемым? Приведем примеры:

<i>Хьо заемиз язло.</i> 	<i>Ты подписываешься на заем.</i>
<i>Язло тьо заемиз.</i> 	<i>Подписываешься ты на заем.</i>
<i>Хьо заемиз язло?</i> 	<i>Ты подписываешься на заем?</i>
<i>Язло тьо заемиз?</i> 	<i>Подписываешься ты на заем?</i>
<i>Хьо заемиз ца язло?!</i> 	<i>Ты не подписываешься на заем?!</i>
<i>Ца язло тьо заемиз?!</i> 	<i>Не подписываешься ты на заем?!</i>
<i>Хьо заемиз язлуо!</i> 	<i>Ты подпишись на заем!</i>
<i>Язлуо тьо заемиз!</i> 	<i>Подпишись ты на заем!</i>

Из примеров мы заключаем, что только в повествовательном предложении главное интонационное повышение и понижение тона связано с концом предложения, а не со сказуемым. Во всех остальных случаях вместе с перестановкой сказуемого перемещается и главное интонационное изменение тона. Следовательно, в вопросительном, вопросительном с оттенком удивления и повелительно-восклицательном предложениях интонационное изменение тона связано со сказуемым и переходит на то место в предложении, на котором находится сказуемое.

Порядок слов в предложении. Как в чеченском, так и в русском языке, слова в предложении располагаются в определенном порядке. Следует отличать обычный порядок слов в предложении от инверсии или изменения обычного порядка слов. В отношении чеченского языка мы можем сказать то же, что и в отношении русского.

Кажущаяся свобода изменения порядка слов в русском предложении далеко не является безразличной для мысли. С помощью изменения обычного порядка слов как в русском, так и в чеченском предложении достигается изменение оттенков одной и той же мысли, выраженной в пред-

ложении. Поэтому изменение порядка слов как в русском, так и в чеченском предложении представляет собою стилистический прием, который должны умело и сознательно применять авторы.

Обычный порядок слов в русском предложении следующий:

подлежащее — сказуемое — прямое дополнение.

Остальные члены предложения помещаются или перед сказуемым, или после прямого дополнения.

Обычный порядок слов в чеченском предложении следующий:

подлежащее — прямое дополнение — сказуемое.

Остальные члены предложения ставятся или между подлежащим и прямым дополнением (большой частью косвенные дополнения), или между прямым дополнением и сказуемым (большой частью обстоятельства).

Этот обычный порядок слов довольно свободно меняется в чеченском и в русском языке, но эти изменения в обоих языках всегда связаны с передачей тончайших оттенков мысли. Сказуемое при переносе на него главного внимания (смыслового подчеркивания) ставится в самом начале чеченского предложения, а подлежащее — обычно непосредственно за ним.

Обычный порядок слов:

Хьо селхана городахь вара. Ты вчера был в городе.
Хьо базара вьду. Ты идешь на базар.

Инверсия сказуемого:

Вара хьо селхана городахь. Был ты вчера в городе.
Вьду хьо базара. Идешь ты на базар.

При инверсии сказуемого (перенос главного внимания на него) смысловое ударение ставится на сказуемом.

При инверсии сказуемого возможен любой порядок других членов предложения за исключением одного случая: если сказуемое ставится на первом месте в предложении, то подлежащее не может быть поставлено в самом конце предложения после прямого дополнения и всех второстепенных членов. Во всяком случае такое расположение подлежащего или совсем неупотребительно, или малоупотребительно:

(Вара селхана городахь хьо).
(Вьду базара хьо).

Все остальные способы расположения слов в предложении одинаково возможны, но неодинаковы по оттенкам значения.

В общем можно сделать следующий вывод: любое слово может быть поставлено перед сказуемым (на его обычном месте) и сказуемое может быть поставлено после любого члена предложения (на его обычном или необычном месте). Слово, стоящее перед сказуемым, получает главное подчеркивание в предложении:

Хьо селхана *городахь* вара.
(Именно) В городе ты был вчера.
Хьо *городахь селхана* вара.
(Именно) Вчера ты был в городе.
Селхана *городахь хьо* вара.
Был вчера в городе (именно) ты.
или:
Хьо вара селхана *городахь*.
(Именно) Ты был вчера в городе.

Городахъ вара хьо селхана.
(Именно) В городе был ты вчера.

Селхана вара хьо городахъ.
(Именно) Вчера был ты в городе.

Во втором случае (перенос сказуемого к началу предложения) подчеркивание слова сильнее потому, что одновременно с ним подчеркивается и сказуемое:

Хьо селхана вара городахъ.
Хьо городахъ вара селхана.
Городахъ селхана вара хьо.
Селхана городахъ вара хьо.
Селхана городахъ хьо вара.
Городахъ селхана хьо вара.
Вара селхана хьо городахъ.
Вара городахъ хьо селхана.

Кроме главного подчеркивания слова в предложении, может быть и второстепенное подчеркивание другого слова. Из последних четырех примеров мы видим, что второстепенное подчеркивание появляется или после подчеркнутого сказуемого, или в середине предложения перед подчеркнутым словом. Второстепенное подчеркивание и обуславливает изменение порядка других членов предложения (сверх поставленных перед сказуемым).

Это подчеркивание одного из слов или обращение главного внимания на одно из слов в предложении путем изменения порядка слов мы называем порядковым ударением. Порядковое ударение представляет собою одну из разновидностей так называемого логического или синтаксического (фразового) ударения. Его не следует смешивать с другими разновидностями этого ударения — интонационным и экспираторным „логическим“ ударением.

Силовое синтаксическое ударение. Кроме подчеркивания слова повышением голоса (интонационное ударение) и способом постановки слова перед сказуемым (порядковое синтаксическое ударение), существует еще смысловое подчеркивание слова путем простого усиления голоса на этом слове. Это значит, что одно из слов в предложении произносится громче остальных, например:

<i>Сò города вьду.</i>	<i>Я̇ еду в город.</i>
<i>Со гòродá вьду.</i>	<i>Я̇ еду в гòрод.</i>
<i>Со города вьдú.</i>	<i>Я̇ еду в город.</i>

Силовое синтаксическое ударение по своему значению в общем равно как интонационному, так и порядковому ударению. Оно может совпадать с ними, что часто имеет место в разговорной речи, или, что имеет место реже, — может не совпадать с приведенными типами логического ударения.

Удвоительное (редупликационное) синтаксическое ударение. Кроме приведенных типов так называемого логического ударения, в чеченском языке имеется еще один способ подчеркивания слова, свойственный лишь этому языку. Этот тип ударения выражен весьма своеобразно: в подчеркиваемом слове удваивается последняя согласная корня (основы). Если же в корне этот последний согласный удвоен, то удваивается согласный перед ним или после него, или применяется один из других способов ударения. Правда, этот способ ударения, который мы назвали удвоительным или редупликационным ударением, имеет несколько иной смысловой оттенок, чем предыдущие. Удвоительное ударение выражает

не просто смысловое подчеркивание того или иного слова (перенос внимания); оно выражает кроме того усиление значения самого подчеркнутого таким образом слова (например: усиление степени качества, уточнение места или времени и т. д.).

Так как удвоительное ударение представляет собою своеобразную особенность чеченского языка и до сих пор не было достаточно изучено, мы приводим здесь ряд примеров на этот вид ударения. В русском языке удвоительное ударение передается удвоением слова или добавлением различных усилительных частиц:

Хи йистехь лъатташ дара тхо.
Мы стояли на краю (берегу) реки.
Хи *йисттехь* лъатташ дара тхо.
Мы стояли на самом берегу (у самого края) реки.
Со кийча ву.
Я готов.
Со *кийчча* ву.
Я уже совсем готов.
Хала схьадаьккхира оха тхайн ахча.
С трудом добились мы своих денег (вырвали мы свои деньги).
Халла схьадаьккхира оха тхайн ахча.
С (большим) трудом добились мы своих денег.
Ялтийх юьзна амбараш ю колхозан.
Амбары полные (наполненные) зерна есть у колхоза.
Ялтийх *юьзна* амбараш ю колхозан.
Амбары, полным-полные (полные до краев) зерна есть у колхоза.
Йовха сискал йиира оха.
Мы ели горячий сыскал (кукурузный чурек).
Йовхха сискал йиира оха.
Мы ели горячий-прегорячий сыскал.
Шера аре ю глойтлархойн.
Равнина (ровное поле) есть у гойтинцев.
Шерра аре ю глойтлархойн.
Ровным-ровное поле есть у гойтинцев.
Ровное-преровное поле есть у гойтинцев.
Белглатойн-Эвлана гергахула доглу Орга.
Аргун протекает || проходит близко от селения Белгатой.
Чечанна-м гергахула доглу Орга || Чечана-м *гергахула доглу Орга*.
(А) от Чечен-аула Аргуя протекает совсем близко (т. е. возле самого селения).
Делкъехь цахь хир ву со.
В полдень я буду дома.
Делккъехь цахь хир ву со.
Я буду дома в самый полдень (точно в полдень, минута в минуту).
Нийса бохий || бахий ахь?
Правильно (ли) ты говоришь?
Нийсса бохий ахь?
Точно (ли) ты говоришь?
Цо цигахь клезиг дийцира.
Он там мало рассказывал.
Цо цигахь клезиг дийцира.
Он там совсем мало рассказывал.
Тхо цига дладаькхира.
Мы туда пришли.

Тхо *цига* дладаьхира.

Мы как раз туда пришли.

Суна хьалха схьавуола.

Подойди (и встань) передо мной.

Суна *хьалхха* схьавуола.

Подойди (и встань) как раз передо мной (прямо, точно, близко-близко, вплотную передо мной).

Примечание: Удвоительное ударение в словах, имеющих в основе два гласных подряд, выражается в удвоении крепкого приступа второго гласного (гласный в начале слога в чеченском языке всегда имеет крепкий приступ, т. е. звук, аналогичный арабской гамзе). Крепкий приступ на письме никак не обозначается. Удвоенный же крепкий приступ, который должен был бы равняться по современному правописанию — „ъъ“, изображается сейчас одним твердым знаком — „ъ“, например:

Тоал (произносится: тоъал).

Достаточно.

Даал (произносится: даъал).

Еды достаточно.

Хаал (произносится: хаъал).

Понятно.

Тоъал (произносится: тоъъал).

Как раз достаточно.

Даъал (произносится: даъъал).

Еды как раз достаточно.

Хаъал (произносится: хаъъал).

Как раз понятно.¹

От вопросительного местоимения: мила? — „кто?“ путем удвоительного ударения и присоединения усилительной частицы „а“ (происходящей от союза „а“) образуется определительное местоимение с обобщенным значением: мила-а — „всякий, кто; каждый, кто; всякий, каждый; кто бы ни“. От вопросительного местоимения активный падеж звучит: хьан? (с носовым гласным на конце). От определительного местоимения та же форма активного падежа должна иметь удвоительное ударение. Начальный согласный в слове не может удваиваться по законам чеченского языка. Удвоению может подвергаться лишь согласный в положении между двумя гласными. Конечное „н“ (носовой оттенок гласного) не считается за согласный звук и потому тоже не может удваиваться. Таким образом, для удвоительного ударения формы активного падежа от определительного местоимения „мила-а“ использовано также удвоение крепкого приступа, и форма активного падежа звучит следующим образом: хьаъа-а? (произносится: хьаъъаъа), например:

Хьаъа-а хлуъ-а бахахъ а, вай дика деха Советски Союзехъ.

Кто бы что бы ни говорил, мы хорошо живем в Советском Союзе.

Типы синтаксического ударения. Подведем итог всему сказанному о способах синтаксического ударения в чеченском языке. Прежде всего несколько слов о самом названии. В русских грамматиках принято называть смысловое подчеркивание слова в предложении „логическим“ ударением. Выше мы уже отмечали, что в сущности ничего специфически логического в таком ударении нет. Это — ударение, под которым в русских грамматиках понимается обычно усиление голоса или повышение тона, или то и другое вместе — на одном из слов в предложении. Таким образом, так называемое логическое ударение по своему смысловому оттенку является одной из грамматических, точнее, синтаксических форм, оформляющих данное предложение. По своему же грамматическому выражению это ударение в русском языке может быть или силовым (экспираторным, т. е. выдыхательным) или интонационным. Тот же самый оттенок значения может быть выражен в русском языке и изменением порядка слов в предложении — вынесением подчеркиваемого слова в самое начало предложения. Этот способ смыслового подчеркивания мы назвали в отличие от первых двух порядковым ударением.

¹ Это значение данных форм обнаруживается, например, в следующем предложении: „Даал хилирий шуна и бециг?“ — „Для еды достаточно ли было вам этого хлеба?“ — „Хилира, дера, дабал-м“. — Ей-богу, как раз достаточно было“, и т. п.

В чеченском языке существуют как силовое, так и интонационное ударение. На ряду с ними существует также порядковое ударение. Все эти три вида ударения выражают в сущности одно и то же — простое перенесение внимания на ударяемое слово. По-русски это можно передать описательно путем добавления слов: „именно“, „а не кто другой, а не что другое“ и т. д. Кроме этих способов смыслового подчеркивания, в чеченском языке есть своеобразная особенность — удвоительное ударение. Удвоительное ударение обычно соединяется с силовым и имеет, как мы видели, несколько иной оттенок значения. Оно не только подчеркивает слово в предложении, но придает усилительный оттенок самому значению отдельного слова.

Так как название „логическое“ ударение, как мы видели, хотя и является общепринятым, научно не совсем верно, мы сочли более правильным называть как силовое, так и другие виды ударения в чеченском и русском языках, — различными типами синтаксического ударения. Термин „синтаксическое ударение“ представляется нам более правильным. Все эти типы ударений являются не логическими, а грамматическими формами. Поэтому в некоторых грамматиках их называют „фразовым ударением“. Синтаксическое ударение, таким образом, представляет собою как бы ударение в предложении в целом — ударение, которое выделяет один из его членов-слов. В отличие от такого ударения предложения в целом — ударение в отдельном слове, т. е. словесное ударение, выделяющее один из его слогов, мы называем лексическим ударением.

Типы предложения. Если мы возьмем чеченское предложение в целом, предложение как нераздельное единство, то увидим, что независимо от слов, составляющих это предложение, независимо от того, как эти слова связаны друг с другом, существует еще форма предложения в целом. Эта форма выражает отношение содержания речи к действительности. Она выражает, например, говорится ли в предложении о существовании факта или об отсутствии его, о чем-то желательном, но нереальном или о чем-либо еще несуществующем, но возможном или подлежащем выполнению и т. д. Эта форма предложения в целом называется типом предложения.

Типы предложения в чеченском языке следующие:

I. *Реальное утвердительное предложение* выражает то, что данный факт существует в действительности:

Аш || аша тахана кIа òру.¹

Вы сегодня молотите пшеницу.

Хьо кхана школе воьду.

Ты завтра идешь в школу.

Колхозхой аха(н) боьлху.

Колхозники едут пахать.

Цара хиш дохку.

Они пускают воду (буквально: воды) для полива.

II. *Реальное отрицательное предложение* выражает то, что данный факт не существует в действительности. Реальное отрицательное предложение имеет в чеченском языке две формы: общеупотребительную — с добавлением отрицания „ца“ — „не“ перед сказуемым и редкую — с изменением окончания сказуемого (суффикс „ац“, который исторически представляет собою то же отрицание, но слившееся с глагольной основой

¹ Здесь, и в дальнейшем, знак ударения обозначает долготу гласного, которую мы обозначаем лишь в отдельных случаях, по мере надобности. То же относится и к написаниям „уо“ (вместо обычного „о“) и „иэ“ (вместо обычных „е“, „э“), которые выражают дифтонгический характер гласного. Буквой „(н)“ обозначается носовой оттенок предшествующего гласного в тех случаях, когда он согласно правилам существующей орфографии не отражается в письме.

и превратившееся в суффикс). Эта вторая форма сказуемого в отрицательном предложении может быть образована далеко не от всех глаголов и только в настоящем и прошедшем несовершенном времени (подробнее см. стр. 29—30).

Аш тахана кIа ца òру (редко: àрац).
Вы сегодня не молотите пшеницу.
Хьо кхàна школе ца вьду (редко: водац).
Ты завтра в школу не идешь.
Колхозхой àха ца бьлху (редко: болхац).
Колхозники не едут пахать.
Цàра хиш ца дожку (редко: дажкац).
Они не пускают воду (для полива).

III. *Вопросительное предложение* выражает незнание и желание узнать то, что существует в действительности без всяких предположений со стороны спрашивающего (об интонационной форме вопроса см. ниже):

Аш тахана кIа орий?
Вы сегодня молотите пшеницу?
Хьо кхана школе вьдий?
Ты завтра в школу идешь?
Колхозхой аха бьлхий?
Колхозники пахать едут?
Цàра хиш дожий?
Они воду (для полива) пускают?

IV. *Отрицательно-вопросительное предложение* выражает такой вопрос, при котором спрашивающий больше склонен предполагать отсутствие в действительности данного факта или склонен ожидать отрицательного ответа:

Аш тахана кIа ца орий?
Вы сегодня пшеницу не молотите?
Хьо кхана школе ца вьдий?
Ты завтра в школу не идешь?
Колхозхой аха ца бьлхий?
Колхозники пахать не едут?
Цàра хиш ца дожий?
Они воду не пускают (для полива)?

V. *Нереально-желательное предложение* выражает такое желание говорящего, которое большею частью оказывается неосуществимым в действительности:

Аш селхана кIа èри(н) делара!
Ах, если б вы вчера пшеницу молотили!
Колхозхой àха бьлхуш белара!
Ах, если бы колхозники пахать ехали (сейчас)!
Цàра кхàна хиш дожкур делара!
Ах, если бы они завтра воду (для полива) пустили!

Этот тип предложения в обычной речи употребляется чаще в усиленной форме, подчеркивающей сильное желание говорящего: „ЭхI, Маркс хIинца суна юххехь велара-кх, иза ша-шен бIаьргашна ган!“ —

„О, если бы Марке был теперь рядом со мною, чтобы видеть это своими собственными глазами!“ (Из предисловия Энгельса к Коммунистическому манифесту, изд. 1938 г., стр. 18).

Аш селхана кIа эри делара-кх || делар-кх!
Ах, если бы только вы вчера пшеницу молотили!
Колхозхой аха боьлхуш белара-кх || белар-кх!
Ах, если бы только колхозники пахать ехали (сейчас)!
Цара кхана хиш дохкур делара-кх || делар-кх!
Ах, если бы только они завтра воду (для полива) пустили!

VI. *Реально-желательное предложение* выражает такое желание говорящего, которое является осуществимым в действительности. Поэтому этот тип предложения может выражать также просьбу в форме пожелания:

Аш тахана кIа арахьара!
Ах, молотили бы вы сегодня пшеницу!
Колхозхой кхана аха гIахьара || болхахьара!
Ах, поехали бы колхозники завтра пахать!
Цара кхана хиш дахкахьара!
Ах, пустили бы они воду (для полива) завтра!

Этот тип предложения в обычной речи употребляется чаще в усиленной форме, подчеркивающей сильное желание говорящего:

Аш тахана кIа арахьара-кх!
Ах, хоть бы молотили вы сегодня пшеницу!
Колхозхой кхана аха болхахьара-кх!
Ах, хоть бы поехали колхозники пахать завтра!
Цара кхана хиш дахкахьара-кх!
Ах, хоть бы пустили они воду (для полива) завтра!

VII. *Успокоительное предложение* выражает такое подтверждение существования факта, которое приводится для успокоения (убеждения, уговоров) другого лица.

Аша-м кIа орий тахана!
Вы ведь сегодня пшеницу молотите!
Со-м кхана школе вьдий!
Я ведь завтра в школу иду!
Цара-м кхана хиш ца дохкий || дахқаций!
Они ведь завтра воду не пускают!

VIII. *Нереально-условное предложение* (в том случае, если оно употребляется вне условного периода в главном предложении, см. ниже) может употребляться также в значении реально-желательного предложения, т. е. выражать такое желание говорящего, которое осуществимо в действительности:

Аш тахана кIа орур дара!
Молотили бы вы сегодня пшеницу!
Колхозхой кхана аха гIур бара!
Поехали бы колхозники завтра пахать!

Цара кхана хиш дожкур дара!
 Пустили бы они воду (для полива) завтра!
 Оха бийр бара и белхаш!
 Мы бы выполнили эти работы!
 Ас языйр яра и книжка!
 Я бы написал эту книгу!

Этот тип предложения обычно употребляется в качестве главного предложения нереального условного периода (см. ниже, стр. 286—287).

IX. *Повелительное предложение* выражает приказание, просьбу или призыв. В чеченском языке повелительное предложение имеет несколько разновидностей, отличающихся друг от друга как по форме (сказуемого), так и по выражаемым в этом предложении оттенкам значения, а именно:

а) *Простое повелительное предложение* выражает просьбу, приказание или призыв без всякого иного оттенка значения:

Аш тахана кIа а̀ра!
 Молотите сегодня пшеницу!
 Хьо кхана а̀ха гIуо!
 Ты завтра иди пахать!
 Аш хIинца хиш дахка!
 Вы теперь пускайте воду для полива!

б) *Просительно-повелительное предложение* выражает просьбу в вежливой форме:

Аш тахана кIа арий(н)ша!
 Молотите-ка вы сегодня пшеницу!
 Молотили бы вы сегодня пшеницу!
 Хьо кхана а̀ха гIуо(н)хьа!
 Пойди-ка ты завтра пахать!
 Пошел бы ты завтра пахать!
 Массара-а хиш дахкий(н)ша!
 Пускайте-ка вы все воду для полива!
 Пустили бы вы все воду для полива!

в) *Разрешительно-повелительное предложение* выражает разрешение:

Аш тахана кIа ара шайна || хIета!
 Молотите-ка вы себе сегодня пшеницу!
 Хьо кхана а̀ха гIуо хьайна! || хIета!
 Иди-ка ты себе завтра пахать!

г) *Поручительно-повелительное предложение* выражает просьбу или приказ в форме поручения, которое должно быть выполнено в отсутствии говорящего:

Аш тахана кIа а̀ралаш!
 (В моем отсутствии) вы сегодня пшеницу молотите!
 Хьо кхана а̀ха гIуолахь!
 (В моем отсутствии) ты завтра иди пахать!
 Массара-а хиш дахкалаш!
 (В моем отсутствии) все вы воду пускайте!

д) Безотлагательно-повелительное предложение выражает приказание или просьбу, которые должны быть выполнены без промедления, сейчас же:

Хьо аха гIол!
Ты (тотчас же) иди пахать!
Ахь кIа арал!
Ты (сейчас же) пшеницу молоти!
Аш хIинца хиш дахкал!
Вы (тотчас же) воду пускайте!

е) Категорическое повелительное предложение выражает категорическое приказание, которое должно быть выполнено без всяких возражений, во что бы то ни стало или имеет значение всенародного призыва:

„Дийцина-аьлла хIун ду хьуна?
Iуьргара берзан кIеза ма долийла,
Аганара элан бер ма гIоттийла“ (поговорка).
„Что тебе сказать — рассказать?
Из норы волчонок да не выйдет,
Из колыбели княжий ребенок да не встанет!“
Аш тахана кIа орийла! || арийла!
Что б вы сегодня пшеницу молотили!
Хьо кхана аха гIойла!
Что бы ты завтра пахать ехал!
Цара массара-а хиш дохкийла! || дахкийла!
Что б они все воду пускали!

Разнообразие типов чеченского повелительного предложения представляет собою своеобразную особенность чеченского языка. Интересно, что большинство этих типов выражается морфологически, т. е. специальными формами сказуемого, большей частью суффиксальными. Только в разрешительно-повелительном предложении употребляются в качестве служебных слов или дательный падеж возвратных местоимений — „хьайна, шайна“ или служебное слово — „хIета“. Все формы сказуемого в повелительном предложении, за исключением категорической повелительной, имеют только второе лицо, как и повелительное наклонение глагола вообще. В категорическом же повелительном предложении форма сказуемого может быть отнесена ко всем трем лицам.

Для упрощения в школьной грамматике можно объединить первые два типа предложения — реальный утвердительный и реальный отрицательный в один: повествовательное предложение, оставляя специфическую, но редкую суффиксальную форму реального отрицательного предложения в стороне. Точно так же вопросительное и отрицательно-вопросительное предложения можно объединить в один тип — вопросительного предложения. В этом случае схема типов предложений значительно упрощается и сведется к семи типам (вместо девяти).

Как видим, типы целых предложений в чеченском языке выражаются частью особыми формами глагола — сказуемого (см. I, II в его суффиксальной разновидности, III, VI, IX), частью же добавлением служебного слова — напр., отрицания „ца“ (см. II в его первой форме, IV). Таким образом, большинство типов чеченского предложения выражается морфологически, т. е. изменением формы одного слова-сказуемого. Реже выражается тип предложения лексически, т. е. добавлением служебного слова. Наконец, сюда следует добавить интонационный способ выражения типа предложения, способ, рассмотренный нами в отделе интонации. Кроме морфологической формы вопроса в чеченском языке существует чисто интонационная его форма (примеры см. на стр. 17). В этой форме вопрос выражается одним повышением голоса на сказуемом, которое:

имеет ту же форму, что и в реальном утвердительном или отрицательном предложении (повествовательном предложении). Интонационный вопрос в чеченском языке, таким образом, соответствует русскому интонационному вопросу, хотя и отличается от последнего по характеру интонации. Чистой интонационной формой может быть выражен и вопрос с оттенком удивления (примеры см. там же, на стр. 17), а также успокоительное предложение (см. VII), по форме совпадающее с вопросительным (III). Следовательно, для оформления типов предложения в чеченском языке употребляется морфологический, лексический и интонационный способы с преобладанием морфологического. Что касается синтаксического ударения и порядка слов, то эти способы грамматического выражения употребляются в чеченском языке почти исключительно для смыслового подчеркивания слова в предложении (см. выше, стр. 19, 21).

Наклонения. Те формы сказуемого-глагола, которые в синтаксисе служат для выражения типов предложений, в морфологии называются наклонениями глагола. Большинство наклонений глагола-сказуемого имеет изменение по временам. Не изменяются по временам лишь разновидности повелительного наклонения. Таким образом, в чеченском языке будет столько наклонений, сколько имеется морфологических форм сказуемого-глагола для выражения типов предложений. Те, однако, формы типов предложений, которые выражаются добавлением служебных слов или частиц, а также интонационно, не образуют наклонений глагола-сказуемого. Сюда относятся: обычная форма реального отрицательного, отрицательно-вопросительного, успокоительного и разрешительно-повелительного предложений. Подробнее о наклонениях см. морфологию чеченского языка, а также ниже, стр. 288.

Приводим ниже таблицу тех форм сказуемого-глагола, которые выражают типы чеченского предложения, с изменением этих форм по трем наиболее употребительным временам: настоящему, прошедшему совершенному и будущему действительному.

Употребление отрицания. Следует сказать два слова об употреблении отрицания в перечисленных типах чеченского предложения. Во всех типах, кроме желательных и повелительных, в качестве отрицания употребляется частица „ца“ — „не“. В реальном желательном же, нереально-желательном и различных типах повелительного предложения употребляется частица „ма“ — „не“:

Шу тӀаьхьа ма диса!
 Вы не опаздывайте!
 Шу тӀаьхьа ма дисахьӀара!
 Ах, не опоздали бы вы!
 Шу тӀаьхьа ма диси делара!
 Ах, если бы вы не опоздали!

Отрицание „ца“ может употребляться в чеченском языке в двух формах: — перед глаголом (обычная форма, в этом случае оно пишется отдельно от глагола, но слитно с отглагольным существительным) и суффиксально, т. е. в виде окончания „ац“ (форма народного языка, в литературном употребляется редко) или „ацара“ (форма, употребляемая и в литературном языке). Первая суффиксальная форма употребляется только с настоящим временем глагола-сказуемого, вторая суффиксальная форма — только с прошедшим несовершенным временем. Приведем примеры:

Со города ца вьду. Со города водац.
 Я не иду || еду в город.
 Ас хабар ца дуйцу. Ас хабар дийцац.
 Я не разговариваю.

Формы сказуемого, выражающие типы предложений.

Типы Времена	П о в е с л и т е л ь н ы й					
	Реальный утвердительный	Реальный отрицательный	Вопросительный	Отрицательный вопросительный	Нереальный желательный	Реально-желательный
Настоящее	Вовду. Болх бо. Болх бац.	Ца вовду. Вуодац Болх да бо. Болх бац.	Вовдий? Болх бой? Болх бой?	Ца вовдий? Болх да бой? Болх бой?	Вовдуш велара! Болх беш белара!	Глахвара вуодахвара! Болх бахвара!
	Вахана. Болх бина	Ца вахана. Вахана вац. Болх да бина. Болх бина бац.	Ваханий? Болх биний? Болх биний?	Ца ваханий? Болх да биний? Болх биний?	Вахана велара! Вахана велара! Болх бина белара! Болх база белара!	Вахнехвара! Болх бинехвара!
Прошедшее	Гур ву Болх бийр бу. Болх бийр бу.	Гур вац Болх бийр бу. Болх бийр бу.	Гур вуй? Болх бийр буй? Болх бийр буй?	Гур вадий? Болх бийр бадий? Болх бийр бадий?	Гур велара! Болх бийр белара!	Гур велахвара! Болх бийр белахвара!
Категорически повелительный	Простое повелительный	Просительный повелительный	Разрешительный повелительный	Поручительный повелительный	Безотлагательный повелительный	Категорически повелительный
	Гуо Болх биз	Гуо(н)хва Болх биз(н)ша	Гуо (хвайна) (хгета) Болх биз (шайна) (хгета)	Гуолахь. Болх бизлаш.	Гол Болх бел	Гойла! Голда! Болх бойла! Болх болда!

Со вох ца ло. Со вохлац.
Я не могу согреться.
Со гена ца во́лу. Со гена ва́лац.
Я далеко не ухожу || не уйду.
Со дуьнга ца хьожу. Со дуьнга хьажац.
Я не смотрю на него.
Со ара́хь ца Ia. Со ара́хь Iaц.
Я на дворе не сижу.
Иза тхoвга ца во́гу. Иза тхoвга ва́гац.
Он не идет к нам.
Су́на иза ца вевза. Суна иза вовзац.
Я его не знаю.
Он мне незнаком.
Иза вижина ца Iуьллу. Иза вижина Iиллац.
Он не лежит.
Цёран да цкба-а таллан водацара.
Их отец никогда не ходил на охоту.
Оцу жа Iуьно я зурма а лекхацара, я илли а алацара.
Этот чабан ни на зурне не играл, ни песен не пел.
Байначу баттахь до́га ишта сих-сиха да́гацара.
В прошлом месяце дождь шел не так часто.
Кегийн долуш тхо ишта харцахьара лиэлацара.
Когда мы были молоды, мы так не шалили.
Паччахьан заман чухь || заманыхь кьахьиэгамхой атта ба́хацара.
В царское время трудящимся легко не жилось (т. е. жилось не-
легко).

Служебные слова и частицы. Кроме перечисленных выше форм предложения в целом различные оттенки значения придаютс пред-
ложению с помощью служебных частиц и служебных слов. Об употребле-
нии служебных слов-отрицаний „ца“ и „ма“ мы уже выше говорили.
Кроме них в чеченском языке употребляется еще ряд служебных частиц.
Главнейшие из них следующие: в чисто повествовательных предложе-
ниях упогребляются — частица противопоставления и подтверждения при
сказуемом — „кха“, „кх“, частица того же значения не при сказуемом —
„ам, м, ма“, в вопросительных предложениях используются частица —
„ца, ц“, частица — „тиэ“ и ее разновидности — „тиэхь(а)“, „тиэш(а)“
(все эти частицы ставятся только при сказуемом) и частица — „ах, х, ха“
(не при сказуемом). Можно было бы не отводить этим частицам здесь
места, если бы правильный перевод этих частиц был установлен до на-
стоящего времени. Однако до сих пор в чеченском литературном языке
не только не старались установить точного значения этих частиц, но
оставляли в стороне этот вопрос, благодаря чему и сейчас многие че-
ченцы еще не знают ни значения, ни правил употребления перечисленных
нами частиц и затрудняются в переводе их на русский язык. Между тем,
многие из этих частиц употребляются в чеченской разговорной речи
буквально на каждом шагу. Поэтому мы считаем необходимым дать здесь
примеры употребления перечисленных нами частиц.

Частицы, употребляемые в повествовательных предложениях.

1. Частица „кха, кх“:

Со города гIур ву-кх || ву-кха. Со во́гуру ву-кх города.
Я в город все-же || все-таки поеду. Приеду же я в город.
А я в город поеду. Ведь я приеду в город.

Пур ву-кх со города.
Ведь я поеду в город.
Поеду же я в город.

Иза города вахана-кха.
А он уехал в город.
Он все же уехал в город.

Вахана-кх иза города.
Поехал же он в город.
Ведь он поехал в город.

Из приведенных примеров мы видим, что частица „кха, кх“ имеет по крайней мере два значения. При обычном порядке слов в предложении, когда эта частица стоит при сказуемом на конце предложения, она выражает противопоставление данного предложения другим предложениям и соответствует русскому союзу „а“ в начале главного предложения или словам: „все же, все-таки“. В случае инверсии сказуемого, т. е. постановки его на первом месте в предложении, та же частица соответствует русским подтвердительным частицам „ведь, же“. Таким образом, эта частица, употребляемая всегда при глаголе-сказуемом, может быть названа частицей противопоставления и подтверждения.

2. Частица „ам, м, ма“:

Со-м тахана города вьду.
Я-то сегодня еду в город.
Я ведь сегодня еду в город.
Я же еду в город сегодня.

Со тахана города ваха-м вьду, хлун хир-м ца хаь.
Итти-то я сегодня иду в город, (а) что будет-то — не знаю.

Из этих примеров мы видим, что частица „ам, м, ма“ употребляется не при сказуемом, хотя и может употребляться при глагольных формах. По своему значению она больше всего соответствует русской частице „то“, т. е. выражает оттенок противопоставления, но может выражать также и подтверждение, приближаясь по смыслу к русским частицам „ведь, же“.

Частицы, употребляемые в вопросительных предложениях.

3. Частица „ца, ц“:

Иза а воглий-ца хьца?
Не приедет ли и он-то с тобой?

Иза воглий хьца?
Он приедет с тобой?

Воглий-ца хьо города?
Не приедешь-ли ты в город?

Ца воглий-ца хьо города?
(Ведь) не приедешь ты в город?

Юур ё-ца ахь?
Не будешь ли ты кушать? || Не покушаешь ли ты?

Юур юй ахь?
Будешь ты кушать? || Покушаешь ты?

Деаний-ц вайна билет?
Принес ли нам билет?

Ца деаний-ц вайна билет?!
Неужели не принес нам билет?!

Хьажа(н)хьа, члогла хьийкьиний-ц колхозийн ялташ!
Посмотри ка, как хорошо (крепко) уродились колхозные хлеба!

Из приведенных примеров мы видим, что частица „да“ употребляется только при сказуемом в вопросительных предложениях и в производных от них придаточных формах. По происхождению она, несомненно, представляет собою отрицание „да“, но присоединяемое к концу сказуемого (обычно отрицание „да“ ставится перед сказуемым). Эта частица придает вопросу вполне ясный оттенок: спрашивающий желает получить на свой вопрос утвердительный ответ. В отрицательно-вопросительном предложении с оттенком удивления этот оттенок желания еще более усиливается. Поэтому данную частицу мы можем назвать желательной-вопросительной.

4. Частицы „тиэ, тиэхьа, тиэша“:

Иза воґур вуй-тиэша соьца города?

Поедет ли он со мной в город?

Иза воґур вуй-тиэхьа соьца города?

Да поедет ли он со мной в город?

Сьога йоґур юй-тиэхьа иза?

Пойдет ли она за меня замуж?

Цкьа-а девр дуй-тиэхьа вай хлара цленош дина?

Да закончим ли мы (когда-нибудь) постройку этого дома?

Девр ду-тиэ.

Да, закончим.

Из приведенных примеров мы видим, что частицы „тиэхьа, тиэша, тиэ“ могут употребляться тоже только при сказуемом в вопросительном предложении, а частица „тиэ“ обычно в ответах на вопрос. Они придают вопросу оттенок сомнения спрашивающего в том, существует ли предполагаемый факт в действительности. Частица „тиэхьа“, кроме того, выражает сомнение с оттенком неудовольствия или досады. Все эти частицы могут быть названы поэтому сомнительно-вопросительными, частица же „тиэ“, соответствующая русскому „да“ в ответах на вопрос, — ответно-вопросительной.

5. Частица „ах, х, ха“:

Иза-х ца воґий хьовца?

Он-то приедет ли с тобой?

Города-х ца воґий хьо?

В город-то приедешь ли ты?

Еша-х ца йоьший ахь и книжка?

Читать-то читаешь ли ты эту книгу?

Аса-х ца ешний иза, ахьа ешна-кха.

Я то (ведь) не читал, а ты прочел.

Итак, частица „ах, х, ха“ — употребляется главным образом в отрицательно-вопросительных предложениях и в производных от них успокоительных не при сказуемом. Ближе всего соответствует она русским частицам „то“ или (реже) „же“.

Кроме перечисленных здесь частиц существует еще усилительная частица „а“, часто употребляемая в живой разговорной речи. По происхождению эта частица, несомненно, представляет собою союз — „и“, „а также“. Она отличается от союза тем, что присоединяется только к одному из слов, в то время как чеченский союз „а“ присоединяется к каждому из однородных членов предложения, которые он соединяет.

Эта частица имеет усилительное значение. Примеры на нее мы дадим ниже при исследовании употребления союза „а“ (см. стр. 160).

Все перечисленные нами служебные частицы, которые ставятся после слова, к которому они относятся, следует писать через дефис при предыдущем слове.

ГЛАВА 2.

СВЯЗЬ СЛОВ В ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Главные члены предложения. Главными членами предложения в чеченском языке являются: сказуемое (предикат), подлежащее (субъект) и прямое дополнение (объект).

Сказуемое. То слово, которое выражает общее по отношению к отдельному, а именно: действие или состояние по отношению к лицу, действующему или переживающему состояние, называется сказуемым. Сказуемое легко определить в чеченском языке по форме: оно меняет свои окончания или присоединяет различные служебные слова и частицы в зависимости от типа предложения (см. выше стр. 24).

Сказуемое или предикат — важнейший из членов предложения. Исторически без сказуемого вообще невозможно никакое предложение. Однако, в современном чеченском языке в ряде случаев предложение из одного слова (не глагола) удобно считать несказуемым, если при этом слове нельзя поставить глагол-связку „ду“ в одной из ее форм и можно поставить другой, легко подразумеваемый глагол.

Тахана города мила вьду?
Сегодня в город кто идет || едет?

Со. || Со вьду.
Я. || Я иду, еду.

В этом случае в школьных грамматиках можно считать слово „со“ подлежащим, хотя исторически и по интонации оно является (являлось) сказуемым.

Во всех тех случаях, однако, когда можно при слове-предложении поставить связку „ду“ в одной из ее форм, следует считать это слово сказуемым, к какой бы части речи оно ни принадлежало:

- Муьлха ву шух Мохьмад?
- Кто (который есть) из вас Магомет?
- Со ву.
- Я (есть).
- Муьлхà?
- Кто, кто?
- Со.
- Я.
- Хьой?
- Ты ли?
- Со.
- Я.

В последнем предложении легко подразумевается связка „ву“ — „есть“ и потому в этом случае слово-предложение „со“ следует считать одновременно и сказуемым. В некоторых случаях, правда, сравнительно редких, сказуемое, выраженное именем существительным, употребляется без связки „ду“ — „есть“. Здесь сказуемое выражено только порядком слов и интонацией (порядковое и интонационное сказуемое).

Приведем примеры:

Сихалла — сонталла, собар — кхетам (пословица).
Несдержанность (торопливость) — глупость, выдержка — разум.
(„Семь раз отмерь, один раз отрежь“).

Хазалла — сарралц, дикалла — валлац (пословица).
Красота — (только) до вечера, доброта — до (самой) смерти.

Из этих примеров мы видим, что именное сказуемое без связки употреблялось в чеченском уже в архаическом языке, например, в пословицах.

Эта форма сказуемого проникает сейчас в чеченский язык в большом количестве и в связи с переводом многих лозунгов:

„1937-чу шеран 12-чу декабрехь массо-а СССР-н
Верховни Совете харжамашка!“
„12 декабря 1937 года все на выборы в Верховный Совет СССР!“
„Керлачу толамашка, хьалхадла!“
„Вперед, к новым победам!“

Несомненно, что приведенные предложения представляют собою вполне законченные и полно развитые мысли. В первом из этих предложений — в чеченской пословице, определение сказуемого не представляет никакой трудности, так как к словам „сонталла“, „кхетам“ можно прибавить связки „ю“, „бу“. Следовательно эти слова являются не только интонационными и порядковыми сказуемыми, но и морфологическими (именными) сказуемыми. Сказуемое в остальных трех примерах как в русском, так и в чеченском языке не может быть определено с помощью добавления в предложение связки или какого-либо подразумеваемого глагола, например „гойла“, „хуйла“, „довлийла“ и т. д., и в русском языке добавление глагола „идите“ не спасает положения, так как при этом коренным образом меняется оттенок мысли данных предложений. Следовательно, в этих случаях приходится считать сказуемое выраженным не морфологически, а исключительно интонационно и порядком слов. В одном примере таким сказуемым будет слово „харжамашка“ — „на выборы“, а в другом предложении — „хьалхадла“ — „вперед (туда)“. Таким образом, теоретически говоря, и в этого рода предложениях сказуемое не отсутствует.

Сказуемое бывает простое и составное, именное и глагольное. Простым называется сказуемое, состоящее из одного слова (отрицание и служебные частицы при этом в расчет не принимаются). Чаще всего этим словом бывает глагол (в последующих примерах сказуемые подчеркнуты).

Простое глагольное сказуемое:

Барзо а ца доу дегтина (поговорка).
И волк не ест жареное (о недоваренном угощении).

Палс ма ббу, хеца ког (пословица).
(Ровно) сколько есть паласа, (на столько и) протягивай ноги.
(„По одежке протягивай ножки“).

Иногда, как мы видели выше, простое сказуемое может быть выражено именем или местоимением, при которых опущена связка „бу“. Однако, обычно в этих случаях при имени или местоимении стоит связка. Следовательно, обычно мы имеем здесь сказуемое из двух слов, т. е. составное сказуемое.

Именное составное сказуемое:

Махкана а хирг ловзар ду (пословица).

То, что случается по (всей) стране, (есть) гуляние.
(„На миру и смерть красна“).

Металлийх коьртаниг эчиг ду.

Главнейший из металлов есть железо.

Эчиг — металлийх коьртаниг ду.

Железо есть главнейший из металлов.

Капитализм тIом бу, социализм машар бу.

Капитализм есть война, (а) социализм есть мир.

Хьо цхьогал делахь а, цхьобгалан цIога со а ду (пословица).

Если ты — лиса, (то) лисий хвост — я (есть).

(„Ты хитер, а я еще хитрее“).

„Массо-а хIинцалц хиллачу общественийн истори — классийн кыйсаман истори яра“.

„История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов“. (Маркс, Энгельс, Коммунистический манифест, 1938 г. стр. 27).

„Советски Социалистически Республикийн Союз — белхалойни ахархойни социалистически пачхьалкхе ю“.

„Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян“ (Сталинская Конституция, ст. 1).

ХIара чорпа, баI санна, дурьа ю.

Этот суп (похлебка) солон, как репей (о черезчур соленом кушанье)

И стаг, бугIа санна, чIоIа ву.

Этот человек крепок, как буйвол.

Тхо виь ву.

Нас четверо.

Буквально: Мы есть четверо.

Связка „ду“ в составе именного сказуемого согласуется в классе с именной частью сказуемого в том случае, если эта именная часть выражена именем существительным. В остальных случаях связка согласуется в классе с подлежащим:

Наж бу.

Дуб (есть).

Дечиг ду.

Древесина (есть).

Дрова (есть).

БIаьлланг ю.

Орешник (есть).

Но: Наж дечиг ду.

Дуб — (есть) дерево.

ХIара дечиг — наж бу.

Это дерево — (есть) дуб.

БIаьлланг дечиг ду.

Орешник — (есть) дерево.

ХIара дечиг бIаьлланг ю.

Это дерево — (есть) орешник.

В приведенных примерах в левом столбце мы видим согласование связки „ду“ по классу с теми словами, которые в правом столбце являются в предложении подлежащим. Таким образом, в предложениях правого столбца, где имеется бесспорное именное сказуемое, связка согласуется не с подлежащим, а с именной частью сказуемого.

Хлара дечиг *ножан ду*.
Эти дрова — дубовые.

Хлара дечиг *блялланган ду*.
Эти дрова — ореховые.

В приведенных примерах связка „ду“ согласуется по классу с подлежащим „дечиг“, так как именная часть сказуемого выражена прилагательным (форма родительного падежа).

Вспомогательный глагол-связка в чеченском языке стоит всегда после именной (также и глагольной) части составного сказуемого. В очень редких случаях связка может стоять не непосредственно после имени, входящего в состав сказуемого, например:

Сан вара(н) бахъана — *книжка ю*.
Причина моего прихода — это книжка.

В этом примере связка „ю“ непосредственно относится к именной части сказуемого — „книжка“.

Сан вара(н) *бахъана* книжка *ду*.
Книжка — есть причина моего прихода.

В этом примере связка „ду“ согласуется в классе со словом „бахъана“ — „причина“, словом, стоящим не непосредственно рядом со связкой, но все таки находящимся перед ней. Такое расположение именной части сказуемого и связки представляет собой редкий случай в чеченском языке; более употребительный в этом случае порядок слов должен был бы быть следующий:

Книжка — сан вара(н) *бахъана ду*.
Книжка — есть причина моего прихода.

В редких случаях мы имеем в чеченском языке бессвязочное именное сказуемое, при котором связка, как и в русском языке, опущена и подразумевается. Примеры этого рода нельзя объяснить только влиянием русского языка, так как они встречаются и в пословицах:

Сихалла — *сонталла*, собар — *кхетам* (пословица).
Торопливость — глупость, выдержка — разум.
Дикалла — *валлац*, хазалла — *сарралу* (пословица).
Доброта — до смерти, красота до вечера.

В последнем примере мы имеем в качестве сказуемого не именительный падеж имени, а предельную форму местного падежа, образованную от глагольного корня („валлац“) и отыменного наречия („сарралу“). Этот пример с наглядностью доказывает, что в чеченском языке в качестве интонационного сказуемого может стоять любая именная или наречная форма, которая при этом совсем не требует при себе связки. Во втором из приведенных нами примеров постановка при сказуемом связки в чеченском языке вообще невозможна. Таким образом, бессвязочное именное сказуемое в чеченском языке существует и в настоящее время начинает все шире употребляться под влиянием русского синтаксиса.

Составное сказуемое может быть и глагольным. В этом случае оно может состоять из двух и даже трех слов (в том числе и связки).

Глагольное составное сказуемое:

ВорхI сахъат даьлча со гуллакхе *воьдуш ву*.
В семь часов я (обычно) иду на службу.

Ас хьобга кегIат *яздийр ду*.
Я напишу тебе письмо || бумагу.

Со музей *гур волуш ву*.
Я (обязательно когда-нибудь) схожу в музей.

Подлежащее (грамматическое) или субъект в чеченском языке бывает в двух формах: продуктивное (переходное) подлежащее и непродуктивное (непереходное) подлежащее.

Продуктивное подлежащее стоит в активном падеже и употребляется только в переходном предложении. Оно выражает лицо или предмет, продуктивно действующий, т. е. такой, который исторически был непосредственным производителем (субъектом производства). Поэтому при продуктивном подлежащем всегда может стоять прямое дополнение, т. е. исторически название продукта или предмета труда, а впоследствии также объекта действия вообще. Продуктивное подлежащее может стоять лишь при глагольном сказуемом (во всех примерах продуктивное подлежащее подчеркнуто).

Хазачу *дашо* *Гуьргара лавьха баьккхина* (*пословица*).
Красивое слово выманило змею из норы.

Дечиган пхьеро мебель йо.
Столяр || плотник делает мебель.

Нанас жижиг кхехкадо.
Мать варит мясо.

Зудчо коч тоьгу.
Жена || женщина шьет рубаху.

Стага болх бо.
Человек (делает работу) работает || трудится.

Ас книжка йоьшу.
Я книгу читаю.

Вайн колхозаша а̀ре дика а̀ о̀ху, чехка ялта чу а̀ дерзадо.
Наши колхозы и поле хорошо пашут и хлеб быстро убирают.

Белхалоший а̀хархоший социализм ч̀о̀г̀ла х̀оттайо.
Рабочие и крестьяне крепко || прочно строят социализм.

Таким образом мы видим, что во всех случаях употребления подлежащего в продуктивной форме (активном падеже) в предложении стоит лицо или подразумевается прямое дополнение. Кажущееся исключение из этого правила мы можем наблюдать в следующих примерах:

Адамо садо́у пехашца.
Человек дышит легкими.

Стага, болх а̀ бой, садо́у.
Человек, поработав, отдыхает.

Ас селхана сакьийрира.
Я вчера веселился.

Вай массара-а кьахьоьгу.
Все мы трудимся.

Ахь говрана кахьоькхий?
Ты оулаживаешь || массируешь ли лошадь?

Во всех этих предложениях не может стоять прямое дополнение, несмотря на то, что подлежащее стоит в активном падеже. Таким образом, здесь получается переходное подлежащее, при котором отсутствует прямое дополнение. Однако исторически во всех этих предложениях было семантическое (т. е. по содержанию) прямое дополнение, которое в современном языке, войдя в состав сказуемого в виде односложного

неоформленного корня с именным значением, утратило самостоятельное значение. Корень „са“ значит „душа, дыхание“. Корень „кѡа“ имеет значение „труд“, а корень „ка“ в последнем предложении имеет значение „рука (кисть руки)“. Все эти корни некогда были прямыми дополнениями в данных предложениях, так, например, последнее предложение буквально обозначало „ты руку гладишь по лошади“ и т. д. Следовательно, и здесь мы имеем исторически настоящее продуктивное подлежащее, а все предложение, по своему происхождению, представляет собою переходный оборот (см. ниже стр. 58).

Архаическая форма продуктивного подлежащего. Активный падеж, в котором стоит продуктивное подлежащее, может иметь архаическую форму с окончанием „а“. Эта форма активного падежа совпадает с такой же архаической формой творительного и местного падежей (см. ниже стр. 48—49 и стр. 105):

Атта (атто) шура ло.

Корова дает молоко.

Стара (старо) гуота (готанца) оху.

Быки плугом пашут.

„Гамара (гамаро) хи санна, ахь хѡдур делахъара,
Кѡжама (кѡжамо) ѡле санна, ахь дѡаѡцур делахъара,
Хѡьга ала дош дара сан“.

„Если бы ты впитал (его), как песок воду,

Если бы ты принял (его), как трут огонь,

Было бы к тебе мое слово“.

(народная песня).

Непродуктивное подлежащее выражает лицо или предмет, действующий при таком действии, которое не может иметь продукта труда или объекта действия вообще. Непродуктивное подлежащее стоит в именительно-винительном падеже и употребляется только в непереходном предложении. При таком подлежащем в предложении обычно не бывает прямого дополнения (исключение составляет только обобщенно-переходный оборот, см. ниже стр. 69). Непродуктивное подлежащее, по своей форме (именительно-винительный падеж) совпадает с прямым дополнением (см. ниже стр. 40). Непродуктивное подлежащее ставится при непереходных глаголах-сказуемых. При именном сказуемом, а также при таком глагольном сказуемом, которое выражает состояние, может стоять поэтому только непродуктивное подлежащее (во всех последующих примерах непродуктивное подлежащее подчеркнуто):

Дечиг пхъар коьчал ян вахана.

Столяр || плотник пошел за материалом (принести материал).

Нана корехь хьйна Ia.

Мать сидит (находится сидящей) у окна.

Зуда — колхозашкахь боккха-а ницкъ бу“.

„Женщина в колхозах большая сила“.

(Из речи Сталина на съезде колхозников-ударников. Одно-
томник, стр. 617).

„Кегийрхой — вайн хин берш бу, вайн дегайовхо ю, накѡостей“.

„Молодежь — наша будущность, наша надежда, товарищи“. (Там же,
стр. 617).

Со дешархо ву.

Я — ученик.

Из приведенных примеров мы видим, что существует ряд глагольных сказуемых, выражающих настоящее действие, но имеющих при себе непродуктивную форму чеченского подлежащего (ср. 1-й пример).

Эта разница зависит от того, что ряд глаголов-сказуемых выражает по смыслу непереходное действие (например, все глаголы, выражающие нахождение в пространстве, движение и т. д., об этом см. ниже, стр. 60—61).

Непродуктивное подлежащее:

Со цу новкъа вахара.
Я пошел по этой дороге.

*Машина бӀе километр цу новкъа
яхана.*
Машина прошла 100 километ-
ров по этой дороге.

Тхо болх беш ду уърдахь.
Мы (вообще) занимаемся рабо-
той в поле.

Продуктивное подлежащее:

Ас берриг и некъ бира.
Я проделал всю эту (ту) дорогу.
Я прошел всю эту дорогу.

*Машино бӀе километр некъ
бина.*
Машина сделала 100 кило-
метров пути (буквально: ма-
шина сделала путь в 100 кило-
метров).

Оха беш болх бу уърдахь.
Мы заняты (данной) рабо-
той в поле.

Оха болх бо уърдахь.
Мы делаем работу || рабо-
таем в поле.

Из этих примеров мы видим, что в тех случаях, когда даже в русском языке от одного и того же глагола-сказуемого могут быть образованы обе формы — переходная и непереходная — в чеченском языке обычно употребляются совершенно различные глаголы. Исключение представляет собою только обобщенно-переходный оборот (см. последние примеры).

Прямое дополнение или объект выражает продукт или предмет труда, а также вообще лицо или предмет, подвергающийся действию. Прямое дополнение (грамматическое) в чеченском языке всегда стоит в именительно-винительном падеже и только в переходных предложениях. Сказуемое-глагол согласуется с прямым дополнением в классе. Таким образом, в тех случаях, когда подлежащее стоит в активном падеже (переходный оборот), сказуемое согласуется не с подлежащим, а с прямым дополнением. Поэтому прямое дополнение и следует считать, на ряду с подлежащим, одним из главных членов чеченского предложения. Примеры на прямое дополнение мы можем видеть на стр. 38 в тех же предложениях, в которых употребляется продуктивное подлежащее. В частности в предложении: „дечиг пхьеро мебель йо“ глагол-сказуемое „йо“ согласован не с подлежащим „пхьеро“ (класс „ву“), а с прямым дополнением „мебель“ (класс „ю“), а в предложении: „стага болх бо“ сказуемое „бо“ согласуется в классе с прямым дополнением „болх“ (класс „бу“), а не с подлежащим „стага“ (класс „ву“) и т. д. Таким образом, всюду, где имеет место согласование глагола-сказуемого по классам, это сказуемое в переходном предложении всегда согласуется с прямым дополнением, а не с подлежащим.

Прямое дополнение в значении орудия. Во многих случаях мы находим в чеченском языке прямое дополнение, которое по своему реальному содержанию представляет орудие:

Ас тахана мангал хьавкхира.
Я сегодня занимался покосом.
Я сегодня (сено) покосил.

Буквально: Я сегодня косо́й потер || подвигал.

Ас мангалца йол хьаькхира.
Я накосил сена косо́й.

Ас тхайн дѣкъа мангал хьаькхира.
Я на нашем участке косил (буквально: косо́й потер || подвигал).

Ас тхайн дакъа мангалца хьаькхира.
Я выкосил наш участок косо́й.

Ламанхоша марс хьокху.
Горцы (вообще) жнут серпом (буквально: серпом трут || серп двигают).

Ла́манхоша кѣа хьокху маьрсеца.
Го́рцы жнут пшеницу серпом.

Сан говро гуота о́ху.
Моя лошадь пашет землю (буквально: пашет плуг).

Из этих примеров мы видим, что слова „мангал“ — коса и „марс“ — „серп“ в соединении с глаголом „хьакха“, который имеет много значений: „тереть, гладить, двигать“ и т. д., сливаются с этим глаголом почти в одно понятие: мангал хьакха — „косить“, марс хьакха — „жать“ и т. д. Точно так же слово: гуота — „плуг“, в соединении с глаголом а́ха — „паши“ дает одно понятие „паши землю“. Тем не менее в современном языке этот именительный падеж имеет значение орудия, а по форме является прямым дополнением. Как видим из приведенных нами примеров, в те же предложения могут быть поставлены и настоящие косвенные и подлинные прямые дополнения (и по форме, и по смыслу).

Приведем еще примеры:

Хусам дас котамана урс хьаькхира.
Хозяин резал курицу (ножом).

Буквально: Хозяин двигал по курице нож.

Хусам дас уьрсаца котам йийра.
Хозяин зарезал (убил) курицу ножом.

Говраш Іалашъярхочо говрана какхьокху.
Конюх массирует || оглаживает лошадь.

Говраш Іалашъярхочо говрана куьг хьокху.
Конюх гладит || ласкает лошадь рукой.

Буквально: Конюх двигает руку по лошади.

В последнем примере слово „куьг“ представляет собою отдельное прямое дополнение — по значению орудие, в то время, как в предпоследнем примере это слово в качестве корня — „ка“ вошло в состав сказуемого-глагола и потому в предложении не может быть выраженного отдельным словом прямого дополнения.

Говраш Іалашъярхочо куьйгаца говр цѣанйо.
Конюх чистит лошадь рукой.

В последнем примере мы имеем настоящее творительное дополнение (и по форме и по смыслу).

Ас куьг Іоьттира Ахьмадана || Ахьмадах.
Я дотронулся || коснулся рукой Ахмада.

Буквально: Я прикоснул руку к Ахмаду.

Ас куыйгаца длатеттира Ахьмад.
Я оттолкнул рукой Ахмада.

Цо стол тле буйн туыйхира.
Он ударил кулаком по столу.

Буквально: Он ударил кулак по столу.

Цо буйнаца стол екийра.
Он кулаком стучал по столу.

Виро мийра туыйхира жлалина.
Осел ударил ногой собаку.

Буквально: Осел ударил ногу о собаку.

Виро мийранца жлала эккхийра.
Осел ногой отогнал собаку.

Котамо мийра тоьхна цомгаш ву (*шутливая поговорка*).
От удара куриной ноги болен.
Болен оттого, что курица ударила ногой.

Йола пудар хьовкху юьхьах || юьхь тле.
Девушка мажет (трет) лицо пудрой.
Девушка кладет пудру на лицо.

Йола пударца юьхь хазйо.
Девушка украшает лицо пудрой.
Девушка наводит пудрой красоту на лицо.

Ас цлевнна доьхка доьхку.
Я вяжу сноп свяслом.

Буквально: Я вяжу свясло вокруг снопа.

Ас цлов доьхкарца боьхку.
Я вяжу сноп свяслом.

Ас старана сара бетта || боьтту.
Я бью быка прутом || хворостиной.

Буквально: Я бью по быку хворостину.

Ас сту сёраца лоллу.
Я гоню быка прутом || хворостиной.

Ас топ етта || йоьтту.
Я стреляю из ружья.

Буквально: Я бью ружье.

Ас тоьпаца бийна сай.
Я убил из ружья оленя.

Стага Йодаца || Йода пхерчий диттинера.
Человек из лука бил стрелами.

Буквально: Человек луком бил стрелы.

Стага Йодаца пху || пхо тоьхнера.
Человек из лука стрелой бил.

Буквально: Человек луком стрелу бил.

Стага Йодаца эхханна пху кхьоьссинера.
Человек из лука (луком) бросал стрелу в зверя.

Стага Юда эхканна пху тоьхнера.
Человек из лука (луком) стрелой ударил зверя.

Буквально: Человек луком ударил стрелу по зверю.

Стага Юда эхха || олхазар дийнера.
Человек из лука убил зверя || птицу.

Буквально: Человек луком убил зверя || птицу.

Стага Юда пху хъажийнера эхканна.
Человек направил из лука стрелу в зверя.

Буквально: Человек луком направил стрелу по зверю.

Цуо мотт буьйцу.
Он (вообще) говорит.
Он владеет языком (своим или чужим).

Цо мотт ца буьйцу.
Он (вообще) не говорит.
Он не владеет языком.

Схъавола, мотт бийца.
Иди сюда, переведи.

Цо дика буьйцу мотт.
Он хорошо владеет языком.

Цо хаза буьйцу мотт.
Он красиво говорит.

Мотт ца хуучуша куьйгаца мотт буьйцу.
Немые руками разговаривают.

Цо маттаца дуьйцу.
Он рассказывает языком (а не руками).

Буквально: Он языком (что-то) рассказывает.

Ас ж!алина г!аж туьйхира.
Я ударил собаку палкой.

Буквально: Я ударил по собаке палку.

Ахьмада уьстаг!ана шавлта хъаькхира.
Ахмад прирезал || зарезал барана кинжалом.

Буквально: Ахмад резанул кинжал по барану.

Ас пхъагална топ кхьессира.
Я выстрелил из ружья по зайцу.

Буквально: Я бросил ружье (ружьем) по зайцу.

Ас пхъагална топ туьйхира.
Я ударил из ружья в зайца.
Я попал из ружья в зайца.

Буквально: Я ударил ружье по зайцу.

Ас тоьпаца пхъагал йийра.
Я убил || застрелил из ружья зайца.
Я убил ружьем зайца.

Ас ж!авьнаца хьостам туьйхира.
Я забил гвоздь молотком.

Аьчган пхьеро аьчгах ж!ов туьйхира.
Кузнец ударил по железу молотом.

Буквально: Кузнец ударил молот в железо.

Аьчган пхьеро жIаьвнаца эчиг туодира || тадира.
Кузнец выправил железо молотом.

Ас пхьагална топ хьажийра.
Я нацелился ружьем в зайца.
Я направил ружье в зайца.

Ас говр хьаьккира.
Я поскакал на лошади.
Я погнал лошадь вскачь.

Со говрахь || говраца вахара.
Я на лошади || лошастью поехал.

Ас машина || машин хьаьккира.
Я помчался на машине.
Я погнал машину.

Со машинахь || машинца вахара.
Я поехал на машине || машиною.

Бага гIаж Iотта езара цунна (*поговорка о болтуне*).
В рот надо было ткнуть его палкой.

Буквально: В рот надо было сунуть ему палку.

Бага гIаж йолла езара цунна.
В рот надо было воткнуть || вложить ему палку.

Ас Iуьрга гIаж Iоьттира.
Я сунул палку || палкой в нору, в дыру.

Ас туьтанан берте горгам йоьллира.
Я заткнул затычкой (из травы) горло кубышки.

Буквально: Я воткнул затычку в горло кубышки.

Ас шишанан берте тIус боьллира.
Я заткнул || закупорил горлышко бутылки пробкой.

Ас цIенкIа горгам хьаькхира.
Я тер по полу тряпкой.

Буквально: Я тер тряпку по полу.

Ас горгамца цIенкIа цIафийра.
Я вытер пол тряпкой.

Ас маха боккху.
Я шью иглой.

Буквально: Я иглу вытаскиваю.

Ас мехаца тоьгу.
Я иглой шью.

Ас пазатана хьалхIа буллу маха боьллира.
Я подколол || заколол носки булавкой.

Буквально: Я в носки заколол впереди закалываемую иглу

ЙоIа коьртах ехк йоьллира.
Девушка заколола волосы гребнем.

Буквально: Девушка заколола гребень в голову.

Ас дечигах диг туьйхира.
Я ударил || рубанул топором по дереву.

Буквально: Я в дерево топор ударил.

Ас дагарца дечиг хадийра.
Я срубил || перерубил дерево топором.

Ас херх хьякхира.
Я пилил.

Буквально: Я провел пилой (пилу).

Ас херхаца дечиг хадийра.
Я перепилил дерево пилой.

Ас тулг кхоьссира олхазарна.
Я бросил камень в птицу.

Ас поппар хьоху оганна.

Буквально: Я мажу глину по стене.

Ас поппарца хьоху ога.

Я обмазываю стену глиной.

Из рассмотрения приведенных примеров мы видим, что прямое дополнение в значении орудия употребляется при переходных глаголах со значением: „тереть, мазать, бить, бросать, совать, втыкать, колоть“. Смысловое прямое дополнение в этом случае ставится в дательном, или, реже, в местном падеже. Смысловое орудное дополнение отличается, однако, от грамматического орудного дополнения менее определенным орудным значением, развивающимся из значения прямого дополнения. Если сравнивать два оборота — с именительным орудным дополнением и с творительным дополнением при других глаголах, то в части случаев первый оборот отличается от второго оттенком незаконченности действия или невозможности поставить в нем смысловый объект. В редких случаях именительное орудное дополнение сливается со сказуемым в одно понятие и даже в одно слово. Ср. например: мотт бийца, мангал хьякха, кахьякха, и т. д.

Употребление орудного дополнения в грамматической форме прямого дополнения не представляет собою специфической особенности одного чеченского языка. Так, например, в марийском мы имеем при глаголах с тем же приблизительно значением прямое дополнение в форме марийского винительного падежа, но в значении орудия.

Глаголы, имеющие при себе именительный падеж в значении творительного (орудного):

Хьякха	— три, мажь; коси; жни; режь, пили; гладь.	Диэ	— посеи; убей.
Аха	— паши.	Хьяжайиэ	— направь, прицель.
Ютта	— тыкай.	Бийца	— разговаривай.
Туоха	— ударь.	Йолла	— заткни.
Дехка	— свяжи.	Кхосса	— брось, кинь.
Бетта	— бей.	Хахка	— гони, скачи.
		Баккха	— добудь, достань.
		Хьяха	— обмажь глиной (стену)

Активный строй переходного предложения. До сих пор при синтаксическом разборе чеченского предложения установилось обыкновение считать подлежащим только слово, стоящее в именительно-винительном падеже (так называемом цьерниг). Я называю это „обыкновением“ потому, что разработанного синтаксиса чеченский язык до сих пор не имел, если не считать нескольких замечаний, имеющих у Услара.¹ Таким образом, при синтаксическом разборе, который практиковался до настоящего времени, чеченское подлежащее совпадало с действительным подлежащим только в случае непереходного сказуемого-глагола

¹ Услар П. К. Этнография Кавказа, в. II, Чеченский язык, Тифлис, 1888.

(т. е. когда подлежащее стоит в именительном-винительном падеже), а при переходном глаголе-сказуемом (когда подлежащее стоит в активном падеже) подлежащим до сих пор считалось не фактическое подлежащее, а прямое дополнение. На практике это приводило к курьезным и нелепым выводам, например, в предложении: комбайно хьакха а хьокху, ара а ору — „комбайн и косит, и молотит“ по этим правилам разбора предложения совсем не оказывалось подлежащего, а в предложении: стол дечгах йо — „из дерева стол делают“ подлежащим оказывалось слово „стол“, точно так же, как и в предложении: ас стол йо — „я делаю стол“. При этом активный падеж подлежащего считался творительным падежом, тогда как существующий отдельно в чеченском языке настоящий творительный (творительно-сопроводительный) падеж трактовался как сопроводительный. Это лишало возможности чеченцев не только правильно понимать строй своего родного языка, но и делать точный и правильный перевод чеченских предложений на русский язык. Путаница в вопросе о подлежащем, а также в вопросе о творительном падеже приводила к тому, что предложение „комбайно хьакха а хьокху, ара а ору“ переводилось на русский язык как „комбайном и косится, и молотится“, предложение „ас стол йо“ переводилось как „мною делается стол“ и т. д. Одним словом, всюду переходные чеченские предложения переводились русским страдательным оборотом, хотя в чеченском, как и во многих других восточных языках, мы не имеем собственно развитого страдательного оборота. Это нелепое понимание конструкции переходного предложения приводило не только к теоретической путанице, но имело и имеет серьезные практические последствия. При таком понимании строя чеченского предложения и при таком способе перевода его на русский язык в сильнейшей степени затрудняется для большинства чеченцев правильное усвоение русского языка. Это одна из причин, серьезно мешающих распространению знания русского языка в Чечне и Ингушетии. Благодаря ей в устах многих чеченцев, желающих осознать грамматический строй русского языка, звучит искаженная до неузнаваемости русская речь. Вся эта вредительская путаница за годы существования чеченской письменности явилась прямым следствием недомыслия и сознательного руссификаторства буржуазных националистов.

Вопрос о подлежащем и о страдательном обороте („пассивном строе“) в чеченском и ингушском языках имеет свою историю. Начало этому неверному пониманию строя чеченского (и ингушского) предложения положил П. К. Услар, знаменитый исследователь, пионер изучения кавказских языков, работавший в 60-х годах прошлого столетия. Описывая строй чеченского предложения и его своеобразную конструкцию с активным падежом подлежащего, Услар сделал неправильное предположение, что в чеченском языке совсем нет действительного оборота, так называемой активной конструкции (см. ниже стр. 89). Для своего времени (60-е годы XIX века) работы Услара были крупным шагом вперед в области изучения кавказских языков, но это не значит, что его работы свободны от ошибок. Услар был не одинок в таком понимании своеобразного строя, которым отличаются многие яфетические и другие языки. Целый ряд крупнейших европейских буржуазных лингвистов, когда сталкивался с такими же особенностями конструкции предложения в языке баскском, многих языках индейцев Северной Америки, в яфетических языках Кавказа и т. д., определял особенности этого строя именно как пассивную, т. е. страдательную конструкцию. Сюда относятся такие крупные ученые, как Уленбек, Шухардт, Дюмезиль — с одной стороны, Дирр, Тромбетти, в конце концов отказавшиеся признать данную конструкцию пассивной, — с другой.

В наиболее ясном виде теория „пассивного строя“ языка и мышления яфетических, американо-индейских и др. народов высказана известным

голландским ученым Уленбеком: „Такое состояние мышления уловлено, как уже отмечалось выше и Уленбеком у индейцев Северной Америки, в сознании которых не тот является действительным совершителем деяния, кого мы считаем действующим лицом, но в самом совершителе деяния действуют „таинственные силы“, другими словами „мифологический субъект“, в руках которого он оказывается только послушным орудием“. (Мещанинов. Новое учение о языке, Ленинград, 1936, стр. 296).¹

На высшей ступени дикости и низшей ступени варварства человек, по этой теории, еще не в состоянии якобы мыслить, что он сам изготовляет какой-нибудь продукт труда, он будто бы считает себя лишь пассивным орудием в руках какой-то таинственной потусторонней, очевидно „божественной“, силы. Если в устах даже самих крупных представителей буржуазного языкознания теория „пассивного строя“ на первых порах представляла собой не что иное, как результат непонимания своеобразия этих языков и простое перенесение привычного для европейца страдательного оборота на то явление, которое по существу не имеет со страдательной конструкцией ничего общего (Услар), то в конце XIX, начале XX столетия это непонимание строя яфетических и др. языков превратилось в откровенную колонизаторскую теорию (Уленбек и др.). Раз в языках индейцев Северной Америки, яфетических языках Кавказа и др. существует якобы пассивный строй, следовательно, у народов, говорящих на этих языках, и мышление пассивное, в то время как у европейцев и строй языка и мышление — исключительно и только активное. Эта „теория“, служащая прикрытием грабительской политики капиталистических государств, была подхвачена ныне разоблаченными вредителями, злейшими врагами народа.

Вся ленинско-сталинская национальная политика и ее замечательные результаты — бурный рост стахановского движения, рост научных кадров и советской интеллигенции, замечательный хозяйственный и культурный подъем у всех народов СССР — все это служит фактическим и наглядным опровержением этой клеветнической лже-теории о „пассивности“ языка и мышления у одних народов и об „активности“ его у других.

Характерной особенностью чеченского, ингушского и большинства других яфетических языков, а также языков индейцев Северной Америки и т. д. является именно отсутствие в них подлинного страдательного оборота и залога (см. ниже стр. 93). Эта же особенность свойственна и некоторым угро-финским языкам, например, марийскому, мордовскому и др. Таким образом страдательный залог и оборот не свойственен языкам, сложившимся в более архаический период — в условиях первобытной общины. В языках же, возникновение которых относится к более поздней эпохе и связано с появлением классового общества, как например в кавказских яфетических языках (грузинском), в т. наз. индо-европейских языках и др. страдательный оборот (залог) налично, хотя и здесь по мнению даже самих представителей буржуазного языкознания (Мейе и др.) этот оборот представляет собой всюду позднейшее, вторичное явление. В связи с этим глубочайший смысл приобретает указание Энгельса: „Едва люди начали менять, как уже они сами стали предметами обмена. Действительный залог превратился в страдательный — хотели того люди или нет“.² („Происхождение семьи, частной собственности и государства“, 1937 г., стр. 168—169).

¹ Ср. еще изложение теории Уленбека у проф. Быховской (Язык и мышление, вып. II. Ленинград, 1934, стр. 64—65).

² „Kaum hatten die Menschen angefangen auszutauschen, so wurden sie auch schon selbst ausgetauscht. Das Aktivum wurde zum Passivum, die Menschen möchten wollen oder nicht“ (Fr. Engels. Die Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staates, Moskau—Leningrad, 1934, S. 172).

Итак, мы можем сделать следующий вывод: в условиях первобытной общины всякое переходное предложение, т. е. предложение, первоначально отражавшее реальной процесс производства с обособившимся предметом или продуктом труда, было активным, продуктивным и по форме (подлежащее вообще в косвенном или, позднее, в специальном активном падеже), а непереходное предложение, отражавшее состояние или реальный процесс непродуктивного действия, было непродуктивным и по форме (подлежащее вообще в одинаковой с объектом форме — прямом или, позднее, именительно-винительном падеже). Наоборот, в классовом обществе, после появления рабства и частной собственности на орудия труда, одно и то же прежде активное по строю (переходное) предложение раздваивается и может говориться и мыслиться не только как активная конструкция (действительный залог), но и как конструкция пассивная (страдательный залог). Следовательно на ряду с активной конструкцией предложения, заново и по иному здесь построенной, устанавливается и настоящий страдательный или пассивный оборот речи лишь в языках классового общества, где эта форма речи и мышления порождена всем строем общества, покоящемся на эксплуатации, и принудительно им поддерживается в интересах господствующих классов вопреки действительному активному мышлению пролетариата и трудящегося крестьянства. В классовом обществе активный человек, т. е. непосредственный производитель, может мыслиться и говориться не только в активной (действительная конструкция), но на ряду с этим и в пассивной форме (страдательная конструкция). Наоборот, в том обществе, которое не знало еще эксплуатации, в котором человек был только субъектом и в производстве, и в жизни, и в мышлении, — не могло быть и иного строя речи и мышления, кроме активного, в тех случаях, когда человек реально выступал в роли непосредственного производителя. В первобытной общине активный человек, т. е. непосредственный производитель, в предложении, отражавшем реальный процесс производства, мог мыслиться и говориться лишь в активной форме (переходная и активная конструкция). Одна из разновидностей этой первоначальной конструкции речи и сохраняется в виде пережитка в чеченском и др. языках активного строя.

Сущность активного строя чеченского переходного предложения как раз и заключается в том, что лицо действующее или предмет действующий в нем и по форме, и по мысли является субъектом и имеет специальную падежную форму — активный падеж, который употребляется исключительно для выражения подлежащего, имеющего словесно выраженный продукт своего труда или объект своего действия. Никакого иного значения и употребления активный падеж в чеченском языке не имеет. Если бы он был творительным падежом (Услар) или одним из европейских косвенных падежей, то несомненно, его употребление в качестве подлежащего было бы лишь одним из случаев употребления этого падежа и при том случае не основным. В качестве примера можно привести употребление в чеченском языке дательного падежа в значении субъекта при глаголах со значением „сознавать“, „чувствовать“ и др. (об этом см. ниже стр. 63). Это употребление дательного падежа представляет собою лишь ограниченный случай его применения. Гораздо чаще дательный падеж употребляется в своем основном несубъектном значении — для выражения субъекта общения или обмена или лица (предмета), в пользу которого совершается действие. В противоположность этому активный падеж в чеченском языке употребляется только в значении продуктивного подлежащего и никаких иных значений не имеет. Ничего общего не имеет активный падеж и с творительным падежом. Творительный падеж, по своему основному значению, является специальным падежом для выражения формы орудия, а в чеченском и некоторых других языках (например, в марийском, из западно-европей-

ских — в немецком) — также для выражения совместности или сопровождения, что, впрочем, передается и в русском языке творительным же падежом с предлогом „с“. Следовательно такая близкая связь творительного (орудного) и сопроводительного (союзного) значения не представляет особенности чеченского языка: она характерна для многих языков, в том числе и для русского.

Творительный падеж существует в чеченском языке независимо от активного и по своему употреблению резко отличается от него. Как мы увидим ниже, настоящая страдательная (пассивная) конструкция существует в чеченском языке лишь в зачаточной форме. В форме подлинного творительного падежа в значении орудия мы не можем оформить в чеченском языке названий членов общества — людей, но можем поставить названия предметов и все, что относится к классу природы. Именно поэтому подлинная пассивная конструкция и невозможна в чеченском языке (ср. ниже, стр. 92—93).

Мне могут возразить, что в чеченском языке существуют случаи совпадения особой архаической формы активного падежа (только от названий отдельных членов тела, орудий и домашних животных) с такой же архаической формой творительного падежа (от тех же названий).

Совпадение в архаической форме трех падежей: творительного, активного и местного (показывающего движение) можно наблюдать в следующих примерах:

(Ас) чарх хьовзийра куьйга (куьйгаца).

(Я) крутил рукой точильное колесо || машину.

Чарх хьовзийра куьйга (куьйго).

Точильное колесо || машину крутила рука.

(Ас) херха (херхаца) дечиг хадийра.

(Я) пилил дерево || дрова пилой.

Херха (херхо) дечиг хадайо.

Пила пилит дерево.

(Ас) уьрса (уьрсаца) бепиг хададо.

(Я) режу хлеб ножом.

Уьрса (уьрсо) бепиг хададо.

Нож режет хлеб.

Чарх хьовзийра кога (когаца).

Крутил машину ногой.

Чарх хьовзийра кога (кого).

Машину крутила нога.

(Ас) тоьпа (тоьпаца) пхьагал йийра.

(Я) убил из ружья (ружьем) зайца.

Тоьпа (тоьпо) пхьагал йийра.

Ружье убило зайца.

Стага йода (йодаца) пхерчий диттинера.

Человек из лука (луком) бил стрелами (стрелы).

Стага йода (йодаца) эхка дийнера.

Человек из лука (луком) убил зверя.

Йода (йодо) эхка дийнера.

Лук убил зверя.

Таким образом, от слов: ког — „нога“, куьг — „рука“, топ — „ружье“ йад — „лук“, урс — „нож“, херх — „пила“ активный и творительный падежи совпадают в одной архаической форме.

От слова: говр — „лошадь“ в архаической форме совпадают местный и активный падежи, но форма творительного падежа не имеет архаической формы и всегда отличается от первых двух:

Говра (говро) — варда узу.
Лошадь тянет арбу.

Сан говра (говро) гота оху.
Моя лошадь пашет землю (буквально: плуг).

Со говра хиира.
Я сел на лошадь.

Но: Со говраца вахара.
Я поехал на лошади (лошадью).

От слова: етт — „корова“ (атта вместо: атто) и сту — „бык, вол“ (стара вместо: старо) возможен активный падеж в архаической форме, но в данном случае он не совпадает ни с творительным, ни с местным, так как от этих слов не существует архаической формы этих падежей (примеры см. выше стр. 39).

От слова: лерг — „ухс“ (лерга вместо: лергаца), бӀаьрг — „глаз“ (бӀаьрга вместо: бӀаьргаца) и мотт — „язык“ (матта вместо: маттаца) существует только архаическая форма творительного и дательного падежей и не существует этой формы для падежей активного и местного (примеры см. ниже стр. 105).

Наконец, архаическая форма местного падежа с окончанием „а“ употребляется чаще всего от многих слов, обозначающих средства передвижения и различные пространственные определения (перечень см. на стр. 131 и сл.). В этом случае она опять-таки не совпадает ни с творительным, ни с активным падежами, архаические формы которых от этих слов не образуются.

Таким образом, в отдельных случаях архаическая форма активного падежа иногда совпадает то с творительным (и дательным), то с местным падежами в архаической их форме, иногда же не совпадает ни с тем, ни с другим.

Следовательно данная сокращенная форма, названная нами архаической формой этих падежей, объединяет не только активный и творительный падежи, но и местный падеж движения (на вопрос: „куда?“) и частью дательный падеж. Ничего специфически орудного (творительного) в этой форме нет. Она представляет собою просто остаток одного из древних, в современном языке почти вымерших падежей, который объединял несколько теперешних падежных значений (ср., например, общий косвенный падеж в черкесских языках). Существование этого совпадения не только не доказывает происхождения активного падежа от творительного, но служит, напротив, доказательством первоначального существования менее дифференцированного склонения, в котором существовало меньшее количество падежей, чем сейчас. При этом некогда существовавший предполагаемый общий косвенный падеж путем раздвоения развился в современный активный, творительный, местный, и вероятно, многие другие падежи. Разумеется, этот первоначальный общий косвенный падеж не был ни творительным, ни активным, ни местным, а каким-то иным (по своему значению и употреблению) падежом.

Подводя итог всему вышесказанному, мы должны прийти к заключению, что правильное решение вопроса о форме подлежащего в чеченском языке имеет существенно важное значение для дальнейшего развития и роста чеченской письменности и чеченского литературного языка. Если признать в чеченском языке подлежащим — прямое дополнение, как это было до сих пор, то это не дает возможности чеченцам правильно осознать особенности своего родного языка, ставит чеченский

язык и мышление чеченцев (понятие субъекта) в изолированное от других народов положение и не дает возможности чеченцам легко усваивать русский и другие европейские и национальные языки. Словом, в этом случае, мы пойдем по осужденному историей пути врагов народа, буржуазных националистов. Единственно правильным, подлинно научным решением этого вопроса будет — признать в чеченском языке подлежащим то, что понимается под подлежащим во всех остальных литературных языках. Это решение вопроса основывается не только на формах мышления, на логике, в чем могут нас упрекнуть, но и на правильном понимании грамматической формы чеченского предложения в его историческом развитии. В самом деле, активный падеж есть падеж подлежащего в чеченском языке не только потому, что он всегда выражает лицо действующее, но и потому, что этот падеж по самой своей форме представляет собою всегда и исключительно падеж продуктивного подлежащего. Этот закон не имеет никаких исключений в чеченском языке. Следовательно, активный падеж, на ряду с именительным, является вторым падежом для подлежащего, не только по значению, но и по форме. Отсутствие согласования с ним сказуемого (переходного глагола) в классе возмещается именно этим обстоятельством — специфически субъектным значением самого активного падежа. Подлежащее выражено здесь не согласованием сказуемого, а падежным окончанием. Из этого единственно правильного решения вопроса о чеченском подлежащем, решения, основанного на научном понимании особенностей грамматического строя этого языка в его историческом развитии, с необходимостью вытекает и признание в чеченском предложении третьего главного члена — прямого дополнения. Прямое дополнение потому является главным членом чеченского предложения, что сказуемое-глагол во всех тех случаях, когда согласование по классам может быть в нем выражено, всегда согласуется в переходном предложении с прямым дополнением. Кажущееся исключение из этого правила представляет собою употребление мер и чисел в именительно-винительном падеже в качестве определения (см. ниже стр. 128). С этим именительно-винительным падежом сказуемое по классам никогда не согласуется. Это исключение является лишь кажущимся потому, что по истории своего происхождения именительно-винительный падеж времени, меры и количества не являлся прямым дополнением и на ряду с этим падежом в переходном предложении всегда может быть поставлен именительно-винительный падеж прямого дополнения, с которым обязательно будет согласовываться глагол-сказуемое. Признание в чеченском предложении трех главных членов не осложняет школьного преподавания грамматики. К выделению прямого дополнения чеченские учителя и все грамотные чеченцы уже привыкли, так как до сих пор оно выделялось, как подлежащее. Кроме того, прямое дополнение, как грамматическое отражение продукта труда и объекта вообще, представляет собою настолько важную категорию мышления, что ее следовало бы выделять не только в чеченском, но и в школьном преподавании русского языка. Это имеет большое значение для умственного развития учащихся. Тот факт, что своеобразный строй чеченского предложения толкает нас с неизбежностью на путь признания прямого дополнения главным членом предложения, представляет собою несомненное преимущество чеченской грамматики. Тот же вывод можно сделать и в отношении всех яфетических языков, имеющих своеобразный активный строй переходного предложения и особую форму активного или продуктивного подлежащего независимо от различных грамматических способов ее выражения (языки Дагестана, кабардинский, адыгейский, абхазский и абазинский, и др.).

Связь слов в предложении. В предложении мы имеем прямую, т. е. непосредственную, связь между главными его членами и теми из второстепенных, которые непосредственно относятся к сказуемому (например:

косвенные дополнения, кроме притяжательного, и обстоятельственные слова). Кроме этого в предложении может существовать не непосредственная, не прямая связь слов. Эту связь слов мы называем условно — посредственной связью членов предложения. Эта связь существует между каким-либо из вышеуказанных членов предложения (за исключением сказуемого) и относящимся к нему определением или притяжательным дополнением.

То слово, к которому относится определение, называется его определяемым, а слово, к которому относится родительное или притяжательное дополнение, называется по отношению к нему дополняемым. В чеченском языке дополнение при дополняемом и определение при определяемом в ряде случаев недостаточно разграничены (не дифференцированы). Относительное определение и притяжательное дополнение при дополняемом в ряде случаев представляют собою форму родительного падежа от имени существительного (об этом см. ниже стр. 117). Для этих случаев условно можно принять название „неразграниченное определение“. Примеры на указанные нами здесь члены предложения, выражающие как прямую, так и посредственную связь слов, мы приводим ниже при синтаксическом разборе предложения.

Синтаксический разбор предложения. Таким образом, в чеченском предложении три главных члена — сказуемое, подлежащее и прямое дополнение. Из них прямое дополнение бывает только в переходных предложениях. Синтаксический разбор чеченского предложения следует начинать со сказуемого, как с того слова, которое легче всего найти в чеченском предложении. Вслед за сказуемым нужно находить подлежащее, а вслед за подлежащим — прямое дополнение, если данное предложение является переходным. После нахождения и определения главных членов предложения следует найти второстепенные члены чеченского предложения: сначала выражающие прямую связь слов — обстоятельственные слова и косвенные дополнения и, наконец, выражающие посредственную связь слов — определение при определяемом и притяжательное дополнение при дополняемом. Приводим примерный синтаксический разбор простого чеченского предложения (см. табл. на стр. 52—53).

Развитие форм субъекта, объекта и предиката. Следует отличать грамматический субъект, т. е. форму подлежащего, грамматический объект, или форму прямого дополнения, и грамматический предикат, т. е. форму сказуемого, как от логического субъекта, объекта и предиката, т. е. от этих форм в мышлении, так и от реальных субъекта, объекта и предиката, т. е. от этих категорий в действительной жизни. Нет никакого сомнения, что грамматические формы, также как и формы мышления, представляют собою формы, отражающие действительную жизнь общества и порожденные развитием производительных сил и производственных отношений. Вырастая из реального содержания материальной деятельности людей, эти формы в дальнейшем отходят от своего реального содержания и вступают в противоречие с ним. На основании исследования многих яфетических и других языков мы можем прийти к выводу, что в первобытной общине, на известной ступени ее развития (первобытная коммуна), благодаря непосредственной связи языка и мышления с материальной деятельностью людей, логические и грамматические формы вообще в неизмеримо большей степени, чем в классовом обществе, совпадали с реальным их содержанием. Для этой эпохи развития языка и мышления (примерно второй половины эпохи дикости по Энгельсу) мы можем предположить следующую связь между этими формами и материальной производственной деятельностью и производственными отношениями общества того времени.

Примечание. Для предшествующей эпохи, судя по материалам акад. Мещанинова, использовавшего факты одного из языков северо-западных индейцев Северной Америки (язык немепу из группы сахаптин в Северной Колумбии), и принимая во внимание остатки

общего оборота и залога в кабардинском, адыгейском и др. языках, мы должны предположить еще более древнее совпадение и по грамматической форме, и по мысли неразделенных субъекта и объекта примерно на средней ступени дикости (см. Н. Яковлев. Краткая грамматика кабардинского языка, в. I, Ворошиловск, 1938, стр. 24—26). В качестве такого объекта, сливающегося воедино с субъектом, здесь еще выступает отражение продукта (объекта) труда в его непосредственном виде (сравни кабардинские примеры). Вот что пишет акад. Мещанинов о спряжении в языке немепу: „Собственность объединяется с самим владельцем, поэтому глагол оформляется объективными частицами, согласованными в лице не с объектом, а с собственником объекта“. (См. Мещанинов. Новое учение о языке, Ленинград, 1936, стр. 81) и еще: „При отождествлении в языке немепу владельца с владеемым предметом, что формально приводит к согласованию глагола с собственником объекта..., все построения в которых субъект действует на принадлежащий ему объект, окажутся непреходными“ (ib., стр. 84). Таким образом, смысловой объект собственности в языке немепу осознается как неотделимая часть соответствующего смыслового субъекта собственности. Это же соотношение в других языках и в иную эпоху приводит к возникновению особой категории притяжательных местоименных аффиксов — к притяжательным органической принадлежности (см. Н. Яковлев, Д. Ашхамаф. Краткая грамматика адыгейского языка, Краснодар, 1930 г., стр. 58).

Развитие форм грамматического и логического субъекта, объекта и предиката и тех же понятий в действительной жизни общества.

	Субъект	Объект	Предикат
Реальный:	Непосредственный производитель	Продукт или предмет труда	Процесс производства
Логический:	Субъект в мышлении — человек	Объект в мышлении — природа	Предикат в мышлении: общее по отношению к отдельному (в частности, действие по отношению к лицу или предмету действующему)
Грамматический:	Подлежащее	Прямое дополнение	Сказуемое

Таким образом, грамматический субъект (подлежащее), выражающий лицо действующее, как разновидность отдельного по отношению к общему и логический субъект (субъект в мышлении), т. е. человек, первоначально соответствовали непосредственному производителю в реальной жизни и были его отражением в языке и сознании. Точно так же грамматический объект (прямое дополнение) и логический объект (объект в мышлении), т. е. природа и все созданное трудом человека, вначале являлись непосредственным отражением существующего в действительной жизни продукта или предмета труда. Наконец, грамматическое сказуемое (грамматический предикат) и логический предикат (предикат в мышлении), который первоначально обозначал общее по отношению к отдельному в одной из его теперешних разновидностей — действию (вначале, конечно, производственном), в мышлении являлись отражением реального процесса производства, как он существовал в действительной жизни общества. Следовательно, первоначально, в первобытной общине на известной ступени ее развития, благодаря непосредственной связи языка и мышления с материальной деятельностью людей, логические и грамматические формы не противоречили реальному их содержанию. В дальнейшем, однако, формы языка и мышления вступают в противоречие как друг с другом, так и с реальным их содержанием. Чтобы понять, как это происходит, мы должны обратиться к тому, что писал Сталин о противоречии формы и содержания в одной из своих ранних философских работ:

„... конфликт существует не между содержанием и формой вообще, а между старой формой и новым содержанием, которое ищет новой формы и стремится к ней“. (См. Берия. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, Москва, 1936, стр. 78).

„Развитие содержания предшествует возникновению и развитию формы... Содержание без формы невозможно, но дело в том, что та или иная форма, ввиду ее отставания от содержания, никогда *полностью* не соответствует этому содержанию и, таким образом, часто новое содержание „вынуждено“ временно облечься в старую форму, что вызывает конфликт между ними“. (Там же стр. 80; см. еще там же полностью выдержки из статей Сталина 1906 г. стр. 77—81).

Эти положения, которые с гениальной ясностью и простотой вскрывают историю развития всякой формы и содержания, полностью подтверждаются и языковыми материалами. В классовом обществе, благодаря превращению языка в надстройку, грамматические формы и формы мышления во многих случаях оказываются в противоречии как друг с другом, так и с реальным их содержанием. Это противоречие начинается, конечно, с того момента, когда уже в первобытной общине возникают элементы частной собственности, эксплуатации в форме рабства, т. е. в эпоху разложения этой общины (патриархальный род). Примеры противоречия грамматических, логических и реальных категорий существуют во всех языках, в том числе и в чеченском. Так, например, в ряде случаев грамматическое подлежащее не совпадает с субъектом мышления и представляет собою по мысли объект, тогда как действительный субъект мышления грамматически стоит в дательном падеже и представляет собою косвенное дополнение (см. ниже оборот с дательным субъектом, стр. 63). Аналогичное явление мы наблюдаем и в русском страдательном обороте, сущность которого заключается в том, что действительный объект мысли превращается в нем в грамматический субъект, а субъект мысли и действительности — непосредственный производитель или человек вообще — превращается в грамматическое косвенное дополнение и стоит в форме орудия. То же развитие происходит и с предикатом. Грамматический предикат, сказуемое, первоначально и по мысли, и по реальному содержанию было производственным действием, отражением процесса производства. Впоследствии в языке, в глагольном сказуемом остается лишь форма действия, в которую облекается не только реальное действие, но и состояние, т. е. бездействие. Таким образом, сейчас в современном чеченском, русском и других языках глагольное сказуемое часто выражает бездействие в форме действия, например:

Со маьнги тӀехь, лувьлу.
Я лежу на постели.

Больше того, и в чеченском, и в русском языках образуются специальные глагольные формы, придающие всякому переходному глаголу оттенок состояния. Таковы, например, в русском языке — формы страдательного залога, а в чеченском языке — производно-непереходного оборота и залога (см. ниже стр. 72), которые можно было бы назвать оборотом и залогом состояния.

Особенно яркие примеры противоречия между формой и содержанием в предложении мы находим в существовавшем до революции языке буржуазии:

Промышленнико мехкдаьтта доккху.
Промышленник добывает нефть.
Фабриканто мебель йо.
Фабрикант изготавливает мебель.

В этих предложениях грамматический и логический субъект (промышленник, фабрикант), стоящий в продуктивной форме, противоречит реальному субъекту — субъекту производства (белхалочо).

Мехкдаьтта промышленникан куьйгашца доккху.
Нефть добывается промышленником.
Мебель фабрикантан куьйгашца еш ю.
Мебель изготавливается фабрикантом.

В этих предложениях, представляющих собою возможный способ выражения страдательного оборота в языке буржуазии, грамматический субъект (мебель) противоречит логическому субъекту (фабрикантан куьйгашца — буквально: руками фабриканта) и оба оказываются в противоречии с реальным субъектом производства (белхалочо).

Белхалоша мехкдаьтта доккху.

Рабочие добывают нефть.

Белхалочо мебель йо.

Рабочий изготавливает мебель.

В этих предложениях, существовавших и ранее на ряду с буржуазным способом выражения и ставших сейчас в стране социализма единственной формой выражения мысли и действительности, — формы языка и мышления (грамматический и логический субъект) полностью совпадают с тем, что существует в действительности, т. е. с реальным субъектом производства.

Мехкдаьтта белхалойн куьйгашца доккхуш ду.

Нефть добывается рабочими.

Мебель белхалочун куьйгаца еш ю.

Мебель изготавливается рабочим.

В данных предложениях, могущих существовать и в современных языках народов СССР, логический и реальный субъект (белхалойн куьйгашца, белхалочун куьйгаца — буквально: руками рабочих, рукою рабочего) совпадают, но оба противоречат грамматическому субъекту (мебель). Этот способ выражения сохраняется потому, что он необходим и в языке социалистического общества, так как внимание здесь переносится на объект мысли и производства и, в связи с этим, действию, выражаемому глаголом, придается форма, приобретающая оттенок состояния (сложное глагольное сказуемое).

Примеры этого рода из языка буржуазии можно было бы приводить до бесконечности. В языках капиталистического общества конфликт между языком буржуазии и действительностью вызывается классовым господством эксплуататоров, стремящихся навязать свои формы языка и мышления всему обществу. В языках социалистического общества, в СССР, эти буржуазные способы выражения полностью ликвидированы вместе с породившими их эксплуататорскими классами. Однако некоторые остатки старых дореволюционных способов выражения сохраняются и до сих пор, правда, лишь в виде пережитков, обреченных на исчезновение.

Обороты или конструкции предложения. Форма связи главных членов предложения между собою называется оборотом или конструкцией предложения. Таким образом, в чеченском языке мы имеем столько оборотов, сколько в нем грамматических способов согласования сказуемого с подлежащим и прямым дополнением и сколько грамматических форм для выражения смыслового (логического) подлежащего и смыслового (логического) прямого дополнения. Изучение оборотов или конструкций чеченского предложения представляет собою одну из важнейших частей чеченского синтаксиса. Без ясного представления об оборотах нельзя правильно построить чеченское предложение или разобрать и понять построение его.

Непереходный и переходный обороты. В чеченском языке существуют два основных оборота: непереходный (непродуктивный) и переходный (продуктивный). Непереходный оборот выражает такое действие, которое не имеет продукта труда или объекта вообще. Поэтому в непереходном обороте ни по форме, ни по смыслу не может стоять прямое дополнение. В этом обороте, следовательно, только два главных члена предложения: сказуемое и подлежащее.

Переходный оборот выражает действие, имеющее продукт труда или вообще объект. Следовательно, в переходном предложении всегда имеется налицо или подразумевается прямое дополнение. Поэтому в переходном обороте три главных члена предложения: сказуемое, подлежащее и прямое дополнение.

Непереходный оборот:

Со хьожу.
Я смотрю.
Автобус дайьоду.
Автобус уходит.

Трактор ремонтехь лавтта.
Трактор стоит на ремонте.

Переходный оборот:

Ас болх бо.
Я работаю (букв.: дело делаю).
Автобусо и некъ пхеа а сохьтехь бо.
Автобус продельывает эту дорогу
в пять часов.
Автобус проходит эту дорогу за
пять часов.

Такторо аре оху.
Трактор поле пашет.

Непереходный оборот отличается от переходного следующими признаками:

1. В непереходном обороте два главных члена предложения: подлежащее и сказуемое, а в переходном — три: подлежащее, прямое дополнение и сказуемое.

Непереходный оборот:

Хьо Иуьллу.
Ты лежишь.

Переходный оборот:

Ахь газета доьшу.
Ты читаешь газету.

2. В непереходном обороте подлежащее стоит в именительном падеже, а в переходном — в специальном падеже для переходного подлежащего — активном, в именительном-винительном же падеже стоит прямое дополнение.

Непереходный оборот:

Белхалой заводе боьлху.
Рабочие идут на завод.

Переходный оборот:

Белхалоша заводехь болх бо.
Рабочие работают (делают работу)
на заводе.

3. Сказуемое в непереходном обороте согласуется в классе с подлежащим, а в переходном обороте — с прямым дополнением. Разумеется, это касается лишь тех глаголов, которые имеют согласование по классу; глаголы же, не имеющие такого согласования, не согласуются ни с подлежащим, ни с прямым дополнением:

Непереходный оборот:

Со вьоду.
Я (мужчина) иду.
Хьо йьоду.
Ты (женщина) идешь.
Хьо вьоду.
Ты (мужчина) идешь.

Переходный оборот:

Болх бо.
Работу делают || делает (кто-то).
Стол йо.
Стол делают || делает (кто-то).
Бензин доккху.
Бензин делают || делает (букв.: извлекает
кто-то).

Со ву.
Это — я (мужчина).
Со ю.
Это — я (женщина).

Ас болх бо.
Я (мужчина) работу делаю.
Ас болх бо.
Я (женщина) работу делаю.

Тхо ду.
Это — мы.

Оха до.
Мы делаем.

Уьш бу.
Это — они (люди).

Цара до.
Они делают.

Примечание к п. 1. Исключения из этого правила представляют собою предложения, в которых сказуемое исторически включило в свой состав прямое дополнение в виде неоформленного корня. В такого рода переходных предложениях только два главных члена — продуктивное подлежащее (в активном падеже) и сказуемое, прямое же дополнение исторически подразумевается в сказуемом:

Адамо садоу пехашца.
Человек дышит легкими.

(другие примеры см. на стр. 38).

Примечание к п. 3. В непереходном обороте связка „ду“ (вспомогательный глагол „быть“) в составе именного сказуемого согласуется не с подлежащим, а с именной частью сказуемого в том случае, если эта часть выражена именем существительным в именительном падеже; в остальных случаях связка согласуется по общему правилу с подлежащим:

Непереходный оборот:

Хара дечиг — наж бу.
Это дерево — дуб.

Хара дечиг — бляьлланган ду.
Это дерево — ореховое.

Хара дечиг — ножан ду.
Это дерево — дубовое.

Хара дечиг — дууштов ду.
Это дерево — кизил.

Хара дечиг — бляьлланг ю.
Это дерево — орешник.

Хара дечиг — дууштован ду.
Это дерево — кизидовое.

Глаголы-сказуемые непереходного и переходного оборотов (т. е. непереходные и переходные глаголы) в чеченском языке вообще не отличаются друг от друга ни различными типами спряжения, ни различием в наличии согласования.¹ Как среди непереходных, так и переходных глаголов-сказуемых имеется группа глаголов, изменяющихся по классам, и группа, такого изменения не имеющая.

Непереходный оборот:

Колхозхой дика а, самукъиэ
а беха.

Колхозники и хорошо, и ве-
село живут.

Колхозхой мукъа ца Ia.
Колхозники без дела (свобод-
ными) не сидят.

Трактор аренга йовду.

Трактор на поле идет.

Трактор тхов клел лаятта.

Трактор стоит под навесом.

Переходный оборот:

Колхозхоша болх дика бо.
Колхозники хорошо работают (ра-
боту делают).

Колхозхоша ялта чехка ору.
Колхозники быстро молотят хлеб.

Тракторо хIургон юьгу.

Трактор ведет || везет фургон.

Тракторо чехка оху.

Трактор быстро пашет.

¹ Ряд непереходных глаголов имеет иное, чем у глаголов переходных, образование настоящего времени (ср. ниже стр. 62—63).

Важнейшие переходные глаголы

(Форма повелительного наклонения)

<i>Яйа</i> ¹	— потуши, потеряй.	<i>Диэкъа</i>	— раздели.
<i>Дата</i>	— покажи.	<i>Детта</i>	— ударяй, бей; дои.
<i>Да</i>	— принеси, привези,	<i>Дехка</i>	— завяжи, привяжи.
<i>Даййта</i>	— заставь принести, привезти, прийти.	<i>Иэца</i>	— возьми, купи.
<i>Даа</i>	— ешь.	<i>Диэша</i>	— прочти, выучи.
<i>Ала</i>	— скажи.	<i>Дийца</i>	— рассказывай.
<i>Луо</i>	— дай.	<i>Яэдиэ</i>	— пиши.
<i>Ара</i>	— молоти.	<i>Кхàба</i>	— выкорми, накорми.
<i>Даста</i>	— развяжи.	<i>Кхàлла</i>	— укуси, вкуси, кусни.
<i>Дига</i>	— уведи, поведи,	<i>Кхосса</i>	— брось, кинь.
<i>Диэ</i>	— делай; посеи; убей.	<i>Кхолла</i>	— накрой (напр., буркой, только человека и животное).
<i>Дайта</i>	— заставь делать, покажи.	<i>Хийца</i>	— обмени.
<i>Даккха</i>	— добудь, извлеки.	<i>Ладуога</i>	— послушай, прислушайся.
<i>Ата</i>	— раздробь, растолки, побей.	<i>Лаха</i>	— поищи.
<i>Аха</i>	— паши.	<i>Лаца</i>	— схвати, поймай.
<i>Дахкийта</i>	— заставь прийти, пришли!	<i>Лакха</i>	— поиграй (на музыкальном инструменте).
<i>Дахкийта</i>	— заставь принести приплод (о животных)	<i>Мала</i>	— пей.
<i>Ахка</i>	— вскопай.	<i>Хьякха</i>	— потри, погладь, помажь; распили, скоси, обтеши.
<i>Хьюо</i>	— понеси, унеси, повези, увези.	<i>Лайта</i>	— заставь пребывать, сидеть.
<i>Гечдиэ</i>	— прости.	<i>Ювда</i>	— сожми, сдави.
<i>Гулдиэ</i>	— собери.	<i>Ювша</i>	— пожуй.
<i>Датта</i>	— испеки, изжарь.	<i>Такха</i>	— погаси долг.
<i>Дотта</i>	— налей.	<i>Таса</i>	— урони, набрось, зацепи.
<i>Догдàха</i>	— надейся.	<i>Тахкадиэ</i>	— качни, колыхни.
<i>Елла</i>	— открой.	<i>Тиэга</i>	— сшей.
<i>Йилла</i>	— положи, поставь.	<i>Тиэда</i>	— разрежай, режь.
<i>Дила</i>	— вымой.	<i>Тилла</i>	— надень (на голову).
<i>Диэкха</i>	— отплати, отомсти.	<i>Туоха</i>	— ударь, побей.
<i>Дула</i>	— заведи (часы).	<i>Тидита</i>	— прими.
<i>Дуога</i>	— посади (растение), вкопай (в землю).	<i>Дита</i>	— оставь, покинь, брось.
<i>Йолла</i>	— ткни.	<i>Лàлла</i>	— погони, угони, пригони.
<i>Дотта</i>	— налей.	<i>Дуо</i>	— сломай.
<i>Ютта</i>	— всунь, сунь.	<i>Дохка</i>	— продай.
<i>Айба</i>	— подними.	<i>Духа</i>	— одень (на тело).
<i>Хьаста</i>	— поласкай.	<i>Хьяха</i>	— помажь, смажь.
<i>Йохка</i>	— продай.	<i>Цаста</i>	— порежь, изрежь на куски.
<i>Уоза</i>	— потяни, покури.	<i>Хàтта</i>	— спроси.
<i>Олла</i>	— повесь.	<i>Хàкха</i>	— поскачи, помчись, понесись.
<i>Йотта</i>	— полей.	<i>Уохья</i>	— покажи.
<i>Шелдиэ</i>	— охлади.	<i>Дохдиэ</i>	— согрей.

¹ Префикс, показывающий изменение глагола по классам, набран курсивом.

Важнейшие непереходные глаголы

(Форма повелительного наклонения)

<i>Дага</i>	— гори.	<i>Ида</i>	— бегай.
<i>Дада</i>	— беги.	<i>Диэка</i>	— звени, пой (о птицах), гуди.
<i>Дала</i>	— выходи, закончись.	<i>Дерза</i>	— повернись, вернись, поправься.
<i>Дажа</i>	— пасись.	<i>Иэша</i>	— не доставай, будь победленным, уступи.
<i>Азлуо</i>	— похудей.	<i>Диж</i>	— ложись.
<i>Лата</i>	— подерись.	<i>Диса</i>	— останься.
<i>Далла</i>	— продолжайся.	<i>Пуо</i>	— пойди, уйди.
<i>Дата</i>	— свернись, створожись (о молоке), свалляйся (о войлоке).	<i>Хьажа</i>	— посмотри.
<i>Даржа</i>	— распространись, развернись.	<i>Хьовса</i>	— посмотри (о многих).
<i>Дарста</i>	— разжирей.	<i>Шовза</i>	— пищи.
<i>Лийча</i>	— искупайся.	<i>Шарша</i>	— скользи.
<i>Ловза</i>	— поиграй, позабавься.	<i>Ласта</i>	— шатнись, качнись.
<i>Јама</i>	— учись.	<i>Кьаста</i>	— будь отделяющимся, отличным; разборчивым (о почерке).
<i>Јана</i>	— полейся.	<i>Мотта</i>	— думай, полагай.
<i>Иэ</i>	— сиди, пребывай, оставайся (о человеке).	<i>Хада</i>	— оторвись, отрежься.
<i>Јаха</i>	— помычи; поблеи (об овце), порычи; поржи (о лошади), погуди.	<i>Кхача</i>	— достань, добудь.
<i>Јахка</i>	— лежи (о многих).	<i>Кхиэра</i>	— побойся.
<i>Велха</i>	— плачь.	<i>Кхиэта</i>	— пойми.
<i>Виэла</i>	— смейся.	<i>Лаза</i>	— заболи.
<i>Лачкьа</i>	— спрячься.	<i>Латта</i>	— стой.
<i>Лиэга</i>	— падай (вертикально сверху вниз), роняйся, капай.	<i>Тига</i>	— поддайся, позволь, согласись.
<i>Лиэла</i>	— ходи, гуляй.	<i>Тиэша</i>	— поверь.
<i>Лиэ</i>	— говори, бранись; умри.	<i>Туола</i>	— будь победителем, побеждай.
<i>Ваха</i>	— живи.	<i>Дуола</i>	— приди, привыкай, будь посредником.
<i>Ваха</i>	— пьяней.	<i>Досса</i>	— слезь.
<i>Гуллуо</i>	— соберись.	<i>Охьахаа</i>	— садись.
<i>Патта</i>	— встань, поднимись.	<i>Хаба</i>	— съежься.
<i>Дохковала</i>	— раскайся.	<i>Хьада</i>	— побег, убеги, прибеги (по направлению к чему-нибудь).
<i>Эккха</i>	— лопни, перепрыгни.	<i>Хиэта</i>	— покажись.
<i>Јовжа</i>	— щипи, дери (о ране).	<i>Хила</i>	— будь, стань, сделайся.
<i>Јилла</i>	— лежи.	<i>Хаза</i>	— услышь.
<i>Саца</i>	— остановись.	<i>Лаа</i>	— пожелай.
<i>Такха</i>	— ползи, осыпьясь, обва- лись.	<i>Довза</i>	— будь знакомым.
<i>Тахка</i>	— качнись, колыхнись.	<i>Тиэ</i>	— перестань.

Глаголы, употребляемые как в непереходном, так и в переходном залоге

(Форма повелительного наклонения)

Непереходный залог:

Биэгабиэ — сотрясись, дрогни.

Харца — опрокинься, перевернись.

Переходный залог:

Биэгабиэ — вытряси, встряхни вытряхни.

Харца — переверни.

Дуза — наполнись, насыться.
Дуожа — упади.

Дуза — наполни.
Дуожа — запряги.

В чеченском языке имеются отдельные глаголы, которые имеют значение как переходных, так и непереходных. Эти глаголы составляют редкое исключение. Повидимому, мы здесь имеем дело с пережитком глубочайшей старины, когда переходное и непереходное предложения, а в связи с этим переходный и непереходный залогом в глаголе еще не были раздвоены, разграничены. Таким образом, в этих глаголах мы имеем остаток первоначального общего оборота и соответственно залогом. В виду теоретического интереса, который представляет это явление, приводим здесь подробные примеры:

Непереходное значение:

Переходное значение:

Форма повелительного наклонения

Бегабе, мохк!
Сотрясись, земля!
Харца, варда!
Перевернись || опрокинься, арба!
Юза, кудал!
Наполнись, кувшин!
Дожа, гла!
Упади, лист!

Ахь бегабе палас.
Ты вытряси ковер.
Ахь харца сискал.
Ты переверни кукурузный чурек.
Шайн кудалаш юза аш!
Наполните ваши кувшины!
Ахь дожа стерчий.
Ты запряги быков.

Форма настоящего времени

Мохк бегабо.
Земля сотрясается.
Варда хярца.
Арба опрокидывается.
И варда хярцар ю.
Эта арба перевернется || опроки-
нется.
Ломахь варда кест-кеста хярцара.
В горах арба часто опрокидывалась.
Сан варда хярцира селхана.
Моя арба вчера опрокинулась.
Кудал хих юзу.
Водоносный кувшин наполняется
водой.
Сан говр йоьжна цехьхана.
Моя лошадь внезапно упала.
Со вуьзна хинца.
Теперь я насытился.
Сан бляьрган неглар дегийна.
Мое веко дрогнуло.

Ас бегабо палас.
Я встряхиваю ковер (палас).
Ас хорцу сискал.
Я перевертываю кукурузный чурек.
Оха йол хорцур ю кхана.
Завтра мы переворошим || перевер-
нем сено.
Цо книжкин кеглаташ хорцура.
Он перелистывал страницы книги.
Цо книжкин кеглат хярцира.
Он перевернул страницу книги.
Йола юзу кудал хих.
Девушка наполняет водоносный
кувшин водой.
Оха говр йоьжна хлургонна.
Мы запрягли лошадь в фургон.
Цо кудал юьзна хьабинчу хих.
Она наполнила водоносный кувшин
чистой (отстоянной) водой.
Ас истанг дегийна тахана.
Сегодня я вытряс войлок.

Из примеров мы видим, что формы всех глаголов, за исключением глагола „харца“ — опрокинься; переверни“, совершенно одинаковы как в непереходном, так и в переходном значении. Глагол же „харца“ имеет разные формы в настоящем времени и производных от него временах (будущем и прошедшем несовершенном). Здесь, кстати, заметим, что

нелабиализованная (неогубленная) форма настоящего времени в чеченском языке как раз и встречается в подавляющем большинстве случаев в глаголах непереходных.

Оборот с дательным субъектом представляет собою по смыслу переходный оборот. Однако смысловое (логическое) подлежащее в этом обороте стоит в дательном падеже, а смысловой (логический) объект — в именительно-винительном падеже. Так как в этом обороте форма продуктивного подлежащего (активный падеж) заменена дательным падежом, то грамматическим подлежащим в нем является именно смысловой (логический) объект, а логический субъект представляет собою косвенное (дательное) дополнение. Таким образом, оборот с дательным субъектом сходен по форме с непереходным оборотом.

Оборот с дательным субъектом имеет в качестве глагола-сказуемого весьма ограниченную группу глаголов со значением „чувствовать“, „сознавать“ и некоторыми другими значениями. Таких глаголов в чеченском языке около двух десятков. Однако в их числе находятся очень употребительные глаголы, как, например: ган — „видеть“, хаан — „знать“, лаан — „желать“, диэзан — „любить“ и т. д. Приводим список глаголов-сказуемых, при которых употребляется оборот с дательным субъектом.

Глаголы-сказуемые, требующие дательного субъекта:

Гуо	— будь видным, видь (видно).
Хаза	— будь слышным (слышно), услышь.
Хиэта	— кажись, покажись (кажется).
Хаа	— будь известным (известно), узнай.
Лаа	— хотись (хочется), пожелай, желай.
Довза	— будь знакомым (знакомо); ознакомься; изучи.
Мотта	— думайся (думается), думай.
Диэза	— будь любимым, люби, нравься; будь нужным (нужно)
Мага	— будь к лицу, будь подходящим, будь годным.
Тоа	— будь достаточным (достаточно), хватай (кому-нибудь).
Иэша	— будь в недостатке, будь необходимым, нужным, надобным (необходимо, нужно, надобно).
Карадиэ	— будь найденным, попадайся; найди.
Кюрдадиэ	— будь надоевшим, надоедай.
Къаста	— отделись, отличишь; различи; определись; разберись (в чем-нибудь), разбирай (что-нибудь).
Тә	— будь к лицу, будь подходящим, подходи, нравься; будь удачным (везет), удавайся.
Іама	— учись, приучайся.
Дицлуо	— будь забытым; забудь.
Тарлуо	— будь показавшимся (показалось); обознайся, ошибайся.
Дагада	— будь припомнившимся (помнится), вспомни, припомни. ¹

Из этого количества глаголов некоторые, как например, „диэза“ в значении: „будь нужным, будь необходимым“, „тә“ и „Іама“, „мага“ „тарло“ и т. д. употребляются не только с дательным, но в ином значении и с именительным, активным или родительным падежами в качестве субъекта (ср. стр. 244).

Разница между оборотом с дательным субъектом и непереходным — в согласовании по классам и по значению сказуемого „диэза“ видна из следующих примеров:

Со кхана эвла вахан виэза.
Мне следует завтра поехать в аул.

¹ Кроме того, в чеченском языке имеется ряд глаголов непереходных и переходных со значением „чувствовать“ (см. таблицу на стр. 244).

Сан кхана эвла вахан диэза.
 Мне необходимо завтра поехать в аул.
 Я должен завтра поехать в аул.
 Хьо цигара давалан виэза.
 Тебе следует оттуда уйти.
 Цуьная цигахь виса || йиса || Iàn диэза.
 Ему || ей необходимо остаться там.
 Он должен || она должна остаться там.
 Хьо болх бина валан виэза.
 Тебе следует закончить работу.
 Хьан болх бина валан диэза.
 Тебе необходимо закончить работу.
 Ты должен закончить работу.

Глаголы-сказуемые, требующие на ряду с дательным —
 именительного или родительного субъекта:

Диэза — будь необходимым, долженствуй (с родительным).
 Та — мирись, будь примиренным.
 Иэша — будь побежденным.
 Iама — приучайся, учись.
 Мага — ладь (с кем-нибудь); (с родительным) сходи с рук, будь
 дозволенным.
 Тарлуо — ладь (с кем-нибудь); будь подобным, уподобься.

Приведенные нами глаголы-сказуемые (стр. 63) вообще делятся на две группы: к первой относятся первые восемь глаголов, обозначающих по преимуществу „чувствовать“ и „сознавать“ в особенном смысле слова: „хаа, довза, лаа, мотта, диэза, гуо, хаза, хиэта“. Вторую группу составляют глаголы со значениями „подходить (к чему-нибудь), быть к лицу, быть в достатке или недостатке“ и другие, с трудно определенной категорией значения. Глаголы первой группы представляют собою слова, обозначающие процесс отражения в сознании внешнего мира, в то время как глаголы второй группы отчасти имеют иногда более субъективное значение (момент личной выгоды и т. д.). Разница между глаголами первой и второй группы обнаруживается при образовании от них производных оборотов: дательно-побудительного и других.

Оборот с дательным субъектом:

Суна а гина Чапаеван кино.
 И я видел кино(-картину) „Чапаев“.
 Колхозхошна дика хава юьртан бахаман артелан устав.
 Колхозникам хорошо известен устав сельскохозяйственной артели.
 Колхозники хорошо знают устав сельскохозяйственной артели.
 Суна дукхазза гина комбайн.
 Я много раз видел комбайн.
 Колхозхойн бёрашна а хава дечиган пондарш лакха.
 Дети колхозников умеют играть на горской балалайке.
 Чечанара декхначу || екхначу дийнахь го тхуна Казбек.
 В ясный день из Чечен-аула нам виден || мы видим Казбек.
 Хьуна газета || газет диэша хава.
 Ты умеешь читать газету.
 Чечаныхь атта хеза тхуна промыслера гудокаш.
 В Чечен-ауле мы легко слышим гудки с промыслов.

Тхуна радио чухула накъост Сталинан къамел хезира.
Мы слушали по радио речь товарища Сталина.

Оърсийн элпаш латинийн элпийл дуккха-а атта хета тхуна.
Русский алфавит кажется нам гораздо легче латинского.

Суна болх бан лаба.
Я хочу работать.

Суна хеза пондаран эшарш.
Мне слышны звуки музыкального инструмента.

Суна вайн депутатан къамел хезира.
Мне была слышна речь нашего депутата.
Я слышал речь нашего депутата.

Дохнан артелхошна девза дика хьелий.
Членам животноводческих артелей знакомы хорошие коровы.
Члены животноводческих артелей узнают || определяют (на взгляд)
хороших коров.

Дикачу тракторхочунна дика евза тракторан меженаш.
Хорошему трактористу хорошо знакомы || известны части трактора.

Суна иза дика вевза.
Я хорошо знаю его.

Вайн кIа хьоккхург хилла, моятту суна.
Я думаю, что пора косить нашу пшеницу.

Суна моятту, тахана и болх бина вай девр ду.
Мне думается || я думаю, мы сегодня закончим эту работу.

Тхуна колхозан аренгахь хьийкьина ялташ гина.
Нам видны на колхозных полях урожайные хлеба.
Мы видим на колхозных полях урожайный хлеб.

Суна колхозехь вaхар диэза.
Мне нравится жизнь в колхозе.

Колхозхошна ялта чудерзо комбайн йиэза.
Колхозникам нужен комбайн для уборки урожая.

Суна АтагIа ваха(н) машина йиэза.
Мне нужна машина (чтобы) ехать в Атаги.

Вайна биэза вешан кегийрхой.
Мы любим нашу молодежь.

Суна мега хIара пальто.
Это пальто как раз по мне.
Мне подходит это пальто.

И даьтта даа(н) ца мега.
Это масло для еды не годится.

Накхаран мозашна зазаш долу меттиг йиэза моз даккха(н).
Пчелам нужны цветы, чтобы набрать мед.

Суна хIара мачаш тоьу.
Я удовлетворен этсй обувью.
Меня удовлетворяет эта обувь.

ЧIогIа лаба тхан дешархошна экскурсе баха(н).
Нашим ученикам очень (крепко) хочется поехать в экскурсию.

Чишкара кхача а, климат а тайна суна.
Мне подходит и чишкинская пища, и климат.

Ши тонна кIора тоьу тхуна цхьана Iай.
Две тонны угля хватит нам на одну зиму.

Веданахошна накхарш тов.
Веденцам удаётся пчеловодство.

Нахана чlògla тавш ду тхан юьртсоветан председателан гiллакхаш.
Людям очень нравится отношение || обхождение председателя нашего
сельсовета.

Циркехь хазахиэта суна.

В цирке мне (больше) нравится (букв.: кажется веселее || красивее).

Берашна кlордийна чухьIен.

Детям надоело сидеть (в комнате).

Сайн куьзганашца дика къавста суна йòза.

Через мои очки я хорошо разбираю письмо.

Кузаш дечу говзачу зударшна дика къавста басарийн беснаш.

Мастерицы-ковровщицы хорошо различают цвета красок.

Тахана доgla дaн мега.

Сегодня наверное пойдет дождь.

Хlара чан а, йовхо а кlордийна-кх суна.

Мне надоела эта пыль и жара.

Теркал дийхьарчу нахана коган давхни тов.

Затерчным жителям удаётся (водить) (буквально: подходит)
рогатый скот.

Колхозан ялташ дика хиларца къавста бlаьргана кхиэчарах || кхечарех.
(Опытный) глаз хорошо определяет качество колхозного урожая.

Суна таханалèра де довха хийтира.

Мне сегодняшний день показался жарким.

Цунна и ахча тоьйна.

Ему достаточно этих денег.

Ему хватит этих денег.

Цкъа тоьйна шед шарахь тоьу дикачу динна (пословица).

Одного удара плети хватит на год хорошему коню.

Вайна дика кадраш оьшу.

Нам нужны || необходимы хорошие кадры.

Колхозникашна керла мехкдаьтта карийна.

Колхозникам попалась новая нефть.

Колхозники нашли новую нефть.

Колхозхошна тов тракторащца, комбайнащца болх бар.

Колхозникам есть удача работать с тракторами, с комбайнами.

Колхозникам нравится работа с тракторами, с комбайнами.

Суна колхозехь болх тов.

Мне удаётся работа в колхозе.

Собгахь дика тов и фуражка.

Мне хороша эта фуражка.¹

¹ Интересно, что в архаическом произношении (например, еще на памяти стариков) оборот с дательным субъектом строился по образцу переходного оборота и вместо дательного падежа подлежащего в нем мог употребляться активный падеж:

Ас (вместо суна) хезнера, и йоI хаза ю бòхуш.

Я слышал, что эта девушка красива.

Ас (вм.: суна) гинера иза.

Я видел его.

Ас (вм.: суна) ишта мььттура || моттара.

Я так полагаю, думаю.

Говорят еще и сейчас:

Как мы увидим ниже, входящие в первую группу глаголы-сказуемые, при которых логический субъект стоит в дательном падеже, по образованию от них некоторых других оборотов (залогов) имеют сходство с переходными глаголами-сказуемыми (см. ниже стр. 77—78). Вторая же группа глаголов-сказуемых с дательным субъектом имеет сходство в этом отношении с непереходными глаголами-сказуемыми.

Три перечисленных нами выше оборота — непереходный, переходный и оборот с дательным субъектом — представляют собою основные конструкции предложения в чеченском языке. Основными мы должны их признать потому, что остальные обороты и формы глагола-сказуемого в них (залог) образуются от этих трех. Так от указанных трех оборотов, в первую очередь, образуются три оборота, которые мы называем обобщенными.

Обобщенные обороты. От непереходного оборота образуется обобщенно-непереходный оборот, от переходного оборота — обобщенно-переходный и от оборота с дательным субъектом — обобщенно-дательный оборот. В обобщенных оборотах имеется один общий оттенок смысла. Они выражают действие, понимаемое как обычное или обязательное действие, как обычное занятие субъекта, как его профессиональное занятие, или выражают способность подлежащего вообще производить данное действие. Для того чтобы дать понятие о формах образования трех обобщенных оборотов, приведем здесь схематическую таблицу образования этих форм.

I. Основные обороты:

Непереходный:

Со лела.
Я хожу, гуляю (в данный отдельный момент и вообще).

Переходный:

Ас болх бо.
Я делаю работу, работаю (в данный отдельный момент и вообще).

Оборот с дательным субъектом:

Суна говр го.
Я вижу лошадь.

Буквально: Мне видима лошадь.

(в данный отдельный момент и вообще).

II. Обобщенные обороты:

Обобщенно-непереходный:

Со лелаш ву.
Я (обычно) хожу, гуляю.
Я имею обыкновение ходить, гулять.

Обобщенно-переходный:

Со болх беш ву.
Я (обычно) работу делаю, работаю.
Я имею обыкновение работать.
Мое занятие — работать.

Обобщенно-дательный оборот:

Со говр гуш ву.
Я (вообще) вижу лошадь.
Мои глаза различают лошадь.
Я способен видеть лошадь.

Ахь (вм.: хьуна) каалахь, со дига вогIур вуйла.
Ты знай, что я туда приду
И дан ца мега ахь || хьуна?!
Неужели ты не можешь сделать это?!

Эти случаи заставляют нас сделать предположение, что оборот с дательным субъектом представляет собою в чеченском сравнительно позднее образование.

Из этих примеров образования обобщенных оборотов мы видим, что переходный оборот и оборот с дательным субъектом, который по своему значению тоже является переходным, меняют при образовании обобщенных оборотов продуктивную форму подлежащего (активный падеж) или дательный падеж логического субъекта на непродуктивную его форму (именительно-винительный падеж). Таким образом, во всех обобщенных оборотах подлежащее имеет непродуктивную форму, т. е. стоит в именительно-винительном падеже. Обобщенно-непереходный оборот остается непереходным и по форме, и по значению. Обобщенно-переходный же и обобщенно-дательный обороты остаются переходными по смыслу, но становятся непереходными по форме (форма подлежащего). При этом в двух последних оборотах, на ряду с подлежащим, имеется и прямое дополнение, которое тоже стоит в именительно-винительном падеже. Следовательно, в этих двух оборотах в предложении имеется два именительно-винительных падежа. Сказуемое во всех обобщенных оборотах представляет собою составное глагольное сказуемое, образуемое из деепричастия соответствующего времени и вспомогательного глагола-связки „ду“ (есть). В том случае, если глаголом-сказуемым служит глагол, имеющий изменение по классам, обе части составного сказуемого согласуются с двумя именительными падежами. Деепричастие согласуется с прямым дополнением, а связка — с подлежащим. Превращение активного падежа в именительный и согласование с ним части составного сказуемого представляет собою лишнее доказательство того, что активный падеж, т. е. продуктивная форма подлежащего действительно представляет собою настоящее подлежащее в чеченском предложении.

В некоторых случаях, когда и подлежащее и прямое дополнение в обобщенно-переходном и обобщенно-дательном обороте принадлежат к одному и тому же грамматическому классу, согласование сказуемого-глагола не разграничивает прямое дополнение от подлежащего:

Со хьо гуш ву.	Хьо со гуш ву.
Я тебя (вообще) вижу.	Ты меня (вообще)
Буквально: Я тебя разбираю	видишь.
глазами.	Буквально: Ты меня разбираешь
	глазами.

В этом случае подлежащее ставится на первом месте, а прямое дополнение — на втором. Здесь только порядок слов дает возможность установить, какой из двух именительных падежей выражает подлежащее и какой — прямое дополнение. Вообще, как мы видели выше (стр. 19—20), слова в чеченском предложении могут довольно свободно изменять свой порядок. Это изменение порядка отражается только на оттенках смысла, но обычно не меняет связи слов в предложении. В данном же случае, который представляет собою, правда, редкое исключение, порядок слов определяет собою форму подлежащего и прямого дополнения. Аналогичные случаи мы можем встретить и в русском языке:

Камень дробит дерево. Дерево дробит камень.

И здесь благодаря совпадению формы винительного падежа с именительным и благодаря отсутствию согласования по родам сказуемого-глагола, только порядок слов придает форму подлежащего и прямого дополнения. Приведем примеры на обобщенные обороты.

Обобщенно-непереходный оборот:

Милиционер и некъаш къавстачухъ лъатташ ву.
 Милиционер (обычно) стоит на этом перекрестке.
 Милиционер и некъаш къавстачухъ лъаттина ву.
 Милиционер (обычно) стоял на этом перекрестке.

Милиционер и некъаш къабстачухъ лаяттар волуш ву.
Милиционер (постоянно || обязательно) будет стоять на этом перекрестке.

Дешархой Iинца школе охуш бу.
Ученики теперь (обычно) ходят в школу.

Дешархой Iай школе ихна бу.
Ученики зимой (обычно) ходили в школу.

Дешархой xIинца школе охур болуш бу.
Ученики теперь (вообще || обязательно) будут ходить в школу.

Колхозан дахни лелорхо шен дахница аька ломахъ, Iай арахъ
вехаш ву.
Колхозный животновод (обычно) живет со своим скотом летом
в горах, (а) зимой на плоскости.

Колхозан дахни лелорхо шен дахница аька ломахъ, Iай арахъ
ваьхна ву.
Колхозный животновод (обычно) жил со своим скотом летом в горах,
(а) зимсй на плоскости.

Колхозан дахни лелорхо шен дахница аька ломахъ, Iай арахъ
вехар волуш ву.
Колхозный животновод (вообще || постоянно) будет жить со своим
скотом летом в горах, (а) зимой на плоскости.

Из приведенных примеров мы видим, что обобщенно-непереходный оборот так же, как и другие обороты, имеет формы для трех основных времен, отличные от непереходного оборота. Главное отличие этих форм заключается в том, что они представляют собою составные сказуемые. В будущем действительном времени эти составные сказуемые состоят из трех слов: причастия данного глагола-сказуемого, деепричастия вспомогательного глагола („быть“) и связки.

Обобщенно-переходный оборот:

Алмаз куьзга хадош ду.
Алмаз предназначен резать стекло.
Алмаз имеет назначение резать стекло.
Назначение алмаза — резать стекло.

Алмаз куьзга хадийна ду.
(Данный) алмаз (уже когда-нибудь) резал стекло.
(Данный) алмаз (уже) был в работе по резке стекла.

Алмаз куьзга хадор долуш ду.
(Данный) алмаз (вообще, действительно, обязательно) будет резать
стекло.

XIара бедар дика лелаш ю.
Эта одежда (вообще) носится хорошо.
Эту одежду (вообще) бережно носят.

XIара бедар лелийна ю.
Эта одежда (уже) ношена.

Со книжкаш язъеш ву.
Я занимаюсь писанием книг.
Я (вообще) пишу книги.

Со аре охуш ву.
Я (вообще) пашу поле.
Я занимаюсь распашкой поля.

Из этих примеров видно, что обобщенно-переходный оборот образуется от переходного оборота и имеет формы для трех основных времен глагола-сказуемого, отличные от переходного оборота. Основное отличие этих форм заключается в том, что подлежащее меняет свою продуктивную форму (активный падеж) — на непродуктивную (именительно-винительный падеж), глагол же сказуемое согласуется как с этим подлежащим, так и с прямым дополнением. Формы глагола-сказуемого во всех трех временах представляют собою составные сказуемые. В будущем действительном времени составное сказуемое состоит из трех слов.

Обобщенно-дательный оборот:

Вай || вайна гуш ду Ia герга кхачар.

Мы видим, что зима подошла || зима на пороге.

Дешархой дешаран шо дладуоладала(н) лууш бу.

Ученики желают, чтобы начался учебный год.

Колхозхой шайн трудденош дукха хилар дизэш бу.

Колхозники желают, чтобы их трудодни умножились.

Из этих примеров видно, что в обобщенно-дательном обороте подлежащее стоит в непродуктивной форме, а подлежащее дательного оборота превращается в прямое дополнение. Сказуемое стоит и здесь в составной форме, причем обе части сказуемого согласуются одновременно — одна (первая часть) с прямым дополнением, а другая — с подлежащим.

Следовательно все обобщенные обороты имеют подлежащее в непродуктивной форме, и сказуемое — в составной глагольной форме. Кроме того, обобщенно-переходный и обобщенно-дательный оборот имеют прямое дополнение в именительно-винительном падеже. Таким образом, переходные по смыслу обобщенные обороты становятся непереходными по форме.

Процессные обороты. Процессные обороты образуются только от переходных по смыслу оборотов, т. е. от переходного оборота и оборота с дательным субъектом. При их образовании подлежащее сохраняет форму основного оборота (активный падеж или дательный падеж логического подлежащего). Сказуемое во всех процессных оборотах представляет собою составное сказуемое в той же форме, что и в обобщенных оборотах (т. е. деепричастие спрягаемого глагола и связка). Обе части этого составного сказуемого в процессно-обобщенных оборотах согласуются только с единственным в данном обороте именительным падежом прямого дополнения в процессно-переходном и подлежащего в процессно-дательном обороте. В этом отличие данной конструкции от обобщенной конструкции.

По смыслу процессные обороты весьма близки обобщенным. Первые отличаются от вторых лишь небольшим оттенком значения: процессные обороты выражают нахождение субъекта в процессе действия над определенным единичным объектом, причем процесс действия захватывает не только данный конкретный момент, но и известный промежуток времени до настоящего и после настоящего момента. Поэтому процессные обороты по-русски следует переводить с добавлением слов: „занимается, занят, находится в процессе работы“.¹

Процессно-переходный оборот:

Болх ас беш бу.

Я занят (данной) работой.

Я нахожусь в процессе (данной) работы.

¹ На ряду с этим процессные обороты могут совпадать по значению с обобщенными, однако всегда лишь по отношению к определенному объекту.

Книжкаш ас язъеш ю.
Я занят писанием (данных) книг.
Я взялся писать (данные) книги.

Куызга алмазо хадош ду.
Стекло режется алмазом.
Алмаз способен (пригоден, может) резать (данное) стекло.

Куызга алмазо хадийна ду.
(Данное) стекло порезал (именно) алмаз (а не что иное).
(Данное) стекло порезано (именно) алмазом.

Куызга алмазо хадор долуш ду.
Стекло будет резаться алмазом.
(Данное) стекло можно будет резать алмазом.
Алмаз (вообще) способен будет резать (данное) стекло.

Из приведенных примеров мы видим ту особенность процессных оборотов, которая отличает их от обобщенных: в процессных оборотах прямое дополнение (в процессно-дательном — подлежащее) приобретает оттенок определенности, т. е. выражает отдельное понятие. Для передачи этого оттенка в русских переводах мы добавляем слово „данный“. Составное сказуемое реже употребляется в процессном обороте на своем обычном месте — в конце предложения. Оно ставится или в середине предложения между подлежащим и прямым дополнением, или в конце предложения после подлежащего. Таким образом, вместо: „алмазо куызга хадош ду“ говорят: „алмазо хадош ду куызга“ или „куызга алмазо хадош ду“. Если же мы имеем такой порядок слов: „алмазо хадош — куызга ду“ или „ас язъеш — книжка ю“, то в данном случае мы не будем иметь ни обобщенного, ни процессного оборота, а предложения, в которых „куызга ду“, „книжка ю“ будут составными сказуемыми. Эти предложения можно перевести по-русски приблизительно следующим образом: „то, что режется алмазом, есть стекло; то, что режет алмаз, есть стекло“; „то, что пишется мною, есть книга; то, что я пишу, есть книга“ и т. д. Таким образом, здесь мы будем иметь сложносочиненное предложение, в котором деепричастные формы не входят в состав сказуемого в главном предложении, а представляют собою придаточные формы сказуемых, заменяющие причастие (см. ниже стр. 219).

Процессно-дательный оборот:

Суьйра-Корьтара Дубий-Эвла гуш ю тхуна.
С горы Сюр-Корта нам (обычно) виден Дуба-юрт.
С горы Сюр-Корта мы (обычно) видим Дуба-юрт.

Суьйра-Корьтахь хьаьха заман чухь цхьа-а вышка гина яц нахана.
На горе Сюр-Корта в прежнее время не было видно ни одной
вышки (люди не видели ни одной вышки).

Хлокху хи тлехь шо даьлча вайна гур йолуш ю гидростанци.
На этой реке мы будем видеть через год гидростанцию.

Хлара гуллакх суна дика хууш ду.
Это дело мне хорошо известно.

Хлара гуллакх суна дика хийна ду.
Это дело мне было хорошо известно.

Хлара гуллакх суна дика хуур долуш ду, бутт баьлча.
Это дело мне будет хорошо известно через месяц.

Дешархоша лууш ду дешара(н) шо дладуоладар.
Ученикам желательно, чтобы начался учебный год.

Тхан бригадана хиэташ ду шà кхочарал кадиэ хилар.
Наши бригады считают себя быстрее других.

Царна хезаш ю заводера гудокаш.
Им (обычно) слышны гудки с завода.

Колхозхошна диэзаш ду шайн трудденош дукха хилар.
Колхозники желают, чтобы у них было много трудодней.

Из этих примеров мы видим, что процессно-дательный оборот сохраняет форму подлежащего по смыслу (логического субъекта) в дательном обороте (дательный падеж). Подлежащим остается логический объект. Сказуемое имеет, как во всех обобщенных оборотах, составную глагольную форму (в будущем времени из трех слов).

По своему значению процессно-дательный оборот выражает нахождение в процессе действия или занятость каким-либо действием, но также может обозначать и обычное действие или занятие, т. е. по смыслу совпадать с обобщенно-дательным оборотом.

Производные обороты. Исторически развившиеся непереходный и переходный обороты сейчас же должны были развить производные формы превращения непереходности в переходность и переходности в непереходность. Такой формой, превращающей непереходный оборот в переходный, является производно-переходный оборот, а формой, превращающей переходный в непереходный, является производно-непереходный оборот. Следовательно, производно-переходный оборот по смыслу представляет собою оборот переходный. По связи слов (главных членов) в предложении этот оборот тоже полностью совпадает с переходным. Единственное отличие его от переходного оборота заключается в том, что глагол-сказуемое в производно-переходном обороте исторически образовано от непереходных глаголов-сказуемых путем слияния их с глаголом „дан“ — „делать“ в одно слово. Например, от непереходного глагола-сказуемого „бажан“ — „пасться“ образуется производно-переходный глагол „бажабан || бажон“ — „пасти“, от непереходного глагола „лиэлан“ — „ходить“ образуется производно-переходный „лиэлаян || лиэлон“ — „водить“ и т. д. Таким образом, производно-переходный оборот за редкими исключениями образуется от непереходных глаголов. Для того чтобы дать понятие об образовании производно-переходных глаголов от непереходных, мы приводим ниже таблицу-список таких глаголов.

Производно-непереходный оборот, по своему образованию, аналогичен производно-переходному, но противоположен ему по своему значению. По согласованию главных членов предложения производно-непереходный оборот представляет собою оборот непереходный. Подлежащим в этом обороте является смысловое прямое дополнение (логический объект). Смысловое же подлежащее (логический субъект) стоит в этом обороте в форме косвенного (местного) дополнения. Глагол-сказуемое в производно-непереходном обороте исторически образовалось из слияния соответственного переходного глагола и глагола „далан“ — „давать“, который придает этому сказуемому значение состояния. По-русски производно-непереходный оборот переводится с добавлением слов „удается, в силах, в состоянии“ и т. д. Таким образом, чеченский производно-непереходный оборот выражает действие, как состояние смыслового подлежащего, или обозначает возможность осуществления этого действия. Приведем примеры на производные обороты.

Непереходный оборот:

Говр лела.
Лошадь ходит.

Производно-переходный оборот:

Ас говр лелайо.
Я лошадь вожу.

Производно-переходный оборот:

Колхозхойн даьхни Iуша дика даждо.
Пастухи хорошо пасут колхозный скот.

Дешархоша шайн урокаш дика Iамайо.
В наших школах ученики хорошо учат уроки.

Колхозхоша шен хенахь дерзадо ялташ чу.
Колхозники своевременно убирают хлеба.

Пачхьалкхо кьахьегамхошна массо-а тайпа товараш латтадо
магазинашкахь.
Государство обеспечивает трудящимся все сорта товаров
в магазинах.

Школашкахь дешархоша низам дика леладо.
Ученики в школах хорошо поддерживают порядок.

Бригадиро бригадой шайн балха хьийсабо.
Бригадир распределяет членов своей бригады на их работу (каждого
на его работу).

Колхозаша хьалххе дакьастадо хIун ялта.
Колхозы заранее выделяют семенной фонд (семенной хлеб).

Шкоলেখь гаргол || горгале бекабо дежурничо.
В школе дежурный звонит в звонок.

Хьехархочо хьалххе кечйо урокаш.
Учитель заранее подготавливает уроки || подготавливается
к урокам.

Вайн Шечу Эскаро эшор бу вайн дозанад диэхьара мостагIий.
Наша Красная Армия победит наших зарубежных врагов.

Колхозхоша дика кхиадо даьхни.
Колхозники хорошо разводят скот.

Накьостий, ручканаш, кегIаташ кечде!
Товарищи, приготовьте ручки, бумаги!

Переходный оборот:

Ас болх бо.
Я работаю.
Буквально: Я работу делаю.

Производно-непереходный оборот:

Собга болх бало.
Мне удастся работать.
Я в состоянии работать.

Производно-непереходный оборот:

Колхозхошка машинаца белхаш дика бало.
Колхозникам хорошо удается работать машинами.

Заводашкахь белхалошка шайн белхан норманаш тIехкхочушъяелла.
На заводах рабочим удалось перевыполнить нормы своей работы.

Промыслехь белхалошка дийнна вышка кхечахьа яхьаеллера.
Рабочим на промыслах удалось перенести (с места на место)
вышку в целом виде

Говзачу яздархочуьнга дика иллеш дахало.
Искусный писатель может писать хорошие песни.

Тхобга болх дика бало.
Мы в состоянии хорошо работать.
Нам удастся хорошо работать.

Тхан учителан йоза массаьрга-а атта диэшало.
 Почерк нашего учителя все легко разбирают.
 Всем легко дается читать почерк нашего учителя.

Вайн республикехь дикачу трактористе цхьана дийнахь шовэзткьей
 итт а, цул сов а гектар ахало.
 Хорошим трактористам удается в нашей республике пахать по
 пятьдесят гектаров и более в день.

Тхан колхозан говраш Iалашъярхочуьнга дукха говраш дика кхабало.
 Конюху нашего колхоза удается хорошо ходить за многими
 лошадьми || обслуживать многих лошадей.

Соблжан-ГПалин белхалощка кхушара дукха мехкдаьтта даккхаделира.
 Грозненским рабочим в этом году удалось добыть много нефти.

Дикачу бурун говзанчашка сов кIорга а, чехка а тохало буру.
 Хорошим мастерам бурения удается очень глубоко и быстро бурить
 (скважину).

Говрашца атта ахало семса латта.
 Рыхлую землю легко удается пахать лошадью.

Керлачу Iуьне а бажало бажа шерачу арахь.
 Новому пастуху удается пасти скот на равнине.

Варданашца а дало ялташ цIа.
 И на арбах (арбами) можно возить хлеб домой.

Тхан махка тIехь массанхьа-а дахкало хиш.
 По нашей земле || стране всюду можно провести воду (для орошения).

Хьобхан а, баганан а дечгах атта дало кораш, наьIарш.
 И из липовой, и из сосновой древесины легко удается делать
 окна, двери.

Тхобга газеташ дешало.
 Мы можем || мы в состоянии читать газеты.

ЧогIачу стаге дуьзна гали айбалло.
 Сильный человек в состоянии поднять полный мешок.

Если мы будем рассматривать предложения, построенные по форме производно-переходного оборота, то увидим, что сказуемое-глагол в них в подавляющем большинстве случаев образовано от глагола-сказуемого в простом непереходном обороте. Так например: „дажадо“ образовано от „дажа“, „Iамайэ“ — от „Iама“, „дерзадо“ — от „дерза“, „латтадо“ — от „латта“, „леладо“ — от „лела“ и т. д. При этом, путем прибавления к этим непереходным глаголам глагола „дан“ — „делать“, непереходное значение глагола развивается в переходное:

Непереходные глаголы:	Производно-переходные глаголы:
Дажан — пастись.	Дажадан дажон — пасти.
Iаман — учить:я.	Iамаьн Iамон — учить, изучать.
Дерзан — поворачивать.	Дерзадан дерзон — убирать.
Латтан — стоять.	Латтадан латтон — заставляя быть в наличии
Лиэлан — ходить, гулять.	Леладан лелон — носить, возить, проводить в жизнь.

Эту форму переходного глагола от непереходного в чеченском языке можно широко образовывать от многих непереходных глаголов. В редких случаях производно-переходная форма может быть образована также от переходных глаголов.

Переходный:

Хьакха — потри, помажь, погладь; об-
теши; скоси; сожни; причеши.
Олла — повесь.

Производно-переходный:

Хьакхадие — мни, разминай.
Олладие — навесь, привесь,
свесь, выпусти ви-
сячий колец.

В этих случаях, как мы видим, вместо ожидаемой двойной переходности, производно-переходная форма получает смысл простой переходности, но с измененным оттенком значения. Наконец, в редких случаях производно-переходные глаголы образованы от именных основ.

Именная основа:

Кийча — готовый

Производно-переходный глагол:

Кечдан — приготовить,

или от основ, в настоящее время исчезнувших, как слова:

Клорда

Клордадан || клордон — надоест, наскучить.

Яз (ср. йоза — письмо)

Яздан — писать.

Цуб

Цубдан — сосать.

Если рассмотреть наши примеры, построенные по форме производно-непереходного оборота, то мы увидим, что в большинстве случаев производно-непереходные глаголы-сказуемые образуются от переходных. Они состоят из основы переходного глагола и вспомогательного глагола „далан“ — „давать“, который и придает вновь образованной глагольной основе значение непереходности.

Переходный глагол:

Бан — делать.

Производно-непереходный глагол:

Бабалан — быть в состоянии
делать.

Даккхан — добывать,
извлекать.

Даккхадалан — быть в состоянии
получить, сочи-
нить.

Диэшан — читать.

Диэшадалан — разбирать, быть
в состоянии чи-
тать.

Ахан — пахать.

Ахадалан — быть в состоянии
пахать.

Кхабан — ходить, уха-
живать.

Кхабадалан — быть в состоянии
ходить.

Иэцан — брать, поку-
пать.

Иэцадалан — быть в состоянии
купить.

Во многих также случаях производно-непереходный оборот образуется от непереходного. Это образование встречается гораздо чаще, чем образование производно-переходного глагола от переходного (см. стр. 76). Основной оттенок значения производно-непереходного оборота сохраняется полностью и в тех случаях, когда он образован от непереходного, но конструкция предложения полностью совпадает с непереходной конструкцией (подлежащее смысловое и логическое — в именительном падеже).

Производно-непереходный оборот, образованный от непереходного:

Со кест-кеста вахало кино.

Мне часто удается ходить в кино.

Колхозийн уьстагий ломахь дика дажало.

Колхозным баранам хорошо удается нагуливаться || откармливаться
в горах.

Со неканца Теркал диэхъа валаало.

Я в состоянии впазь переправиться на ту сторону Терека.

Таким образом, производные обороты в формах своих глаголов-сказуемых образуют не только парные образования: *непереходный* — *производно-непереходный* глагол или *переходный* — *производно-непереходный* глагол, но и систему тройных образований, как, например: *непереходный* — *производно-переходный* — *производно-непереходный* глагол или *переходный* — *производно-непереходный* — *производно-переходный* глаголы. Это легко можно видеть из следующих примеров:

Парные глаголы:

<i>Непереходный:</i>	<i>Производно-непереходный:</i>
Вуола — приди.	Валуо — будь в состоянии притти.
<i>Непереходный:</i>	<i>Производно-переходный:</i>
[* Дахъа — отмерзни].	Дахъадиэ — отморозь.
<i>Переходный:</i>	<i>Производно-непереходный:</i>
Ара — обмолоти.	Аралуо — будь в состоянии обмолотить.

Тройные глаголы:

<i>Непереходный:</i>	<i>Производно-переходный:</i>	<i>Производно-непереходный:</i>
Кхиэра — бойся.	Кхиэрадиэ — испугай.	Кхиэралуо — испугайся.
Патта — раскройся, поднимись, встань.	Паттадиэ — подними, по- ставь, раскрой.	Патталуо — будь в со- стоянии подняться, поднять.
Туола — победи.	Туолавиэ — дай побе- дить.	Туолалуо — будь в со- стоянии дать побе- дить.
<i>Переходный:</i>	<i>Производно-непереходный:</i>	<i>Производно-переходный:</i>
Хъакха — погладь, по- мажь, потри, об- теши; скоси, сожни; причеши.	Хъакхалуо — коснись, до- тронься.	Хъакхадиэ — мни, раз- минай.
Доккхадиэ — радуйся.	Доккхадиэлуо — будь в состоянии радовать.	Доккхадиэдиэ — радуй.
Лиэ — говори.	Лиэлуо — будь в состоя- нии говорить.	Лиэдиэ — заставь гово- рить, обмани.
Мала — пей.	Малалуо — будь в со- стоянии пить поить.	Маладиэ — пои.
Даа — ешь.	Даалуо — будь в состоя- нии есть кормить.	Даадиэ — корми.

(Еще примеры см. на стр. 83).

Интересно, что производно-непереходная форма глагола-сказуемого в случае тройных глагольных образований относится одинаково как к основной (непереходной или переходной), так и к производной от нее форме: малалуо — „будь в состоянии пить, поить“; даалуо — „будь в состоянии есть, кормить“; лиэлуо — „будь в состоянии говорить, обмануть“ и т. д. Парные образования возможны также по типу производно-переходный — производно-непереходный глаголы и в тех случаях, когда оба глагола произведены от неглагольной или неизвестной как слово основы.

Парные глаголы:

Основа:	Производно-переходный:	Производно-непереходный:
Яз (йоза)	Яздиэ — напиши.	Язлуо — будь в состоянии написать.
Каг	Кагде — сломи.	Кагло — будь в состоянии сломать, сломаться.
Кеч	Кечде — приготовь.	Кечло — будь в состоянии приготовиться.
Хаба	Хабаде — мни.	Хабало — будь в состоянии мять.
Цуб	Цубде — соси.	Цубло — будь в состоянии сосать.

Глаголов, приведенных нами в последней таблице, т. е. таких, в которых обе производные формы образованы не от глагола, довольно много. Приведем несколько примеров на них.

Производно-переходный:	Производно-непереходный:
Колхозхоша б'австенан юьхъехь арара болх болабо.	Колхозхойн араара болх б'австенан юьхъехь болабо.
Колхозники ранней весной начи- нают полевую работу.	Колхозную полевую работу удаётся начать ранней весной.
Оха тхайн арара ялташ ц'ена сх'алахъадо.	Тх'ойга тхайн ялташ ц'ена сх'алахъало.
Мы без потерь (чисто) собрали хлеб с наших полей.	Нам удаётся без потерь (чисто) собрать свой хлеб.
Мостаг'чо вайн колхозхой а, белха- лой а ца Iехабина Iехийна.	Мостаг'ч'уьнга вайн белхалой а, колхозхой а ца Iехабелла.
Враг не обманул наших рабочих и колхозников.	Врагу не удалось обмануть наших рабочих и колхозников.
Беш лелорхочо Iежаш малхехь бакъабо.	Беш лелорхоч'уьнга Iежаш малхехь бакъало.
Садовод сушит яблоки на солнце.	Садоводу удаётся сушить яблоки на солнце.
Вайн зударша к'омал хи чухь т'адабо.	Вайн зударшка к'омал хи чухь т'адало.
Наши женщины мочат коноплю в воде.	Нашим женщинам удаётся мочить коноплю в воде.

Из приведенных примеров мы видим, что производно-непереходный оборот в том случае, если он не имеет логического субъекта, превращается в настоящий непереходный оборот и по смыслу, и по форме. Подлежащим в нем становится смысловое прямое дополнение (логический объект), а сказуемое-глагол делается равным по смыслу русскому непереходному (по форме также возвратному) глаголу. Это лишний раз подтверждает правильность высказанного нами положения, что производно-непереходная форма оборота и глагола представляет собою разницу переходности в непереходность.

Приведем несколько примеров образования производно-непереходного оборота от оборота с дательным субъектом. Оборот с дательным субъектом, как мы уже говорили выше, является переходным по смыслу, хотя смысловое подлежащее (логический субъект) стоит в этом обороте в дательном падеже (см. стр. 63). Эта форма логического подлежащего частью не сохраняется полностью и в производно-непереходном обороте. Она заменяется косвенным дополнением в местном падеже. Сказуемое в этом обороте имеет обычную форму сложной основы, оканчивающейся на глагол „далан“ — давать.

Производно-непереходный оборот, образованный от оборота с дательным субъектом:

Вайн баккхийчу нахе дика говр къастало.
 Наши старики в состоянии различить хорошую лошадь.
 Нашим старикам удаётся различить хорошую лошадь.

Тхан колхозан пхъере йоьхна нахарш, хлургонаш, варданаш тало.
Наш колхозный кузнец в состоянии починить плуги, фургоны, арбы.

Вайн Циэчу Эскаре массо-а мостагИий эшало.

Наша Красная Армия в состоянии победить решительно всех врагов.

В приведенных примерах производно-непереходного оборота, образованного от дательного, мы имеем логическое подлежащее в его обычной для этого оборота форме — в форме местного падежа. Эта форма употребляется при тех глаголах, образованных от глаголов, требующих дательного субъекта, которые относятся ко второй группе (см. стр. 64).

Суна наггахь хаало аренгахь берзалай.

Мне иногда удается видеть || я иногда замечаю в поле волков.

Дика гИллакхаш массуо нахана дизэало.

Хорошее обращение нравится (в состоянии нравиться, может нравиться) всем людям.

Стагана мунданах адам моттало генара.

Человеку чучело издали кажется (может показаться) человеком.

В приведенных предложениях сказуемые-глаголы образованы от глаголов-сказуемых оборота с дательным субъектом, входящих в первую группу (глаголы, обозначающие непосредственно „чувствовать, сознавать“, см. стр. 64). Поэтому производно-непереходный оборот в этом случае имеет логическое подлежащее в форме дательного падежа (как в дательном обороте), а не в форме местного, какую обычно должен иметь производно-непереходный оборот. Эта особенность построения данной конструкции производно-непереходного оборота заставляет нас выделить его в особую разновидность — производно-непереходный оборот, образованный от дательного оборота.

Итак, производно-переходный оборот образуется от непереходного, но в редких случаях и от переходного. Производно-непереходный оборот образуется как от переходного, так и от непереходного, а также от оборота с дательным субъектом. Эти три разновидности производно-непереходного оборота отличаются разными формами логического подлежащего.

Производно-непереходный оборот от непереходного имеет подлежащее в именительно-винительном падеже, тот же оборот от переходного имеет подлежащее в именительно-винительном падеже, но по смыслу это подлежащее представляет собою прямое дополнение (логический объект), смысловое же подлежащее (логический субъект) стоит в местном падеже; наконец, производно-непереходный оборот, образованный от оборота с дательным субъектом, при глаголах-сказуемых первой группы, имеет логический субъект или смысловое подлежащее в дательном падеже, грамматический же субъект (смысловое прямое дополнение) — в именительно-винительном падеже. В остальных случаях производно-непереходный оборот, образованный от оборота с дательным субъектом, имеет в качестве грамматического подлежащего смысловое прямое дополнение, а в качестве логического подлежащего — косвенное дополнение в местном падеже (примеры см. на стр. 112).

Приводим здесь формы образования сказуемых-глаголов в производных оборотах. Производные обороты, образуемые от непереходных глаголов, чаще всего имеют обе формы: как производно-переходную, так и производно-непереходную. Таким образом, включая и основной глагол, мы имеем в этом случае три глагольных формы, имеющих полное спряжение: непереходную, производно-переходную и производно-непереходную (см. ниже). Реже встречаются такие непереходные глаголы, от которых образуется только одна производная форма — непереходная (см. стр. 81). Наконец, повидимому, не образуется от непереходного глагола одна — производно-переходная форма (см. стр. 81). Также в редких случаях существуют в чеченском языке непереходные глаголы, от ко-

торых нельзя образовать производных форм (см. ту же стр.). За неимением полного чеченского словаря, мы использовали здесь для таблиц только материал, собранный Усларом (П. К. Услар. „Этнография Кавказа“, в. 2, Чеченский язык, Тифлис, 1888).

Образование обоих производных залогов
от непереходного глагола

(Всюду в таблицах форма повелительного наклонения).

Непереходный:	Производно-переходный:	Производно-непереходный:
Дага — гори. ¹	Дагадиэ — сожги.	Дагалуо — будь в состоянии сжечь.
Дада — беги.	Дададиэ — унеси бегом.	Дадалуо — будь в состоянии бежать.
Дажа — пасись.	Дажадиэ — паси.	Дажалуо — будь в состоянии пастись, пасти.
Далла — продолжайся.	Далладиэ валлавиэ — дай продолжаться.	Даллалуо валлалуо — будь в состоянии продолжить, продолжаться.
Дата — свернись, створожись (о молоке), сваяйся (о войлоке).	Датадиэ — дай свернуться, створожиться (молоку), сваяться (войлоку).	Даталуо — будь в состоянии свернуться.
Даржа — распространись, развернись.	Даржадиэ — распространяй, разверни.	Даржалуо — будь в состоянии развернуться, развернуть.
Дарста — разжирей.	Дарстадиэ — сделай жирным, откорми.	Дарсталуо — будь в состоянии разжиреть, откормить.
Даха — живи.	Дахадиэ — оживи.	Дахалуо — будь в состоянии жить, оживить.
Даха — пьяней.	Дахадиэ — опьяни.	Дахалуо — будь в состоянии опьянить, пьянеть.
Патта — встань, поднимись.	Паттадиэ — дай встать, подними.	Патталуо — будь в состоянии встать.
Делха — плачь.	Делхадиэ — введи в слезы.	Делхалуо — будь в состоянии ввести в слезы, плакать.
Деста — поднимись, вздуйся (о реке), вспухни.	Десталуо — будь в состоянии подняться, вздуться, распухнуть.	Дестадиэ — преувеличивай.
Тиэ — перестань.	Тиэдиэ — заставь перестать, приостанови.	Тиэлуо — будь в состоянии приостановить, перестать.
Иаха — реви, блей, мычи.	Иахадиэ — заставь реветь.	Иахалуо — будь в состоянии реветь.
Ииэха — ржи, реви, гуди.	Ииэхадиэ — заставляй реветь, ржать, гудеть.	Ииэхалуо — будь в состоянии реветь, заставляй гудеть.
Дийла — смейся.	Дийладиэ — рассмеши.	Дийлалуо — будь в состоянии смеяться.
Ида — бегай.	Идадиэ — носи бегом.	Идалуо — будь в состоянии бегать, носить бегом.
Иийжа — растравляйся (о ране).	Иийжадиэ — щипи, дери.	Иийжалуо — будь в состоянии драть, растравляться.
Иила — лежи.	Ииладиэ — укладывай, держи лежа.	Иилалуо — будь в состоянии лежать, укладывать.
Саца — остановись.	Сацадиэ — останови.	Сацалуо — будь в состоянии остановиться, остановить.
Такха — ползи.	Такхадиэ — волочи, тащи по земле.	Такхалуо — будь в состоянии ползти, волочить.
Тахка — качнись.	Тахкадиэ — качни.	Тахкалуо — будь в состоянии качнуться, качнуть.
Тиэша — поверь.	Тиэшадиэ — уверь, сделай верящим.	Тиэшалуо — будь в состоянии поверить, сделать верящим.
Туола — будь побеждающим.	Туоладиэ — победи.	Туолалуо — будь в состоянии победить.
Досса — слезь.	Доссадиэ — ссади.	Доссалуо — будь в состоянии ссадить, слезть.
Хаа — сядь.	Хаавиэ — посади.	Хаалуо — будь в состоянии сесть, посадить.

¹ В этой и во всех последующих таблицах глаголы, имеющие изменение по классам в первом столбце (классный префикс набран курсивом), сохраняют это изменение и в других столбцах. Во втором столбце часть (конец) основы „диэ“ всюду имеет изменение по классам.

Хаба — съежься.	Хабадиэ — заставь съежиться.	Хабалуо — будь в состоянии съежиться, заставить съежиться.
Хада — рвьсь.	Хададиэ — рви.	Хадалуо — будь в состоянии рвать, рваться.
Хаза — услышь.	Хазадиэ — доведи до слуха.	Хазалуо — будь в состоянии слышать, довести до слуха.
Хьажа — посмотри (об одном).	Хьажадиэ — направь, нацель.	Хьажалуо — будь в состоянии направить, нацелить, посмотреть.
Хьовса — посмотри (о многих).	Хьовсадиэ — направь, нацель (на многих).	Хьовсалуо — будь в состоянии посмотреть, направить, нацелить (о многих).
Цийза — пищи.	Цийзадиэ — заставь пищать.	Цийзалуо — будь в состоянии пищать, заставить пищать.
Шарша — скользи.	Шаршадие — заставь скользить.	Шаршалуо — будь в состоянии скользить, заставить скользить.
Диэка — звени, пой (о птицах), гуди.	Диэкадиэ — звони (вотчол.), заставь петь (птицу) заставь гудеть.	Диэкалуо — будь в состоянии звенеть, петь (о птице), звонить, заставить петь (птицу), гудеть.
Дерза — вернись, повернись; поправься.	Дерзадиэ — верни, воротни, поверни; поправь.	Дерзалуо — будь в состоянии вернуться; воротить, поправить, поправиться.
Иэша — недоставай; будь побежденным, уступи.	Иэш-диэ — делай победенным, одолой; делай недостающим.	Иэшалуо — будь в состоянии уступить, одолеть.
Диза — ложись, ляг.	Дизадиэ — уложи.	Дизалуо — будь в состоянии лечь, уложить.
Кхача — достань, добудь.	Кхачадиэ — заставь достать, добыть.	Кхачалуо — будь в состоянии достать, добыть, заставить достать, добыть.
Кхиэра — побойся.	Кхиэрадиэ — испугай.	Кхиэралуо — будь в состоянии побояться, убойся, будь в состоянии испугать.
Кхиэта — пойми.	Кхиэтадиэ — дай понятие, надоумь, вразуми.	Кхиэталуо — будь в состоянии понять, дать понятие.
Лаза — заболей.	Лазадиэ — доставь боль.	Лазалуо — будь в состоянии болеть, доставить боль.
Лата — подерись.	Латадиэ — заставь подражаться, стравив, натрави.	Латалуо — будь в состоянии подражаться, стравить.
Латта — стой.	Латтадиэ — держи стоймя, заставь стоять.	Латталуо — будь в состоянии стоять, держать стоймя.
Лачкьа — спрячься.	Лачкьадиэ — спрячь, украдь.	Лачкьалуо — будь в состоянии спрятаться, спрятать, украсть.
Лиэга — падай, копай, роняйся (вертикально, сверху вниз с промежутками).	Лиэгадиэ — роняй.	Лиэгалуо — будь в состоянии падать, ронять.
Лиэла — ходи, гуляй.	Лиэладиэ — води, носи.	Лиэлалуо — будь в состоянии ходить, водить, носить.
Лиэ — говори, бранись.	Лиэдиэ — заставь говорить, обмани.	Лиэлуо — будь в состоянии говорить, заставить говорить, обмануть.
Лийча — искупайся.	Лийчадиэ — искупай.	Лийчалуо — будь в состоянии искупаться, искупать.
Ловза — поиграй, позабавься.	Ловзадиэ — заставь поиграть, поиграй (чем-нибудь).	Ловзалуо — будь в состоянии поиграть, заставить поиграть.
Ламма — поучись	Ламмадиэ — поучи (другого), поучи (что-нибудь).	Ламмалуо — будь в состоянии поучиться, поучить.
Лана — полейся.	Ланадиэ — полей.	Ланалуо — будь в состоянии полить, политься.
Лиэ — сиди, пребывай, оставайся (о человеке).	Лиэбиэ — оставь сидеть, пребывать.	Лиэлуо — будь в состоянии сидеть, оставаться, пребывать.
Лакка — лежи (о многих).	Лаккадиэ — укладывай (многих).	Лаккалуо — будь в состоянии лежать, укладывать (многих).
Дуола — начинайся; углубись (в дело).	Дуоладие — начни.	Дуолалуо — будь в состоянии начать.
Дала — выйди.	Даладиэ — выведи.	Далалуо — будь в состоянии вывести, выйти.

Образование производно-непереходного залога от непереходного глагола

Непереходный:	Производно-непереходный:
Дохкуовала — раскайся.	Дохкуовалалуо — будь в состоянии раскаяться.
Глуо — пойдн.	Вахалуо — будь в состоянии пйти.
Эккха — лопни; перепрыгни.	Эккхалуо — будь в состоянии лопнуть, перепрыгнуть.
Хаа — узнай.	Хаалуо — будь в состоянии узнать.
Хизта — (по)кажись.	Хизталуо — будь в состоянии казаться.
Хила — будь, стань, сделайся.	Хилалуо — будь в состоянии стать.
Лаз — желай, хотн.	Лаалуо — будь в состоянии желать, хотеть.
Мотта — думай, полагай.	Мотталуо — будь в состоянии думать, полагать.
Диса — останься (о человеке и предмете).	Дисалуо — будь в состоянии остаться.
Дала — кончай, выйди.	Далалуо — будь в состоянии кончить, выйти.

Образование производно-переходного залога от непереходного глагола

(Форма повелительного наклонения)

Непереходный:	Производно-переходный:
[* Дахьа — отмерзни]	Дахьадиэ — отморозь.

Глаголы непереходного залога, не образующие производных залогов

Непереходный залог:

Тига — поддайся, согласишься, начинай (с другим глаголом).
 Дуола — привыкни, свякнись; (но в знач. „приходи“ образует их, ср. стр. 76).

Производные обороты, образуемые при переходных глаголах, в подавляющем большинстве случаев имеют только одну производную форму — производно-непереходную (см. ниже). В редких случаях от переходного глагола-сказуемого могут быть образованы обе формы — производно-непереходная и производно-переходная (см. стр. 83). Наконец, существует в чеченском языке известное количество глаголов-сказуемых, которые представляют собою только производные формы, не имея формы соответственного основного залога (т. е. простой непереходной или переходной формы). В эту группу глаголов входят, большей частью, глаголы, образованные от неглагольных — именных основ или основ, исторически переставших существовать в чеченском языке в производном виде (см. ту же стр.).

Образование производно-непереходного залога от переходного глагола

Переходный:	Производно-непереходный:
Яйа — потеряй, потуши.	Яйалуо — будь в состоянии потерять, потушить.
Дата — покажи.	Даталуо — будь в состоянии показать.
Диэ — дела и.	Далуо — будь в состоянии делать.
Дайта — заставь делать.	Дайталуо — будь в состоянии заставить делать.
Даййта — заставь принести, привезти, прийти.	Даййталуо — будь в состоянии заставить принести, привезти, прийти.
Ала — скажи.	Алалуо — будь в состоянии сказать.
Луо — дай.	Далалуо — будь в состоянии дать.
Ара — молоти.	Аралуо — будь в состоянии молотить.
Даста — развяжи.	Дасталуо — будь в состоянии развязать.
Да — принеси, привези.	Далуо — будь в состоянии привезти, принести.

Даккха — добудь, извлеки.
 Ата — раздроби; побей, растолки.
 Аха — паши.
 Дахкийта — заставь прийти, пришла.
 Дахкийта — заставь принести приплод
 (о животных).
 Ахкийта — заставь вскопать.
 Баха — говори.
 Гуо — видь.
 Датта — испеки, изжарь.
 Догдаха — надейся.
 Елла — открой.
 Дила — вымой.
 Дига — поведи.
 Дивва — люби, будь нужным.
 Дивкха — отплати, отомсти.
 Дивкья — раздели.
 Див — посеи; убей.
 Детта — бей; дои.
 Дехка — завяжи, привяжи.
 Иэца — возьми, купи.
 Дивэша — прочти, выучи.
 Дилла — положи.
 Дийца — рассказывай.
 Кхаба — выкорми, накорми.
 Кхосса — брось, кинь.
 Кхийса — бросай.
 Кхолла — накрой (башлыком);
 сотвори.
 Хийца — измени, отмени.
 Ладуога — прислушайся, послушай.
 Лаха — пощи.
 Лаца — схвати, поймай.
 Лиэкха — наигрывай, играй (на
 музыкальном инструменте).
 Хьякха — помажь, погладь, потри;
 распили; скоси; обтеши.
 Лайта — заставь пребывать, сидеть.
 Лийда — сжимай, сдавливай.
 Лийша — жуй.
 Тизга — сшей.
 Таса — урони; зацепись.
 Тилла — надень (на голову).
 Туоха — ударь.
 Тедита — прими.
 Дула — заведи (часы).
 Дуога — посади (растение), вкопай
 (в землю).
 Йолла — ткни.
 Дуо — сломай.
 Дотта — надей.

Даккхалуо — будь в состоянии добыть,
 извлечь.
 Аталуо — будь в состоянии раздробить,
 побить, растолочь.
 Ахалуо — будь в состоянии пахать.
 Дахкийталуо — будь в состоянии заставить
 прийти, прислать.
 Дахкийгалуо — будь в состоянии заставить
 принести приплод.
 Ахкийталуо — будь в состоянии заставить
 вскопать.
 Бахалуо — будь в состоянии говорить.
 Галуо — будь в состоянии видеть.
 Датталуо — будь в состоянии испечь,
 изжарить.
 Догдахалуо — будь в состоянии надеяться.
 Еллуо — будь в состоянии открыть.
 Дилалуо — будь в состоянии вымыть.
 Дигалуо — будь в состоянии повести.
 Диввалуо — будь в состоянии любить;
 нравься.
 Дивкхалуо — будь в состоянии отплатить,
 отомстить.
 Дивкьялуо — будь в состоянии разделить.
 Дивалуо — будь в состоянии посеять,
 убить.
 Детталуо — будь в состоянии бить, доить.
 Дехкалуо — будь в состоянии завязать,
 привязать.
 Иэцалуо — будь в состоянии взять, купить.
 Дивэшалуо — будь в состоянии прочесть,
 выучить.
 Диллалуо — будь в состоянии положить.
 Дийцалуо — будь в состоянии рассказывать.
 Кхабалуо — будь в состоянии накормить,
 выкормить.
 Кхоссалуо — будь в состоянии бросить,
 кинуть.
 Кхийсалуо — будь в состоянии бросать,
 кидать.
 Кхоллалуо — будь в состоянии накрыть,
 сотворить.
 Хийцалуо — будь в состоянии изменить,
 отменить.
 Ладуогалуо — будь в состоянии прислу-
 шаться, послушать.
 Лахалуо — будь в состоянии поискать.
 Лацалуо — будь в состоянии схватить,
 поймать.
 Лиэкхалуо — будь в состоянии играть,
 наигрывать.
 Хьякхалуо — будь в состоянии помазать,
 потереть, погладить, распи-
 лить, скосить, обтесать.
 Лайталуо — будь в состоянии заставить
 сидеть, пребывать.
 Лийдалуо — будь в состоянии сжимать,
 сдавливать; просачивайся.
 Лийшалуо — будь в состоянии жевать.
 Тизгалуо — будь в состоянии сшить.
 Тасалуо — будь в состоянии уронить,
 сцепиться, зацепиться.
 Тиллалуо — будь в состоянии надеть.
 Туохалуо — будь в состоянии ударить,
 бейся.
 Тедиталуо — будь в состоянии принять.
 Дулалуо — будь в состоянии завесть.
 Дуогалуо — будь в состоянии посадить;
 воткнись, вонзись.
 Йоллалуо — будь в состоянии ткнуть.
 Дуолуо — будь в состоянии сломать.
 Дотталуо — будь в состоянии налить.

Дошка — продай.
 Душа — одень (на тело).
 Хъаха — помажь, смажь.
 Цаста — порежь, изрежь на куски.
 Хатта — спроси.
 Хъаха — скачи, помчись, понесись.
 Гакха — погаси (долг).
 Дита — оставь, покинь, брось.

Дошкалуо — будь в состоянии продать.
 Душалуо — будь в состоянии одеть.
 Хъахалуо — будь в состоянии помазать.
 Цасталуо — будь в состоянии изрезать на куски.
 Хатталуо — будь в состоянии спросить.
 Хъахалуо — будь в состоянии поспасать, помчаться, понестись.
 Такхалуо — будь в состоянии погасить (долг).
 Диталуо — будь в состоянии оставить, покинуть, бросить.

Образование обоих производных залогов от переходного глагола

(Форма повелительного наклонения)

Переходный:	Производно-непереходный:	Производно-переходный:
Даа — ешь.	Давалуо — будь в состоянии есть.	Даадиз — накорми.
Кхалла — укуси, кусни.	Кхаллалуо — будь в состоянии вкусить.	Кхалладиз — заставь укусить, вкусить.
Кховса — раздуй (меха).	Кховсалуо — будь в состоянии раздуть (меха).	Кховсайдиз — заставь раздуть (меха).
Мала — пей.	Малалуо — будь в состоянии пить.	Маладиз — пей.

(еще примеры см. стр. 76).

Производно-переходный и производно-непереходный залогов, не имеющие основного глагола

(Форма повелительного наклонения)

Производно-переходный:	Производно-непереходный:
Аздиз — истощи.	Азлуо — похудей.
Иетгадиз — вырви, выблеви, изрыгни.	Иетталуо — будь в состоянии вырвать, выблегнуть.
Гечдиз — прости.	Гечдалуо гечлуо — будь в состоянии простить.
Гулдиз — собери.	Гуллуо — соберитесь; будь в состоянии собрать.
Яздиз — напиши.	Язлуо — будь в состоянии написать; запишись.
Иехадиз — обмани.	Иехалуо — будь в состоянии обмануть.
Кхачадиз — кончай.	Кхачалуо — будь в состоянии кончить.

В приведенных здесь материалах мы не разграничивали побудительные формы от переходных, так как по форме грамматического подлежащего и прямого дополнения („первого объекта“, см. ниже) они полностью совпадают друг с другом; разграничение этих форм дается ниже.

Побудительные обороты. От всех перечисленных нами выше оборотов могут быть образованы побудительные обороты. Мы перечисляем здесь только важнейшие их формы. От трех основных оборотов непереходного, переходного и дательного (с дательным субъектом) соответственно образуются: непереходно-побудительный, переходно-побудительный и дательно-побудительный. Общий оттенок значения, который имеют все побудительные обороты, сводится к следующему: побудительный оборот обозначает такое действие, которое является результатом побуждения (разрешения, предоставления возможности или принуждения). Это становится ясным из следующих примеров.

Непереходный оборот:

Со вьду.
Я ухожу.

Непереходно-побудительный оборот:

Ас клянт вохуйту.
Я заставляю парня итти.
Я посылаю парня.

Переходный оборот:

Ас болх бо.
Я делаю работу.
Я работаю.

Переходно-побудительный оборот:

Ас машинашка болх бойту.
Я заставляю машины делать работу.
Я заставляю машины работать.

Оборот с дательным субъектом:

Суна сурт го.
Я вижу картину.

Дательно-побудительный оборот:

Ас хуна сурт гойту.
Я даю тебе возможность видеть картину.

Буквально:

Мне видима картина.

Я показываю тебе картину.

Из небольшого количества приведенных примеров мы можем составить себе ясное представление о значении и конструкции побудительных предложений. Побудительная конструкция обозначает не только принуждение, но и допущение, позволение, разрешение, в некоторых случаях также предоставление возможности производить то или другое действие. Поэтому побудительные конструкции переводятся по-русски соответственным простым глаголом с добавлением слов: „допускает, позволяет, разрешает, дает возможность, заставляет“ и т. д., смотря по смыслу данного глагола-сказуемого и всего предложения в целом. В отдельных случаях, когда по-русски существует соответствующий по значению глагол, побудительный оборот может быть переизменен и простым глаголом, например: вместо „заставляю || даю видеть“ можно сказать „показываю“, вместо „заставляю итти“ — „посылаю“ и т. д.

Таким образом, мы можем составить следующие формулы расположения главных членов предложения в побудительных оборотах (понимая под главными членами не только грамматические, но и логические категории).

Схемы расположения главных членов в побудительных оборотах

1. Непереходно-побудительный оборот:

Подлежащее — прямое дополнение — сказуемое.
(по смыслу второй объект)

2. Переходно-побудительный оборот:

Подлежащее — второй объект — прямое дополнение — сказуемое.

3. Дательно-побудительный оборот:

Подлежащее — второй объект — прямое дополнение — сказуемое.
(дательное дополнение)

Разумеется, приведенные здесь формулы представляют не столько схему порядка расположения слов в побудительных оборотах, сколько формулы состава главных и важнейших по смыслу членов предложения в этих оборотах.

Отличительной особенностью побудительных оборотов с точки зрения формы является продуктивная форма подлежащего (активный падеж), которая характерна для всех без исключения побудительных оборотов. Таким образом, каждый побудительный оборот представляет собою и по форме, и по смыслу разновидность переходного оборота. Если от переходного оборота образуем непереходно-побудительный, то тем самым непереходный оборот по форме согласования главных членов и по числу их превращается в настоящий переходный. То же происходит

и с оборотом с дательным субъектом. В этом отношении непереходный по форме, но переходный по значению дательный оборот превращается в оборот целиком переходный (с подлежащим в активном падеже и прямым дополнением). Побудительные обороты, образованные от переходных по смыслу, представляют собою как бы вдвойне переходные обороты. Такковы переходно-побудительный и дательно-побудительный обороты. В них, на ряду с обычным по форме и по смыслу прямым дополнением, т. е. таким прямым дополнением, которое выражает продукт труда или объект действия, появляется второй объект — по значению объект побуждения. Обычное прямое дополнение мы называем первым объектом, объект же побуждения мы называем вторым объектом. Первым объектом является обычно, как и в переходном обороте, где этот объект выступает в качестве единственного объекта, — название вещи (продукта труда) или какого-либо явления класса природы. Вторым объектом, наоборот, в большинстве случаев представляет собою название человека, члена общества. Бывают, конечно, и отступления от этого правила, но мы здесь говорим о преимущественном содержании первого и второго объекта. Приведем примеры на каждый из побудительных оборотов:

Непереходно-побудительный оборот:

Колхозхоша шайн бѣраш школе лаа а лууш охуйту.

Колхозники охотно пускают || посылают своих детей в школу.

Колхозийн луша даьхни сарралц дожуйту арахь.

Колхозные постухи до самого вечера пасут (дают пастись) скот
в поле.

Электроток трамвайш лоблуйту галанашкахь.

Электроток двигает (заставляет двигаться, водит) трамвай
в городах.

Хьехархоша дешархой перерывехь ловзуйту.

Учителя разрешают учащимся играть во время перерыва.

Агрономаша колхозийн латта тодолуйту молханашца ||

удобренешца.

Агрономы удобряют (дают удобрять) колхозную землю (химическим)
удобрением.

Электричество тайп-тайпана машинаш лоблуйту.

Электричество дает движение (заставляет ходить) разного рода
машинам.

В этих примерах мы видим, что непереходные глаголы-сказуемые, приобретая побудительную форму, превращаются в переходные, при которых подлежащее ставится в продуктивной форме и появляется прямое дополнение (по значению второй объект).

Следует сказать несколько слов о побудительной форме сказуемого. Во всех побудительных оборотах сказуемое имеет одно и то же окончание — „йга“. Это окончание принимает соответственные временные окончания („йтина“ в прошедшем совершенном времени, „йтур ду“ в будущем действительном времени и т. д.). Исторически можно предположить, что это окончание представляет собою по происхождению самостоятельный глагол „вита“ — „оставляй, допускай“. Таким образом, этот глагол, слившись с предшествующей глагольной основой в одно слово, и превратился как бы в окончание всех побудительных глаголов, специальное окончание побудительных залогов. Следовательно, „ловзуйту“ — „разрешает играть, заставляет играть“ произошло из „ловза“ + „вуйту“ — „допускает“, „оставляет“, т. е. побудительная форма „ловзуйту“ первоначально обозначала „допускает играть“; таким же образом „лоблуйту“ (исторически: из: „лела“ — „ходить“ + „вуйту“ — „оставляет“) первоначально обозначало „оставляет ходить“ и т. д. Это происхождение объ-

ясняет нам тот факт, почему побудительный оборот реже обозначает принуждение и гораздо чаще допущение, разрешение, предоставление возможности.

Переходно-побудительный оборот:

Дикачу бригадиро шен бригаде белхаш кхин а чехка бойту.
Хороший бригадир заставляет свою бригаду работать еще быстрее.
Хьехархоша дешархошка школийн библиотекера книгаш йовшуйту.
Учителя заставляют учащихся читать книги из школьной библиотеки.
Ахархоша шайн берашка говраш яжайойту.
Крестьяне заставляют своих детей летом пасти лошадей.
Заводехь стахановхоша машинашка белхаш чехка а, дика а бойту.
Стахановцы заставляют машины и быстро и хорошо работать на заводе.
Грознефто машиннекъе, шортта мехкдаьтта дIакхоуьйту кхечу
Грознефть заставляет железную дорогу доставлять много нефти
в другие города.
Горсовето домоуправленешка гIалахь цIано йойту.
Горсовет заставляет домоуправления поддерживать чистоту в городе.
Потребсоюзо кооперацешка тайп-тайпанчу товаришца кхачо йойту
Потребсоюз заставляет кооперацию обеспечить колхозников раз-
ными товарами.

Из этих примеров мы видим, что переходные глаголы-сказуемые, приобретая побудительную форму, сохраняют свою переходность. Подлежащее остается при них в продуктивной форме (т. е. в активном падеже). Прямое дополнение имеет значение первого объекта, т. е. объекта самого действия, выраженного переходным глаголом. Кроме того, в переходнопобудительное предложение добавляется еще один, если не главный, то по своему мыслительному содержанию весьма важный член предложения: косвенное (местное) дополнение, которое по значению выражает второй объект или объект побуждения, позволения, а также принуждения. Так, второй объект в приведенных предложениях представлен словами: „бригаде“ (в первом примере) — „бригаду“, „дешархошка“ (во втором примере) — „учеников“, „берашка“ (в третьем примере) — „детей“ и т. д.

Дательно-побудительный оборот:

Паланашкаххьий ярташкаххьий нахана радио чухула эшараш
В городах и деревнях людям дается возможность слушать мелодии
по радио.
Газеташкахула массарна-а хоуьйту Верховни || Лакхарчу Советан
Через газеты сообщают всем постановления Верховного Совета.
Ярташкахь колхозхошна кинос тайп-тайпана сурташ гойту.
Кино показывает разные картины колхозникам в селе.
Хьехархоша дешархошна классан гIирс бовзуйту.
Учителя знакомят учащихся с обстановкой || оборудованием в классе.
Бригадиро хоуьйту тхуна хIора денна-а, оха муьлха, хIун болх бир бу.
Бригадир ежедневно сообщает нам, какую (букв.: что за) работу мы
будем делать.

Председатело довзуйту хлоранна-а шен-шен декхар.

Председатель объясняет каждому его обязанности.

Тхан собранехь дечу къамелаша болх бан лоуыйту.

Речи, которые произносят на наших собраниях, побуждают
(заставляют желать) работать.

Массарна-а ша-ша дика белхало ву, моттуыйту тхан председатело.

Наш председатель внушает (буквально: заставляет каждого думать),
что каждый хороший работник.

Хлор кйранах цкъа кино гойту тхуна.

В неделю один раз нам показывают кино.

Димия Гумара кеглат пондаран халкъан дика эшарш а хозуыйту-кх.

Димаев Умар дает нам возможность слышать хорошие народные
мелодии на гармонии.

Йиш сов дика къостуыйту цо тхуна.

Он дает нам возможность очень хорошо различать || различать
мелодию.

Гумара шен пондаре ладегла ца клордадойту.

Умар не дает возможности устать (буквально: надоест) слушать
его гармонию.

Забар а, бегаш а могуыйту тхан доттаглаша.

Наши друзья допускают и шутки, и прибаутки.

Из приведенных примеров мы видим, что дательно-побудительный оборот, имея 2-й объект в дательном падеже построен в основном одинаково с переходно-побудительным. В некоторых случаях дательно-побудительный оборот по построению близок к непереходно-побудительному, например:

Говзачу къамело ийгинарш тойту.

Искусный || умелый разговор заставляет поссорившихся мириться.

Производно-побудительные обороты. Побудительные обороты образуются не только от трех основных оборотов — переходного, непереходного и дательного. Они могут быть образованы также и от производных оборотов — производно-переходного и производно-непереходного. При этом получают образования по следующим схемам:

Производно-переходный:

Ас говр лелайо.

Я вожу лошадь.

Я пользуюсь лошадью.

Побудительный от производно-переходного:

Ас кланте лелайойту говр.

Я заставляю парня водить лошадь.

Я разрешаю парню пользоваться лошадью.

Производно-непереходный:

Согга болх бало.

Мне удастся работать (делать работу).

Побудительный от производно-непереходного:

Ахь согга болх баболуыйту.

Ты даешь мне возможность работать (делать работу.)

Приведенные схемы образования производно-побудительных оборотов показывают нам в общем те же законы образования, что и побудительные обороты вообще. Побудительный от производно-переходного построен по общей схеме переходно-побудительного оборота (второй объект в местном падеже). Побудительный от производно-непереходного построен тоже по схеме переходно-побудительного оборота (второй объект в местном падеже). Однако по значению этот оборот тесно связан с производно-непереходным. Поэтому при переводе на русский язык приходится доба-

влять слова „заставлять быть (буквально: делать) в состоянии, давать возможность“ и т. д.

Для того чтобы дать материалы для наблюдения над формами побудительного от производного-переходного и производно-непереходного оборотов, мы приводим здесь ряд примеров на эти обороты.

Побудительный от производно-переходного:

Колхозан председатело колхозхошка накхарш леладойту.
Председатель колхоза разрешает колхозникам || заставляет
колхозников разводить пчел.

Оха, колхозхоша, тхайн даьхни аькка ломахь, Iай арахь
дажадойту.

Мы, колхозники, заставляем пасти свой скот летом в горах, а
зимой на плоскости.

Колхозо шен долалла цхьаьнге-а ца лечкьадойту.
Колхоз никому не разрешает расхищать свою колхозную
собственность.

Вай кьахьегамхошна || кьахьегамхошка массо-а тайпа говзаллаш
Iамайойту.

Мы обеспечиваем трудящимся возможность изучения разного рода
специальностей.

Колхозницаша-наноша шайн бераш яслешкахь дийшадойту.
Колхозницы-матери кладут своих детей в детские ясли.

Комсорго вожатешка пионераш ловзабойту.
Комсорг заставляет вожатых организовать игру пионеров.

Оха дешархошка книгаш йобшуйту.
Мы заставляем учеников читать книги.

Ас цуьнга даьтта лаладойту.
Я заставляю его топить масло.

Ахь бепиг доттуйту.
Ты печешь хлеб (заставляешь хлеб печься).

Побудительный от производно-непереходного:

Тракторе колхозийн латта алсам ахадолуйту трактористан
стахановски балхо.

Стахановская работа тракториста дает возможность трактору
вспахать много колхозной земли.

Школашкахь дешархошка дика дешадолуйту пачхьалкхан кхачоно.
Государственное обеспечение дает возможность учащимся хорошо
учиться в школах.

Советски автомобилан дикалло некъахошка некъ дукха баболуйту.
Хорошее качество советского автомобиля дает возможность
пассажирам проезжать большие расстояния (много пути).

Потребсоюзан дикачу куьйгалло кооперацешка тайп-тайпанчу
товарашца кхачо яйолуйту колхозхошна.

Хорошее руководство потребсоюза дает возможность кооперативам
обеспечить колхозников разнообразными товарами.

Xинца колхозхошка белхаш дика баболуйту мэшинаш хиларо.
Теперь наличие машин дает возможность колхозникам хорошо
работать.

Заводашкахъ белхалой балхахъ хьалхабoвлaбoлуьйту шайн белхан
 лакхара техника хиларо.
 Наличие высокой техники работы дает возможность рабочим на
 заводах повышать производительность труда
 (итги вперед в работе).

Школaшкaхъ дешаран планаш кхочушгъяйолуьйту дирекцийн
 куьйгалла дика хиларо.
 Наличие хорошего руководства дирекции дает возможность
 выполнять учебный план в школах.

Киношкaхъ адамиьн сакъерадолуьйту тайп-тайпана сурташ гайгаро.
 Демонстрация различных картин в кино дает людям возможность
 развлекаться.

Промыслaшкaхъ мехкдаьтта даккхаран норманаш алсам яхайолуьйту
 советски белхалойн дикану гoвзaллo.
 Хорошая квалификация советских рабочих дает возможность
 повысить норму добычи нефти на промыслах.

Благодаря хорошей квалификации советских рабочих повышаются
 нормы добычи нефти на промыслах.

Начатки страдательного оборота. Вопрос о наличии или отсутствии в чеченском языке страдательного оборота представляет значительный интерес. Как мы об этом говорили выше (см. стр. 45), некоторые исследователи смешивали чеченскую переходную конструкцию со страдательной. Благодаря этому получалось впечатление, что всюду, где мы имеем в чеченском языке переходное предложение, налицо страдательный оборот. При таком объяснении конструкции чеченского предложения с неизбежностью приходилось делать вывод, что в чеченском языке существует только страдательный оборот и нет действительного. Активный падеж подлежащего при этом считался творительным, а все глагольные формы переходных глаголов — формами страдательного залога. Начало такой трактовке фактов чеченского языка было положено П. К. Усларом, который писал: „... в чеченском языке вовсе нет глаголов действительных, транзитивных, а одни лишь глаголы средние и страдательные“. („Чеченский язык“, стр. 64) и далее: „Из всего сказанного понятным становится, почему, при великом изобилии падежей, нет в чеченском языке падежа винительного. Здесь нельзя сказать, что *винительный падеж всегда сходен с именительным*. Винительного падежа не может существовать по самому свойству чеченского глагола“ (там же, стр. 65). На этом же основании Услар называет активный падеж „творительным“, а настоящий творительный падеж „орудно-союзным“ и переводит всюду чеченские переходные предложения русским страдательным оборотом.

В дальнейшем, по Услару, эту же концепцию оборотов принял, хотя и в значительно смягченном, ясно не сформулированном виде и Э. Мальсагов (Ингушская грамматика, Владикавказ, 1925 год, стр. 31—32). Впоследствии, под влиянием Услара и Мальсагова, все чеченские грамматисты придерживались этого же в корне ложного взгляда на строение чеченского предложения. Выше мы уже подробно указывали, в чем следует видеть ложность и практическую вредность этого понимания строя чеченского предложения. Здесь остается только сказать, что если пойти вслед за Усларом, то мы могли бы прийти к абсурдному выводу, что в чеченском языке вообще нет переходного предложения и переходных глаголов. Факт, на который указывает Услар, говорит только об одном, что в чеченском языке нет различия действительного и страдательного оборотов, действительного и страдательного залогов в той последовательной форме, в какой оно имеется в большинстве европейских языков. С таким же точно правом Услар мог бы утверждать, что все конструкции,

которые он называет страдательными, являются действительными и что, таким образом, в чеченском языке совсем нет страдательной конструкции. Неверный вывод в отношении строя чеченского предложения привел Услара и его последователей к неверному пониманию чеченских падежей. Таким образом, так называемый орудно-союзный падеж, который по своему основному значению является именно орудным, т. е. творительным, не назван у Услара творительным падежом, активный же падеж, который представляет собою специфическую особенность яфетических языков, назван им творительным. Между тем активный падеж никогда не выражает орудия, а является для Услара творительным только в значении подлежащего в страдательном обороте. Следовательно, активный падеж стал у Услара творительным, только благодаря неверному переводу чеченских предложений на русский язык, — переводу, в котором Услар всякое переходное чеченское предложение старался переводить страдательным оборотом.

Однако, если бы мы стали на такую точку зрения, что в чеченском языке существует один только действительный оборот и совсем нет страдательного, то и в этом случае мы допустили бы неточность, правда, меньшую, чем у Услара. При наличии в основном в чеченской речи действительного (переходного) и непереходного (среднего) оборотов (а следовательно, и залогов) в чеченском языке, в ряде случаев, мы замечаем начатки развития настоящего страдательного оборота. Правда, употребление страдательной конструкции в чеченском языке недостаточно выкристаллизовалось, недостаточно установилось и ограничено немногими случаями, о которых будет речь ниже. Это и заставляет нас признать, что в чеченском языке нет еще настоящего развитого страдательного оборота, а существуют только начатки развития этой конструкции. Наиболее ясную страдательную конструкцию мы имеем при сказуемом в форме прошедшего совершенного времени, причем эта конструкция отличается как от переходной, так и от процессно-переходной:

Переходный:	Страдательный:	Процессно-переходный:
Оха аре тракторца аьхна.	Аре тракторца аьхна ю.	Оха аре тракторца аьхна ю.
Мы вспахали поле трактором.	Поле вспахано трактором.	Мы находимся в процессе пахоты (данного) поля трактором.
Аре тракторо аьхна. Трактор вспахал поле.		Мы заняты распахи- ванием (данного) поля с помощью трактора.

Сравнение всех этих предложений показывает, что страдательное значение чеченское предложение приобретает тогда, когда оно становится безличным, т. е. теряет свое фактическое подлежащее.

Подлежащим в этом случае становится и по смыслу и по форме объект (прямое дополнение). В этом отношении нет никакой разницы между русским и чеченским языком. Однако большая разница заключается в том, что в то время, как в русском языке мы можем в страдательном обороте поставить подлежащее в творительном падеже, независимо от того, что реально выражает это подлежащее, в чеченском языке мы можем поставить в форме творительного падежа лишь подлежащее, не относящееся к классу общества, т. е. то, что исторически является лишь позднейшим подлежащим. Таким образом, творительный падеж в чеченском языке нельзя признать формой подлинного подлежащего, так как употребление его в страдательном обороте не выходит за пределы обычного употребления творительного падежа для выражения орудия.

Процессно-переходный:

Куьзга алмазо хадийна ду.
(Данное) стекло резал (именно)
алмаз.

И аре тракторо аьхна ю.
Это поле вспахал (именно) трактор.
И. аре говраша аьхна ю.
Это поле вспахали (именно) ло-
шади.

Страдательный:

Куьзга алмазаца хадийна ду.
Стекло разрезано || нарезано алма-
зом.

Аре тракторца аьхна ю.
Поле вспахано трактором.
Аре говрашца аьхна ю.
Поле вспахано лошадьми.

Из сравнения этих двух конструкций предложения мы видим, что вся разница между действительным и страдательным оборотом сводится в чеченском языке к тому, имеется или не имеется в данном предложении грамматическое подлежащее (в активном падеже) и может или не может оно быть заменено творительным падежом для выражения орудия. При подлежащем в активном падеже мы будем иметь переходный оборот в одной из его разновидностей (в данных примерах — процессно-переходный). В случае же безличного предложения, в котором орудие выражено творительным падежом, — мы будем иметь строй, соответствующий русскому страдательному. Можно привести еще ряд примеров этой единственно возможной для чеченского языка страдательной конструкции.

Начатки страдательного оборота:

Куьзга алмазаца хиэдийна ду.
Стекло (все) изрезано алмазом.

Корта хьан уьрсаца баьшна бу.
Голова выбрита твоим ножом.

Со хьан бокьаца валийна ву.
Буквально: Я привезен твоим жеребенком.

Хьера хица хьийзийна ю.
Мельница приведена в движение (кручена) водой.

Аре тракторца аьхна ю.
Поле вспахано трактором.

КегIат машинкица яздина ду.
Бумага написана машинкой.

КегIат кьоламца яздина ду.
Бумага написана пером.

Коч машинаца тегна ю.
Рубашка сшита машинкой.

Коч куьйга тегна ю.
Рубашка сшита руками.

Сурт бIаьрга гина ду.
Буквально: Картина увидена глазами.

Дечиг херха хадийна ду.
Дерево спилено пилой.

Дечиг хиэдийна ю херхаца.
Дерево распилено || испилено пилой.

ХIуманаш куьйгаца лахьийна ю.
(Все) вещи собраны рукою.

Хуманаш куьйгашца лиэхийна ю.
Вещи руками (много раз) собраны.
УьстагI куьйгашца лавцна бу.
Овца поймана руками.
УьстагI куьйгашца ледна бу.
Овца изловлена руками.
УьстагIий куьйгашца ледна ду.
Овцы изловлены руками.

Страдательный оборот может иметь все три времени:

Куьзга алмазаца хадош ду.
Стекло режется алмазом.
Куьзга алмазаца хадор долуш ду.
Стекло будет резиться алмазом.
Куьзга алмазаца хадийна ду.
Стекло разрезано || нарезано алмазом.

Однако, как только мы попробуем поставить в значении логического подлежащего в форме орудия (творительном падеже) название человека, так сейчас же выяснится огромная разница между страдательным оборотом в русском и других европейских языках и зачаточным страдательным оборотом в чеченском языке. В русском и других языках, в которых мы имеем вполне развитый страдательный оборот, в форме орудия (творительный падеж или другая аналогичная форма) может быть поставлено любое логическое подлежащее независимо от того, представляет ли оно собою название настоящего орудия, предмета, животного, члена тела или название члена общества, человека. В чеченском языке мы имеем совершенно иное явление. В грамматической форме орудия (творительный падеж) нельзя поставить название члена общества — человека, например, по-русски свободно можно сказать:

Стекло нарезано стекольщиком.
Голова выбрита парикмахером.
Поле вспахано колхозниками.
Рубашка сшита женщиной, и т. д.

По-чеченски этого рода предложения до сих пор не переводили страдательным оборотом. Их переводили обыкновенным переходным оборотом, в котором логическое и грамматическое подлежащее совпадает в форме активного падежа. Однако, учитывая опыт некоторых народов Поволжья, в языках которых также до Великой Октябрьской социалистической революции не было развитого страдательного оборота, можно построить и в чеченском языке предложение так, что оно будет более или менее соответствовать русскому страдательному обороту. В данном случае можно использовать то свойство чеченского языка, что в форме орудия (творительного падежа) можно поставить названия членов тела, названия способностей человека и т. д. Таким образом, по-чеченски можно сказать „Стекло нарезано руками стекольщика“, „Голова выбрита руками парикмахера“, „Рубашка сшита руками женщины“, „Поле вспахано силою колхозников“ и т. д.

Здесь также, как в марийском, мордовском и др. языках, логическое подлежащее в страдательном обороте выражено описательно:

Куьзганан бIавргаш тухучун куьйгашца хадош ду куьзга.
Стекло режется стекольщиком.

Буквально: Стекло режется руками стекольщика.

Куьзгачан баьргаш тухучун куьйгашца хадийна ду куьзга.
Стекло резано стекольщиком.

Куьзганан баьргаш тухучун куьйгашца хадор долуш ду куьзга.
Стекло будет резано стекольщиком.

Аре колхозникийн нуьцкьаца охуш ю.
Поле пашется колхозниками.

Буквально: Поле пашется силою колхозников.

Аре колхозникийн нуьцкьаца аьхна ю.
Поле вспахано колхозниками.

Буквально: Поле вспахано силою колхозников.

Аре колхозникийн нуьцкьаца охур йолуш ю.
Поле будет вспахано колхозниками.

Буквально: Поле будет вспахано силою колхозников.

Коч зудчун куьйга || куьйгаца тоьгуш ю.
Рубашка шьется женщиной.

Буквально: Рубашка шьется рукою женщины.

Коч зудчун куьйга тегна ю.
Рубашка сшита женщиной.

Буквально: Рубашка сшита рукою женщины.

Коч зудчун куьйга тоьгур йолуш ю.
Рубашка будет сшита женщиной.

Буквально: Рубашка будет сшита рукою женщины.

Белхалой ахархой капиталистически межкьашкахь
капиталистийн нуьцкьаца тийна латтош бу.
Рабочие и крестьяне в капиталистических странах угнетены
капиталистами.

Буквально: Рабочие и крестьяне в капиталистических странах являются
угнетенными насилием капиталистов.

Замечательная особенность чеченского и многих других восточных языков заключается в том, что в грамматической форме орудия (творительном падеже) нельзя поставить названия члена общества — человека — именно только в значении логического субъекта. В этой форме название члена общества может быть понято лишь в значении совместности или сопровождения, но никак не логического подлежащего. Эта особенность представляет собою несомненный архаизм — остаток языка той эпохи, когда человек ни в действительности, ни в мышлении, ни в языке еще не мог быть ни орудием в руках другого человека, ни объектом эксплуатации. В ту эпоху, когда все члены общества, все люди были еще одинаково активны, одинаково свободны от эксплуатации, очевидно, не могло быть страдательного оборота в их языке и мышлении. Последний развивается лишь вместе с классовым обществом, когда только и может появиться в языке и мышлении настоящий страдательный оборот.

Однако, как мы видели выше, в чеченском может быть развит страдательный оборот хотя бы в описательной форме — путем описательной передачи творительной формы логического подлежащего. Несомненно, что в литературном чеченском языке эта форма страдательного оборота будет развиваться, и под влиянием русского синтаксиса такое выражение страдательного оборота станет обычным.

Оборот с обобщенным субъектом. Под оборотом с обобщенным субъектом мы понимаем такие предложения, в которых подлежащее по форме отсутствует и не может быть выражено словом, а по смыслу подлежащим являются все люди вообще. Таким образом, в данном обороте обобщено подлежащее. По-русски это выражается формой второго лица единственного числа или третьего лица множественного числа сказуемого, например: „С кем поведешься, от того и наберешься“, „Стол делают из дерева“ и т. д. По-чеченски обобщенный оборот выражается тоже безличным предложением, например:

Стол дечигах йо.
Стол делают из дерева.

Мехкдавтга лавттах доккху.
Нефть добывают из земли.

Дечиг хьуьнахара дохьу.
Дрова возят из лесу.

Оборот с обобщенным субъектом вовсе не представляет собою неполного предложения. Если мы в этот оборот поставим подлежащее в виде отдельного слова (наха — люди), то смысл оборота изменится. Вместо обобщенного смысла мы получим более частное значение подлежащего. Таким образом, оборот с обобщенным субъектом по самому своему содержанию является формой, обобщающей подлежащее (т. е. такой, в которой субъект выступает во всеобщем значении) и, следовательно, бессубъектным по форме как в русском, так и в чеченском языке.

Схема развития оборотов. Для подведения итогов всему сказанному об оборотах в чеченском языке, приведем здесь краткую схему развития всех оборотов с указанием схемы построения предложения в каждом из них:

а) Основные обороты.

1. Непереходный оборот:

Со лела.
Я хожу || гуляю.

Непродуктивное подлежащее — сказуемое
(именительный падеж)

2. Переходный оборот:

Ас болх бо.
Я работу делаю.

Продуктивное подлежащее — прямое дополнение — сказуемое
(активный падеж) (именительный падеж)

3. Оборот с дательным субъектом

Суна говр го.
Я вижу лошадь.

Дательное дополнение — подлежащее — сказуемое
(логический субъект) (логический объект)
(дательный падеж) (именительный падеж)

б) Обобщенные обороты.

4. Непереходно-обобщенный оборот:

Со лелаш ю.
Я (обычно) хожу, гуляю.

Подлежащее — составное глагольное сказуемое
(именительный падеж)

5. Переходно-обобщенный оборот:

Со болх беш ву.
Я (обычно) работу делаю.

Подлежащее — прямое дополнение — составное глагольное сказуемое
(именительный (именительный падеж)
падеж)

6. Дательно-обобщенный оборот:

Со говр гуш ву.
Я различаю (глазами) лошадь.

Подлежащее — прямое дополнение — составное глагольное сказуемое.
(именительный (именительный
падеж) падеж)

в) Процессные обороты.

7. Процессно-переходный оборот:

Ас беш бу болх.
Я нахожусь в процессе деланья работы.
Я занят деланьем работы.

Продуктивное подлежащее — составное глагольное сказуемое —
(активный падеж) прямое дополнение
(именительный падеж)

или: прямое дополнение — продуктивное подлежащее — составное
сказуемое.

8. Процессно-дательный оборот:

Суна гуш ю говр.
Я нахожусь в процессе рассматривания (данной) лошади.
Я занят рассматриванием (данной) лошади.

Дательное дополнение — составное глагольное сказуемое — подлежащее
(логический субъект) (логический объект)
(дательный падеж) (именительный падеж)

г) Производные обороты.

9. Производно-переходный оборот:

Ас говр лелайо.
Я вожу лошадь.

Продуктивное подлежащее — прямое дополнение — сказуемое
(активный падеж) (именительный падеж) (слитное с глаголом
„диэ“)

10. Производно-непереходный оборот:

Совга болх бало.
Мне удастся делать работу.
Я в состоянии делать работу.

Косвенное дополнение — подлежащее — сказуемое		
(логический субъект)	(логический объект)	(слитное с глаголом „луо“)
(местный падеж)	(именительный падеж)	

11. Производно-дательный оборот:

Суна говр йиэзало.

Буквально: Лошадь в состоянии нравиться мне.

Дательное дополнение — подлежащее — сказуемое		
(логический субъект)	(логический объект)	(слитное с глаголом „луо“)
(дательный падеж)	(именительный падеж)	

д) Побудительные обороты.

12. Непереходно-побудительный оборот:

Ас говр лоблуйту.
Я пускаю лошадь ходить || гулять.
Я заставляю лошадь ходить || гулять.

Продуктивное подлежащее — прямое дополнение — сказуемое		
(активный падеж)	(второй объект) (именительный падеж)	(слитное с глаголом „вита“)

13. Переходно-побудительный оборот:

Ас цуьнга болх бойту.
Я допускаю его делать работу.
Я заставляю его делать работу.

Продуктивное подлежащее	косвенное дополнение	прямое дополнение	сказуемое
(активный падеж)	(второй объект) (местный падеж)	(первый объект) (именительный падеж)	(слитное с глаголом „вита“)

14. Дательно-побудительный оборот:

Ас цунна говр гойту.
Я показываю ему лошадь.
Я даю ему видеть лошадь.

Продуктивное подлежащее	косвенное дополнение	прямое дополнение	сказуемое
(активный падеж)	(второй объект) (дательный падеж)	(первый объект) (именительный падеж)	(слитное с глаголом „вита“)

15. Побудительный оборот, образованный от произво дно-переходного

Ас цуьнга говр лелайойту.
 Я даю ему водить лошадь.
 Я заставляю его водить лошадь.

Продуктивное	— косвенное	— прямое	— сказуемое
подлежащее	дополнение	дополнение	
	(второй объект)	(первый объект)	(слитное с глаголами „диэ“ и „вита“)
(активный падеж)	(местный падеж)	(именительный падеж)	

16. Побудительный от производно-непереходного:

Ас цуьнга болх баболуьйту.
 Я даю ему возможность делать работу.

Продуктивное	— косвенное	— прямое	— сказуемое
подлежащее	дополнение	дополнение	(слившееся с глаголами „луо“ и „вита“)
	(второй объект)	(первый объект)	
(активный падеж)	(местный падеж)	(именительный падеж)	

17. Побудительный от производно-дательного:

Ас хьо цунна йизайолуьйту.
 Я побуждаю его нравиться тебе.

Буквально: Я даю ему возможность нравиться тебе (женщине).

Продуктивное	— прямое	— косвенное	— сказуемое
подлежащее	дополнение	дополнение	
	(первый объект)	(второй объект)	(слитное с глаголами „луо“ и „вита“)
(активный падеж)	(именительный падеж)	(дательный падеж)	

Из рассмотрения всех оборотов мы видим, что в сущности, если исходить только из формы двух грамматически главных членов чеченского предложения (т. е. подлежащего и прямого дополнения), все чеченские обороты сводятся к двум основным — переходному и непереходному.

Под форму непереходного оборота подходят: оборот с дательным субъектом, все обобщенные обороты, производно-непереходный, процессно-дательный, наконец, производно-дательный, последний, сложный с глаголом „луо“, — во всех тех случаях, когда логическое подлежащее стоит в нем в дательном (т. е. в случае образования его от глаголов первой группы, см. стр. 103) или местном падеже.

Все остальные обороты являются по внешней форме переходными.

Залоги глагола. Мы видели, что для многих оборотов характерны особые формы глагола-сказуемого, имеющие самостоятельное изменение по временам; исключение составляет лишь оборот с обобщенным субъектом, который отличается не особой формой глагола-сказуемого, а отсутствием подлежащего. Те формы глагола-сказуемого, которые характерны для важнейших оборотов, называются в морфологии залогами глагола. Следовательно, мы будем иметь в чеченском языке столько залогов, сколько в нем насчитывается оборотов с особыми морфологически выраженными формами сказуемого, характерными для одного или

нескольких оборотов. Переходный и непереходный обороты почти не отличаются друг от друга формой сказуемого-глагола. То же следует сказать и об обороте с дательным субъектом, об обороте с обобщенным субъектом и обо всех оборотах, производных от непереходного, переходного и от оборота с дательным субъектом. Следовательно, в чеченском языке насчитывается значительно меньшее число залогсв, чем оборотов. Здесь имеются следующие залогис — основной или действительный (форма глагола-сказуемого в непереходном, переходном и обороте с дательным субъектом), обобщенный (форма глагола-сказуемого в непереходно-обобщенном, переходно-обобщенном, дательно-обобщенном, процессно-переходном и процессно-дательном оборотах), производно-переходный (форма глагола, сложного с „диэ“ — „делай“), производно-непереходный (форма глагола, сложного с „луо“ — „давай“), побудительный (форма глагола с суффиксом „ийта“) и начатки страдательного залога. Три залога — производно-переходный, производно-непереходный и побудительный служат формами глагола-сказуемого в разнообразных производных и побудительных оборотах. Подробнее о залогах см. в Морфологии чеченского литературного языка.

Второстепенные члены предложения. Кроме главных членов предложения, мы имеем в чеченском языке следующие второстепенные члены предложения: косвенное дополнение, обстоятельственные слова и определение при определяемом или притяжательное (родительное) дополнение при дополняемом.

Косвенные дополнения мы в свою очередь подразделяем в соответствии с теми падежными формами, которые их выражают, на: самостоятельное родительное дополнение (не при дополняемом), дательное, творительное, местное в различных его формах, вещественное и сравнительное дополнения.

Родительное косвенное дополнение. Самостоятельное родительное дополнение (не при дополняемом) употребляется в чеченском языке сравнительно редко. Оно имеет следующие значения: субъекта собственности (субъекта принадлежности), логического субъекта и логического объекта.

1. Родительное дополнение в значении субъекта собственности или принадлежности.

Сан — ахча ду || сан ду ахча.

У меня деньги есть || деньги — мои (деньги суть мои).

Сан — корта лозу || сан лозу корта.

У меня голова болит || у меня болит голова.

Эти примеры, в которых мы имеем самостоятельное родительное дополнение, следует отличать от тех случаев, в которых имеется несамо-стоятельное родительное дополнение при дополняемом:

Сан ахча ду иза.

Это — мои деньги.

Мои деньги — (есть) вот те.

Сан корта бу цлена.

Моя голова — чистая.

В первых примерах слово „сан“ представляет собою самостоятельный член предложения, непосредственно связанный со сказуемым. Во вторых примерах слово „сан“ непосредственно со сказуемым не связано. Оно относится к подлежащему, как определение к определяемому. Следовательно, в первом случае мы имеем родительное дополнение, входящее в прямую связь слов в предложении. Во втором случае то же слово стоит в предложении в непосредственной связи с подлежащим и входит, следовательно, в посредственную связь слов в предложении.

2. Родительное дополнение в значении логического субъекта употребляется в чеченском языке в сравнительно редких случаях — при некоторых из тех глаголов, которые требуют субъекта в дательном падеже и одновременно инфинитива.

Сан базара вахан диэза.
Я должен пойти на базар.
Мне необходимо пойти на базар.

Ахьмадан районе вахан диэза.
Ахмаду необходимо поехать в район.
Ахмад должен поехать в район.

Латта ахан колхозхойн диэзар ду.
Колхозники должны будут вспахать землю.
Колхозникам необходимо будет вспахать землю.

Дешархойн школе бахан дийзира.
Ученики должны были пойти в школу.
Ученикам необходимо было пойти в школу.

Белхалойн заводехь болх бан диэза.
Рабочие должны работать на заводе.

Халидан || Халидана ца мега тлаьхъависан.
Халиду не сходит с рук опаздывать.
Халиду нельзя опаздывать.

Хьан || хьуна мега ловзан, сан || суна ца мега.
Тебе сходит с рук шалить, а мне нет.

Сан цига вахан карахдолу.
Я сумею поехать туда.

Сан Иллан йиш яц.
У меня нет возможности лежать.
Я не имею возможности лежать.

Сан йиш ю.
Я имею возможность.
У меня есть возможность.

Сан цигахь хилан биэзам бу.
У меня есть желание быть там.
Я хочу быть там.

Сан Iен таро яц.
У меня нет возможности сидеть || ждать.
Я не имею возможности сидеть || ждать.

Сан вахан таро ю.
Я имею средства жить || имею возможность жить (в достатке).
У меня есть средства жить в достатке.

Из примеров мы видим, что родительное дополнение употребляется главным образом при глаголе „диэза“, а также при других отдельных глаголах, требующих дательного субъекта. Родительное дополнение в этих случаях выражает логический субъект так же, как и дательное дополнение. На близость родительного дополнения к дательному указывает, кроме того, тот факт, что родительное дополнение в некоторых из приведенных нами примеров может быть заменено дательным дополнением с тем же значением. Родительное дополнение, однако, может быть поставлено вместо дательного лишь в том случае, если глаголы, требующие дательного субъекта имеют при себе неопределенное наклонение. Различие между родительным и дательным дополнениями, а также между родитель-

ным дополнением и грамматическим субъектом (в именительном падеже) можно видеть из следующих примеров:

Суна АтагIа вахан машина йиэза.
Мне нужна машина для поездки в Атаги.
Мне нужна машина, чтобы поехать в Атаги.
Сан АтагIа вахан диэза.
Мне необходимо поехать в Атаги.
Я должен поехать в Атаги.
Со АтагIа вахан виэза.
Мне надо || следует поехать в Атаги.
Я нуждаюсь в поездке в Атаги.

Мы видим, что родительное дополнение в значении субъекта выражает при глаголе „диэза“ оттенок долженствования или необходимости. В последних из вышеприведенных примеров мы видим, что значение родительного дополнения как логического субъекта не отграничено резко от его значения как субъекта собственности. Отсюда лишь один шаг до употребления родительного дополнения в качестве самостоятельного косвенного дополнения:

Сан ахча ду.
У мен: есть деньги.
Я имею деньги.
Сан хуьлу ахча.
У меня бывают деньги.
Буквально: Мои бывают деньги.
Сан говр ю.
У меня есть лошадь.
Сан лозу корта.
У меня болит голова.

Таким образом, родительное дополнение в значении субъекта связано, с одной стороны, с дательным дополнением в значении субъекта, а с другой, с родительным дополнением в значении субъекта собственности, т. е. с притяжательным родительным дополнением.

Итак, родительное дополнение в качестве логического подлежащего употребляется редко: обычно в связи с неопределенным наклоением и лишь в том случае, если сказуемым в предложении служат глаголы: диэза — „будь необходимым, нужным, будь должным“, „карахдIала“ — „сумей, смоги“, отчасти: мага — „сходи с рук, будь дозволенным, будь разрешенным“, а также именные сказуемые: йиш ю — „есть возможность“, таруо ю — „есть средства, есть материальная возможность“. Следовательно, родительный субъект употребляется при сказуемых, выражающих необходимость и возможность. При глаголах: „мага“ и „карахдIала“ родительный субъект может чередоваться с дательным субъектом, а при составных сказуемых „йиш ю, таро ю“ родительный субъект по происхождению связан с родительным дополнением, выражающим принадлежность или собственность.

Кроме того, в чеченском языке имеются отдельные глаголы, при которых логическое подлежащее стоит всегда и исключительно в родительном падеже. Таковы, например: догдIа — „будь желанным“, — сатI-егIуо — „будь расположенным, люби“, сагатIуо — „скучай“, сахбийза — „скучай“, сакъиэралуо — „веселись“, карахдIала — „будь усердным“, ойла йоха — „будь расстроенным в мыслях, рассеянным“. Приведем примеры на употребление смыслового подлежащего в родительном падеже при этих глаголах:

Цуьнан догдогӀу болх бан.

Буквально: У него сердце приходит работать.

У него душа лежит к работе.

Цуьнан сатӀедовӀду дешан.

У него душа лежит к учению.

Сан карахдӀолу болх бан.

У меня работа спорится.

Буквально: Из моих рук выходит делать работу.

Цуьнан сагатло, шӀа цахъ висича.

Он скучает, оставшись дома.

Сан сахъйиза, суо школе ца вахча.

Я скучаю, не пойдя в школу.

Стахановхочун сакъерало, шӀа болх беш.

Стахановец радуется работая.

Сан ойла юху, сайна цагӀам хилча.

Когда я огорчусь, у меня расстраиваются мысли.

Употребление родительного падежа смыслового подлежащего при всех перечисленных глаголах генетически объясняется тем, что все эти глаголы имеют в составе основы исторически слившиеся с глагольным корнем имена. Таким образом, родительный падеж первоначально представлял собою косвенное дополнение-определение к этому имени. В одном случае „ойла йоха“ — „будь рассеянным“ мы и в современном чеченском языке не имеем полного слияния имени и глагольного корня. Следовательно, „догда“ (из: дог — „сердце“ + дӀа — „приходи“) буквально обозначает „приходи, сердце“, сатӀегӀуо (из: са — „душа“ + тӀе: Ӏуо — „пойди на что-нибудь“) буквально обозначает „душа, пойдя на что-нибудь“, сагатло (из: са — „душа“ + гатло — „сужься“) обозначает „душа, сужайся“ сахъйиза (из: са — „душа“ + хъйиза — „вертись, крутись“) обозначает „душа, крутись“, сакъерало (из: са — „душа“ + къиӀерало — „веселись, радуйся“) обозначает „душа, радуйся“, карахдӀала (из: карах — „из рук“ + дӀала — „выходи“) обозначает „из рук выходи“ и, наконец, ойла йоха (из: ойла — „мысль“ + йоха — „портись“) обозначает „мысль, портись“. Таким образом, родительный падеж подлежащего относится не к глаголу, а к именам: дог — „сердце“, са — „душа“, карах — „из рук“, ойла — „мысль“, — именам, исторически включенным в состав глагольной основы. Следовательно „сан догдогӀу“ первоначально буквально обозначало „мое сердце приходит к чему-то“. Точно так же объясняются и все остальные случаи употребления родительного падежа в качестве смыслового подлежащего.

3. Родительное дополнение в значении объекта. В редких случаях при некоторых составных по происхождению глаголах мы имеем родительное дополнение в значении прямого дополнения (логического объекта):

Стахановхочун Ӏоха сий до.

Мы уважаем, почитаем стахановца.

Лазархочун гӀо до лобраша.

Врачи помогают больному.

НӀанойн терго йо советски пачхӀалкхо.

Советская власть обращает внимание на (положение) матерей.

Вай гӀайгӀа бо бӀерийн.

Мы заботимся о детях.

Во всех этих примерах глаголы-сказуемые уже имеют исторически включенное в состав сказуемого прямое дополнение: „сий до“ сложилось

из: си — „почет“, до — „делаем“, „гIайгIа бо“ составилось из гIайгIа — „забота, печаль“, бо — „делаем“, т. е. печалимся, заботимся. Такими же составными по происхождению являются и глаголы: „гIо до“ и „терго йо“, в которых вторая часть „до, йо“ представляет собою настоящее время глагола „делать“, а первая часть „гIо“ — „помощь“ и „терго“ — „внимание“ — имена в форме прямого дополнения. Отсюда ясно, что исторически в данных предложениях не может стоять второе прямое дополнение в именительном-винительном падеже, так как оно уже имеется в составе сказуемого. Поэтому для выражения прямого дополнения употребляется форма родительного дополнения, которое первоначально являлось притяжательным дополнением-определением к имени, включенному в состав сказуемого.

Дательное дополнение. Дательное дополнение в чеченском языке употребляется в следующих значениях: в значении субъекта обмена, т. е. лица, с которым совершается обмен, в значении лица, для или в пользу которого совершается действие, в значении логического субъекта при глаголах „сознавать“ и „чувствовать“, в значении логического субъекта при тех же глаголах первой группы в производно-непереходном обороте, в значении второго объекта в дательном-побудительном обороте при глаголах первой группы (см. примеры на стр. 103 и 86, в значении прямого дополнения (логического объекта) при глаголах со значением: „тереть, мазать, бить, бросать, совать, втыкать, колоть“ и, наконец, в значении предмета речи (о ком, для кого, в пользу кого ведется речь). Следует упомянуть, что для выражения субъекта общения (т. е. лица, к которому обращена речь) в чеченском языке, в качестве особенности, употребляется не дательное, а местное дополнение. Приведем примеры на различные случаи употребления дательного дополнения.

1. Дательное дополнение в значении субъекта обмена (по происхождению) (т. е. лица, с которым производится обмен):

Колхозхоша пачхьалкхана ялташ духку.
Колхозники продают государству хлеб.

Пачхьалкхо колхозхошна машинаш ло.
Государство дает колхозникам машины.

Колхозашкахь, заводашкахь ударникашна совгIаташ ло || до.
В колхозах и на заводах ударникам дают || делают премии.

Хьуьнан отдело колхозашна йбрах хьун юхку.
Лесотдел дешево продает лес колхозам.

Дохнан совхозаша бахархошна дбрах даьхни духку.
Животноводческие совхозы дешево продают скот жителям.

Белхалоша шайн берашна пальтонаш оьцу.
Рабочие покупают своим детям пальто.

Пачхьалкхо колхозхошна хьелий иэца ахча ло духалург.
Государство ссужает (дает с возвратом) колхозникам денег для
покупки коров.

Загототделаша цIокарчийх а, хIовийх а, тIергIах а колхозхошна
кIади духку.

Загототдел продает колхозникам мануфактуру в обмен на шкуры,
яйца и шерсть.

Ас кIантана книжка эцна.
Я купил сыну книжку.

Ас старана йол юьллу || гIодмаш дохку.
Я даю (кладу) быку сено || даю (подкладываю) кукурузную солому.

2. Дательное дополнение в значении лица, для или в пользу которого совершается действие.

Берашна курорташ йина пачхьалкхо.
Государство создало для детей курорты.

Дешархошна сакъерам бира оха.
Мы устроили вечер для учеников.

Ахь йохкархочуьнга хьаттина суна пальто.
Ты спросил пальто у продавца для меня.

Справка суна язйиэ.
Напиши справку для меня.

3. Дательное дополнение в значении логического субъекта при глаголах со значением „сознавать, чувствовать“.

Суна сурт го.
Я вижу картину.

Суна хеза пондаран эшарш.
Я слышу звуки музыкального инструмента.

Цунна и ахча тоьу.
Ему этих денег достаточно.

Суна вайн депутатан кьамел хезира.
Я слышал речь нашего депутата.

(Остальные примеры см. оборот с дательным субъектом, стр. 63).

4. Дательное дополнение в значении логического субъекта в производно-непереходном обороте от глаголов первой группы с дательным субъектом:

Воккхачу стагана а дизало самукъе в`ахар.
И старому человеку может нравиться веселая жизнь.
И старый человек в состоянии любить веселую жизнь.

Суна сайн болх дика хаало.
Я в состоянии (сам) хорошо знать свое дело.

5. Дательное дополнение в значении второго объекта в дательнопобудительном обороте от глаголов первой группы:

Паланашкахь а, ярташкахь а бахархошна радио чухула керла
хабарш хозуьйту.

И в городах, и в селах жители имеют возможность по радио
слушать последние (буквально: новые) известия.
В городах жителям дается возможность по радио слушать последние
(буквально: новые) известия.

Газеташкахула массарна-а хоуьйту Верховни Советан сацамаш.
Все имеют возможность узнать постановления Верховного Совета
через газеты.

Всем дана возможность узнать через газеты постановления
Верховного Совета.

6. Дательное дополнение в значении логического объекта при глаголах со значением „тереть, мазать, бить, бросать, совать, втыкать, колоть“:

Цо говрана кахьокху.
Он массирует, оглаживает лошадь.

Ас цлевнна доьхка доьхку.
Я вяжу сноп связлом.

Ас жIалина сара бетта.
Я бью собаку хворостиной.

Ас пхьагална топ туйхира.
Я ударил из ружья в зайца.
Я попал из ружья в зайца.

(Другие примеры см. прямое дополнение в значении орудия, стр. 40—41)

7. Дательное дополнение в значении предмета речи, т. е. лица, о котором говорят, а также лица, для которого, в пользу которого ведется речь:

Ахь соьга цунах || цунна вон хабарш дийцинера.
Ты рассказал (тогда) плохие известия мне о нем || наговаривал
мне на него, против него.

Зудчо соьга цунах || цунна лекхар дина.
Женщина болтала мне о нем || наговаривала мне на него.

Но: Ахь мотт буйцу суна цуьнца.

Буквально: Ты говоришь для меня с ним.

Ты переводишь для меня его слова (ср. стр. 103, п. 2).

Примечание: В качестве особенности чеченского языка следует отметить, что для выражения субъекта общения (лица, к которому обращена речь) при глаголах со значением „говорить“ чаще употребляется не дательное, а местное дополнение:

КегIат соьга яздиэ.
Напиши мне письмо.

Цо йохкархочуьнга хотту товаран мах.
Он спрашивает у продавца стоимость товара.

Дас кегIат яздо кIанте.
Отец пишет письмо сыну.

Председатело бригадире олу.
Председатель говорит бригадиру.

Дешархочо хьехархочуьнга дуйцу.
Ученик рассказывает учителю.

Точно так же при глаголах обмена вместо дательного дополнения употребляется местное для выражения субъекта обмена (лица, с которым ведется обмен) в том случае, когда речь идет об отдаче объекта обмена не в собственность другому лицу, а на время, взаймы, во временное пользование и т. д. (ср. стр. 102, п. 1).

Дадас соьга ахча делира бепиг иэцан.
Отец дал мне деньги купить хлеба.

Тхан колхозан председатело соьга етт иэцан ахча ло.
Председатель нашего колхоза дает мне деньги для покупки
(буквально: купить) (ему) коровы.

Колхозо Iуьне кхабан даьхни делира.
Колхоз дал пастуху скот на выпас.

Ас пхьере тоян мачаш елира.
Я отдал мастеру обувь для починки.

Творительное дополнение. Творительно-сопроводительное дополнение употребляется в чеченском языке в следующих значениях: в значении

орудия (в полной форме творительного падежа и в архаической его форме), в значении средства передвижения, в значении пути передвижения, в значении совместности действия или сопровождения, в значении логического субъекта в зачаточном страдательном обороте и т. д.

Приведем примеры на употребление творительного дополнения.

1. Творительное дополнение в значении орудия:

Цо дагарца дечиг хадийра.

Он срубил || перерубил дерево топором.

Ас херхаца дечиг хадийра.

Я спилил || перепилил дерево пилой.

Зудчо мехаца тоьгу.

Женщина шьет иглой.

Эчиган || аьчган пхьёро жавьнаца эчиг тадира.

Кузнец выправил железо молотом.

Ас тоьпаца пхьагал йийра.

Я убил зайца ружьем.

Колхозхоша аре тракторца аьхна.

Колхозники вспахали поле трактором.

Оха хьалха аре говрашца а, стерчашца а аьхнера || охура.

Мы раньше пахали поле лошадьми и быками.

И кеглат машинкица яздина.

Эта бумага писана на машинке.

Зудчо коч машинца тегна.

Женщина сшила рубашку на машине.

Ас хьалха коч куьйгаца тегнера.

Я раньше шила рубашку руками.

2. Архаическая форма творительного дополнения в значении орудия

Дечиг херха хадайо.

Дерево пилят пилой.

Куьйга кахьар хьийзийнера || хьийзайнера.

Ручную мельницу крутили рукой.

Топпа лацалур бу иза.

Ружьем можно будет его убить (букв.: догнать).

Чарх кога хьийзайо тегархочо.

Швея крутит ногами колесо.

Уьрса йоу говр.

Лошадь холостят ножом.

Шен куьйга йина цо хлара пазаташ.

Она сделала эти носки своими собственными руками.

Шен матта мукларло дина цо.

Буквально: Он признался своим собственным языком.

Сайн || сан бляьрга гина суна накьост Ворошилов.

Я видел своими собственными глазами товарища Ворошилова.

Сайн || сан лерга хезна суна накьост Сталинан кьамел.

Я слышал своими собственными ушами речь товарища Сталина.¹

¹ В двух последних примерах формы „бляьрга“ и „лерга“ можно объяснить и как дательный по значению падеж.

Творительное дополнение в значении орудия образуется, главным образом, от названий орудий, животных и членов тела, а также машин, но не от названий членов общества — людей. Архаическая форма творительного дополнения в качестве окончания имеет гласный „а“ и по форме совпадает с архаическими формами активного и местного падежей (см. стр. 48—49). Эта архаическая форма творительного дополнения употребляется только от названий некоторых членов и органов тела и некоторых орудий (но не домашних животных, ср. выше, стр. 49), в чем нельзя не видеть пережитка глубокой старины.

3. Творительное дополнение в значении средства передвижения:

Со говраца вахара.

Я поехал на лошади (буквально: лошадью).

Со машинаца веара.

Я приехал на машине (буквально: машиною).

Хьалхалёрчу || хьалхачу заман чухь ворданца лелара.

В прежнее время ездили на арбе (буквально: арбой).

Творительное дополнение в значении транспортного средства употребляется сравнительно редко. Оно представляет собою развитие основного значения творительного дополнения — значение орудия. В современном языке творительное дополнение в этих случаях заменяется местным дополнением: вместо „говраца“ говорят „говрахь“ — на лошади, вместо „машинаца“ — „машинахь“ — на машине, вместо „ворданца“ — „ворданахь“ — на арбе и т. д. (см. стр. 132).

4. Творительное дополнение в значении пути сообщения:

Хица дохьу дечиг || кхоьхьу хьун.

Дрова || лес сплавляют по реке.

Хица догьу дечиг || йогьу хьун.

Дрова идут || несутся по реке.

Лес идет || несется по реке.

Со Идалца || Волгаца вахара.

Я поехал по Волге.

Творительное дополнение в значении пути сообщения употребляется еще реже. Оно смешивается с формой творительного дополнения в значении „вдоль чего-нибудь, край чего-нибудь“ (см. ниже).

5. Творительное дополнение в значении совместности действия или сопровождения:

И дагарца вара.

Он был с топором.

И глаш вахара говраца.

Он шел пешком с лошадью.

И вахара жаца.

Он шел с барантой.

Со сайн накьостаца еана || веана.

Я пришла со своим товарищем || я пришел со своим товарищем.

Как видим из примеров, творительное дополнение в значении совместности или сопровождения употребляется как от названий людей, так и животных, орудий и т. д. При этом, однако, творительное дополнение, образуемое от названий людей, не может иметь значения орудия (а также — средства передвижения и пути сообщения). Поэтому можно сказать, что творительно-сопроводительное дополнение употребляется преимущественно в значении названий членов общества, а творительно-орудное — в значении предметов и явлений природы.

6. Творительное дополнение в значении движения — „вдоль чего-нибудь, край чего-нибудь“:

Пхьагал хьуьнца йоду || уьду.

Заяц бежит || бегаёт край леса, вдоль леса.

Со хица вахара Атага.

Я пошел || поехал в Атаги вдоль реки || по реке.

Значение движения вдоль чего-нибудь имеет непосредственную связь с значением совместности действия или сопровождения. Значение „я иду вдоль реки, край реки“ развилось из значения: „я иду вместе с рекой“. Это последнее значение, как мы видим из примеров, иногда путается со значением пути сообщения.

7. Творительное дополнение в значении логического субъекта.

а) от названий вещей и явлений природы.

Аре тракторца охуш ю.

Поле пашется трактором.

Куьзга алмазаца хадош ду.

Стекло режется алмазом.

(Еще примеры см. на стр. 91).

б) от названий членов общества

(мыслимый способ выражения логического субъекта).

Аре колхозникийн нуьцкьаца охуш ю.

Поле пашется колхозниками.

Буквально: Поле пашется силою колхозников.

Куьзганан бляьргаш тухучун куьйгашца хадош ду куьзга.

Стекло режется стекольщиком.

Буквально: Стекло режется руками стекольщика.

(Еще примеры см. на стр. 92—93).

в) Отличие творительного падежа в значении орудия или логического субъекта от активного падежа.

Стаммий дечигаш херхаца || херха хиэдайю.

Толстые деревья пилятся пилой.

Стаммий дечигаш херхо хиэдайю.

Толстые деревья пилит пила.

Куьзга алмазаца хададо.

(Вообще) стекло режут алмазом.

(Вообще) алмазом режут стекло.

Куьзга алмазо хададо.

Алмаз режет (в состоянии резать) стекло.

Хьажал хьо, цо алмазаца хададо, хьуна, и куьзга.

Смотри-ка, он алмазом режет это стекло (вот тебе).

Хьажал хьо, алмазо хададо, хьуна, куьзга.

Смотри-ка, алмаз режет стекло (вот тебе).

Куьзга алмазаца хадийна.

Алмазом стекло нарезал (субъект подразумевается).

Куьзга алмазо хадийна.

Алмаз нарезал стекло.

Хьан уьрсаца баьшна сан корта.

Мою голову побрил твоим ножом (субъект подразумевается).

Хъан уърсо баъшна хIара корта.
Твой нож побрил эту голову.

Хъера хиэ хъийзайо.
Мельницу двигает (крутит) вода.

Хъера хица хъийзайо.
Мельницу двигает (крутит) водой.

Со хъан бокъаца веара схъа.
Я приехал на твоём жеребенке.

Со хъан бокъо валийра схъа.
Твой жеребенок привез (оказался в состоянии привезти) меня сюда.

Со хъан бокъаца валийна.
Меня привезли на твоём жеребенке.
Меня (кто-то) привез на твоём жеребенке.

Со хъан бокъо валийна.
Меня привез твой жеребенок.

Коч куйгаца || куйга тегна (субъект подразумевается).

Рубашка сшита рукой.
Рубашку сшила рукой.

Коч куйго тегна.
Рубашку сшила рука.

Из приведенных примеров мы видим, что творительное дополнение в общем резко отличается от продуктивного подлежащего и по форме и по смыслу. В то время как продуктивное подлежащее (активный падеж) всегда выражает нечто самостоятельно действующее, самостоятельного деятеля, творительное дополнение (творительный падеж) обозначает нечто несамостоятельное, подчиненное, орудие в руках деятеля. Таким образом, всюду, где творительное дополнение, с одной стороны, и продуктивное подлежащее, с другой, — выражены формами двух разных падежей: творительного и активного, никакого смешения этих двух форм в чеченском языке не бывает. Смешение наступает лишь в том случае, если творительное дополнение и продуктивное подлежащее выражаются архаической формой творительного и активного падежей. В этом случае оба падежа по форме совпадают и могут быть поэтому поняты двояко. Таким образом,

Коч куйга тегна.

может быть понято двояко:

Рубашку сшила рука.
Рубашку сшила рукой (субъект подразумевается).

Такое смешение имеет место только в редких случаях — в именах, обозначающих члены тела, немногие орудия, но не средства передвижения и домашних животных. Таким образом, здесь, собственно, нельзя говорить об употреблении творительного дополнения в значении продуктивного подлежащего, а можно лишь установить факт совпадения формы продуктивного подлежащего и творительного дополнения в том случае, когда оба они выражаются общей архаической формой творительного и активного падежей.

Вещественное дополнение. Вещественное дополнение имеет в чеченском языке следующие значения: положения внутри вещества (независимо от того, обозначает ли оно нахождение внутри вещества, движение внутрь вещества или исход изнутри вещества), материала, из которого сделан предмет, предмета речи (т. е. лица или предмета, о котором

идет речь), лиц или предметов, превосходимых по качеству (при превосходной по значению степени прилагательных), логического объекта при глаголах, со значением: „понимать, бояться, проверять, верить, мстить“ и т. д. Приведем примеры употребления вещественного дополнения.

1. Вещественное дополнение в значении положения внутри вещества:

Блорзгал || боьказар лавттах яхана.

Крот ушел в землю.

Междавтта лавттах доллу.

Нефть находится в земле.

Пху лавттах боллу.

Стрела воткнулась (находится воткнувшейся) в землю.

Дечигах чуьрк схьяялла.

Из дерева выполз древоточец.

Эти примеры показывают, что одной и той же формой вещественного дополнения выражаются русские три формы с различными предлогами и падежами, отвечающие на вопросы: „где?, куда?, откуда?“ Разница же в значении нахождения в веществе (русский вопрос: где?), движения в вещество (русский вопрос: куда?) и исхода из вещества (русский вопрос: откуда?) придаетя чеченскому вещественному дополнению значением глагола-сказуемого. Еще примеры:

Дахка шийнах бахана.

В доме завелись мыши.

Буквально: Мышь вошла в дом.

Хьюьнах вахара колхозхо.

Колхозник пошел в лес.

Сан когах кюхцал дахана.

В мою ногу воткнулся шип.

В мою ногу вошел шип.

Бедарийх || бедарах неца летта.

В одежде завелась моль.

Буквально: Моль вцепилась в одежду.

Дечигах шце летта.

Дрова загорелись.

Буквально: Огонь вцепился в дрова.

Жижигах хьожа кхетта.

Мясо воняет.

Буквально: Из мяса вонь бьет.

2. Вещественное дополнение в значении материала, из которого сделан предмет.

Дечигах йина стол.

Стол, сделанный из дерева.

Коч кладаинах тегна.

Рубашку сшили из материи.

Кибарчигийх шенош до.

Дома делают из кирпичей.

Тудгийх влов || блов йиниэра.

Боевую башню делали из камня.

Аьчгах (произносится: аьчках) || эчигах диг дина ду.

Топор сделай из железа.

Дешех дина ду сахьат.
Из золота сделаны часы.

Маьлла(н) хIух даьтта доккху.
Из подсолнечных семечек добывают масло.

Дуьмех даьтта || хьакхар долу.
Из курдюка выходит сало.

Хорбазах моз долу.
Из арбуза выходит мед.

3. Вещественное дополнение в значении предмета речи (лица, о котором идет речь):

Оцу гуллакхах дийцира вай.
Мы разговаривали об этом деле.

Цунах яздира оха.
Мы написали о нем.

Хьох хьаттина || хьаттира оха.
Мы спрашивали о тебе.

Цунах жоп делира ас.
Я ответил касательно его.

Цара лекхар дира сох.
Они болтали обо мне.

4. Вещественное дополнение в значении лица или предмета, превосходящего по качеству

(при положительной и превосходной степени прилагательных):

Говрийх диканиг хIара ю.
Из лошадей хороша эта.

Вежарийх воккках верг хIара ву.
Старший из братьев — вот этот.

Яртийх яккхийнаш хIорш ю.
Самые крупные из селений — вот эти.

Пхьёрийх говзаниг хьо ву.
Из мастеров самый искусный — это ты.

5. Вещественное дополнение в значении целого, из которого выделяется часть:

Хьешийх цхьаберж бухабирзина.
Некоторые из гостей вернулись.

Из этих примеров мы видим, что вещественное дополнение вообще может иметь значение латинского *genitivus partitivus*, откуда развиваются оба приведенные выше значения (см. пп. 4—5):

6. Вещественное дополнение в значении логического объекта при некоторых глаголах:

Цу гуллакхах кхийтира со.
Я понял это дело.

Цунах озало со.
Я боюсь этого.
Я опасуюсь этого.

Цунах тешаш ву иза.
Он верит в него || ему.

Оцу стагах шекваьлла со.
 Я сомневаюсь в этом человеке.
 Со кхуьу оцу гуллакхах.
 Я понимаю в этом деле.
 Я понимаю это дело.

7. Вещественное дополнение в значении объекта обмена (товара, на который обменивается другой товар):

Ас хъаьжкIаш хийцира кIех.
 Я обменял кукурузу на пшеницу.

8. Разновидность вещественного дополнения с суффиксом „ха, шха“ в значении происхождения:

ХIара говр чергасийн говрашха ю.
 Эта лошадь из (породы) кабардинских лошадей.
 Иза кIа оьрсийн кIеха ду.
 Эта пшеница из (породы) русских пшениц.
 Сан жIаьла ду лар толлучу жIаьлешха.
 Моя собака из (породы) ищеек.
 ХIара стаг ву нохчийн нахаха.
 Этот человек — из чеченских людей (чеченского происхождения).
 И кIант суьйлашха ву.
 Тот парень из тавлинов (тавлинского происхождения).

Эта форма вещественного дополнения представляет собою производную форму вещественного падежа, которую Услар считал самостоятельным „отделяющим“ и „наречистым“ падежом (см. Услар. „Чеченский язык“, стр. 26, суффиксы „хин, хан“).

Однако, в современном чеченском языке эта форма образуется далеко не от каждого имени существительного. Поэтому эту форму следует считать производной формой вещественного падежа, имеющей значение наречия.

Глаголы, при которых вещественное дополнение стоит в значении объекта и в других значениях:

Лата (хъанах? стенах?)	— прилепись, приклейся (к чему); загодись (в чем; например, о моли).
Туоха (хъанах? стенах?)	— стукнись, чокнись (обо что).
Хъакха (хъанах? стенах?)	— помажь (по чему); дотронься (до чего).
Къинхизтамбиз(хъанах? стенах?)	— жалеи (кого, что); оказывай помощь (кому, чему).
Акха	— отплати, отомсти (кому, чему); накажи, (кого, что).
Дуола	— уходи (внутри чего); проникай, просачивайся (во что), пропитывай (что); привыкай (к кому, к чему).
Кхиэра	— бойся (кого, чего).
Лизта	— приклеивайся, прилепляйся (к кому, к чему); дерись (с кем); загорайся, зажигайся (в ком, в чем).
Лизла	— ходи, гуляй (сходно с кем, с чем; похоже на кого, на что).
Дизша	— читай (сходно с кем, с чем, похоже на кого, на что), читай (часть чего-нибудь, из чего-нибудь).
Тизша	— верь (кому, чему, в кого, во что).
Кхизта	— попади (во что); понимай (что, в чем); соединишь (с кем, с чем).
Даза	— привязывай (к чему, к кому); завись (от кого, от чего).
Къаьста	— выделяйся (из чего).
Тасалуо	— прицепись (к кому, к чему), зацепись (за кого, за что).

Хь-кхалуо (хьанах? стенах?)	— касайся (кого, чего).
Дийца	— разговаривай (о ком, о чем).
Лиэххардиэ	— болтай (о ком, о чем).
Ду	— происходит (от кого), рождается (от кого, самца).
Хотгалуо	— удлинняй путем присоединения (что); надставляй, надвязывай (что).
Кхиа	— вырастай, расти (из чего), понимай (в чем, что), постигай, осознавай (что).
Зизалуо	— проверь (кого, что), испытай (кого).

Местное дополнение. Местное дополнение в чеченском языке имеет форму одинаковую с обстоятельством места и во многих случаях бывает трудно установить различие между ними. Под местным дополнением в собственном смысле мы понимаем случаи употребления формы местного падежа не в пространственном значении, а к обстоятельству места мы относим те формы местного падежа, которые имеют чисто пространственное значение. Местный падеж имени в качестве местного дополнения употребляется в чеченском языке в следующих значениях: в значении логического субъекта в производно-непереходном обороте и частью в производно-дательном, в значении второго объекта в переходно-побудительном обороте, в значении субъекта общения, т. е. лица, к которому обращена речь при глаголах со значением „говорить“ (во всех перечисленных случаях местное дополнение употребляется в основной форме местного падежа, т. е. в форме движения), и, наконец, в значении лиц или предметов, превосходящих по качеству (при превосходной степени прилагательных; в этом случае местное дополнение имеет производную форму местного падежа — особую форму пребывания). Приведем примеры употребления местного падежа в качестве местного дополнения:

1. Местное дополнение в значении логического субъекта в производно-непереходном обороте:

Собга дика илли язделла.

Мне удалось написать хорошую песню.

Собга дика илли язла.

Я в состоянии написать хорошую песню.

Мне удастся написать хорошую песню.

(Остальные примеры см. производно-непереходный оборот, стр. 77).

2. Местное дополнение в значении второго объекта в переходно-побудительном обороте:

Ас лулахочуьнга сайна говр иэдийтира.

Я разрешил соседу купить для себя лошадь.

(Остальные примеры см. переходно-побудительный оборот, стр. 86).

3. Местное дополнение в значении логического субъекта при глаголах второй группы в производно-непереходном обороте, образованном от дательного оборота:

Собга тало и гуллакх.

Я в состоянии уладить это дело.

Тхобга, большевикашка, иэшалла массо-а халонаш.

Мы, большевики, в состоянии преодолеть все трудности.

Собга къастало и гуллакх.

Я в состоянии разбраться в этом деле.

Собга тало доьхна сахьат.

Я в состоянии поправить испорченные часы.

Из этих примеров мы видим, что при глаголах-сказуемых второй группы, требующих при себе дательного субъекта, в том случае, когда

от них образуется производно-дательный оборот (по значению: производно-непереходный), в качестве логического субъекта употребляется местное дополнение. При первой же группе этих глаголов для выражения логического субъекта употребляется дательное дополнение (см. стр. 103).

4. Местное дополнение в значении субъекта общения при глаголах со значением „говорить“:

Собга ала.
Скажи мне.

Цо собга хьтттира.
Он спросил меня.

Цо хьобга бёхира.
Он говорил тебе.

Цара собга хьох декхар дира.
Они болтали мне о тебе.

Цо собга жоп ца делира.
Он мне не ответил.

5. Местное дополнение в значении лиц или предметов, превосходимых по качеству:

Говрашлахь уггар диканиг — хIара ю.
Из лошадей самая лучшая — эта.

Буквально: У лошадей самая лучшая — эта есть.

Вежаршлахь уггар воккханиг со ву.
Из братьев самый старший — я.

Сравнительное дополнение. Сравнительное дополнение употребляется в чеченском языке в следующих случаях: в значении лица или предмета, превосходимого по качеству (при прилагательном или наречии, которое выражает сравнительную степень), в значении логического объекта при глаголах со значением „побеждать, превосходить, опережать“ и др. Кроме того, сравнительное дополнение употребляется также в значении обстоятельства места (см. ниже, стр. 144). Следующие примеры показывают употребление сравнительного дополнения.

1. Сравнительное дополнение в значении предмета, превосдимого по качеству:

И говр оцу говрал дика ю.
Эта лошадь лучше той лошади.
И стаг цу стагал воккха ву.
Этот человек старше || больше того человека.

Хьамида Махьмудацул дика яздина.
Хамид написал лучше Махмуда.

Со хьол гена кхоссавелла.
Я дальше тебя прыгнул.

2. Сравнительное дополнение в значении логического объекта при глаголах со значением „побеждать, превосходить, опережать“ и др.:

Сан говр хьан говрал тоьлла.
Моя лошадь победила (в состязании) || превзошла (в работе) твою лошадь.

КIайн эскар ЦIиэчу Эскарал эшна дара.
Белая армия была побеждена Красной Армией.

Тхан бригада шун бригадал хьалхаяьлла.
 Наша бригада опередила вашу бригаду.
 Шун колхоз тхан колхозал тлехьайисина.
 Ваш колхоз остался позади нашего колхоза.

3. Сравнительное дополнение в производной форме сравнительного падежа в значении точного совпадения двух предметов по величине:

Сан бекъа хьан боккъал ю.
 Сан бекъа хьан бокъалла ю.
 Мой жеребенок ростом с твоего жеребенка.
 Мой жеребенок по росту так же велик, как твой.
 Цуьнан клант хьан кланталла ву.
 Цуьнан клант хьан кланттал ву.
 Мой сын ростом с твоего сына.

Буквально: Мой сын по величине такой же, как твой.

И йо! тхан йо!Пал ю.
 И йо! тхан йо!алла ю.
 Та девушка ростом с нашу девушку.

Буквально: Та девушка по величине такая же, как наша девушка.

Тхан юрт шун юьрталла ю.
 Тхан юрт шун юьрттал ю.
 Наше селение по величине таково же, как ваше селение.
 Наше селение величиной с ваше селение.

Из примеров мы видим, что эта форма сравнительного дополнения представляет собою две совершенно одинаковые по значению разновидности сравнительного падежа.

Обе эти разновидности обязательно имеют удвоение согласного, причем в одной из них удваивается последний согласный корня.

Это — интересный случай изменения согласного основы для выражения формы падежа — своеобразный случай флексии основ.

Обе эти равнозначные формы сравнительного падежа представляют собою формы, производные от основной. Образуются они регулярно от всех слов, имеющих форму сравнительного падежа, т. е. от всех склоняемых слов. Следовательно, в чеченском языке мы должны признать кроме основной — еще одну производную форму сравнительного падежа, форматив которой имеет две звуковые разновидности.

Глаголы, при которых объект стоит в сравнительном падеже:

Туола	(хьанал? стенал?)	— победи, превзойди (кого, что).
Иэша	(хьанал? стенал?)	— будь побежденным (кем, чем), уступи (кому, чему)
Хьалхаяьла	" "	— опереди (кого, что).
Тлехьайиса	" "	— отстань (от кого, от чего), опоздай (к кому, к чему).
Йоккхахила	" "	— увеличься, постарей (по сравнению с кем, с чем),
Жимлуо	" "	— уменьшись, помолодей (по сравнению с кем, с чем).
Къанлуо	" "	— постарей (по сравнению с кем).
Къонлуо	" "	— помолодей (по сравнению с кем).
Цинлуо	" "	— стань полнее (кого, чего), стань наряднее, красивее (кого, чего).
Тишлуо	" "	— стань изношеннее (кого, чего).
Ярста	" "	— стань жирнее (кого, чего).
Азлуо	" "	— стань хуже (кого, чего).
Лакхаяьла	" "	— стань выше (кого, чего).

Лахлуо	(хъанал? стенал?)	— стань ниже (кого, чего).
Бързлуо	" "	— ослепни (больше кого, чего).
Геллуо	" "	— обессилай (больше кого, чего), устань (больше кого).
Къадлуо	" "	— стань мягче (кого, чего) устань, утомись (больше кого, чего).
Хазлуо	" "	— стань красивее (кого, чего).
Эрчайла	" "	— стань уродливей (кого, чего).
Басайла	" "	— выцвети (больше кого, чего), полиняй, сляняй (больше кого, чего).
Шийлуо	" "	— стань краснее (кого, чего).
Къайлуо	" "	— стань белее (кого, чего).
Гаржлуо	" "	— стань чернее (кого, чего).
Сенлуо	" "	— стань синее (кого, чего).
Маълуо	" "	— стань желтее (кого, чего).
Махлуо	" "	— стань коричневее (кого, чего).
Къарзлуо	" "	— стань пестрее, рябее (кого, чего).
Чамзайла	" "	— стань безвкуснее, хуже по вкусу (кого, чего).
Къуолуо	" "	— стань острее на вкус (кого, чего).
Юткълуо	" "	— стань тоньше (в окружности кого, чего).
Стамлуо	" "	— стань толще (кого, чего).
Шорлуо	" "	— стань шире (кого, чего).
Гатлуо	" "	— стань ўже (кого, чего).
Дурлуо	" "	— стань солонее (кого, чего).
Тазлуо	" "	— стань преснее (кого, чего).
Мустлуо	" "	— стань кислее (кого, чего).
Марзлуо	" "	— стань слаще (кого, чего).
Къахълуо	" "	— стань горше (кого, чего).
Юкълуо	" "	— стань гуще (кого, чего).
Качлуо	" "	— стань жиже (кого, чего).
Сихлуо	" "	— стань быстрее (кого, чего).
Маллуо	" "	— стань слабее, стань теплее (кого, чего).
Чъагълуо	" "	— стань крепче (кого, чего).
Херлуо	" "	— рассохнись, разойдись (больше чего).
Хиэрайла	" "	— стань рассохшимся (больше чего).
Хъажалуо	" "	— сомкнись, сойдись вплотную в пазах (больше чего).
Нислуо	" "	— стань прямее, ровнее (кого, чего).
Гамлуо	" "	— стань кривее (кого, чего).
Яхлуо	" "	— стань длиннее (кого, чего).
Яцлуо	" "	— стань короче (кого, чего).
Якъалуо	" "	— стань суше (кого, чего).
Оччайла	" "	— стань взбешенней (кого, чего).
Цедъяла	" "	— стань изумленной (кого, чего), стань растерянной от удивления (кого, чего), стань испуганней (кого, чего).
Ирлуо	" "	— стань острее (кого, чего).
Артлуо	" "	— стань тупее (кого, чего).
Иохлуо	" "	— стань горячее (кого, чего), стань более нагретым (чем кто, что).
Шеллуо	" "	— стань холоднее (кого, чего), стань более остывшим (чем кто, что).
Шарлуо	" "	— стань глаже (кого, чего), стань более разглаженным (чем что).
Шаглуо	" "	— стань шероховатее (чего).
Хъеръяла	" "	— стань помешанней, вадорнее (кого, чего).
Куръяла	" "	— стань гордее (кого, чего).
Карзахъяла	" "	— стань взбешенней (кого, чего), стань разъяренней (кого, чего).
Аърхайла	" "	— стань непослушней (кого, чего).
Акъайла	" "	— стань более диким (чем кто, что).
Толуо	" "	— стань более поправившимся (чем кто, что), стань налаженнее (кого, чего).
Мацлуо	" "	— стань более голодным (чем кто, что).
Гаръяла	" "	— стань известней (кого, чего), стань знаменитей (кого, чего).
Техъяла	" "	— стань чрезмѣрнее (кого, чего), пройди дальше (кого, чего) (о поезде).
Кхарзалуо	" "	— стань более тушеным (чем что — о мясе), стань более обжаренным, более высушенным на огне (чем что — о кукурузе).
Ятталуо	" "	— стань более пропеченным, прожаренным (чем что — о чуреке, о мясе).

Пеллуо	(хьанал? стенал?)	— ослабей, стань слабее (чего — о пружине).
Юлалуо	”	” — стань туже, стань более закрученной (чем что — о пружине), стань более взведенным (чем что — о курке ружья).
Йинэхалуо	”	” — стань яснее (кого, чего).
Кхуолалуо	”	” — стань пасмурнее (кого, чего).
Кхиэралуо	”	” — стань испуганнее (кого, чего).
Майрайла	”	” — стань храбрее (кого, чего).
Лачъяла	”	” — стань неналаженнее (кого, чего).
Персъяла	”	” — стань неналаженнее (кого, чего).
Пельяла	”	” — стань ошибочнее (кого, чего), ошибись (более кого, чего), оступись (более кого, чего).
Бодлуо	”	” — стань более вялым, более безразличным (чем кто, что).
Цанлуо	”	” — стань чище (кого, чего).
Бехлуо	”	” — стань грязнее (кого, чего).
Бъьжагда	”	” — стань покоробленнее (чего).

Косвенные дополнения с послелогоми. Косвенные дополнения в чеченском языке могут быть и с послелогоми. Чеченские послелогои могут употребляться не только с косвенными падежами, но и с именительным. Несмотря на это, мы должны считать всякое имя существительное или местоимение, иначе говоря, всякое склоняемое слово с послелогом, в каком бы падеже это слово не стояло, косвенным дополнением. Приведем примеры:

Стол тӀе шаршу тесира ас.

Я накрыл стол скатертью.

Буквально: Я уронил на стол скатерть.

Стол тӀера шаршу йиттира ас.

Я выстирал скатерть со (от) стола.

Стол тӀехула газеташ дехкира ас.

Я положил газеты на стол.

Буквально: Я разложил газеты по столу.

Стол тӀехь хӀума йиира оха.

Мы покушали на столе.

В этих примерах мы имеем косвенное дополнение с различными формами послелога „тӀе“ — „на“.

РагӀу кӀел варда хӀоттийра оха.

Мы поставили арбу под сарай || в сарай.

РагӀу кӀелхъара варда схъаялийра цо.

Он выкатил арбу из-под сарая || из сарая.

РагӀу кӀелхула хъаьжкӀаш охъайоьхкира цара.

Они сложили кукурузу в сарай.

Буквально: Они сложили кукурузу по сараю.

РагӀу кӀелахь дечиг хадийра цара.

Они распилили || разрубили дрова под сараем || в сарае.

В вышеприведенных примерах косвенное дополнение употребляется с послелогом „кӀел“ — „под“ в различных его формах.

Хи чу бой тесира оха.

Мы расставили сеть в реке.

Хи чура чӀерий дӀехира цара.

Они вытащили рыб из реки.

Хи чухула бой такхийра оха.
Мы протянули сеть через реку.
Хи чухь лийчира уьш.
Они искупались в реке.

В этих примерах косвенное дополнение стоит с послелогом „чу“ — „в“ в различных его формах.

Суна улло кIант хаййра цо.
Он посадил парня возле меня.
Суна уллора кIант дIавигира цо.
Он увел парня от меня.

Буквально: Он отвел парня от-возле меня.

Тхуна уллохула нускал дигира цара.
Они взяли невесту у нас.
Тхуна уллохь ловзар дира цара.
Они устроили гулянье у нас.

В вышеприведенных примерах в качестве послелога при косвенном дополнении употребляется „улло“ — „возле, около, у, при, от, к“ в различных его формах.

Разумеется, здесь приведены примеры лишь на некоторые из чеченских послелогов.

Родительное (притяжательное) дополнение при дополняемом и определение при определяемом. Качественное определение в чеченском языке выражается обычно качественным прилагательным и в этом случае определение имеет форму, вполне разграниченную от родительного дополнения, например:

Дика говр.	Циэн байракх.
Хорошая лошадь.	Красное знамя.
Сийна буц.	Хаза йоI.
Зеленая (буквально: синяя) трава.	Красивая девушка.
ЧIоgIа стаг.	Атта болх.
Сильный человек (мужчина).	Легкая работа.

Однако относительное прилагательное и родительное дополнение до сих пор оставались в чеченском языке совершенно неразграниченными, недифференцированными. Относительные прилагательные, выражающие материал, принадлежность и т. д., имеют в чеченском языке форму родительного падежа так же, как и родительное дополнение при дополняемом. Например:

Говран ког.	Школан отдел.
Нога лошади.	Отдел школы.
Лошадиная нога.	Школьный отдел.
Говрийн когаш.	Школийн отдел.
Ноги лошадей.	Отдел школ.
Лошадиные ноги.	Школьный отдел.
Колхозан ялташ.	Социализман бахам.
Хлеба колхоза.	Хозяйство социализма.
Колхозные хлеба.	Социалистическое хозяйство.
Колхозийн ялташ.	
Хлеба колхозов.	
Колхозные хлеба.	

Таким образом, как родительное дополнение при дополняемом, так и определение при определяемом до сих пор передавались в литературном чеченском языке формой родительного падежа как единственного, так и множественного числа. Это не могло не служить поводом для путаницы и неточности выражений, например:

Коммунизмман революци

можно было понять и как:

Революция коммунизма
и как: Коммунистическая революция,

где первое выражение является неупотребительным и неправильным.

Коммунистийн революци.
Революция коммунистов.
Коммунистическая революция.

Здесь первое понимание совершенно искажает значение термина.

Несмотря на явную непригодность такого способа передачи прилагательных, враги народа, буржуазные националисты, всячески сопротивлялись введению в чеченский литературный язык интернациональных и русских суффиксов прилагательных. Только ликвидация буржуазных националистов и троцкистов в Чеч.-Инг. АССР и переход чечено-ингушской письменности с латинского алфавита на русский позволили обогатить чеченский литературный язык оформленными относительными прилагательными для выражения общественно-политических и научных терминов. В настоящее время в чеченском литературном языке уже привились относительные прилагательные с русскими и интернациональными суффиксами: „ной, ни, ския, ически, истски“. Таким образом, в общественно-политических и научных терминах сейчас имеется полная возможность разграничить родительное дополнение и относительное определение:

Колхозни книжка.
Колхозная книжка.

Колхозан бахам.
Хозяйство (одного) колхоза.

Колхозийн бахам.
Хозяйство колхозов.

Колхозни бахам.
Колхозное хозяйство.

Социализман некъ.
Путь социализма.

Социалистически некъ.
Социалистический путь.

Коммунистически революци.
Коммунистическая революция.

Коммунистийн гулам.
Собрание коммунистов.

Коммунистан вахар.
Жизнь коммуниста.

Коммунизмман некъ.
Путь коммунизма.

Введение русских и интернациональных суффиксов прилагательных несомненно значительно обогатило чеченский литературный язык и дает возможность выразить с достаточной точностью общественно-политические и научные понятия. Однако этим не решаются еще все трудности в вопросе о развитии и разграничении определения и родительного дополнения. Относительные определения (прилагательные) и родительные дополнения, образованные от чеченских имен существительных в форме родительного падежа, остаются еще неразграниченными. В этом отношении тоже много напортила вредительская работа буржуазных националистов, которые в этом вопросе не хотели использовать даже тех способов разграничения определения и родительного дополнения,

какие употребительны в живом народном чеченском языке. В народном языке еще до Великой Октябрьской социалистической революции употреблялся родительный падеж множественного числа преимущественно в значении определения (прилагательного), а родительный падеж единственного числа преимущественно в значении родительного (притяжательного) дополнения при дополняемом, например:

Нохчийн тапча.
Чеченский пистолет (т. е. кремневый пистолет).

Нохчочун тапча.
Пистолет (одного) чеченца.
Чергазийн говр.
Кабардинская лошадь.
Лошадь кабардинской породы.

Чергазичун говр.
Лошадь кабардинца.

Иандийн верта.
Андийская бурка.

Иандичун верта.
Бурка андийца.

Сувийдин¹ маша.
Тавлинское сукно.

Оьрсийн || гIазакийн бепиг.
Русский хлеб (т. е. хлеб на дрожжах).

Хьелийн даьтта.

Коровье масло.

Цьерийн даьтта.

Рыбий жир.

Цьеран даьтта.

Жир рыбы.

Баьллийн кисел.

Вишневый кисель.

Кемсийн чагIар.

Виноградное вино.

Кемсийн таьлланг.

Виноградная лоза.

Кибарчигийн цIа.

Кирпичный дом.

ТIулгийн некъ.

Мощенная камнем дорога, шоссе.

Сирникийн ботт.

Спичечная коробка.

Сирникан корта.

Головка спички.

Однако и в народном языке в отдельных случаях это разграничение не было доведено до конца.

На ряду с
Кемсийн таьлланг

говорят также:

Кемсан таьлланг.
Виноградная лоза,

что может значить также и:

Лоза винограда (вообще).
(Отдельная) лоза винограда.

Лампийн || лампанийн серло.

Ламповый свет.

Свет лампы (вообще).

Лампин серло.

Свет (отдельной) лампы.

Лампанан серло.

Свет (отдельной) лампы.

Во втором примере родительный падеж множественного числа „лампийн“ и родительный падеж единственного числа „лампин“, как близкие по произношению, постоянно смешивались.

Жан нехча.

Овечий сыр.

„Жан“ родительный падеж единственного числа от слова „жа“ — „отара овец“ имеет значение множественного, так как выражает собирательное понятие, родительный же падеж множественного числа отсутствует.

Большую путаницу сюда вносит еще искусственное стремление некоторых грамматистов ввести согласование определения-прилагатель-

¹ Так чеченцы называют андо-дидойские племена Дагестана.

ного с определяемым в числе — в подражание русскому языку. Так, они хотят установить правило: определение в родительном падеже единственного числа ставится в том случае, если определяемое стоит в единственном числе, а определение в родительном падеже множественного числа должно, по их мнению, стоять всякий раз, когда определяемое слово стоит во множественном числе. Так например:

Говран ког.
Лошадиная нога.
Нога отдельной лошади.

Говрийн когаш.
Лошадиные ноги.
Ноги лошадей.

Но по этому абсурдному правилу по-чеченски совсем нельзя будет сказать: „говран когаш“ — „ноги (одной) лошади“. Такого ограничения, конечно, не знает ни живой народный, ни современный литературный язык, поэтому его надо отбросить, как надуманное, искусственное и неправильное. При введении такого правила мы еще более ограничили бы возможности чеченского языка выразить определение при определяемом и родительное дополнение при дополняемом.

Используя опыт народного языка, необходимо было бы установить следующие правила употребления относительных прилагательных в чеченском литературном языке: родительный падеж единственного числа выражает родительное (притяжательное) дополнение в единственном числе, а родительный падеж множественного числа — определение при определяемом и родительное (притяжательное) дополнение во множественном числе. По этому правилу мы можем разграничить следующие понятия:

Говран ког.
Нога (одной отдельной) лошади.

Говран когаш.
Ноги (одной отдельной) лошади.

Говрийн ког.
Лошадиная нога.

Говрийн когаш.
Ноги лошадей.

Лошадиные ноги.

Колхозан говр.
Лошадь (одного отдельного) колхоза.

Колхозийн говр.
Колхозная лошадь.

Колхозан говраш.
Лошади (одного отдельного) колхоза.

Колхозийн говраш.
Колхозные лошади.
Лошади колхозов.

Такое разграничение вполне соответствует законам чеченского языка и развитию его, наметившемуся в народном языке. Правда, при этом остается еще неразграниченным понятие „нога лошади вообще“ и „нога одной отдельной лошади“, „ноги лошадей“ и „лошадиные ноги“. Разграничение понятий: „нога лошади вообще“ и „нога отдельной лошади“, т. е. разграничение общего и отдельного, может быть достигнуто только путем прибавления указательных местоимений или общим смыслом, вытекающим из связного текста. Так, „и колхозан бахам“ — „хозяйство этого (отдельного) колхоза“ — выражает принадлежность отдельному понятию, а выражение „колхозан бахам“ в статье, говорящей о колхозном строительстве вообще, будет выражать „хозяйство колхоза вообще“. Итак, в чеченском языке мы можем различить качественное и относительное определение. Качественное определение вполне разграничено с родительным дополнением. Разграничение это достигается тем, что качественное определение имеет форму прилагательного и способы выражения степеней сравнения, в то время как родительное дополнение имеет форму родительного падежа и не имеет способов для выражения степеней сравнения. Правда, качественное определение,

стоящее при имени существительном-определяемом, по форме совершенно совпадает с качественным обстоятельством (обстоятельством образа действия) и отвечает, вместе с последним, на один и тот же вопрос: муха? — „какой, как?“. Однако качественное определение и обстоятельство образа действия отличаются друг от друга связью слов: качественное определение стоит перед существительным-определяемым, качественное же обстоятельство — перед глаголом-сказуемым или отглагольной формой (причастием, деепричастием и т. д.).

Относительное определение, в противоположность качественному, до сих пор в большинстве случаев остается неотграниченным от родительного дополнения. Исключение из этого правила представляет относительное определение, усвоенное из русского языка вместе с русскими суффиксами прилагательных и чеченские относительные прилагательные с суффиксами „ра“ и „из(н), е(н)“, „ехъ“ и др. (см. ниже). В остальных же случаях чеченские определения совпадают по форме (родительный падеж) с чеченскими родительными дополнениями. Для разграничения этих двух синтаксических категорий хотя бы в части случаев необходимо принять родительный падеж единственного числа для выражения родительного (притяжательного) дополнения в единственном числе при дополняемом, а родительный падеж множественного числа в преимущественном значении относительного определения при определяемом. При этом, однако, останется неразграниченным относительное определение и родительное дополнение во множественном числе при дополняемом. Тем не менее, введение этого правила было бы несомненным шагом вперед в деле развития чеченского литературного языка.

Правда, в чеченском языке имеются начатки оформленных относительных определений-прилагательных. Для этой цели используются окончания местного падежа в основной и некоторых производных его формах.

Чаще всего для выражения определения-прилагательного употребляется исходная форма местного падежа с суффиксом „ра“. Она образуется, главным образом, от тех имен существительных и наречий, которые имеют или исторически имели пространственное значение:

Оформленное определение с суффиксом „ра“.

- Лакхара Совет — Верховный Совет.
 - Хьалхара кIант — первый парень, передовой парень.
 - Хьалхара зIама — прежнее время, старые времена.
 - ТIаьхьара бутт — последний месяц.
 - ТIехьара говр — последняя лошадь, последняя из лошадей.
 - Юкьара бахам — общее хозяйство, коллективное хозяйство.
 - ЙистератIулг — крайний камень.
 - Кхузара бераш — здешние ребята.
 - Хьаллара стаг — вон тот человек, там находящийся человек.
 - Цигара нах — тамошние люди, тамошний народ.
 - Ломара говр — горная лошадь.
 - Арара дечиг — дрова (находящиеся) во дворе.
 - Чуьра дечиг — дрова (находящиеся) в помещении.
 - Чуьра пIартал — домашняя обстановка.
 - КIелхьара гIант — стул, на котором кто-либо сидит.
- Буквально: под низом (находящийся) стул.

Реже употребляются оформленные определения-прилагательные в основной форме местного падежа, выражающей движение (суффикс „из(н)“), а также в форме пребывания, одной из производных форм местного падежа (суффикс „ехъ“).

Оформленное определение с суффиксом „е“.

Синкьерамиэ(н) ловзар	— веселое гулянье, веселая гулянка.
Бегаше стаг	— шутник, балагур, шутливый человек.
Повгане меттиг	— шумное место.
Беркате бахам	— изобильное хозяйство.
Къйнахьегаме гуллакх	— трудное дело.
Тешаме стаг	— надежный человек, человек, заслуживающий доверия.
Кхераме гуллакх	— опасное дело, опасное занятие.

Оформленное определение с суффиксом „ехь“.

Гиллакхехь стаг	— выдержанный человек.
Безамехь говр	— привлекательная лошадь.
Шен лаамехь стаг	— своевольный человек.
Шен амалехь стаг	— своенравный человек.
Шен гиллакхехь стаг	— своеобразный человек.

Кроме того, в чеченском языке имеются следы неоформленного определения, стоящего впереди определяемого. Интересно, что этот вид определения, за редкими исключениями, употребляется в новообразованиях. На ряду с этим существует сокращенное определение-дополнение в форме основы косвенных падежей, от которой отпало окончание родительного падежа. Можно, казалось бы, думать, что первый и второй вид определения представляют собою простое сокращение формы родительного падежа. Развитию неоформленного определения во вновь образованных словах способствовало, очевидно, усвоение чеченским литературным языком многих сокращенных слов из русского языка. Однако на ряду с этим мы должны допустить, что и в древних формах чеченского языка в известных случаях, очевидно, существовало неоформленное определение. Приведем примеры на неоформленное и сокращенное определение-дополнение в чеченском языке:

Неоформленное определение	Оформленное определение (форма родительного падежа)
Баш лам. Снеговая гора. Снеговой хребет. Буквально: Тающая гора.	Хун ялта хуьн ялта. Семенное зерно. Буквально: Семенной хлеб.
Дечиг пондар. Горская балалайка. Буквально: Деревянная гармонь.	Сокращенное определение Щерпошт. Поезд.
КегIат пондар. Гармонь. Буквально: Бумажная балалайка.	Буквально: Огневая почта.
Машиннекъ. Железная дорога. Буквально: Дорога для машины.	Юьртсовет. Сельсовет. Юьртбахам. Сельское хозяйство. Лечан Корта.
„Ленин некъ“. „Ленински некъ“. „Ленинский путь“ (название газеты). Совет Iедал. Советская власть.	Буквально: „Соколиная гора“ (название горы). Iалхан-Юрт. Алхан-Юрт. Соблж- Соблжа-Пала. Город Грозный. Буквально: Сунженский город.

Слова-определения, помещенные в левом столбце, почти все можно употреблять и в форме родительного падежа, хотя обычно они так не произносятся: дечиган пондар, машинан некъ и т. д. Только слово „баш“ представляет собою глагольный корень в его начальной форме и по смыслу может быть заменено причастием настоящего времени „беша(н) лам“. Слово же „хлун (ялта)“ представляет собою несомненный архаический родительный падеж, зарегистрированный Усларом, т. е. определение в оформленном виде, употребляемое и сейчас в народной речи (в современном родительном падеже оно должно звучать „хлуьнан ялта“ или сокращенно „хлуьн ялта“, как и сейчас можно слышать в народном произношении).

Примеры показывают, что неоформленное определение не только первоначально существовало, но и сейчас еще слышится иногда в народной речи в архаическом языке. В остальных случаях слова-определения как слившиеся, так и неслившиеся в одно слово с определяемым, представляют собою основу родительного падежа с отпавшим от него окончанием „ан“, например: „цйеран пошт“, „юьртан бахам“, „Лечанан корта“, „Алханан юрт“ и т. д. В названии города Грозного сохраняются все переходные ступени развития неоформленного определения в оформленное:

Соблж-Пала → Соблжа-Пала → Соблжан-Пала.

Этот пример показывает нам, как в современном языке неоформленное определение превращается в оформленное по своему внешнему виду родительное дополнение (или во всяком случае исторически связано с ним). При образовании современных неоформленных определений может иметь место и обратный процесс развития. Не исключена возможность, что в этих отдельных случаях на образование неоформленных определений повлияли и архаические образования вроде „хлун ялта“, „баш лам“. В следующих примерах неоформленное определение могло развиваться в чеченском языке под влиянием русских сокращенных слов: юьртсовет — „сельсовет“, Совет Иедал — буквально: Советвласть и т. д.

Согласование определения с определяемым. Качественное определение, выраженное качественным прилагательным, стоит обычно перед своим определяемым. Оно согласуется с определяемым в падеже, но это согласование имеет свои особенности. Подавляющее большинство чеченских качественных прилагательных вообще не имеет согласования по грамматическому классу и, находясь впереди своего определяемого, имеет несамостоятельное склонение, которое можно было бы назвать „слабым“ склонением. Формы единственного и множественного числа качественного прилагательного в этом случае совпадают, а для всех косвенных падежей имеется лишь одна общая форма с суффиксом „-чу“. Таким образом, несамостоятельное склонение качественного определения-прилагательного имеет только две падежные формы: прямую — именительно-винительный падеж единственного числа, равный основе слова и служащий также именительно-винительным множественного числа, и косвенную — общую для всех косвенных падежей обоих чисел.

Согласование качественного определения с определяемым

(Прилагательное в несамостоятельной форме).

Падежи:	Единственное число	
Именительно-винительный	дика говр	„хорошая лошадь“
Родительный	дикачу говран	

Падежи:	Единственное число
Дательный	дикачу говрана
Активный	дикачу говро
Творительный	дикачу говраца
Вещественный	дикачу говрах
Местный	дикачу говре
(основная форма)	
Сравнительный	дикачу говрал

Множественное число

Именительно-винительный	дика говраш
Родительный	дикачу говрийн
Дательный	дикачу говрашна
Активный	дикачу говраша
Творительный	дикачу говрашца
Вещественный	дикачу говрийх
Местный	дикачу говрашка
(основная форма)	
Сравнительный	дикачу говрийл

Если же качественное прилагательное стоит не в качестве определения при определяемом, а в форме приложения находится после своего определяемого или употребляется самостоятельно (в виде независимого члена предложения), то оно имеет самостоятельное склонение, в котором все падежные формы оформлены специальными суффиксами. В этом случае приложение полностью согласуется со своим определяемым как в падеже, так и в числе.

Согласование качественного приложения со своим определяемым

(Прилагательное в самостоятельной форме).

Падежи:	Единственное число.
Именительно-винительный.	говр, диканиг „лошадь, хорошая“
Родительный	говран, дикачун
Дательный	говрана, дикачунна
Активный	говро, дикачо
Творительный	говраца, дикачуьнца
Вещественный	говрах, дикачух
Местный	говре, дикачуьнга
(основная форма)	
Сравнительный	говрал, дикачул

Множественное число.

Именительно-винительный	говраш, диканаш
Родительный	говрийн, дикачийн
Дательный	говрашна, дикачушна
Активный	говраша, дикачуша
Творительный	говрашца, дикачушца
Вещественный	говрийх, дикачийх
Местный	говрашка, дикачушка
(основная форма)	
Сравнительный	говрийл, дикачийл

Кроме вышеописанного способа согласования подавляющего большинства качественных прилагательных-определений с определяемым, незначительное меньшинство качественных прилагательных имеет согласование со своим определяемым в грамматическом классе. Это согласование сохраняет свою силу независимо от того, стоит ли качественное определение перед своим определяемым или в качестве приложения после него, или, наконец, употребляется самостоятельно (в последнем случае самостоятельное прилагательное согласуется в классе со своим подразумеваемым, мысленным определяемым). Качественных прилагательных, имеющих изменение по классам, в чеченском языке немного — всего около полутора десятков. Однако в их число входят самые ходовые качественные определения, как „большой“, „дорогой“, „длинный“, „дешевый“ и т. д., благодаря чему формы согласования по классу определения с определяемым употребляются в чеченской речи довольно часто. Приведем чеченские качественные прилагательные-определения, имеющие согласование в грамматическом классе (это согласование, как и в чеченском глаголе, выражено классным префиксом, состоящим из согласного звука или полугласного „й“):

**Качественные прилагательные, изменяющиеся
по грамматическим классам**

(в основу взята форма 3-го класса с префиксом „й“).

<i>Йоккха</i>	— большой, старый
<i>Йовха</i>	— теплый
<i>Ёха</i>	— длинный
<i>Йоца</i>	— короткий
<i>Еза</i>	— дорогой, тяжелый
<i>Яйн</i>	— легкий, дешевый
<i>Йораха</i>	— дешевый
<i>Екъя</i>	— сухой
<i>Ерстина</i>	— жирный
<i>Ерзина</i>	— голый
<i>Юьзна</i>	— сытая, сытый (не голодный)

Последние три прилагательных имеют отглагольное происхождение:

<i>Юткъя</i>	— тонкий
<i>Ёса</i>	— пустой, порожний
<i>Яьсса</i>	— пустой, полый внутри, бессодержательный

Примеры на согласование:

<i>воккха стаг</i>	— большой человек; старый человек, старик
<i>йоккха зуда</i>	— большая женщина; старая женщина, старуха
<i>йоккха говр</i>	— большая лошадь; старая лошадь
<i>доккха дечиг</i>	— большое дерево; большие дрова
<i>боккха поп</i>	— большая чинара
<i>боккха сту</i>	— большой бык; старый бык
<i>даккхийн стерчий</i>	— большие быки

Следует заметить, что немногие отдельные качественные прилагательные в несамостоятельной форме имеют неправильное образование множественного числа, *йоккха* — „большой, старый“, множественное число: *яккхий* — „большие, старые“, *жима* — „малый, маленький“, множественное число: *кегий* — „малые, маленькие“, или в качестве определений

при определяемом, т. е. в несамостоятельном склонении, имеют особую форму для множественного числа:

йоккха говр	— большая, старая лошадь
яккхий говраш	— большие, старые лошади
жима кІант	— маленький мальчик
кегий кІентий	— маленькие мальчики
онда стаг	— крепкий, крупный мужчина
ондий онда нах	— крепкий, крупный народ (люди)
юткъий юткъа дечигах	— тонкие дрова

Относительные прилагательные, как мы видели выше, выражаются в чеченском языке формой родительного падежа (в народном языке — преимущественно в форме множественного числа). В качестве определений относительные прилагательные не имеют согласования со своим определяемым ни в падеже, ни в числе. Они остаются в обоих числах и во всех падежах в одной-единственной форме. Связь слов выражается в этом случае их порядком: постановкой относительного определения перед своим определяемым. В качестве же приложения или в самостоятельном употреблении относительные прилагательные принимают обычную форму самостоятельного прилагательного (ср. выше) и изменяются по падежам и числам:

Согласование относительного определения с определяемым

(Относительное прилагательное в неизменяемой форме)

Падежи:	Единственное число.	
Именительно-винительный	оьрсийн бепиг	„русский хлеб (т. е. хлеб на дрожжах)“
Родительный	оьрсийн бепиган	
Дательный	оьрсийн бепигана	
Активный	оьрсийн бепиго	
Творительный	оьрсийн бепигаца	
Вещественный	оьрсийн бепигах	
Местный	оьрсийн бепиге	
(основная форма)		
Сравнительный	оьрсийн бепигал	
	Множественное число.	
Именительно-винительный	оьрсийн бепигаш	
Родительный	оьрсийн бепигийн	
Дательный	оьрсийн бепигашна	
Активный	оьрсийн бепигаша	
Творительный	оьрсийн бепигашца	
Вещественный	оьрсийн бепигийх	
Местный	оьрсийн бепигашка	
(основная форма)		
Сравнительный	оьрсийн бепигийл	

Согласование относительного приложения со своим определяемым

(Относительное прилагательное в самостоятельной форме)

Падежи:	Единственное число.	
Именительно-винительный	бепиг, оьрсийниг	„хлеб, русский“
Родительный	бепиган, оьрсийчун	

Падежи:	Единственное число.
Дательный	бепигана, оьрсийчунна
Активный	бепиго, оьрсийчо
Творительный	бепигаца, оьрсийчуьнца
Вещественный	бепигах, оьрсийчух
Местный	бепиге, оьрсийчуьнга
(основная форма)	
Сравнительный	бепигал, оьрсийчул
	Множественное число.
Именительно-винительный	бепигаш, оьрсийнаш
Родительный	бепигийн, оьрсийчийн
Дательный	бепигашна, оьрсийчушна
Активный	бепигаша, оьрсийчуша
Творительный	бепигашца, оьрсийчушца
Вещественный	бепигийх, оьрсийчийх
Местный	бепигашка, оьрсийчушка
Сравнительный	бепигийл, оьрсийчийл

Приведем несколько примеров на употребление самостоятельной формы относительных прилагательных в предложении:

Бепиг, оьрсийниг, дика хуьлу.

Хлеб, русский, бывает хорош.

Хара бепиг — оьрсийниг ду.

Этот хлеб — русский (есть).

Бепигаш, оьрсийнаш, дика хуьлу.

Хлебы, русские, бывают хороши.

Хара бепигаш — оьрсийнаш ду.

Эти хлебы — русские (есть).

Относительные определения в том случае, если они имеют изменение по классам (например, при образовании их от масдара, образуемого от изменяемого по классам глагола), согласуются в классе по правилам согласования отглагольных образований (например, причастий и др., см. стр. 206—207), т. е. переходные отглагольные образования — с прямым дополнением, а непереходные — с подлежащим.

Приложение. Особую разновидность определения представляет собою приложение. Оно представляет собою такое определение, которое выражено именем существительным или чеченским прилагательным в самостоятельной форме (см. выше) и стоит в чеченском, как и в русском языке, после своего определяемого.

Приложение согласуется в числе и падеже с тем словом, к которому оно относится, как определение, и выделяется с обеих сторон запятыми:

Ленина, вайн воккхачу учитело, аблла: „Къа ца къьучо яа а ца йоу“.

Ленин, наш великий учитель, сказал: „Кто не трудится, тот (и) не ест“.

Накъост Сталина, воккхачу, хьекъалечу, везаш волчу тхьамдас,
делла вайна ирсенн беркатенн дахар.

Товарищ Сталин, наш великий, мудрый и любимый вождь, дал нам
счастливую и изобильную жизнь.

Тхо, колхозхой, хинца ялташ чудерзон долало.

Мы, колхозники, начинаем сейчас убирать хлеб.

Колхозан юкъарчу собранехь къамел дира колхозхочо Махьмуда.

На общем собрании колхоза произнес речь колхозник Махмуд.

Тхуна, комсомолашна, хьалха даккхийн декхарш лавтта колхозийн
хьокъехь.

Перед нами, комсомольцами, стоят большие задачи в отношении
колхоза.

Тхобга, колхозхошка, хинца колхозехь машинашца атта бало белхаш.
Нам, колхозникам, теперь хорошо удается в колхозе работать
машинами.

Колхозни хьеран хьархочо, Яхьбьа цле йолчу, дика охьу колхозхойн
кIаш.

Мельник колхозной мельницы, по имени Яхья, хорошо мелет
пшеницу.

Тхан ваша, Махьмуд цле йолу, цIа кхечира балхара.
Наш брат, по имени Махмуд, приехал домой с работы.

Тхан шкоলেখь дешархой, белхалойнн ахархойнн бераш, арабовлу
ловзан садолучу хенахь.

В нашей школе ученики, дети рабочих и крестьян, во время отдыха
выходят во двор поиграть.

Количественное определение выражается числом и мерой или только
числом. Имя существительное-определяемое при названии числа стоит
в чеченском языке всегда в единственном числе, например:

Цхьа стаг.
Один человек.

Бле стаг.
Сто человек.

Итт стагаца районе вахара со.
Я поехал в район в сопровождении десяти человек (с десятью
человеками).

Определяемое при количественном определении, оставаясь в единственном
числе, изменяется по падежам. Количественное же определение, выра-
женное числом, при этом не меняется по падежам, за исключением первых
пяти числительных и производных от них, которые имеют одну общую
форму для всех косвенных падежей — цхьана, шина, кхаа, деа, пхеа, на-
пример:

Шина стагаца районе вахара со.
Я поехал в район в сопровождении двух человек.

Если количественное определение состоит одновременно из числа и меры
при определяемом существительном (перед ним), то по падежам меняется
только это определяемое, число и мера же остаются в именительном
падеже. Если же мера ставится после имени существительного, превра-
щаясь в определяемое при нем, то и число и мера изменяются по падежам.

Ас цхьа гирда хьабжкIаш эцна.
Я купил одну мерку кукурузы.

Со ши гирда хьабжкIашца базара вахара.
Со шина хьабжкIийн гирданца базара вахара.
Я поехал на базар с двумя мерками кукурузы.

Ас ши гирда хьабжкIаш хийцина ши гирда кIех.
Ас ши хьабжкIийн гирда хийцина шина кIен гирданах.
Я обменял две мерки кукурузы на две мерки пшеницы.

Во втором и третьем примерах определяемые слова превратились в отно-
сительные определения, а количественные определения стали опреде-

ляемыми словами. В связи с этим относительные определения получили форму родительного падежа, а определяемые, выражающие меру, и количественные определения, выражающие число при них, стали изменяться по падежам.

Ши чами цу ийцира ас.

Я купил два совка муки из прожаренной кукурузы.

Ши чами цуьно тлоьрмиг буьзира.

Два совка муки из прожаренной кукурузы наполнили сумку.

Со ши километр новкъа вахана.

Я прошел два километра пути.

Ас ши километр некъ бина.

Я сделал два километра пути.

Ас ткъе итт гектар аьхна.

Я вспахал тридцать гектаров.

Со ткъе итт гектар охана хьаьжна.

Ас ткъе итт гектар охана теллина.

Я проверил тридцать гектаров пахоты.

Приведем еще примеры на количественные определения, показывающие число:

Шина говро дийнахъ ткъе шийтта кило йол йоу.

Две лошади едят 32 кило сена в день.

Оцу тракторехъ ткъе итт говран ницкъ бу.

В этом тракторе есть сила тридцати лошадей.

Цу тракторан ткъе итт говран ницкъ бу.

У этого трактора есть тридцать лошадиных сил.

Этот трактор имеет тридцать лошадиных сил.

Количественное определение, выражающее меру, таким образом, стоит всегда в именительном падеже (в том случае, если оно стоит перед своим определяемым) и требует именительного падежа для числового определения, стоящего при нем. С этим именительным падежом никогда не согласуется сказуемое.

Обстоятельственные слова. Слова-члены предложения, выражающие пространство, время, качество или образ действия, причину и цель его, называются обстоятельственными словами или обстоятельствами. Они служат определениями к глаголу-сказуемому или к заменяющим его отглагольным формам (причастию, деепричастию и т. д.). В соответствии со своим значением обстоятельственные слова делятся на: обстоятельства места, обстоятельства времени, обстоятельства образа (или качества) действия, обстоятельства причины и обстоятельства цели.

Обстоятельство места. Обстоятельство места выражает различные пространственные отношения, при которых совершается действие. Обстоятельство места может быть выражено формами местного падежа или наречиями места и отвечает на вопросы: мича? — „куда“? и производные от него (мичахъ? мичахъа? мичара? и т. д.), а также на падежные вопросы местного падежа: хьанга? стенга? и производные от них (хьангахъа? стенгахъа? хьангара? стенгара? и т. д.).

Местный падеж в чеченском языке представляет собою собственно совокупность многих местных форм, имеющих различные окончания. Окончания эти могут быть подразделены на две группы: полные окончания местного падежа и сокращенные или архаические окончания. Таким образом, обстоятельство места может иметь в чеченском языке следующие окончания: полные — „иэ, ехъ, иэхъа, иэхъара, иэра, иэхула, иэхъахула, ец“

и сокращенные (архаические) — „а, ахь, ахьа, ара, ахула, ахьара, ахьакула, алц || ллац“. Наконец существуют параллельные образования местного падежа с суффиксом „га“ (взамен или на ряду с суффиксом „иэ“), которые тоже могут быть окончаниями обстоятельств места — „гахьа, гажьара, иэгахьара“ и т. д. Кроме местного падежа обстоятельства места выражаются также другими падежами: творительным (движение по краю или вдоль чего-нибудь), вещественным (движение, нахождение или исход из вещества) и сравнительным (движение через что-нибудь, за что-нибудь).

Кроме того обстоятельства места выражаются немногочисленными наречиями места. Приведем примеры на употребление обстоятельств места в форме местного падежа.

1. Обстоятельство места, выраженное местным падежом в основной его форме (полные окончания „иэ“, „га“):

Дешархой экскурсе бахана.
Ученики отправились || пошли в экскурсию.
Тхобга хьеший баьхкина.
К нам пришли гости.
Маре яхана йоI.
Стаге маре яхана йоI.
Девушка вышла замуж.
Бераш школе дахана.
Дети пошли в школу.
Со хьуьне хьожу.
Я смотрю || посматриваю на лес.
Со хьожу ламане.
Я (в данный момент) смотрю || рассматриваю гору.
Эскар маневре дахана.
Войско отправилось на маневры.
Эскар тIаме || тIам тIе дахана.
Войско пошло на войну.

2. Обстоятельство места, выраженное местным падежом в основной его форме (архаическое окончание „а“):

Со новкъя вахана.
Я пошел || отправился в дорогу.
Зуда базара яхара.
Женщина || жена пошла на базар.
Бери говра || дина хиира.
Наездник сел на лошадь || на коня. •
Говр лома йигна.
Лошадь отвели || угнали на горные пастбища.
Иза вардана || машина хьйна.
Он сел на арбу || на машину.
Со новкъя хьожу.
Я смотрю на дорогу.
Иза кисана хьожу.
Он ищет || роется (буквально: смотрит) в кармане.
Со божала || керта хьожу.
Я смотрю на конюшню || на двор.
Тхоб хьеший баьхкина.
К нам пришли гости.

Соб зуда еана.

Женщина пошла за меня замуж.

Колхозхо хьера || асара вахана.

Колхозник пошел на мельницу || на прополку.

Архаическая форма местного падежа с окончанием на „а“ чаще всего употребляется в следующих словах: говра — на лошадь, дина — на коня, кхела — на кобылу, бокъа — на жеребенка, на жеребчика, эмкала — на верблюда; вардана — на арбу, машина — на машину, автомобиля — на автомобиль, хлургона — на фургон, фаэтона — на фаэтон, цлерпошта — на поезд; новкъа — на дорогу, в дорогу, базара — на базар, лёма — на горные пастбища, уйтла — на пространство перед домом, уча — на галерею, биэша — в сад, пиэша — в печку, божала — в конюшню, в хлев, церта — во двор, цленкъа — на пол; кисана — в карман, куча — в подол / рубашки, куйна — в шапку, хьера — на мельницу, балха — на работу, маърса — на жатву, ма̀нгала — на покос, асара — на полку; юърта — в аул, клуотара — на хутор, глала — в город, города — в город, ара — в поле, цла — домой, Атагла — в Атаги, Шела — в Шали, Бена — в Беной, Виэ-дана — в Ведено, Шуйта — в Шатой и т. д. Кроме того, архаическая форма от личных местоимений употребляется без всякого окончания со смягчением гласного корня: соб (суоь) — ко мне, хьоь (хьюоь) — к тебе, тхоь (тхуоь) — к нам и т. д.

Все вышеуказанные обстоятельственные слова отвечают на вопрос: мича? — „куда?“, за исключением местной формы личных местоимений, отвечающей на вопрос: хьавнга? — „к кому?, за кого?“ и обстоятельства места при глаголе „хоу“ — „сидится“, при котором обстоятельство места отвечает на вопрос: стенна тле? — на что?“

Основная форма местного падежа с окончаниями „е (иэ), га, а“ выражает движение.

3. Обстоятельство места, выраженное местным падежом с производным окончанием „ехь“:

Шкоলেখь дукха бераш ду.

В школе || при школе много детей.

Борзехь тлулгаш бу.

У кургана есть камни.

Ламанехь беркат ду.

У горы есть изобилие || богатство.

Советски Союзехь парглато ю.

В Советском Союзе — свобода.

Буквально: У Советского Союза есть свобода.

Во всех этих случаях обстоятельство места отвечает на вопрос: мичахь? — „где?“, хотя в последних примерах оно приобретает переносное значение (не только значение места).

Хьюьнехь пайда бу.

От леса есть польза.

Буквально: У леса есть польза.

Тракторехь ницкъ бу.

У трактора есть сила.

Аттехь шура ю.

У коровы есть молоко.

От коровы — молоко.

Вайн депутатехь тешам бу.
Наш депутат заслуживает доверия.

Буквально: У нашего депутата есть доверие.

Коммунистически партехь || партегахь халкбийн тешам бу.
На коммунистическую партию народы могут вполне положиться.

Буквально: У коммунистической партии есть народное доверие.

Во всех вышеприведенных примерах обстоятельство места имеет переносное значение и потому может быть отнесено к косвенным дополнениям места. Оно отвечает на вопросы: хьаьнгахь? стенгахь? — „на кого? на что?, от кого? от чего?, у кого? у чего?“ и т. д.

4. Обстоятельство места, выраженное местным падежом в производной его форме (архаическое окончание „ахь, хь“):

Говрахь || машинахь вахана.
Поехал на лошади || на машине.
Ворданахь || автомобиляхь веана.
Приехал на арбе, на автомобиле.

В этом случае обстоятельство места отвечает на вопрос: стенна тӀехь? — „на чем?“ и может считаться косвенным дополнением.

Тулгаш бу новкъахь.
На дороге есть камни.
Базарахь стоьмаш бухку.
На базаре продают фрукты.
Говр ёжа ломахь.
Лошадь пасется на горе.
Кисанахь цигаьркканаш ю.
В кармане есть папиросы.
Суна кисанахь сирникаш карийна.
Я нашел в кармане спички.
Колхозхой бара балхахь || мангалахь.
Колхозники были на работе || на покосе.
Куйнахь || цӀенкъахь Iежаш Iохку.
В шапке || на полу лежат яблоки.
Тхьохь хьеший бу.
У нас гости.
Собхь и зуда ю.
У меня — эта жена (есть).
Мне — эта жена.
Собхь ахча ду.
У меня — деньги есть.

Во всех приведенных примерах, за исключением последних, в которых обстоятельство места выражено личными местоимениями, обстоятельство места отвечает здесь на вопрос: „мичахь?“ — „где?“, в последних же примерах оно отвечает на вопрос: хьаьнгахь? — „у кого?“. Архаическая форма обстоятельства места с окончанием „ахь“ употребляется в общем в тех же словах, что и архаическая форма с окончанием „а“ (см. выше): говрахь — на лошади, динахь — на коне, кхелахь — на кобыле, бокъахь — на жеребчике, бларзанахь — на муле, эмкалахь — на верблюде, вирахь — на осле, машинахь — на машине, варданахь — на арбе, хӀургонахь — на фургоне, фаэтонахь — на фаэтоне, автомобиляхь — на автомобиле, цӀерпоштахь —

на поезде; новкъахъ — на дороге, базарахъ — на базаре, лóмахъ — на горе, кисанахъ — в кармане, кúчахъ — в подоле рубахи, куйнахъ — в шапке; úчахъ — на галерее, уйтáхъ — в пространстве перед домом, биэшахъ — в саду, кертахъ — во дворе, божалахъ — в хлеву, пиэшахъ — в печи, цленкъахъ — на полу; балхахъ — на работе; маърсахъ — на жатве, мánгалахъ — на покосе, асарахъ — на прополке, хьёрахъ — на мельнице, юъртахъ — в селении, кúотарахъ — на хуторе, гáлахъ, городахъ — в городе, áрахъ — на поле, цáхъ — дома, Атагáхъ — в Атагах, Шéлахъ — в Шалях, Бёнахъ — в Беное, Виэданахъ — в Ведено, Шуйтахъ — в Шатое и т. д.

Производная форма местного падежа с суффиксами „ехъ, гахъ, ахъ“ выражает местонахождение действия или пребывание.

5. обстоятельство места, выраженное местным падежом в производной его форме (полное окончание „иэхъá, гахъá“):

Борзехъá вирзина со.

Я повернулся лицом в сторону кургана || по направлению к кургану.

Со ламанехъá || ламанашкахъá хьóжу.

Я смотрю в сторону горы || гор.

Борз едира хьóвнехъá.

Волк убежал в сторону леса.

Дахка бедира наáларехъá.

Мышь || крыса побежала в сторону двери.

Аттехъá делира || дахара эса.

Теленок двинулся || пошел в сторону коровы.

Махъмуд хих сиэхъá ваýлла.

Махмуд перебрался, переехал, переправился, перешел с той стороны реки (сюда).

Во всех перечисленных примерах, за исключением последнего, обстоятельство места отвечает на вопрос: мичахъá? — „в какую сторону?“. В последнем же примере — на вопрос: стенгахъá? — „в сторону кого, чего?“.

Махъмуд соьгахъá велира.

Махмуд встал на мою сторону.

Махъмуд шен синиэхъá || сиэхъá ваýлла.

Махмуд дрожит за свою жизнь (говорят о больном или об испугавшемся).

Буквально: Махмуд встал на сторону своей души.

Махъмуд соьхъá || соьгахъá ваýлла.

Махмуд встал на мою сторону.

Тхóвгахъá вада!

В нашу сторону беги!

Беги по направлению к нам!

Во всех этих примерах местная форма имеет переносное, непространственное значение и отвечает на вопросы: хьáвнгахъá? стенгахъá? — „на сторону кого?“ и может быть определена как косвенное местное дополнение.

6. обстоятельство места, выраженное местным падежом в производной его форме (архаическое окончание „ахъá, хъá“).

Новкъахъá вола хьó.

Иди ты сюда в сторону дороги.

Базарахъá доьлху тхо.

Мы идем в сторону базара.

Ломахъа догIа дукха догIу.
В стороне гор много идет дождя.

Юьртахъа || АтагIахъа вахара иза.
Он пошел || поехал в сторону селения || в сторону Атагов.

Учахъа || биэшахъа ведар лаха.
Ищи ведро в стороне галереи || сада.

Во всех этих примерах местная форма отвечает на вопрос: мичахъа? — „в какую сторону?“ и имеет местное значение, т. е. значение обстоятельства места. Архаическая форма с окончанием „ахъа“ употребляется реже, чем с окончаниями „а, ахь“. Она слышится в следующих словах: новкъ-ахъа — в сторону дороги, базарахъа — в сторону базара, ломахъа — в сторону гор, юьртахъа — в сторону селения, кIуотарахъа — в сторону хутора, гIалахъа — в сторону города, арахъа — в сторону поля, АтагIахъа — в сторону Атагов, Шелахъа — в сторону Шали, Бенахъа — в сторону Беноя, Веданахъа — в сторону Ведено, Шуйтахъа — в сторону Шатоя, учахъа — в сторону галереи, уйгIахъа — в сторону пространства перед домом, биэшахъа — в сторону сада, кертахъа — в сторону двора и т. д.

Сохъа велира иза.
Он встал на мою сторону || на защиту меня.
Он перешел на мою сторону.

Сохъа сан зуда ю.
Жена на моей стороне.

В этих примерах местная форма, выраженная личным местоимением, отвечает на вопрос: хъаьнгахъа? — „на сторону кого?“ и имеет непространственное, переносное значение. Производная форма местного падежа с суффиксами „иэхъа, гахъа, ахъа“ выражает приблизительное направление движения.

7. Обстоятельство места, выраженное местным падежом в производной его форме (полное окончание „иэра, гара“):

Школера цIа богIу дешархой.
Ученики идут из школы домой.

Борзера тIулгаш бохъу.
С кургана везут камни.

Ламанера схьадогIу Орга.
С горы идет Аргун.

В этих примерах обстоятельство места отвечает на вопрос: мичара? — „откуда?“ и имеет пространственное значение.

Хьувнера пайда болу.
Лес дает пользу.

Буквально: От леса выходит польза.

От леса идет польза.

Аттера шура йоккху.
От коровы берут || добывают молоко.

Тракторера беркат долу.
От трактора идет изобилие || богатство.

В этих случаях местная форма отвечает на вопрос: стенгара? — „от чего?“ и имеет переносное, непространственное значение.

Махьмудера ахча схьайцира ас.
Я получил от Махмуда деньги.

Здесь тоже местная форма имеет переносное значение и отвечает на вопрос: хъаьнгара? — „от кого?“.

Кроме того, данная местная форма с окончанием „ера“ употребляется и в значении (относительного) определения:

Советски Союзера белхалой а, ахархой а дика беа.
Рабочие и крестьяне (буквально: из) Советского Союза живут хорошо.

Шалажера школа керла ю.
Шалажинская школа—новая (есть).

8. Обстоятельство места, выраженное местным падежом в производной его форме (архаическое окончание „ара, ра“):

Новхъара д!авала.
Уходи с дороги.

Базарара ц!а вогу иза.
Он приходит домой с базара.

Дин ломара ц!а балийна.
Коня с горы привели домой.

Кисанара сирникаш схъаехира || схъайцира.
Он вынул спички из кармана.

Колхозхой бухабирзира балхара, Атаг!ара.
Колхозники возвратились с работы, из Атагов.

Учара || божалара ведар схъад!а!
Принеси ведро с галереи || из хлева!

Куйнара !аж схъаиэца.
Возьми яблоки из шапки.

В приведенных примерах местная форма отвечает на вопрос: мичара? — „откуда?“ и имеет значение обстоятельства места:

Говрара || варданара охъавовссира.
Слез с лошади || с арбы.

Тхьора хъеший д!абахана.
От нас гости ушли.

Сьора ахча д!аэцна.
У меня взяли деньги.

В первом примере местная форма отвечает на вопрос: стенна т!ера? — „с чего?“, в последних же двух примерах — на вопрос: хъаьнгара? — „от кого? у кого?“ и имеет переносное значение.

Архаическая форма с окончанием „ара“ употребляется довольно часто в следующих случаях: говрара — с лошади, динара — с коня, кхелара — с кобылы, бокъара — с жеребчика, с жеребенка, амкалара — с верблюда, б!арзанара — с мула, вирара — с осла, машинара — с машины, варданара — с арбы, х!ургонара — с фургона, фаэтонара — с фаэтона, автомобилара — с автомобиля, ц!ерпоштара — с поезда, новхъара — с дороги, базарара — с базара, ломара — с горы, балхара — с работы, маьрсара — с жатвы, мангалара — с покоса, асарара — с прополки, хъерара — с мельницы, юьртара — из селения, к!уотарара — с хутора, г!алара — из города, а!ара — с поля, ц!ера — из дому, Атаг!ара — из Атагов, Шелара — из Шалей, Бенара — из Беноя, Веданара — из Ведено, Шуьйтара — из Шатоя, кисанара — из кармана, кучара — из подола, куйнара — из шапки, пешара — из печки, ц!енкъара — с пола, учара — с галереи, уьйт!ара — с пространства перед домом, биэшара — из сада, кертара — со двора, божалара — из конюшни, хлева и т. д.

Производная форма местного падежа с суффиксами „иэра, гара, ара, ра“ выражает исходный пункт движения.

9. обстоятельство места, выраженное местным падежом в производной его форме (полное окончание „иэхъара, гахъара“):

Ламанехъара догъу хиш.

Со стороны горы идут воды || реки.

Аттехъара схъадедира эса.

По направлению от коровы сюда побежал теленок.

В первом примере местная форма отвечает на вопрос: мичахъара? — „откуда? с какой стороны?“, а во втором — на вопрос: стенгахъара? — „со стороны кого (букв.:чего)?“ В этих случаях сохраняется значение местной формы, как обстоятельства места. В следующих примерах мы имеем переносное значение данной местной формы:

Акхарошкахъара || берзалошкахъара кхузахъ йойла дац тхан.

Из-за зверья || из-за волков житья здесь нам нет.

Махъмуд соьгахъара длавелира.

Махмуд отшатнулся от меня.

Буквально: Махмуд перешел с моей стороны || оставил меня.

Тхоегахъара длавада!

Беги по направлению от нас!

10. обстоятельство места, выраженное местным падежом в производной его форме (архаическое окончание „ахъара, хъара“):

Ломахъара догъу хиш.

Со стороны горы идут воды || реки.

Новкъахъара длавахара || схъавеара стаг.

Со стороны дороги ушел || пришел человек.

Базарахъара догъу тхо.

Мы идем со стороны базара.

Юртахъара || Шелахъара вухавеара со.

Я вернулся со стороны селения || со стороны Шалей.

Учахъара || кертахъара схъадеара ведар.

Со стороны галереи || двора принес ведро.

В приведенных примерах местная форма отвечает на вопрос: мичахъара? — „по направлению откуда?“ и имеет пространственное значение, т. е. значение обстоятельства места. Эта архаическая форма употребляется сравнительно редко и имеется в следующих словах: ломахъара — со стороны горы, новкъахъара — со стороны дороги, базарахъара — со стороны базара, юртахъара — со стороны селения, клуотарахъара — со стороны хутора, гъалахъара — со стороны города, арахъара — со стороны поля, хъерахъара — со стороны мельницы, Атаглахъара — со стороны Атагов, Шелахъара — со стороны Шалей, Бенахъара — со стороны Беноя, Виэданахъара — со стороны Ведено, Шуйтахъара — со стороны Шатоя, учахъара — со стороны галереи, уйтлахъара — со стороны пространства перед домом, биэшахъара — со стороны сада, кертахъара — со стороны двора и т. д.

В следующем примере местная форма отвечает на вопрос: хъаьнгахъара? — „по направлению от кого?“ и имеет переносное значение:

Сохъара длавелира иза.

Он отшатнулся от меня, оставил меня.

Буквально: Он перешел с моей стороны.

Производная форма местного падежа с суффиксами „иэхъара, гахъара, ахъара, хъара“ выражает исходный пункт приблизительного направления движения.

11. Обстоятельство места, выраженное местным падежом в производной его форме (полное окончание „иэхула, гахула“):

Борзехула ца веара со.

Я приехал домой (проехав) мимо кургана.

Ламанашкахула вахара со Гуържех.

Я поехал в Грузию через горы.

Промыслехула вахара со Чишка.

Я поехал в Чишки через промысла.

Больницехула лор лехира ас.

Я искал врача по больнице (обойдя || пройдя насквозь больницу).

Корехула ца чу веара со.

Я проник || влез в дом через окно.

Хаваэхула лела аэроплан.

Аэроплан летает по воздуху (буквально: ходит через воздух).

В этих примерах местная форма имеет свое прямое значение обстоятельства места и отвечает на вопрос: мичахула? — „через какое место? мимо какого места?, по какому месту?“

Советски школехула хиира суна йоза.

Благодаря советской школе я узнал грамоту.

Ахчанехула хлумма-а духур дац вайн.

За деньгами у нас дело не станет.

Буквально: Из-за денег ничто не испортится у нас.

Собгахула хлөбттира иза балха.

Благодаря мне || через меня он устроился на работу.

Говрехула хоттаведира со стерчийх.

Из-за лошади || через лошадь я приобрел быков.

В этих примерах местная форма отвечает на вопросы: хъаьнгахула? стенгахула? — „через кого? через что?“ и имеет переносное значение.

12. Обстоятельство места, выраженное местным падежом в производной его форме (архаическое окончание „ахула, хула“):

Со духъал новкъахула вахара Атага.

Я поехал по ближней (прямой) дороге в Атаги.

Ломахула вахало Гуържех.

Через горы можно поехать в Грузию.

Базарахула веара со ца.

Я пришел домой через базар.

Уйтлахула || бешахула лийлира со.

Я гулял по пространству перед домом || по саду.

Тхьохула || тхььгахула вахара иза.

Он прошел через наш двор.

Во всех этих примерах местная форма имеет пространственное значение обстоятельства места и отвечает на вопрос: мичахула? — „через какое место? по какому месту?“, за исключением последнего примера, в котором она отвечает на вопрос: хъаьнгахула? — „через кого (чье)?“. Местная форма с архаическим окончанием „ахула“ образуется от сле-

дующих имен существительных: новкъахула — через дорогу, по дороге, ломахула — через горы, базарахула — через базар, по базару, уйтѣахула — через пространство перед домом, учахула — через галерею, бешахула — через сад, кертахула — через двор, рѣгѣахула — через гряду холмов, орѣахула — через Черные горы (через лесистое предгорье), арахула — через поле, юртахула — через селение, кѣотарахула — через хутор, гѣалахула — через город, хъерахула — через мельницу, хъавттахула — через ток, Атагѣахула — через Атаги, Шѣлахула — через Шали, Бенахула — через Беной, Веданахула — через Ведено, Шуйтахула — через Шатой и т. д.

В следующем примере данная местная форма имеет переносное значение:

Тхобѣахула хѣвттира и балка.

Благодаря нам || через нас (он) устроился на эту работу.

Производная форма местного падежа с суффиксами „иѣахула, гахула, ахула, хула“ обозначает направление движения через что-нибудь, сквозь что-нибудь, мимо чего-нибудь.

13. Обстоятельство места, выраженное местным падежом в производной его форме (полное окончание „иѣхъахула, гахъахула“):

Борзехъахула џа веара со.

Я приехал || пришел домой, (проехав || пройдя) с той стороны, где курган || минуя курган.

Ламанашкахъахула вахара со Гуьржех.

Я поехал в Грузию мимо той стороны, где горы || минуя горы.

Промыслехъахула вахара со Чишка.

Я поехал в Чишки, минуя промысла || оставляя промысла в стороне.

Больницехъахула схъавогѣуш лор дуьхалкхийтира суна.

Идя сюда мимо больницы, я встретил врача.

Корехъахула йолчу наѣарах аравелира со.

Я вышел через дверь || в дверь, находящуюся со стороны окна.

Во всех приведенных примерах местная форма имеет прямое значение обстоятельства места и отвечает на вопрос: мичахъахула? — „по направлению какого места? по направлению через какое место? мимо какого места?“

14. Обстоятельство места, выраженное местным падежом в производной его форме (архаическое окончание „ахъахула, хъахула“):

Новкъахъахула лавтта гѣодмийн такхораш.

В стороне дороги стоят копны кукурузной соломы.

Ломахъахула || ломахъа екхна.

В сторону загорья (в сторону через горы) || в сторону гор (не доходя гор) — ясная погода || вѣдро.

Базарахъахула некъ дика бу.

В сторону через базар дорога хорошая.

Учахъахула || кертахъахула ладийгѣира ас.

Я прислушивался в сторону (через) галереи || двора.

Тхобъахула гѣуо вайша?

Мы вдвоем пойдем минуя наш двор || мимо нашего двора?

Тхобѣахъахула бохам хир бац хъуна.

С нашей стороны вреда тебе не будет.

Во всех приведенных примерах, кроме двух последних, местная форма отвечает на вопрос: мичахъахула? и имеет прямое значение обстоятельства места. В последних двух примерах, в которых местная форма

выражена личным местоимением, она отвечает на вопрос: хъавнгахъа-хула? — „минуя кого? с чьей стороны?“ В последнем примере местная форма имеет переносное значение. Производная форма местного падежа с суффиксами „иэхъахула, гахъахула, ахъахула, хъахула“ обозначает приблизительное направление движения из-за чего-нибудь, через что-нибудь, мимо чего-нибудь.

15. Обстоятельство места, выраженное местным падежом в производной его форме (полное окончание „ец“):

Хара вайн колхозан аре ламанец ю.

Это поле принадлежит нашему колхозу до гор.

Хара аре вайн колхозан ламманец ю.

Это поле принадлежит нашему колхозу до самых гор.

Со вахана оцу борзец.

Я прошел до самого того кургана.

Вайн мохк ялтина дика бу Терккец.

Наша страна хороша для хлебов до самого Терека.

Хара урд дло лаяттачу стаггец ду.

Этот участок — вон до того стоящего человека (есть).

Во всех приведенных примерах обстоятельство места отвечает на вопрос: мичахъац? || мичахъаьц? — „до какого места? куда?“ и представляет собою обстоятельство места в прямом смысле.

Кроме того, эта же местная форма служит и для выражения обстоятельства времени (см. ниже стр. 145—146).

16. Обстоятельство места, выраженное местным падежом в производной его форме (архаичское окончание „ац“):

Учцац || уйттлац новкъа ваккха со.

Проводи меня до самой галереи || до самого пространства перед домом.

В этой форме обстоятельство места употребляется крайне редко, обычные же его окончания „алц, лац“ употребляются для оформления обстоятельства времени (см. ниже стр. 145). Отмирающая производная форма местного падежа на „ец, гац, ац“ обозначает предел движения.

17. Обстоятельство места, выраженное параллельными формами местного падежа с суффиксом „га“ взамен или на ряду с обычным суффиксом „иэ“:

Ламангахъара || ламаниэхъара схъайогIу морхаш || мархаш.

Со стороны гор идут сюда облака.

Ламангахъа || ламанехъа теIа дохк.

В сторону гор движется || ползет туман.

Божалехахъа || божалехъа дIауозайиэ говр.

Тяни лошадь в сторону конюшни || хлева.

Божалехахъара || божалехъара схъауоза говр.

Со стороны конюшни тяни сюда лошадь.

По направлению от конюшни тяни сюда лошадь.

Хигахъара || хиэхъара схъадаладиэ беращ.

От реки (со стороны реки) отведи сюда детей.

Галехахъара || гIалехъара схъайогIу машина.

Со стороны города сюда идет машина.

Шугахъара || шунехъара делира тхуна дакъа.

В той стороне, где склон горы, дали || отвели нам участок.

Пугахъара || бѣгахъара тхан дакъа ду.
 В той стороне где колодец || где целина, есть наш участок.
 Шунехъара || шугахъара схъадедира лу.
 Со стороны склона (горы) сюда побежала серна.
 Тѣгахъара схъадогъу черий.
 Со стороны моста сюда идет рыба.
 Согдахъара || сохъара дакъа доккха ду.
 С моей стороны (находящийся) участок — велик.

Во всех приведенных примерах значение местной формы представляет собою прямое пространственное значение обстоятельства места.

Хиэгахъара || хиэхъара кхузахъ Йойла дац тхан.
 От реки || из-за реки здесь житья нам нет.
 Палегахъара пайда болу || хилла тхуна.
 Буквально: Благодаря городу получается (идет) || бывает для нас польза.
 Согдахъара || сохъара бухам хир бац хьуна.
 С моей стороны || из-за меня тебе вреда не будет.
 Дегахъара гъо хуьлу суна.
 Со стороны отца || благодаря отцу я имею (буквально: мне бывает) помощь.

В этом примере нельзя применить форму „дехъара“.

Дѣгахъара || дѣхъара сан шича ву иза.
 Со стороны отца || по отцу он мой двоюродный брат.

Во всех приведенных примерах местная форма имеет переносное значение обстоятельства причины или выражает происхождение.

Наблюдения над употреблением параллельной местной формы с суффиксом „иэга“ показывают, что эта форма во всех случаях в значении обстоятельства места может быть заменена производной формой с суффиксом „е“. Исключения представляют собою только случаи причинного значения данной формы, когда преимущественно употребляется форма с суффиксом „иэга“ (см. вышеприведенные примеры).

Форма с суффиксом „гахъара“, „гахъа“ взамен или на ряду с формами с суффиксом „иэхъара, иэхъа“ образуется от существительных третьего склонения (т. е. имеющих основу косвенных падежей на гласные „и, у“ долгие), а также от существительных неправильного склонения (т. е. от односложных существительных с основой на долгие гласные, которые склоняются в чеченском языке неправильно). В этом последнем случае параллельно окончанию „гахъара“ мы имеем окончание „ниэхъара“, например: гъала — город — гъалигахъара || гъалехъара, буру — бурав — буругахъара, дети — серебро — детигахъара, деши — золото — дешигахъара, дари — шелк — даригахъара, рагъу — сарай — рагъугахъара, гали — мешок — галигахъара, гъай — мост — гъагахъара, гъу — колодец — гъугахъара || гъунехъара, лъу — серна — лугахъара || лунехъара, бай — целина, луг — бегахъара, тай — нитка — тѣгахъара, гъу — холм — гугахъара || гунихъара, цъи — кровь — цъйгахъара, дуо — сапетка — дайгахъара, луо — снег — лайгахъара, сай — олень — сѣгахъара, яй — котел — ѣгахъара и т. д.

18. Обстоятельство места, выраженное наречиями места.

Кроме приведенных выше форм местного падежа обстоятельство места выражается также немногочисленными наречиями места. Можно отметить следующие наречия места в чеченском языке: хъоккхуза, кхуза — сюда, кхуза — именно сюда, цига — туда, цигга — именно туда, эцца — там, хъаьлла — вот туда, вот там (исторически — „выше говоря“

шего“), дló || дlá — вон туда, вон там (исторически — „на одном уровне с говорящим“), цхьаныхьа — в одном и том же месте, где-то, цхьаныхьа-а — нигде, кхиэчахьа — в другом месте, мича? — куда?

Эти наречия места имеют местные формы с суффиксами местного падежа: мича? — куда?, мичахь? — где?, на чем?, мичахьа? — по направлению куда?, мичара? — откуда? мичахьара? — по направлению откуда?, мичахула? — мимо чего? через что?, мичахьахула? — мимо чего? минуя что?, мичахьац? — до какого места?; хlоккхуза — сюда, хlоккхузахь — здесь, хlоккхузахьа — в эту сторону, по направлению сюда, хlоккхузара — отсюда, хlоккхузахьара — по направлению отсюда (со стороны отсюда), хlоккхузахула — мимо этого места, через это место, хlоккхузахьахула — со стороны этого места, мимо этой стороны, хlоккхуц — досюда и т. д.

Наречия места, послелого и глагольные приставки. Наречие места в чеченском языке следует отличать от послелогов и глагольных приставок места. По существу говоря, послелого и те глагольные приставки места, которые в известном положении пишутся отдельно от глагола (например, в случае отрицательной формы глагола или в случае употребления их после глагола), по своим формам и по своему значению мало отличаются от наречий-обстоятельств места. Для того чтобы устранить путаницу тех и других, мы даем здесь список послелогов, приставок места и тех имен существительных, с которыми они связаны по происхождению (послелого и приставки места в чеченском языке почти все исторически связаны с именами).

Послелого и глагольные приставки
места:

Чу — в (внутри); во-, в-.

Ара — из (наружу) вон; вы-.

Пе — на, вверх на.

Кел — под, вниз под.

Хьалха — (при глаголах движения)
вперед, впереди, спереди,
прежде, раньше.

Хьалхà — (при глаголах пребывания)
впереди.

Тlехьа¹ — (при глаголах движения)
вслед, вслед за,
за, назад, позади.

Тlиэхьа || тlийхьа — (при глаголах
пребывания)
позади.

Тlавьхьа — после, потом, позже.

Юххиэ — вблизи, около (с усилением:
вплотную близко).

Уллуо || уллиэ — рядом (с усилением:
вплотную рядом).

Герга — близко, близ.

Гергга — совсем близко, около,
рядом.

Гена — вдали, далеко.

Генна — далеко-далеко.

Имена существительные:

Чуо — нутро, чрево, живот, ср.
чуоь — внутренность.

Ариэ — место снаружи, вне (чего-
нибудь), место вне посе-
лений; поле.

Тlиэ — поверхность.

Келуо — днище, донная, нижняя
сторона, нижняя поверхность,
место под чем-нибудь.

Хьалхиэ — место впереди, перед,
передняя сторона (пред-
мета), лицевая сторона,
передняя часть, начало.

Тlиэхьиэ || тlийхьиэ — зад, задняя
часть, место позади, тыл, тыль-
ная сторона, задняя сторона.

Тlавьхьиэ — последствие, потом-
ство

¹ Произносится: тlавьхьа.

Юкъя — в середину, в.
Юккъяэ — в самую середину.
Нацкъара — в сторону, в стороне
(от дороги).

Юкь — середина, центр; зола.
Происходит от: накъазара — бук-
вально: из бездорожья.

Только приставки и наречия:

Схья — первоначально: по направ-
влению к первому лицу, сюда;
при-
Да — по направлению от первого
лица, туда; у-; ср. д!а — туда!
вон туда! (наречие)
Лакха — вверх (в воздух), выше
(в переносном смысле).
Лаха — вниз (из воздуха), ниже
(в переносном смысле).
Ирах — в гору, вверх (по подъему).
Охья || охьяниэхъа — с горы, вниз
(по спуску), вниз по течению.
Хъала — в гору, вверх (по подъему,
по течению).
Кциэгара — задом (попятное дви-
жение).
Юха — обратно; снова, опять,
вновь.

Сизхьяэ — эта сторона, местность
по эту сторону (чего-нибудь).
Диэхьяэ — та сторона, местность
по ту сторону (чего-нибудь).
Лакхияэ — верх, вершина, верхняя
часть предмета.
Лахияэ — низ, подножье, нижняя
часть предмета.
Ирахуо — подъем (горы, дороги).
Охьяэ || охьяниэ || охьяниэхьяэ —
спуск (с горы), местность
вниз по течению, север.
Хъалиэ — подъем (в гору), мест-
ность вверх по течению, ю.
Клег — задница.
Дух — дно; низ, нижний край, ниж-
ний конец, основа, фундамент.

Различение глагольных приставок и послелогов требует в чеченском языке некоторого искусства; в одном и том же предложении одна и та же частица в зависимости от своего места может быть то послелогом, то глагольной приставкой. Это можно узнать, только меняя порядок слов в предложении.

Дело в том, что между частицами, которые являются послелогам-глагольными приставками и глаголом, может быть поставлен почти любой член предложения, за исключением того существительного, по отношению к которому употребляется данная приставка-послелог. Кроме того, эта же приставка-послелог может стоять не только между этим словом и глаголом-сказуемым. Поэтому приходится условно относить частицу, имеющую значение приставки-послелога, к глагольным приставкам во всех тех случаях, когда она стоит непосредственно перед глаголом и после глагола или отделена от него служебными частицами (союзами, отрицанием и т. д.). В тех же случаях, когда эта частица отделена от глагола полнозначными членами предложения (существительными, местоимениями, наречиями и т. д.) и сама стоит непосредственно после имени существительного, к которому она относится, ее следует считать послелогом.¹ Приведем примеры различного порядка расположения слов в чеченском предложении в связи с частицей, обозначающей пространство:

Говр т!е хира со Гуьрре.
Говрана т!ехира со Гуьрре.
Я утром сел на лошадь.

¹ Впрочем, сейчас установилось мнение, что при именительном падеже существительного данные частицы всегда являются послелогам (см. примеры).

Техиира со Іуърре говрана.
 Со Іуърре говрана тлехиира || говр тле хиира.
 Говрана || говр тле Іуърре со хиира.
 Тле Іуърре хиира со говрана.
 Іуърре тле со хиира говрана.
 Со говрана || говр тле Іуърре хиира.
 Хиира со Іуърре говрана || говр тле.
 Со говрана Іуърре хиира тле.
 Говрана || говр тле со хиира Іуърре, и т. д.

Однако, бывают случаи, когда глагольные приставки при глаголах пишутся всегда отдельно. Это имеет место при вспомогательных глаголах „ву“ — „естъ“ и „хуьлу“ — „бывает“. В этом случае мы считаем перечисленные выше частицы обстоятельством места (наречиями). При всех остальных глаголах они пишутся слитно в положении перед глаголом-сказуемым или раздельно при употреблении отрицания, союза „а“ или при постановке их после глагола. При именах те же частицы пишутся раздельно и считаются послелогом. Как послелог, так и глагольные приставки при синтаксическом разборе предложения не считаются самостоятельными членами предложения.

Обстоятельства места, выраженные наречиями места:

Хлоккхуза Іийнера Махьмуд.
 Здесь жил || сидел Махьмуд.
 Кхуза веара цхьа стаг.
 Сюда пришел один человек.
 Кхузза дийнера колхозо стохка клаш.
 Именно здесь колхоз посеял пшеницу в прошлом году.
 Со цига ваханера тахана.
 Я сегодня пошел туда.
 Хьаблла вара и клант.
 Вон там был этот мальчик.
 Діо || діа вьду и стаг.
 Вон туда идет этот человек.
 Діо || діа лавтта цхьа дика говр.
 Вон там стоит одна хорошая лошадь.
 Цхьаннахьа-а ца карийра суна иза.
 Я нигде не нашел его.
 Кхузара діа, кхиэчахьа, вахара иза.
 Отсюда туда, в другую сторону, пошел он.
 Хьо тахана мича гур волуш ву?
 Ты куда пойдешь сегодня?

Послелог, показывающие место:

Тхан класс чу тахана директор веара.
 В наш класс пришел сегодня директор.
 Тхьогара ара хинцца велира иза.
 Сейчас только он вышел от нас.
 Крантана клел ведар лавтта.
 Под краном стоит ведро.
 Царна тле кхана глор вай.
 Давай завтра пойдём к ним.

Кхузара дла кхана гIур ду тхо.
Мы уедем отсюда туда завтра.

Цаьргара кхуза схьа селхана даьхкира тхо.
От них мы пришли сюда вчера.

Селханалёрчул лакха тахана даьлла аэроплан.
Аэроплан сегодня поднялся выше, чем вчера.

Тохарчул лаха хIинца деана иза.
Теперь он опустился ниже, чем раньше.

Тахана ирахь дукха лаяттина со.
Сегодня я стоял больше || дольше.

Кхана охьа со а вогIур ву.
Завтра и я приеду вниз || на север.

Тхо хьала кхана догIур ду.
Завтра мы приедем вверх || на юг.

Охьанехьа тахана гIор вай.
Давай сегодня поедем вниз (по течению) || на север.

19. Обстоятельства места, выраженные формами других падежей (помимо местного):

А. Обстоятельства места в форме вещественного падежа:

Тоблбазар лаяттах яхана.
Крот ушел в землю.

Пху дечигах буюгIабелла.
Стрела воткнулась в дерево.

Мехкдаьтта лаяттах доллу.
Нефть находится в земле.

Дечигах нIаьна схьабаялла.
Из дерева выполз червяк.

Обстоятельство места в вещественном падеже показывает всегда положение внутри вещества, а также: в лесу, в куче предметов, в толпе и т. д. Точное пространственное отношение определяется значением глагола-сказуемого. В зависимости от того, показывает ли сказуемое движение, пребывание или исход, форма вещественного падежа обозначает: движение внутрь вещества, нахождение внутри вещества или исход из вещества. Значение положения внутри вещества представляет собою одно из основных значений вещественного падежа, который, таким образом, является одним из местных падежей по происхождению.

Б. Обстоятельство места в форме сравнительного падежа:

Со Теркал диэхьа || дийхьа вахара.
Я поехал за Терек.

Со Теркал диэхьа ваьлла.
Я переехал через Терек.

Обстоятельство места в сравнительном падеже употребляется относительно редко, и всегда в соединении с формами от имен существительных: диэхье — „та сторона“, диэхьа — „на ту сторону“; сиэхье — „эта сторона“, сиэхьа — „на эту сторону“ и др.

Обстоятельство времени. Обстоятельство времени употребляется в чеченском языке в различных формах местного падежа. При этом, так же как и в значении обстоятельства места, от некоторых имен существительных, обозначающих время, могут быть образованы как обычные формы местного падежа, так и архаические его формы. Чаще всего в значении обстоятельства времени употребляются местные формы имен существительных, обозначающих время, как например: сахъат — час, де — день, буйса — ночь, суйре — вечер, Iуьйре — утро, делкъе — полдень, шо — год, гуьйре — осень, бIаьсте — весна, аьха — лето, Iа — зима и т. д. Местные формы от этих слов употребляются часто с наречиями: кхаччалц — „до“ (по происхождению отглагольная форма от глагола: кхIача — „достигай“) и: дуййна — „начиная от“.

А. Основная форма (окончание „из“, архаическое — „а“):

Таханалёрчу дийне кхаччалц болх бира оха.

До сегодняшнего дня мы работали.

XIокху сохъта дIагIур ву со.

Сейчас я уйду.

ШуьйтталгIачу сохъте кхаччалц бо оха болх.

Мы работаем до двенадцати часов.

Б. Окончание „ехь“, архаическое „ахь“;

Оцу дийнахь гIала вахара со.

В этот день я поехал || пошел в город.

ИтталгIачу || уьтталгIачу сохътехь цIа доьлху тхо.

В десятом часу мы уходим домой.

В. Окончание „иэра“, архаическое „ара“, „арахь“ и т. д.:

Кхушарера || кхушарахь || кхушара дуййна дIа кхаа шарахь доьшур
ду ас.

Начиная с нынешнего года я буду учиться в течение трех лет
(три года).

Кханалёрчу дийнера дуййна ткъа дийнахь || де далалц болх биэ ахь.
Начиная с завтрашнего дня двадцать дней || до истечения двадцати
дней работай ты.

Делкъера дуййна сарралц Сольж-ГIалахь сов йовха хуьлу аьха.
Начиная с полудня до вечера в Грозном слишком жарко летом.

Кхушарахь || кхушара ялта дика ду.

В нынешнем году хлеба хороши || урожай хорош.

Г. Окончание „ец“, архаическое „алц, ац“:

Ламалерчу дийнец || дийнналц мукъа хир ву со.

До послезавтра свободен буду я.

Кхушарралц || кхушараллац || кхушаррец лавтгаца болх бира ас.

До нынешнего года я занимался земледелием.

Кхушаррец промыслехь болх бира ас.

До нынешнего года я работал на промыслах.

Делккъалц || делккъец кхузахь йовха яц.

До полудня здесь не жарко.

Приведенные примеры отвечают на вопросы: маца? — „когда?“
хIун || муьлха хан кхаччалц?, мацалца?, мацалц? — „до какого времени?“
до каких пор?“, „маца дуййна?“ — „с каких пор?“. Таким образом, обстоя-

тельство времени исторически одного происхождения с обстоятельством места. Это заставляет нас предположить не только на основании материалов чеченского языка, что первоначально время и место, как это отмечено еще акад. Н. Я. Марром, были единым неразграниченным понятием, которое лишь впоследствии раздвоилось на пространство и время. Подтверждением этому служит и своеобразное чеченское употребление слова „меттиг“ — „место“ в значении не только места, но и времени (ср. еще стр. 271):

Сой Ахмад воллура хабар дуйцуш, оццу меттехь || меттахь
Хьасан чувара.

Я и Ахмад занимались разговором, в этот момент (буквально:
в этом самом месте) вошел Хасан.

Тхо дахара хьабтта. Оццу меттехь Хьасан вара.

Мы пошли на ток || на гумно. В этом самом месте был Хасан.

Обстоятельство времени в форме наречий времени:

Кроме форм местного падежа обстоятельство времени выражается наречиями времени. Наречия времени в чеченском языке довольно развиты. В особенности это относится к исчислению дней начиная с сегодняшнего дня. В качестве обстоятельств времени могут служить следующие наречия: тахана — сегодня, селхана — вчера, стомара — позавчера, кхана — завтра, лама — послезавтра, ула — на четвертый день (считая с сегодняшнего дня), цлака || цлука — на пятый день, цласта — на шестой день, цлимокка || цлумока — на седьмой день, цлула — на восьмой день, буса — ночью, гура — утром, кхушара — в нынешнем году, стохка — в прошлом году, лурчак — в позапрошлом году, мацах — давно, в давнее время, аьхка — летом, бляста — весной, лай — зимой, хьалха — раньше, тлаьхьа — после, позже, хинца — теперь, тлаккха — потом, затем, тохара — тогда, гуттара — всегда, наггахь — редко, иногда, кест-кеста — часто, тлаьжь-тлаьхьа — постепенно, де-дийниэ — день ото дня, изо дня в день, тлаьхьуо(н) — поздноват, хьалхуо(н) — рановато и т. д.:

Тахана балхахь дара тхо.

Сегодня мы были на работе.

Селхана цлахь лийра со.

Вчера я сидел дома.

Стомара базара вахара со.

Позавчера я ходил на базар.

Кхана цла вогулур ву иза.

Завтра он поедет домой.

Лама Шуйта вобду со.

Послезавтра я еду в Шатой.

Ула вайна ахча лур ду.

На четвертый день (вперед) нам выдадут деньги.

Цласта вай балха гулур ду.

На шестой день (вперед) мы пойдем на работу.

Цлака садогур ду вай.

На пятый день (вперед) мы будем отдыхать.

Буса наб клезиг йо цара.

Ночью они мало спят.

Гура чай диэза цунна.

Утром он любит чай.

Кхушара ялташ дукха хилла кхузахь.

В этом году здесь было много хлеба.

Стохка гийлуо(н) вара со хинцачул.
В прошлом году я был несколько слабее, чем сейчас.

Лурчах Веданахь вара со.
В позапрошлом году я был в Ведено.

Биаьста ломахь яра сан говр.
Весной в горах была моя лошадь.

Гай дикахуо(н)-а бало болх.
Зимой легче работается.

Тпаьхьа хинцачул говза хир ду адам.
В будущем (после теперешнего) люди будут искуснее, чем сейчас.

Обстоятельства образа (качества) действия. Обстоятельства образа действия чаще всего выражаются в чеченском языке качественным прилагательным, поставленным перед глаголом-сказуемым. Это качественное прилагательное, следовательно, имеет значение: 1) качественного определения, если оно стоит перед определяемым-именем существительным и 2) обстоятельства образа действия, если оно стоит перед глаголом-сказуемым. Таким образом, в чеченском языке качественное прилагательное и качественное наречие полностью совпадают по форме: дика обозначает „хороший“ и „хорошо“, чехка — „быстрый“ и „быстро“ и т. д. В качестве членов предложения мы имеем здесь, таким образом, неразграниченные (недифференцированные) качественные определения и качественные обстоятельства образа действия. В конце такого качественного прилагательного-наречия слышится носовой гласный как в случае употребления его в значении определения, так и в случае применения его в качестве обстоятельства образа действия. Буржуазные националисты, орудовавшие в области лингвистики, сделали попытку искусственно отличать определение от обстоятельства образа действия (качественное прилагательное от качественного наречия). Они ввели правило: определения-прилагательные писать с обозначением носового оттенка гласного, а обстоятельства образа действия-наречия — без обозначения этого оттенка. Однако на практике это привело только к вредительской путанице и массовым ошибкам, так как в живом произношении обе эти формы в чеченском языке никогда не различались и не различаются (обе имеют слабый носовой оттенок гласного в конце). В современной орфографии на русской основе принято писать обе эти формы без обозначения носового оттенка гласного. Обе они отвечают на вопрос: муха? — „какой?, как?“

1. Обстоятельство образа действия, выраженное качественным прилагательным-наречием.

Ас книжка дика язйина.
Я книгу хорошо написал.

Говр чехка еара.
Лошадь быстро приехала.

Ас дика книжка язйина.
Я написал хорошую книгу.

Чехка говр еара.
Быстрая лошадь приехала.

Из этих примеров мы видим, что только разница в связи слов, выражаемая порядком слов, определяет, в каком случае мы имеем в чеченском языке определение и в каком — обстоятельство образа действия.

2. Неопределенное количественное определение.

Если количественное определение выражено в чеченском языке не числом или мерой, а наречием, показывающим неопределенное количество, например: дукха — „много“, клеzig — „мало“, то в этом случае количественное определение может стоять или перед сказуемым, или перед подлежащим или дополнением. При этом получается приблизи-

тельно такая же разница в оттенках смысла, как при употреблении качественного определения или обстоятельства образа действия:

Кlади дукха до.

Мануфактуры много выделявают.

Дукха кlади до.

Множество мануфактуры выделяют.

Кlади дукха ду кооперацехь.

Мануфактуры много (есть) в кооперации.

Дукха кlади ду кооперацехь.

Много мануфактуры есть в кооперации.

В этих случаях разница в оттенке значения почти неуловима.

Ас дукха кlади ийцира.

Я купил много мануфактуры.

Ас кlади дукха || дукхазза ийцира.

Я мануфактуру много раз покупал.

Дукха || дукхачу наха татолаш даьхна.

Многие люди выкопали арыжи.

Наха дукха даьхна татолаш.

Народ много раз копал арыжи.

Наха даьхна дукха татолаш.

Народ выкопал много арыков (многие арыжи).

Во всех приведенных примерах ясно видна разница между количественным определением, которое стоит перед определяемым, подлежащим или дополнением, и количественным, если можно так выразиться, обстоятельством, которое стоит перед сказуемым. Первое переводится по-русски словом „много“ с родительным падежом существительного или „многие“ при определяемом. Второе переводится наречием „много“ или „много раз“. Следует заметить, что такое совпадение определения с обстоятельством имеет место только в слове „дукха“, так как противоположные понятия в чеченском языке строго разграничены: кlезиг — „мало“, жима — „маленький“. Количественное определение, если оно выражено числом или мерой, при которых определяемое обычно стоит в единственном числе, отвечает на вопрос: маса? — „сколько (числом)?“, а количественное определение или обстоятельство, выраженное словами „дукха, кlезиг, жима“, ставится обычно как при единственном, так и при множественном числе определяемого. Оно как в качестве определения, так и в качестве обстоятельства, отвечает на вопрос: мел? — „сколько (как много)?“.

3. Обстоятельство образа действия в форме некачественного наречия.

Обстоятельство образа действия в обособившейся форме наречия употребляется в чеченском языке чрезвычайно редко, так как в нем имеются только единичные некачественные наречия, которые могут служить обстоятельствами образа действия:

Со вогlу гlаш.

Я иду пешком.

Ирахь йоура цо хlума.

Он стоя закусывал (ел кое-что).

Наречие „гlаш“ происходит от имени существительного „гlаш“ — „промежуток между ногами“, откуда „гlашло“ — „пешеход“. Эта основа стоит в связи со словом „гlогl“ — „бедро, вся нога в целом“, множественное число „гlуогlаш“, сокращенно „гlаш“ — „обе ноги в целом“. (О наречии „ирахь“ ср. глагольные приставки места, стр. 142).

4. Обстоятельства образа действия, выраженные падежными формами имен существительных.

Обстоятельства образа действия могут быть выражены формами местного или творительного падежа (в обычной и в архаической их формах).

А. В архаической форме местного падежа:

Со динахъ веана.

Я приехал на коне.

Иза машинахъ вахана.

Он уехал на автомобиле.

Эта форма обстоятельства образа действия употребляется при глаголах движения в следующих словах: говрахъ — на лошади, динахъ — на коне, кхелахъ — на кобыле, бокъахъ — на жеребчике, бларзанахъ — на муле, вирахъ — на осле, эмкалахъ — на верблюде, машинахъ — на машине, на автомобиле, варданахъ — на арбе, хлургонахъ — на фургоне, фаэтонахъ — на фаэтоне, автомобиляхъ — на автомобиле, щерпоштахъ — на поезде и т. д.

Отвечают эти слова на вопрос: муха? — „как?“, или: стенна тлехъ? — „на чем?“

Говр йортахъ йоьду.

Лошадь идет рысцой (мелкой рысью).

В этом случае в значении обстоятельства образа действия могут быть употреблены немногие формы местного падежа, обозначающие способ движения: буоларахъ — „шагом“, йортахъ — „мелкой рысью, рысцой“, чабуолахъ — „быстрой рысью“, йорглахъ — „иноходью“ и т. д.

Б. В форме творительного падежа:

Со говраца вахара.

Я поехал на лошади (лошадью).

Эта форма обстоятельства образа действия употребляется реже предыдущей и в тех же случаях, что и первая. Вместо „варданахъ“ — „на арбе“ можно сказать „варданца“ — „арбой“, вместо „машинахъ“ — „на машине“, — „машинца“ — „машиною“ и т. д. Отвечает эта форма на вопрос:

стенца? — „чем?“ и: муха? — „как?“

В. В производной форме вещественного падежа (суффикс „ха“, „шха“):

Иза хелхавелира хлирашха — он танцевал по-осетински.

Хлара лела воккхачу стагаха — этот (человек) ходит по-стариковски.

Цо илли олу глұьмкашха — он поет по-кумыцки.

Иза кхойкху нлатьнеха — он кричит по-петушиному.

В подобных случаях обстоятельство образа действия в чеченском языке употребляется довольно часто, но оно может быть образовано далеко не от всех имен существительных.

Форма с суффиксом „шха“ представляет собою производную форму вещественного падежа (сравни стр. 111).

Можно отметить, что Услар считал эту форму отличной как по произношению, так и по значению падежной формой (см. „Чеченский язык“, стр. 26, „наречистый падеж“, с суффиксом „хан“), не совпадавшей ни с вещественным падежом, ни с производной его формой, обо-

значающей происхождение. Однако в современном чеченском языке обе эти формы полностью совпадают как по звукам, так и по орфографии. Кроме того, вещественный падеж в обычных его значениях может иметь суффикс „ха“ на ряду с часто употребляемым суффиксом „х“:

Цо кьамел дуора соха || сох.
Он произнес речь обо мне.

Это обстоятельство убеждает нас в том, что по крайней мере в тех диалектах, которые лежат в основе современного литературного языка, эти три значения (вещественного падежа, происхождения и образа действия на вопрос „как, по-каковски?“) полностью совпадают. Следовательно, форму с суффиксом „ха“ мы можем считать в обоих ее значениях лишь производной формой вещественного падежа.

Г. В форме отименного наречия с суффиксом „за“:

ХIара жижиг а даьлла хIинца чaьмза.
И это мясо теперь стало невкусное (букв.: невкусно)

Охьавуьйжира иза лаамаза.
Упал он поневоле (буквально: без желания).

Цу гуллакх тIехь иза бехказавелира суна.
В этом деле он оправдался передо мной.

Буквально: В этом деле он безвинно (т. е. безвинным) вышел для меня.

Шегара харцонаш гучуяьларг тешамаза лору.
Ненадежным считают того, кто допускал явные обманы.

Буквально: От кого видимые обманы исходили, того считают не заслуживающим доверия.

План йоцуш бен болх кчамаза хуьлу.
Неполноценной бывает работа, которая делается без плана.

5. Обстоятельство образа действия, выраженное формой деепричастия.

Цигаьрка уьйзуш яздо цо.
Куря папиросу, он пишет.

Эта форма выражает действие, совершаемое одновременно с действием, выраженным сказуемым. Отвечает на вопрос: муха? — „как?“. Ее следует строго отличать от деепричастия, выражающего действие, предшествующее действию сказуемого (см. ниже синтаксис сложного предложения, стр. 256—257). В этом последнем случае мы будем иметь деепричастие, выражающее форму обстоятельства времени. Формы, выражаемые деепричастиями вообще, мы более подробно рассматриваем в синтаксисе сложного предложения (стр. 250 и сл.).

Обстоятельство причины. Обстоятельство причины выражается некоторыми формами местного падежа (окончания: „гахула, изхула, гахьара“ и др.), а также словами: бахьанехь — „по причине“, бахьана долуш — „по причине“, бехказлонехь — (буквально „по оправданию“) „по причине“.

Отвечает обстоятельство причины на вопрос: мича бахьанех? — „по какой причине?“

1. Обстоятельство причины, выраженное формами местного падежа.

Собгахула хIовттира иза балха.
Благодаря мне || через меня он устроился на работу.

Говрехула хоттавелира со стерчийх (поговорка).
Из-за лошади || через лошадь я лишился быков.

Советски шкоলেখула хи́ра суна йо́за.
Благодаря советской школе я узнал грамоту.

Ахчанехула х́лумма-а духур дац вайн.
За деньгами у нас дело не станет.

Буквально: Из-за денег ничто не испортится у нас.

Хиэгахъара || хиэ́хъара кхуза́хь йойла дац тхан.
От реки || из-за реки здесь житья нам нет.

Палегахъара пайда болу || хилла тхуна.

Буквально: Благодаря городу получается (выходит) || бывает для нас польза.

Собгахъара || со́вхъара бохам хир бац хьуна.
С моей стороны || из-за меня тебе вреда не будет.

Дегахъара ѓо хуьлу суна.
Со стороны отца || благодаря отцу я имею (буквально: мне бывает) помощь.

Из этих примеров мы видим, что так называемое переносное значение форм местного падежа в большинстве случаев имеет значение обстоятельства причины, правда, в зачаточной еще форме. Однако, во всех этих случаях можно задать двойкий вопрос — вопрос местного падежа и вопрос причины: мича бахъанехъа? — „по какой причине?“. Для разграничения вообще таких спорных форм, при которых возможен двойкий вопрос, следует условиться, что во всех случаях, когда можно задать вопрос обстоятельства причины, данную форму следует отнести к обстоятельствам причины, а не к обстоятельствам места.

2. Обстоятельства причины, выраженные существительным с добавлением слов: „бахъанехъ, бехказлонехъ“.

Цамгар бахъанехъ || бахъана долуш ца вахара со.
Я ушел домой по причине болезни.

Цамгар бехказлонехъ || бехказлонна || бехказло йолуш
таьхъависира со.
Я опоздал по причине болезни (буквально: по оправданию болезни).

Хъан бехказлонна рёза вац со.
С твоим оправданием (невинностью) я не согласен.

Ахча бахъанехъ йаьниэра велира со.
По причине (наличия) денег перезимовал я.

Ахча бахъанехъ веара со тахана.
Я пришел сегодня из-за денег (по причине денег).

Ахча бахъанехъ х́лумма-а духур дац вайн.
За деньгами у нас дело не станет.

Буквально: Из-за денег, по причине денег ничто у нас не испортится.

Дешар бахъанехъ ваха аьтту || аьтто хилла сан.

Буквально: По причине учебы у меня жизнь стала удачнее.

Дешарехъара ваха аьтту хилла сан.
Благодаря учебе у меня жизнь стала удачнее.

Оха болх дукха бар бахъанехъ (бахъанина) || бахъаница ||
бахъана долуш тхуна ялта дукха кхечира.
По причине того, что у нас было много работы, мы получили много хлеба.

По причине того, что мы много работали, мы получили много хлеба.

Слово „бахъанехъ“ представляет собою форму местного падежа от имени существительного: бахъана — „причина“ и буквально обозначает „в причине, на причине, на основании“, т. е. по причине. Слово „бехказлонехъ“ представляет собою форму местного падежа от „бехказло“ — „оправдание“, буквально: „безвинность“ (от слова: бехке — „вина“ — форма „бехказа“ → „бехказло“, т. е. формы с отрицательным суффиксом „з“). Следовательно „бехказлонехъ“ буквально обозначает: „в оправдании, по оправданию“ и употребляется в тех случаях, когда приводится какая-либо субъективная причина (например: по болезни, из-за трамвая и т. д.)

Обстоятельство цели. Обстоятельство цели в чеченском предложении выражается словом (последогом): дувъа — „ради, для, из-за“, при родительном падеже имени существительного; или неопределенным наклоном глагола со значением будущего времени, или, наконец, некоторыми отглагольными формами (например, с окончанием „хъама“ и др.). Что касается отглагольных форм, то мы будем рассматривать их в отделе сложного предложения как формы сказуемых в придаточном предложении (см. ниже стр. 282).

1. Обстоятельство цели, выражаемое добавлением слова „дувъа“ к родительному падежу имени существительного.

Книжкин дувъа веара со.

Ради книги я приехал || пришел.

Ахчанан дувъа вахара со.

Я пошел ради денег.

Бацан, дечиган дувъа кIотарахъ висира со.

Я остался (жить) на хуторе ради || из-за травы и дров.

Талларан дувъа вахара со орца.

Я пошел в Черные горы для охоты.

Могашаллин дувъа вахара со лома.

Ради || из-за здоровья я поехал в горы.

Къинхъегамхойн дувъа шен сих къаьстира Шерипов Асланбек.

Шерипов Асланбек расстался с своей жизнью (душой) ради
трудящихся.

Берийн дувъа оьцу ас хIара шура.

Я покупаю это молоко ради детей || из-за детей.

Цуьнан гIиллакхан дувъа ялон мегар дара и йоI.

Из-за ее обходительности || вежливости можно было бы жениться
на этой девушке.

Обстоятельство цели, выраженное добавлением слова „дувъа“, отвечает на вопрос: стийнан дувъа? — „для чего, ради чего, из-за чего?“. Слово „дувъа“ происходит, повидимому, от слова „юьхъ“ — „лицо; острие, заостренный конец; почет“. Интересно отметить, что и в некоторых других языках служебные слова, употребляемые для выражения обстоятельства цели, происходят от слов „голова“ или „передний конец“, „острие“ (ср. кабардинский: шхъакIэ, папцIэ — „для, ради, из-за“, адыгейское: папкIэ — „для, ради, из-за“).

2. Обстоятельство цели, выражаемое неопределенным наклоном.

Ахча иэцан веара со.

Я пришел получить деньги.

Стоьмаш иэцан базара вахийтира ас.

Я послал на базар купить фрукты.

Учитель веара урок ялан.

Учитель пришел давать урок.

В этих случаях, главным образом при глаголах движения, неопределенное наклонение представляет собою по своему значению обстоятельство цели, так как оно может быть заменено родительным падежом отглагольного существительного с добавлением слова „дурьхьа“:

Ахча иэцаран дурьхьа веара со.

Я пришел ради || для получения денег.

Стоймаш иэцаран дурьхьа базара вахийтира ас.

Я послал на базар для покупки фруктов.

Учитель веара урок яларан дурьхьа.

Учитель пришел ради того, чтобы давать урок (ради дачи урока).

Таким образом, неопределенное наклонение следует различать по значению. Неопределенное наклонение, выражающее обстоятельство цели, отличается от неопределенного наклонения, выражающего косвенное дополнение, например:

Газета дешан лаба суна.

Мне хочется читать газету.

Я хочу читать газету.

В обоих случаях употребления неопределенного наклонения, оно отвечает на вопрос: хIуя дан? — „что делать?“ Единственным способом различения обстоятельства цели и косвенного дополнения в этих случаях служит возможность замены целевого неопределенного наклонения параллельной формой обстоятельства цели, т. е. родительным падежом отглагольного существительного с добавлением слова „дурьхьа“, как мы уже говорили выше.

Обособленные члены предложения. К обособленным членам предложения относятся: обращение и вводные слова. Что касается сравнения, то оно в чеченском предложении до сих пор запятыми не выделялось и вообще не может считаться обособленным членом предложения. Приложение представляет собою одну из разновидностей определения и потому должно рассматриваться в разделе определения.

1. Обращение. Обращение служит названием того лица или предмета, к которому обращена речь. Обычно оно стоит в форме именительного падежа единственного или множественного числа и может иметь при себе притяжательные дополнения, определения и даже придаточные предложения. Обращение всегда выделяется запятыми:

Массо-а мехкийн пролетараш, цхьабнакхета!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В этом предложении при обращении „пролетараш“ стоит притяжательное дополнение, при котором в свою очередь имеется определение.

ХIей, дешархой, схьадурьла!

Эй, ученики, идите сюда!

Ахмад, схьавола!

Ахмад, иди сюда!

Обращение употребляется чаще всего в повелительных и вопросительных предложениях.

2. Вводные слова. Вводными словами называются такие слова, которые обычно выражают смысловую связь данного главного предложения с предыдущими главными предложениями, например: делахь — „итак, следовательно, таким образом“, шиэкуо йоццуш — „вне всякого сомнения“ и т. д. В чеченском языке, в качестве вводных слов, употребляются некоторые слова, сходные с союзами (ср. вводное слово „делахь“ и союз

„делахь-а“), или слова, представляющие собою по форме придаточные предложения и какие-либо отглагольные формы (ср.: вайна хууш ма дарра — „как нам известно“, схьахьэтарехь — „как кажется“, дёцахьуна — „не так ли, если тебе угодно“ и т. д.), или слова, представляющие собою главные предложения (ср.: гуш ду — „очевидно, как видно“, хууш ду — „знать, значит, известное дело“, билгал ду — „очевидно, ясно“). В последних двух случаях мы можем считать вводные слова вводными предложениями. Поэтому в чеченском языке необходимо строго разграничить вводные слова и предложения от союзов, с одной стороны, и от придаточных и главных предложений в сложносочиненном предложении, с другой. К сожалению, в чеченской грамматике этот вопрос до сих пор совершенно не был разрешен, благодаря чему до сих пор чеченские педагоги и издательские работники затрудняются в расстановке запятых при вводных словах и в разграничении их от союзов. Поэтому мы прежде всего начнем с разграничения вводных слов и союзов.

Вводные слова:

Делахь.
Итак, следовательно, таким образом.
Схьахьэтарехь.
Хьэтарехь.
Как кажется, кажется.
Гуш ду.
Очевидно, как видно.
Хууш ду.
Знать, значит, известное дело.
Вайна ма хьара.
Вайна хууш ма дарра.
Как нам известно.
Билгал ду.
Очевидно, ясно.
Шиэкуо йоццуш.
Несомненно, без сомнения.
Шиэкуо йоццуш.
Вне всякого сомнения.
Дуьйцийла йоццуш.
Безусловно (безоговорочно).
Дийца а ца оьшу.
Нечего говорить, излишне говорить.
Цу тле а доьгІна.
На этом основании.
Буквально: На этом основавшись.
Дёца хьуна.
Не так ли; если тебе угодно.
Буквально: Не так ли тебе.
Дуй хьуна.
Не так ли; если угодно; значит.
Буквально: Есть ли тебе?
Дёра.
Дёлор.
Ей-богу.

Союзы (в главном предложении):

Делахь-а.
Но, однако.
Ткъа.
А, но; потому, поэтому.
Нагахь.
Нагахь санна.
В том случае, если; в случае, если.
Амма.
Но, однако.
Цхьабакъду.
Бакъду.
Однако, но.
Цуд тІабхьа.
После того, и потом, и затем.
ХІета.
Тогда, в таком случае.
ХІеттиэ-а.
А все же, а все-таки.
ТІаккха.
Потом, затем.
Иштта.
Вот так, так же (как), также, тоже.
ЦаІ-ма ду.
Однако, но.
Буквально: Одно есть.
Я.
Или.
А.
И, также и; ни (в отрицательном предложении).
Ма.
Ах, как...; как; так; как..., так...
Санна.
Подобно тому, как; будто, словно; как; так же, как.

Кхиэтий хьо.
 Понимаешь (ты?), понимаешь ли(?).
 Хавий хьуна.
 Хьуна хавий.
 Знаешь (ты?); знаешь ли(?).
 Хезий хьуна.
 Слышишь (ты?), слышь(?).
 Хьуна.
 Вот тебе, на тебе; на-кось тебе
 Буквально: Тебе.
 Духаниэхьá.
 Наоборот.
 ХIаа(н).
 (Да,) конечно.

Из приведенных вводных слов одно „ду тIе а доьгIна || тIе а доьгIна“ — „на этом основании“ возбуждает сомнение, вводное ли это слово. Однако для чеченского языка приходится признать его вводным словом, так как оно имеет форму придаточного предложения с глагольным сказуемым (доьгIна) и потому должно выделяться запятыми. Точно так же союз „цхьабакъду || бакъду“ представляет собою по происхождению целое предложение: „цхьа бакъ ду || бакъ ду“ — „только правда есть || правда есть“, который первоначально соответствовал русскому вводному слову „правда“, в дальнейшем, однако, сделался настоящим противительным союзом. Поэтому данное слово в значении союза лучше писать вместе и не выделять с обеих сторон запятыми (запятая должна ставиться перед этим союзом так же, как перед другими противительными союзами: амма, делахь-а, ткъа), в значении же вводного слова это выражение следует писать раздельно. Таким образом, мы видим, что исторически многие вводные слова развивались в союзы, и целые предложения (главные или придаточные) превращались во вводные слова.

Различие между вводными словами и главными предложениями, входящими в состав сложноподчиненного предложения, можно видеть из следующих примеров:

Главное предложение:

Хавий хьуна, стомара тхобгахь
 хьеший хиллийла?
 Ты знаешь, что у нас позавчера
 были гости?

Хавий хьуна, СССР-н
 бахархойн бакъо юйла дешан а,
 болх бан а, садаIан а.
 Ты знаешь, что (жители) граждане
 СССР имеют право и учиться, и
 работать, и отдыхать?

Гуш ду, хьо дика стаг хилар.
 Видно, что ты хороший человек.

Билгал ду, иза дика пхьар хилар.
 Очевидно || ясно, что он хороший
 мастер.

Вводные слова:

Хавий хьуна, стомара тхобгахь
 хьеший бара.
 Знаешь ли, позавчера у нас были
 гости.

Хавий хьуна, СССР-ера
 бахархойн бакъо ю дешан а, болх
 бан а, садаIан а.
 Знаешь ли, (жители) граждане
 СССР имеют право и учиться, и
 работать, и отдыхать.

Гуш ду, хьо дика стаг ву.
 Видно, ты хороший человек.

Билгал ду, иза говза пхьар ву.
 Очевидно, он искусный мастер.

Из приведенных примеров ясно видна разница между главными предложениями и теми же словами, служащими вводными словами. При главном второе предложение превращается в придаточное и сказуемое в нем получает особую, свойственную только придаточному предложению, форму („хилар, вуйла“), при вводном же слове второе предложение остается главным предложением и сказуемое в нем имеет свойственную главному предложению форму („ву, хуьлу“).

Приведем примеры на употребление вводных слов:

Гуш ду, вайн юкварчу баккхийчу бахамашкахь специалисташ
оьшу.

Очевидно || ясно, в наших крупных обобщественных
хозяйствах нужны специалисты.

Хууш ду, вайн бахамаш лакхабаларе терра, вайн культура
а йолу лӕкха.

Известно, в какой степени поднимается наше хозяйство,
в такой степени поднимается и наша культура.

Делахь, вешан ялташ чудерзор дӕдолор вай хӕинца.

Итак, мы теперь начинаем уборку наших хлебов.

Колхозан правленис сацам барна, тӕ а доьгӕна, колхозхоша
дӕдуолийра шайн оханаш.

На основании того, что правление колхоза сделало
постановление, колхозники начали свою пахоту.

Вай бертахь цӕхъабосса белхаш бахь, шеко йоццуш, вайн белхаш
хӕалхабер бу.

Если мы дружно || сообща будем работать, то, нет сомнения,
наша работа двинется вперед.

Дӕра, накъостий, хӕинца колхозашкахь машинашца белхаш атта
ма бо!

Ей-богу, товарищи, теперь с машинами так легко стало
работать в колхозах!

Гой хьуна, тахана колхозхошна шортта кӕди деана коопераце.
Видишь ли, сегодня привезли в кооператив много мануфактуры
для колхозников.

Хӕаан, бийр бу вай болх.

Да || конечно, мы сделаем работу.

Дӕца хьуна, вай ма дика кхечира цӕ!

Не так ли, как хорошо прибыли мы домой!

Кхетий хьо, тхо селхана ловзаргахь дара, хьуна.

Понимаешь ли, мы вчера были на гулянии (тебе).

Дуй хьуна, вай тховса сакъорур ду-кх.

Не так ли, ведь мы сегодня ночью будем веселиться.

Схъахетарехь, хӕинца догӕа дӕн мегаш ду вайна.

Буквально: Кажется, теперь может для нас пойти дождь.

Шеко йоццуш, кхушара хьийкьина колхозхойн ялташ.

Вне всякого сомнения, в этом году уродились колхозные
хлеба.

Кхана вай балха гӕур ду, хезий шуна; йуьрре гӕвтталаш хьала.

Слышите ли (вы), мы завтра пойдем на работу; вставайте
рано утром.

Хавий хьуна, вайн колхозана грузовик эцна вайн правленис.

Знаешь ли, для нашего колхоза правление купило грузовик.

Цо болх ца бо, цу тле а доьгІна, и дІавоккху.

Он не работает, следовательно (буквально: основываясь на этом), его снимут.

Таханалерчу дийнахь, схьахетарехь, догІа дан мега вайна.
Сегодня, по всей вероятности, у нас может пойти дождь.

Тхан колхозан бешахь, дуйцІийла йоцуш, мерза стоьмаш
кхуьуш лавтта.

В нашем колхозном саду, безусловно, вырастают сладкие
фрукты.

Хууш ду, адам боданехь латтийна паччахьан замано.

Известно, в царские времена держали (оставляли) человека
в темноте.

Билгал ду, хІинца советски Іедало схьайиллина Іилманан
а, тоьллачу бахаман а наьларш.

Очевидно || ясно, теперь советская власть открыла двери и
к науке, и к зажиточному хозяйству.

Дийца а ца оьшу, иза-м цо йина.

Нечего говорить || излишне говорить, он сделал это.

Цара болх ца бо, хууш ду, уьш пайдехь цахилар.

Они работу не делают, видно || знать, что от них пользы нет.

Сравнение. Сравнение в чеченском языке передается с помощью союза „санна“ — „как, точно как; будто, словно, подобно“. Сравнение в чеченском до сих пор не выделялось запятой, хотя оно может быть и выделено ею. Его можно считать особой разновидностью обстоятельства образа действия или определения.

Малх санна, хаза йоІ яра иза.

Хаза йоІ яра иза, малх санна.

Она была девушкой, красивой, как солнце.

Борз санна, майра кІант хилла Чапаев.

Чапаев был молодец, храбрый, как волк.

Латта санна, кьинхьегамхошна тешамиэ(н) кІант хилира Шерипов
Асламбеках.

Асламбек Шерипов был человек, которому трудящиеся
доверяли, как земле.

Буквально: Из Асламбека Шерипова стал человек для трудящихся
(столь же) заслуживающий доверия, как земля.

В этих примерах сравнение относится к определению-прилагательному и потому, как и в русском языке, не изменяется по падежам (не согласуется ни с одним из членов предложения):

Малх санна, хазачу йоІа маршалла хавттира соьга.

Девушка, красивая, как солнце, сказала (спросила) мне привет.

Сравнение, относящееся по смыслу к сказуемому, согласуется с теми членами предложения, к которым оно относится. Этот признак отличает его от обособленных членов предложения:

Дерриг дуйненан а кьинхьегамхой тоьшу коммунистически партех,
лавттах санна.

Трудящиеся всего мира доверяют коммунистической партии, как
земле.

Малхо санна, сердо ло электричеству.

Электричество дает свет, подобный солнцу.

Электричество светит, подобно солнцу.

В чеченском народном языке и фольклоре употребляется много образных сравнений. Приведем здесь несколько примеров:

Муш санна, ёха.
Длинный, как веревка.
Ткъоь санна, ёха.
Длинный, как ремень (которым
увязывают воз, увязывали
деревянный плуг).
Гул санна, стомма.
Толстый, как кряж.
Цузам санна, юткъа.
Тонкий, как свирель || носик кув-
шина.
Сара санна, юткъа.
Тонкий, как хворостина.
Цоз санна, юткъа.
Тонкий, как саранча.
Сту санна, ч'ог'ла.
Крепкий || сильный, как бык.
Буг'ла санна, ч'ог'ла.
Крепкий || сильный, как буйвол.
Шач санна, лубста.
Густой, как осока.
Дожк санна, юькъа.
Густой (крутой), как туман.
Харцахъа ирбина хьокха санна,
там боцуш.
Неподходящий, как неправильно
затесанный кол.
Чим санна, клёда.
Мягкий, как пепел.
Пах санна, клёда.
Мягкий, как легкое.
Гуй санна, еха.
Длинный, как засов для ворот.
Дукъо санна, еха.
Длинный, как бревно (которое
кладут сверху на стену).
Къар-къар санна, векаш.
Треща, как трещетка.
Котам санна, тешха.
Трусливый, как курица.
Москал н'абна санна, вуса а велла.
Растопырился, как индюк.
Шура санна, кл'айн.
Белый, как молоко.
Ло санна, кл'айн.
Белый, как снег.
Дама санна, аьтта.
Дробный, как мука.

Хлур санна, аьтта || клёда.
Дробный || мягкий, как мучная
пыль.
Ше санна, йовха.
Горячий, как огонь.
Ша санна, шийла.
Холодный, как лед.
Муж санна, мела.
Теплый, как пойло.
Лам санна, йоккха.
Большой, как гора.
Барз санна, йоккха || лекха.
Большой || высокий, как курган.
Ща санна, йоккха.
Большой, как дом.
Туьппалг санна, жима.
Маленький, как катушка.
Гали санна, шуьйра.
Широкий, как мешок.
Х'ара санна, шуьйра.
Широкий, как кадь.
Т'ара санна, готта.
Узкий, как наперсток.
Тай санна, нийса.
Ровный, как нитка.
Пха санна, нийса.
Ровный, как бук, граб.
Пенда санна, гома.
Кривой, как ребро.
Даш санна, деза.
Тяжелый, как свинец.
Пиллиг санна, дайн.
Легкий, как вертушка.
Т'улг санна, ч'ог'ла.
Крепкий, как камень.
Жа санна, дукха.
Многочисленный, как отара.
Тха санна, ваьлла.
Обросший, как шерсть.
Мох санна, чехка.
Быстрый, как ветер.
Буо санна, г'ийла.
Грустный, как сирота.
Буйхьиг санна, ловзуш.
Игривый, как козленок.
Дума санна, дерстина.
Жирный, как курдюк.

Дам санна, дерстина.	Худар санна, юькѣа.
Жирный, как барсук.	Крутой, как каша.
Иин санна, кѳорга.	Хи санна, коча.
Глубокий, как ущелье.	Жидкий, как вода.
Ша санна, шера.	Чорпа санна, коча.
Гладкий, как лед.	Жидкий, как суп, бульон.
Хи санна, шера.	Наж санна, чѳогѳа.
Гладкий, как вода.	Крепкий, как дуб.
Седа санна, хьаѣъна.	Жѳавлин даѳѳажк санна, чѳогѳа.
Прозрачный, как звезда.	Крепкий, как собачья кость.
Тур санна, ира.	Малх санна, елаелла.
Острый, как шашка.	Улыбающаяся, как солнце.
Бѳоста санна, аѳрта.	Юкѣ санна, макхѣелла.
Тупой, как обух.	Посеревший, как зола.
Ваѳ санна, дуѳра.	Чѳим ¹ санна, цѳанвина.
Соленый, как репей.	Ободран, как липка.
Хи санна, теза.	Буквально: Ободран, как свинушка.
ѳресный, как вода.	Бера санна, хьѳйзаво.
Хьач санна, муѳста.	Крутится, как мельничное колесо.
Кислый, как алыча дикая слива.	Уѳн тѳе хьѳхкина кхѳыш санна, яѳржина цѳенкѣа.
Поппар санна, юькѣа.	Как брошенная на доску фасоль, рассыпан по полу.
Крутой, как глина.	

Слитное предложение или предложение с однородными членами.

Однородными членами предложения называются такие, которые и по своему синтаксическому значению, и по своим окончаниям, и по своей форме совершенно одинаковы. Например: несколько подлежащих или ярмых дополнений при одном сказуемом, несколько глаголов-сказуемых при одном подлежащем, несколько одинаковых обстоятельств (отвечающих на один и тот же вопрос), несколько одинаковых (качественных или относительных) определений при одном определяемом, несколько одинаковых косвенных дополнений (например: или дательных, или творительных, или вещественных, или местных с одним и тем же окончанием, или сравнительных) и т. д. называются однородными членами предложения.

Предложение, в котором несколько однородных членов (в том числе и несколько сказуемых), называется предложением с однородными членами или слитным предложением; примеры:

Белхалоша, ахархоша, гуллакххоша саѳийра съездехь.
Рабочие, крестьяне, служащие постановили на съезде.

Ахьмад, Мухьмад вахара города.
Ахмад, Махмуд поехали в город.

Оха латта оху, мекха боккху, асар до.
Мы пашем землю, бороним (борону), прополку делаем.

Дешархоша доѳшу, яздо.
Ученики читают, пишут.

Оха ялташ доѳ, хьокху, ѳру, цѳа дохьу.
Мы сеем хлеб, косим, молотим, привозим домой.

¹ Дикое растение со съедобным стеблем. Стебель очищается от кожуры. Сердцевина водянистая с пресным вкусом.

Говр дика, хаза, эсала ю.

Лошадь—хороша, красива, смирна (есть).

Говр дика хъайба ду, хаза хъайба ду, эсала хъайба ду.

Лошадь — хорошее животное, красивое животное, смиренное животное.

Однородные члены предложения соединяются союзами, но могут употребляться и без союзов, как в вышеприведенных примерах.

Все однородные члены предложения, кроме сказуемого, могут соединяться союзом „а“, союзным суффиксом „й“ („ий“) и союзом „я“ и др. Союз „а“ и союзный суффикс „й“ („ий“) представляют собою соединительные союзы, равные русскому „и“. Благодаря равнодушию буржуазных националистов к особенностям чеченского языка, оба эти способа выражения союза „и“ оставались до сих пор неразграниченными и смысловая разница между ними остается и по настоящий момент неизвестной для многих грамотных чеченцев. Между тем, факты чеченского языка с несомненностью показывают, что между этими двумя способами передачи русского союза „и“ в чеченском языке существует совершенно ясная разница, как это мы видим из следующих примеров:

Ахьмада а, Махьмада а яздина кегIат.

И Ахмад, и Махмуд написали (поровну, по одной бумаге) бумагу.

Ахьмадий Махьмадий яздина кегIат.

Ахмад и Махмуд написали (вместе одну) бумагу.

Оха гатанан а, кисин а, дарин а йо аьхкенак коч.

Летом мы делаем рубашку и из льна, и из бумаги, и из шелка
(и из других материалов).

Оха гатанани кисини дарини йо аьхкенак коч.

Летом мы делаем рубашку (только) из льна, бумаги и шелка.

Из этих примеров мы видим, что союз „а“ имеет ясное отделительное значение и показывает, что каждый из однородных членов действует или существует в отдельности. Таким образом, союз „а“ равен русскому союзу „и“, повторяемому перед каждым из однородных членов. Что чеченский союз „а“ имеет именно такое значение, показывает употребление его в простом предложении не при однородных членах:

Тахана со а вахара базара.

Сегодня и я ходил на базар.

Сегодня также я ходил на базар.

Селхана со театре вахана, кино а вахана.

Вчера я ходил в театр, а также (сверх того) ходил в кино.

В отрицательном предложении тот же союз „а“ по значению равен русскому отрицанию „ни“, повторяемому перед каждым из однородных членов:

Селхана со театре а, кино а ца вахана.

Вчера я не ходил ни в театр, ни в кино.

Поэтому в некоторых отдельных словах, получивших значение отрицательных местоимений, союз „а“ получил значение усилительной частицы отрицания, например:

ЦаIа-а вац.

Никого нет.

Буквально: Никто не есть.

ХIумма-а дац.

Буквально: Ничто не есть.

Здесь отрицательное значение частицы „а“, по происхождению союза, усиливается удвоительным ударением.

Все эти примеры с полной ясностью доказывают, что союз „а“ в чеченском языке имеет всегда только так называемое разделительное (отделительное) значение русского союза „и“. Поэтому этот союз следует отделять запятой, если он стоит при нескольких однородных членах. Союзный суффикс „и“ („ий“), наоборот, имеет всегда только соединительное значение русского союза „и“. Он не может употребляться не при однородных членах чеченского предложения. Он никогда не равен по значению русскому „а также“. И, естественно, из него не могло развиться значения отрицания „ни“. Необходимо разрешить вопрос об употреблении запятой при этом союзном суффиксе. Так как этот союзный суффикс повторяется в чеченском после каждого из перечисляемых слов, то целесообразнее при таком перечислении не разделять эти слова запятой.

Как союз „а“, так и союзный суффикс „й“ в чеченском языке употребляется при каждом из однородных членов, которые они связывают. Поэтому на первый взгляд кажется необходимым отделять и слова, имеющие союзный суффикс „й“, друг от друга запятой. Однако, по своему значению этот союз равен русскому „и“ в соединительном значении, при котором внутри простого предложения запятая не ставится. Следовательно, разница между чеченским и русским языком в данном случае заключается только в том, что при перечислении в русском языке только два последние однородные члена соединяются союзом „и“, предшествующие же остаются без союза и потому отделяются запятыми.

В чеченском же языке каждый из однородных членов соединен с другими союзным суффиксом „й“. От этого повторения союзного суффикса он не приобретает в чеченском языке разделительного значения. На этом основании более последовательно не разделять однородные члены, имеющие союзный суффикс „й“, запятыми друг от друга. В противном случае пришлось бы отделять запятыми то, что связано союзом „и“ в соединительном значении.

Следовательно, мы приходим к выводу, что по смыслу чеченский союз „а“ равен русскому союзу „и“ в разделительном значении, чеченский же союзный суффикс „й“ равен русскому „и“ в соединительном значении. Поэтому однородные члены, соединенные союзом „а“, следует отделять друг от друга запятыми, однородные же члены, соединенные союзным суффиксом „й“, ни по смыслу, ни по форме не допускают разделения запятыми. Один из приведенных нами примеров на стр. 160 показывает, что союзный суффикс „й“ заменяется в некоторых случаях окончанием „ни“¹ (произносимым как настоящий согласный звук) в отличие от буквы „н“, обозначающей носовой оттенок гласного. Это бывает как раз в тех случаях, когда однородные члены предложения имеют на конце носовой гласный, например:

Ахьмадан, Махьмудан трудденош дукха ду (бессоюзное перечисление).
У Ахмада, у Махмуда много трудодней.

Ахьмадан а, Махьмудан а дукха трудденош ду.
И у Ахмада, и у Махмуда много трудодней.

Ахьмаданн Махьмуданн трудденош дукха ду.
У Ахмада и у Махмуда много трудодней.

Гомашийн, бежанийн шура хуьлу (бессоюзное перечисление).
У буйволов, у коров бывает молоко.

¹ Буквами „ни“ условно обозначается, в отличие от носового оттенка гласного, настоящий согласный „н“. Такое обозначение вводится мною впервые и не принято пока в чеченской орфографии.

Гомашийн а, бежнийн а шура хуьлу.
И у буйволов, и у коров бывает молоко.

Гомашийнн, бежнийнн шура хуьлу.
У буйволов и у коров бывает молоко.

Клэйн, цлээн, можан лэжаш лэхку стоьл тлэхь.
Белые, красные, желтые яблоки лежат на столе (бессоюзное
перечисление).

Клэйн а, цлээн а, можан а лэжаш лэхку стоьл тлэхь.
И белые, и красные, и желтые яблоки лежат на столе.

Клэйнн цлээнн можанн лэжаш лэхку стоьл тлэхь.
Белые, красные и желтые яблоки лежат на столе.

Хьобхан, ножан, попан до оха гланташ.
Из липы, из дуба, из чинары мы делаем стулья.

Хьобхан а, ножан а, попан а до оха гланташ.
Мы делаем стулья и из липы, и из дуба, и из чинары.

Хьобханн ножанн попанн до оха гланташ.
Мы делаем стулья из липы, из дуба и из чинары.

Ножанн кьахьаштунн йо оха чкьургийн цергаш.
Мы делаем колесные спицы (только) из дуба и из ясеня.

Дешан, яздан, ловзан даханера тхо школе (бессоюзное перечисление).
Мы ходили в школу читать, писать, играть.

Дешан а, яздан а, ловзан а даханера тхо школе.
Мы ходили в школу и читать, и писать, и играть.

Дешанн язданн ловзанн даханера тхо школе.
Мы ходили в школу читать, писать и играть.

Санн тхан вешийнн шичанн кхана аха вахан диэза.
Мне, нашему брату и двоюродному брату завтра надо ехать пахать.

Кегийрхойнн зударийнн хьаьжкшаш тилон диэза.
Молодежи и женщинам нужно чистить кукурузу.

В этих случаях для того, чтобы различить союзное окончание (согласное „н“) от бессоюзных однородных членов (носовой оттенок гласного на конце), можно изображать согласное „н“, заменяющее на конце слова союзный суффикс „н“, сочетанием двух букв „нн“.

Употребление соединительных союзов при однородных сказуемых отличается некоторыми особенностями от употребления их при других однородных членах предложения. При сказуемых союзный суффикс „н“ совсем не употребляется, союз же „а“ употребляется не при самих сказуемых, а при словах, стоящих впереди сказуемого, например, при обстоятельствах, при прямых дополнениях, при непродуктивных подлежащих и т. д. Если сказуемое имеет приставку, то союз „а“ употребляется после приставки, которая в этом случае пишется отдельно от глагола-сказуемого. Если кроме подлежащего и сказуемого в предложении нет других членов, то для употребления союза „а“ повторяется глагольная основа в форме повелительного наклонения, но со значением инфинитива. Приведем примеры различных случаев употребления союза „а“ для связи сказуемых в слитном предложении:

Со цла а веара кино а вахара.
Я и домой пришел и в кино пошел.

Со цла веара кино а вахара.
Я домой пришел и (а также) в кино пошел.

Со чу а веара, дла а вахара.

Я и пришел, и ушел.

Со ван а веара, вахан а вахара.

Я (и притти) пришел, и (пойти) пошел.

Во всех приведенных примерах оба сказуемых **непереходные**.

Ас газета а дийшира хлума а йиира.

Я и газету прочел, и (кое-что) перекусил.

Ас газета дийшира, хлума а йиира.

Я газету прочел и (а также) (кое-что) перекусил.

Ас дешан а дийшира яан а йиира.

Я (и прочитатъ) прочел и (поестъ) поел.

Во всех приведенных примерах оба сказуемых **переходные**.

Со цла веара газета а дийшира.

Я домой пришел и газету прочел.

Со цла а веара, газета а дийшира.

Я и домой пришел, и газету прочел.

Со чу а веара газета а дийшира.

Я и пришел, и газету прочел.

Со ван а веара, дешан а дийшира.

Я и притти пришел, и прочестъ прочел.

Со ван а веара, газета а дийшира.

Я и притти пришел, и газету прочел.

В вышеприведенных примерах мы имеем сказуемые различных залогов: первое сказуемое **непереходное**, второе сказуемое — **переходное**.

Союз „а“ во всех вышеприведенных случаях выражает не просто связь между двумя сказуемыми, но и последовательность выражаемых ими действий во времени: первое действие предшествует второму. Те же способы употребления союза „а“ применяются и для выражения двух и более одновременно происходящих действий, выражаемых однородными сказуемыми, например:

Ас газета а дийшира, цигарка а уйзира.

Я и газету прочел, и папиросу выкурил.

Ас газета дийшира цигарка а уйзира.

Я прочел газету и покурил папиросу.

Ас дешан а дийшира, озан а уйзира.

Я и прочестъ прочел, и покурить покурил.

Ас газета доьшура цигарка а узура.

Я газету читал и папиросу курил.

При присоединении союзного суффикса „и“ ко всем однородным членам предложения кроме сказуемого (при котором этот способ выражения союзной связи не употребляется) происходят некоторые фонетические изменения вследствие звукового слияния этого суффикса с предшествующим окончанием. Законы этих звуковых слияний сводятся к следующему: если однородные члены оканчиваются на любой гласный кроме „а“, то союзный суффикс присоединяется к этому гласному непосредственно и сохраняется в виде „й“ („и“ краткого). Если однородные члены оканчиваются на „а“ краткое, то этот гласный + „й“ превращается в окончание „ий“. Это происходит вследствие уподобления „а“ краткого после-

дующему союзному суффиксу „й“. Если слово оканчивается на „а“ долгое (что в чеченском языке бывает в редких случаях только в односложных словах), то при присоединении к нему союзного суффикса „й“ этот гласный сохраняется, например: дай наний — „отец и мать“; зей сай — „убыток и прибыль“ и т. д. Слово „да“ — „отец“ оканчивается на долгое „а“, слово „нана“ — „мать“ имеет в окончании „а“ краткое. Поэтому, при присоединении союзного суффикса „й“ в первом слове, гласный „а“ сохраняется, во втором же слове конечное „а“ переходит в „и“. Наконец, если однородные члены оканчиваются на согласный, то союзный суффикс „й“ превращается в долгий слоговой гласный „ий“, а предшествующий ему согласный удваивается. Приведем примеры на употребление союзного суффикса „й“ в слитном предложении:

Таханий кханий ламий балха вобду со.

Сегодня, завтра и послезавтра я ухожу на работу.

Кхушарий стохий лурчаххий клаш дукха дийнера колхозхоша.

В этом году, в прошлом году и в позапрошлом году много
пшеницы посеяли колхозники.

Тохарий, хинций цхья тайпа дац белхан боларш.

Раньше и теперь темпы работы были не одинаковы.

Суыйлий глумкий Дегластанахь бека.

Тавлин и кумык живут в Дагестане.

Суыйлий(и) глумкий(и) Дегластанахь бека.

Тавлины и кумыки живут в Дагестане,

Изий сой хьой тахана гала вобду.

Он, я и ты сегодня едем в город.

Асхьаддий Ахьмаддий Махьмуддий кхана Iуыйранна боблху оцу балха.

Асхад, Ахмад и Махмуд завтра утром идут на эту работу.

Белхалой(и) ахархой(и) гуллакххой(и) съезде гулбелла.

Рабочие, крестьяне и служащие собрались на съезд.

Белхалоший ахархоший гуллакххоший сацйира съездехь.

Рабочие, крестьяне и служащие постановили на съезде.

Белхалой(и) ахархой(и) СССР-ехь цхьяьнакхетта.

Рабочие и крестьяне в СССР объединились.

Белхалой ахархой СССР-ехь цхьяьнакхетта.

Рабочий и крестьянин объединились в СССР.

Из последнего примера мы видим, что в некоторых случаях современная орфография — писать союзный суффикс „й“ слитно с предшествующим словом — ведет к смешению. Последнее предложение: „белхалой ахархой СССР-ехь цхьяна кхета“ можно понять и с другим оттенком смысла: как бессоюзное — „рабочие, крестьяне объединились в СССР“. В последнем случае, правда, необходимо разделить эти слова запятой. Поэтому было бы выгоднее во изменение существующих правил принять раздельное написание союзного суффикса „й“ („и“) во всех случаях как в чеченском, так и в ингушском языках.

Ахьмаддий Махьмуддий схьавалийра ас.

Я привел Ахмада и Махмуда сюда.

Ахьмаданий Махьмуданий преми елира оха.

Мы дали премию Ахмаду и Махмуду.

В некоторых случаях два парно употребляемых однородных члена соединяются с помощью союзного суффикса „й“, присоединяемого только ко второму слову, например:

Стаг зудий дахара.
Мужчина и женщина пошли.
Мужчина с женщиной пошли.

УьстагI газий дахара.
Овца и коза пошли.
Овца с козой пошли.

Коч хечий ю.
Рубашка и брюки есть.
Рубашка с брюками есть.

Приведенные примеры показывают, что этот случай употребления союза „й“ встречается в словах, имеющих в окончании „а“ краткое, т. е. в том случае, если союзный суффикс „й“ превращается в окончание „ий“.

Зависимость подлежащего в отношении падежа от нескольких сказуемых разных залогов. Как мы видели выше, подлежащее в чеченском языке может стоять в двух падежах: активном и именительном. Активный падеж употребляется в переходном обороте, т. е. в том случае, если сказуемое-глагол относится к переходному залогу. Именительный падеж подлежащего употребляется в том случае, если сказуемое-глагол представляет собою непереходный залог, т. е. в непереходном обороте. При употреблении нескольких сказуемых при одном подлежащем в слитном предложении может случиться, что одно сказуемое имеет непереходное, а другое сказуемое — переходное значение (залог). Подлежащее в этих случаях обычно не повторяется при каждом сказуемом, а ставится один раз или в начале такого предложения, или в конце его. Прежде всего мы должны определить: имеем ли мы в данном случае предложение с однородными членами (слитное предложение) или сложносочиненное предложение. С точки зрения содержания, с точки зрения смысловой и в этом случае мы, безусловно, имеем два или несколько сказуемых при одном подлежащем. С точки зрения формальной можно было бы считать, что подразумеваемое подлежащее при втором сказуемом и прочих имеет другую падежную форму и потому данное предложение должно рассматриваться как соединение двух главных предложений, т. е. как сложносочиненное предложение. Можно считать более правильной при решении данного вопроса смысловую, а не формальную точку зрения. Так как подлежащее здесь по существу одно и выражено одним словом, то мы имеем в данном случае типичное слитное предложение — два или несколько сказуемых при одном подлежащем.

Возникает, однако, вопрос, в каком падеже должно стоять подлежащее, если каждое из сказуемых требует различного падежа подлежащего. Приводимые ниже примеры с полной ясностью отвечают на этот вопрос:

Со базара а вахара, жижиг а ийцира.
Я пошел на базар и купил мяса.

Первое сказуемое „вахара“ — непереходное, второе сказуемое — „ийцира“ — переходное. При первом сказуемом подлежащее должно стоять в именительном падеже. При втором сказуемом подлежащее должно стоять в активном падеже. Подлежащее, однако, стоит в именительном падеже, так как форма его зависит от ближайшего к нему сказуемого — „вахара“.

Ас жижиг а ийцира, ца а веара.
Я купил мяса и пришел домой.

В этом предложении наоборот — первое сказуемое переходное, а второе сказуемое непереходное. Подлежащее стоит в активном падеже в зависимости от ближайшего к нему сказуемого.

Базара а вахара, жижиг а ийцира ас.
Я пошел на базар и купил мяса.

В этом предложении опять-таки подлежащее стоит в активном падеже потому, что ближайшее к нему сказуемое — переходное.

Жижиг а ийцира, ца а веара со.
Я купил мяса и пришел домой.

В последнем примере форма подлежащего тоже зависит от ближайшего к нему непереходного сказуемого.

Следовательно, если одно подлежащее стоит при нескольких сказуемых, относящихся к разным залогам, то падеж подлежащего зависит от ближайшего к нему сказуемого.

Согласование сказуемого с несколькими непродуктивными подлежащими или прямыми дополнениями в классе (роде). Глагол-сказуемое в чеченском языке согласуется в грамматическом классе с непродуктивным подлежащим (в непереходном обороте) или с прямым дополнением (в переходном обороте). Это простое правило приводит, однако, к осложнениям в том случае, если мы имеем в предложении при одном сказуемом (изменяющемся по классам) несколько подлежащих, относящихся к различным грамматическим классам. В чеченском языке в этом случае сказуемое-глагол, обычно принимает форму класса „ду“. Однако, это общее правило имеет целый ряд исключений. Приведем примеры:

Клант (в) вахара.
Парень пошел.

Йо! (й) яхара.
Девушка пошла.

Клант а, йо! а дахара.
И парень, и девушка пошли.

Клант йо!ий дахара.
Парень и девушка пошли.

Йо! а, клант а дахара.
И девушка, и парень пошли.

Йо! клантгий дахара.
Девушка и парень пошли.

Мехкарий а, клентий а бахара.
И девушки, и парни пошли.

Клентий а, мехкарий а бахара.
И парни, и девушки пошли.

Бер дахара.
Ребенок пошел.

Клант а, йо! а, бер а дахара.
И парень, и девушка, и ребенок
пошли.

Бер а, клант а, йо! а дахара.
И ребенок и парень, и девушка
пошли.

Бераш а, мехкарий а, клентий а
бахара.

И дети, и девушки, и парни пошли.

Хьелий а, говраш а яхара || дахара.
И коровы, и лошади пошли.

Ю вахара.
Пастух пошел.

Мехкарий а, клентий а, бераш а
дахара.

И девушки, и парни, и дети пошли.

Газа яхара.

Коза пошла.

Уьстаг! бахара.

Овца пошла.

Уьстаг!ий дахара.

Овцы пошли.

Газа а, уьстаг! а дахара.

И коза, и овца пошли.

Гезарий а, уьстаг!ий а дахара.

И козы, и овцы пошли.

Уьстаг! а, газа а яхара || дахара.

И овца, и коза пошли.

Уьстаг!ий а, гезарий а яхара.

И овцы, и козы пошли.

Етт бахара.

Корова пошла.

Говр яхара.

Лошадь пошла.

Говр а, етт а дахара.

И лошадь, и корова пошли.

Етт а, говр а дахара || яхара.

И корова, и лошадь пошли.

Говраш а, хьелий а дахара.

И лошади, и коровы пошли.

Жа а, Ю а дахара.

И отара, и пастух пошли.

Ю а, гезарий а дахара || яхара.

И пастух, и козы пошли.

Бажа бахара.
 Стадо пошло.
 Говраш а, хъелий а, Iу а да-
 хара || вахара.
 И лошади, и коровы, и пастух
 пошли.
 Iу а, хъелий а, говраш а яхара, || да-
 хара.
 И пастух, и коровы, и лошади
 пошли.
 Iу а, бажа а бахара.
 И пастух, и стадо пошли.
 Бажа а, Iу а дахара.
 И стадо, и пастух пошли.
 Говраш а, Iу а дахара.
 И лошади, и пастух пошли.
 Iу а, говраш а дахара.
 И пастух, и лошади пошли.
 Стаг вахара.
 Мужчина пошел.
 Зуда яхара.
 Женщина пошла.
 Стаг а, зуда а дахара.
 И мужчина, и женщина пошли.
 Зуда а, стаг а дахара.
 И женщина, и мужчина пошли.
 Стаг зудий дахара.
 Мужчина и женщина пошли.
 Зудий стаг дахара.
 Женщина и мужчина пошли.
 Жа дахара.
 Отара овец пошла.
 Iу а, жа а дахара.
 И пастух, и отара пошли.

Гезарий а, Iу а дахара.
 И козы, и пастух пошли.
 Коч ю.
 Рубашка есть.
 Хеча ю.
 Брюки есть.
 Коч а, хеча а ду || ю.
 И рубашка, и брюки есть.
 Кочний хечий ду || ю.
 Рубашка и брюки есть.
 Коч хечий ду.
 Рубашка и брюки есть.
 Кучамашший хечешший ду || ю.
 Рубашки и брюки есть.
 Кучамаш а, хечеш а ду || ю.
 И рубашки, и брюки есть.
 Наж бу.
 Дуб есть.
 Хъех ду.
 Липа есть.
 БIаьлланг ю.
 Орешник есть.
 Наж а, хъех а ду.
 И дуб, и липа есть.
 Хъех а, наж а бу.
 И липа, и дуб есть.
 БIаьлланг а, хъех а ду.
 И орешник, и липа есть.
 Хъех а, БIаьлланг а ду || ю.
 И липа, и орешник есть.
 БIаьлланг а, наж а ду.
 И орешник, и дуб есть.
 Наж а, БIаьлланг а ду || ю.
 И дуб, и орешник есть.

Из приведенных примеров мы видим, что если однородные подлежащие (в непереходном обороте) принадлежат к различным — мужскому и женскому классам, то при единственном их числе сказуемое имеет класс „д“, а при множественном их числе — класс „б“. Если же к ним присоединяется подлежащее, обозначающее члена общества, но требующее класса „д“ (в немногих отдельных словах: бер „дитя“, адам „человек“, нускал „невеста“), то в этом случае сказуемое, на ряду с классом „б“, может иметь и класс „д“.

Если однородные подлежащие относятся не только к классу мужчин и женщин, но и к классам природы и вещей (четыре класса с классными показателями — й, й; б, б; б, д; д, д), то в этих случаях, обычно, сказуемое имеет класс „д“.

Ас хударш а, сискалаш а диира || йиира.
 Я кушал и кашу, и чурек (и каши, и чуреки).

Ас сискалаш, берамаш диира || йиира || биира.
 Я кушал чурек, рассол (чуреки, рассолы).

Стоьл тIехь кьоламаш, резинкаш ю.
 На столе есть ручки, резинки.

Стоъл тѣхъ резинка, кѣолам бу || ду.
 На столе есть резинка, ручка.
 Оха ѣжаш, кхораш дира || бира.
 Мы ели яблоки, груши.
 Оха ѣжаш а, баьлаш а йиира.
 Мы кушали и яблоки, и вишни.
 Оха помидораш а, капусташ а йиира.
 Мы ели, и помидоры, и капусту.
 Говраш а, жлалеш а дахара.
 И лошади, и собаки пошли.
 Жлалеш а, говраш а яхара.
 И собаки, и лошади пошли.
 Нах а, рема а, бажа а бахара.
 И люди, и табун, и стадо пошли.
 Бажа а, рема а, нах а яхара.
 И люди, и стадо, и табун пошли.
 Бажа а, рема а, нах а бахара.
 И стадо, и табун, и люди пошли.
 Нах а, бажаш а, реманаш а яхара.
 И люди, и стада, и табуны пошли.
 Бажа а, стаг а дахара.
 И стадо, и человек пошли.
 Стаг а, бажа а бахара.
 И человек, и стадо пошли.
 Ас помидор, берам, бепиг дира.
 Я ел помидор, рассол, хлеб.
 Ас бепиг, помидор, берам бира.
 Я ел хлеб, помидор, рассол.
 Ас бепиг, берам, помидор йиира.
 Я ел хлеб, рассол, помидор.
 Оха баьпгаш, берамаш, помидораш йиира.
 Мы кушали хлеб, рассол, помидоры.
 Оха берамаш, помидораш, баьпгаш дира.
 Мы кушали рассол, помидоры, хлеб.
 Оха помидораш, баьпгаш, берамаш бира.
 Мы кушали помидоры, хлеб, рассол.
 Дечиг а, йол а деара || еара.
 Привез и дрова, и сено.
 Йол а, дечиг а деара.
 Привез и сено, и дрова.
 Дечигаш а, элаш а еара.
 Привез и дрова, и сено.
 Элаш а, дечигаш а еара.
 И сено, и дрова привез.
 Баьлланг а, кѣахъашту а даьгна.
 Разгорелись и орешник и ясень.
 Кѣахъашту а, баьлланг а яьгна.
 Разгорелись и ясень, и орешник.

Здесь наблюдаются параллельные формы глагола-сказуемого, согласующиеся по классу с ближайшим к нему подлежащим. В особенности живо такое согласование с ближайшим к сказуемому подлежащим, требующим класса „й“. В остальных случаях согласование сказуемого с ближайшим

к нему подлежащим по классу, повидимому, представляет собою в настоящее время не только не преобладающую, а скорее отмирающую форму.

Таким образом, на основании всех приведенных выше примеров можно было бы установить следующее правило согласования сказуемого с однородными подлежащими в непереходном обороте: при согласовании нескольких подлежащих, принадлежащих к разным грамматическим классам, сказуемое должно иметь класс „д“ как в единственном, так и во множественном числе. Исключение составляет согласование подлежащих, принадлежащих к классу мужчин и женщин и стоящих во множественном числе, которые всегда требуют в сказуемом класса „б“. Вторым исключением является случай, когда ближайшим к сказуемому оказывается подлежащее, требующее класса природы „й“ и стоящее как в единственном, так и во множественном числе. В этом случае сказуемое может иметь на ряду с классом „д“ — также класс „й“.

Впрочем, следует заметить, что согласование нескольких подлежащих с непереходным сказуемым представляет собою настолько неустановившееся в чеченском литературном языке явление, что многие грамотные чеченцы часто становятся втупик и не знают, к какому классу отнести сказуемое в случае нескольких подлежащих, принадлежащих к различным классам. Вопрос этот требует исследования материала народных диалектов.

Правила согласования сказуемого в переходном обороте с прямыми дополнениями в грамматическом классе одинаковы с установленными нами выше правилами согласования его с непродуктивными подлежащими.

В некоторых случаях мы имеем в чеченском языке отступления от обычного согласования чеченского глагола-сказуемого по классам. В этих случаях согласование по классам выражает оттенок презрения или порицания. Для этого классы, обозначающие мужчин или женщин, заменяются классами, обозначающими вещи или явления природы (мужской класс „ву, бу“ заменяется классом самостоятельной природы „ю, ю“, женский класс „ю, бу“ — классом вещей и природы „бу“ для единственного числа и „ю“ для множественного числа, класс самостоятельной природы „ю, ю“, а также классы „бу, бу“ и „бу, ду“ в отношении животных — через класс материалов, класс несамостоятельной природы „ду, ду“). Приведем примеры:

Иза-м стаг яцара (вместо: вацара).

Он-то не был (настоящим) человеком.

Уьш-ам нах яц (вместо: бац).

Они-то не (настоящие) люди.

Иза пайда боцу стаг ю (вместо: ву).

Он бесполезный человек.

Иза пайда боцу зуда бу (вместо: ю).

Она бесполезная женщина.

Она никчемная женщина.

Уьш пайда боцу зударш ю (вместо: бу).

Они бесполезные женщины.

Они никчемные женщины.

Иза-м цхьа кьанделла алаша || дин ду (вместо: ю || бу).

Она — какая-то старая лошаденка.

Она — какая-то престарелая кляча.

ХIара-а, дера, ду (вместо: ю || бу) вон алаша || дин.

Это ей-богу плохая лошаденка.

Это ей-богу скверная кляча.

Шу вон екхаргаш ю.

Буквально: Вы скверные проходимцы.

ЧАСТЬ II

СИНТАКСИС СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Сложное предложение. Предложение, состоящее из двух или нескольких простых предложений или из главных и придаточных предложений, слившихся в одно предложение, называется сложным предложением. Сложное предложение бывает двух видов: сложносочиненное и сложноподчиненное.

Сложносочиненным называется такое предложение, которое состоит из двух или нескольких простых предложений, слившихся в одно предложение. Эти предложения чаще соединяются союзами или реже, если они близки по смыслу, ставятся без союза. В обоих случаях предложения, из которых состоит сложносочиненное предложение, отделяются друг от друга запятыми.

Сложноподчиненным предложением называется такое предложение, которое состоит из главного и одного или нескольких придаточных предложений. Главное предложение в сложноподчиненном предложении может быть простым или слитным, а также сложносочиненным предложением.

ГЛАВА I

СЛОЖНОСОЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Как мы видели выше, сложносочиненное предложение состоит из двух или нескольких простых предложений. В смысле употребления союзов и знаков препинания сложносочиненное предложение весьма близко предложению с однородными членами (слитному предложению), в котором имеется несколько однородных сказуемых. Разница между слитным предложением этого рода и сложносочиненным предложением заключается в том, что в сложносочиненном предложении каждое из составляющих его простых предложений имеет разные подлежащие и разные сказуемые, в то время как слитное предложение с несколькими сказуемыми всегда имеет при них одно подлежащее.

Простые предложения, составляющие сложносочиненное предложение, могут быть бессоюзными, но чаще всего соединяются с помощью союза „а“, например:

Со веара, хьо вахара.

Я пришел, (а) ты ушел.

Я пришел, (но) ты ушел.

Со а веара, хьо а вахара.

Я пришел, и ты ушел.

Со веара, хьо а вахара.

Я пришел, и ты ушел.

Со ван а веара, хьо вахан а вахара.

Я (притти) пришел, и ты (уйти) ушел.

Со дла а веара, хьо кино а вахара.
Домой я пришел, и в кино ты ушел.

Со дла веара, хьо кино а вахара.
Я домой пришел, и ты в кино ушел.

Со чу а веара, хьо дла а вахара.
Я вошел, и ты вышел || ушел.

Со чувеара, хьо дла а вахара.
Я вошел, и ты ушел.

Со дла чу а веара, хьо кино дла а вахара.
Я в дом вошел, и ты в кино ушел.

Со а дла чу веара, хьо а кино длавахара.
И я в дом вошел, и ты в кино ушел.

Со дла чу веара, хьо а кино длавахара.
Я в дом вошел, и ты в кино ушел.

Со дла чу а веара, хьо кино дла а вахара.
Я в дом вошел, и ты в кино ушел.

В приведенных примерах оба предложения, из которых состоит сложносочиненное предложение, представляют собою предложения непереходные. По смыслу они выражают действия, которые следуют одно за другим во времени.

В следующих примерах мы приводим сложносочиненное предложение, которое состоит из двух переходных предложений. Оба эти предложения, входящие в состав одного сложносочиненного предложения, выражают действия, происходящие одновременно:

Ас болх бира, ахь урок Iамийра.
Я работал, (а) ты урок выучил.

Ас болх а бира, ахь урок а Iамийра.
И я поработал, и ты урок выучил.

Ас болх бира, ахь урок Iамийра.
Я поработал, и ты урок выучил.
Я поработал, а также ты урок выучил.

Ас а болх бира, ахь а урок Iамийра.
И я поработал, и ты урок выучил.

Ас болх бира, ахь а урок Iамийра.
Я поработал, и ты урок выучил.
Я поработал, а также ты урок выучил.

Ас болх а бира, ахь Iаман а дира.
И я поработал, и ты выучил.

Из приведенных примеров мы видим, что союз „а“ употребляется для соединения двух главных предложений в одно сложносочиненное точно так же, как и при однородных сказуемых в слитном предложении. Союз „а“ ставится при слове, находящемся впереди сказуемого независимо от того, является ли это слово самостоятельным членом предложения (подлежащим, прямым дополнением или второстепенным членом), или оно представляет собою глагольную приставку, которая в этом случае пишется отдельно от глагола, или, наконец, корень глагола, повторяемый впереди глагола-сказуемого специально для того, чтобы можно было поставить союз „а“. Последний способ употребляется в особенности тогда, когда глагол-сказуемое не имеет при себе приставок и вообще самостоятельных членов предложения.

Из приведенных нами выше примеров мы можем также сделать вывод, что союз „а“ употребляется или впереди сказуемых в обоих предложениях или только во втором из них. В первом случае этот союз можно переводить русским союзом „и“, повторяемым впереди каждого из простых предложений или употребляемым один раз — перед вторым предложением. В данном случае чеченский язык не делает разницы между соединительным и разделительным значением русского союза „и“, например:

Ас болх а бира, ахь урок а Јамийра.
И работу я сделал, и урок ты выучил.
Работу я сделал, и урок ты выучил.

Во втором случае, т. е. когда чеченский союз „а“ употребляется только во втором предложении, по-русски его можно переводить союзом „и“ в значении „а также“ („в дополнение к этому, сверх того, кроме того“ и т. д.).

Ас болх бира, ахь урок а Јамийра.
Я работу сделал, и урок ты выучил.
Я работу сделал, а также урок ты выучил.
Я работу сделал, и, сверх того, ты урок выучил.

Приведем еще несколько примеров на сложносочиненное предложение, выражающее последовательность действий во времени или их одновременность.

Следующие предложения выражают главным образом последовательность действий во времени:

Хьехархо класс чу веара, дешархой хьалаглевттира.
Учитель вошел в класс, ученики встали.

Учитель класс чу а веара, дешархой хьала а глевттира.
Учитель вошел в класс, и ученики встали.
И учитель вошел в класс, и ученики встали.

Библиотекарь схъавеара, оха книжкаш схъайцира.
Библиотекарь пришел, мы взяли книги.

Библиотекарь схъа а веара, оха книжкаш схъа а ийцира.
Библиотекарь пришел, и мы взяли книги.
И библиотекарь пришел, и мы взяли книги.

Кассиро касса длайллира, оха билеташ ийцира.
Кассир открыл кассу, мы взяли билеты.

Кассиро касса дла а йллира, оха билеташ а ийцира.
Кассир открыл кассу, и мы взяли билеты.
И кассир открыл кассу, и мы взяли билеты.

В следующем сложноподчиненном предложении выражаются действия, происходящие одновременно:

Учителo диктант хьалхара элира, дешархоша и длаязйира.
Учитель диктовал диктант, ученики его писали.

Учителo диктант хьалхара а элира, дешархоша и дла а язйира.
Учитель диктовал диктант и ученики его писали.
И учитель диктовал диктант, и ученики его писали.

Лекхача попана мох ца эшна, дикачу къонахчунна дош ца эшна
(поговорка).

У высокой чинары нет недостатка в ветре, у доброго молодца нет недостатка в пересудах (в славе).

Из приведенных примеров мы видим также, что простые предложения, из которых состоит сложносочиненное, могут быть как одинаковыми в отношении оборота, так и разными: первое предложение может быть непереходным, а второе переходным и, наоборот, оба предложения могут быть переходными или оба — непереходными и т. д.

Союз „й“, который соответствует русскому „и“ в соединительном значении, употребляется в сложносочиненном предложении только для соединения предложений с составными сказуемыми. Составные сказуемые в этом случае могут быть или глагольными (1-я часть — деепричастие) или именными (1-я часть — имя существительное или прилагательное и т. д.). Союзный суффикс „й“ ставится при первой части составного сказуемого, т. е. в составном глагольном сказуемом — при деепричастиях, а в именном сказуемом — при именных частях его, например:

Тхан школера дешархой дешар дика Iамошший, хьехархой дика
хьохушший бу.

В нашей школе ученики хорошо учатся и учителя хорошо учат.

Соблж-Палахь пожарни командера белхахой тIах-аьллий, церап
машинаш чехкий ю.

В городе Грозном работники пожарной команды проворны и машины
их быстры.

Что касается употребления союзного суффикса „й“ при простом глагольном сказуемом, то в данном случае этот союзный суффикс приобретает иное, несоюзное значение, и выражает действие, предшествующее действию главного предложения (об этом см. стр. 255, придаточные обстоятельства времени).

Кроме союза „а“ и союзного суффикса „й“, которые соответствуют: первый — русскому „и“ в разделительном, а второй — русскому „и“ в соединительном значении, простые предложения в сложносочиненном предложении соединяются в чеченском языке также с помощью противительных союзов: „амма“ — „но“, „делахь-а“ — „но“, „бакъду, цхьабакъду“ — „но правда, однако“, „хIетте-а“ — „а все же, а все-таки“, „ткья“ — „а“, а также иногда союзами: „я“ — „или“, „тIаккха“ — „потом, затем“. Последний союз, конечно, не относится к противительным, а выражает последовательность во времени. Чеченские противительные союзы употребляются так же, как и русские — в начале второго простого предложения. Перед ними ставится запятая. Для выражения противопоставления одного простого предложения другому в чеченском языке, на ряду с противительными союзами, часто употребляется и бессоюзная форма связи, при которой противопоставление передается интонацией. В особенности часто это имеет место в соответствии русскому союзу „а“ и союзу „но“. Приводим ниже примеры на употребление противительных союзов.

Союз „амма“:

Тхо царга хьийжира, уьш ца баьхира.
Мы ждали их, (но) они не приехали.

Тхо царга хьийжира, амма уьш ца баьхира.
Мы ждали их, но они не приехали.

Оха сурташ-м дахийтира, ирча-м девллера уьш.
Мы (их) сфотографировали, (но) они вышли неудачно.

Оха сурташ-м дахийтира, амма ирча-м девллера уьш.
Мы (их) сфотографировали, но они вышли неудачно.

Союз „делахь-а“:

Вайн колхозан аренгахь асар ду, делахь-а вайн ударникаша
дладоккхур ду.
На наших колхозных полях есть сорная трава, но наши ударники
ее уничтожат.
Дукха дешна-м вац иза, делахь-а хьекъал дика долуш ву.
Он не очень образован, но способности у него хорошие.

Союз „делахь-а“ по смыслу ближе всего соответствует сочетанию русских союзов „хотя... , но...“.

Союзы „бакъду, цхьабакъду“:

Ахь собга деша-м аьлда хир ду, бакъду || цхьабакъду суна хаза-м ца хезира.
Может быть ты мне сказал, чтобы я прочитал, но, правда, я слышать
не слышал.
Уьш баьхкина-м хиллера, бакъду || цхьабакъду со цахь-м вацара.
Оказывается они приходили, но, правда, я не был дома.
Оказывается они приходили, хотя, правду сказать, я не был дома.

Союзы „бакъду, цхьабакъду“ ближе всего соответствуют русскому „но, правда“, иногда также с оттенком „хотя, правду сказать“.

Союз „хлетте-а“:

Ас цуьнга деша вуола-м элира, хлетте-а иза балха-м вахара.
Я ведь ему говорил, чтобы он пришел учиться, а он все-таки пошел
на работу.
Ас цуьнга деша вуола-м элира, иза балха-м вахара.
Я ведь ему говорил, чтобы он пришел учиться, (а) он пошел на работу.
Ас элира цуьнга „ма гю“, хлетте-а иза вахаза-м ца лийра.
Я ему сказал „не поезжай“, а он все-таки не подождяв поехал
(буквально: не поехав не подождял).
Ас элира цуьнга „ма гю“, иза вахаза-м ца лийра.
Я ему сказал „не поезжай“, (а) он поехал, не подождяв.

Союз „ткъа“:

Со хийна Ia, ткъа хьо ирахь лавтта.
Я сижу, а ты стоишь.
Со балха вахара, ткъа хьо болх бан дагахь а вацара.
Я пошел на работу, а ты и не намерен был работать.
Цо болх кхочушбина, ткъа ахь болх бола а ца бина.
Он работу выполнил, а ты работу еще не начал.
Сихалло са давккхина, собаро лам баьккхина (пословица).
Несдержанность жизнь отняла, (а) выдержка гору взяла.
Невыдержанность жизнь отняла, (а) терпение гору взяло.
Со хийна Ia, хьо ирахь лавтта.
Я сижу, (а) ты стоишь.
Цо болх кхочушбина, ахь бола а ца бина.
Он работу выполнил, ты работу еще не начал.
Дай-наний колхозе балха доьду, ткъа церан кегийн бераш берийн
ясলেখь зударша кхобу.
Родители идут в колхоз работать, а за их маленькими детьми
ухаживают женщины в детских яслях.

Хъан Къант шен гъуллакхана вахана, я ахь вахийтина иза?
Твой сын за своим делом поехал, или ты его послал?

Я ас кеглат яздийр ду, я ахь илли эр ду.
Или я буду писать письмо, или ты будешь петь.

Из этих примеров мы видим, что союз „я“ точно соответствует русскому союзу „или“ как по своему значению, так и по своему употреблению. Вопреки утверждению некоторых грамматистов, чеченский союз „я“ не только может повторяться перед каждым из соединяемых им предложений, но может стоять и один раз перед вторым предложением. В первом случае он соответствует русскому „или... или...“, во втором случае — русскому „или“, употребляемому один раз.

Вайн мостагий дозана чухъа (чохъа) гъортира, тлаккха вайн Шечу
Эскаро царна туйхира.
Наши враги нарушили (затронули) нашу границу, потом (и поэтому)
наша Красная Армия ударила по ним.

Цара со деша дла ца ийцира, тлаккха со дла веара.
Они меня не приняли на учебу, потом (и поэтому) я приехал домой.

Союз „тлаккха“ — „потом, затем“ очень часто употребляется в чеченской речи, в особенности, в рассказе о каком-либо событии как в начале самостоятельных предложений, так и в сложносочиненных предложениях. В последнем случае он имеет оттенок значения „и потому, и поэтому“.

Приведенные примеры показывают, что бессоюзный способ соединения главных предложений употребляется в сложносочиненном предложении для выражения противопоставления, главным образом, взамен и на ряду с союзами „амма, хетте-а, ткъа“, т. е. на ряду с теми союзами, которые соответствуют русским союзам „но, а“.

ГЛАВА 2

ПОНЯТИЕ О СЛОЖНОПОДЧИНЕННОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Сложноподчиненное предложение. Сложноподчиненным предложением, как мы уже говорили выше, называется предложение, которое состоит из главного и одного или нескольких придаточных. Главное предложение отличается от придаточных тем, что в нем сказуемое стоит в такой же форме, как и в простом предложении, и отсутствуют относительные местоимения и союзы. Таким образом, главное предложение обычно может быть выделено из сложноподчиненного предложения и сказано в виде самостоятельного простого предложения без ущерба для его значения. В отличие от главного предложения, придаточное предложение имеет сказуемое в особой, свойственной только придаточным предложениям форме или включает в себя относительные местоимения и союзы. Таким образом, придаточное предложение не может быть выделено из сложносочиненного предложения и употреблено в виде отдельного самостоятельного простого предложения, так как в этом случае оно не имеет законченной формы, свойственной простому предложению. Для того, чтобы превратить придаточное предложение в главное, необходимо или исключить из его состава относительные местоимения и союзы, или заменить придаточную форму формой сказуемого, употребительной в главном предложении.

Таким образом придаточное предложение представляет собою самостоятельное предложение, исторически превратившееся в один из членов другого предложения. Следовательно, придаточное предложение практически можно рассматривать как предложение, заменяющее собой какой-либо член из главных или второстепенных членов главного предложения. На этом построена классификация придаточных предложений. Они рассматриваются как различные члены главного предложения. По этой классификации придаточные предложения могут быть субъектными (заменяющими подлежащее), объектными (заменяющими прямое дополнение), предикатными (заменяющими сказуемое), дополнительными (заменяющими косвенные дополнения в различных их формах), определенными (заменяющими определение при определяемом). В особую категорию придаточных предложений мы выделяем объектные придаточные предложения при глаголах со значением „чувствовать, сознавать“, а также при глаголах со значением „говорить“ (косвенная речь). Затем мы имеем придаточное предложение обстоятельственное (заменяющее собою различные обстоятельства): придаточные обстоятельства места, времени, образа действия, причины и цели. В основном эта классификация охватывает почти все возможные типы придаточных предложений. Вне ее остаются лишь придаточные условные, уступительные и косвенный вопрос.

Придаточные предложения могут быть подчинены главному или интонационно, или с помощью относительных местоимений и союзов, или, наконец, с помощью особых отглагольных форм сказуемого. Последние мы называем придаточными формами сказуемого-глагола, т. е. теми формами, которые приобретает сказуемое в придаточном предложении. Эти три способа подчинения придаточных главному исторически развивались в следующей последовательности: наиболее древним способом подчинения, как мы предполагаем, является интонационный. При этом способе придаточное предложение остается в форме главного, подчинение же его выражается особыми типами интонации. Этот тип подчинения имеется как в русском, так и в чеченском языке, причем в русском языке он употребляется, главным образом, в разговорной речи, например: „ты не пришел, — мы уехали“ (вместо „так как ты не пришел, мы уехали“ или „ты не пришел, поэтому мы уехали“). Следовательно, подчинение предложений исторически развивается из сочинения их, а сочинение предложений вырастает из сочетания простых предложений в связной речи. В чеченском языке интонационный способ подчинения придаточных предложений наблюдается не только в разговорном языке, но, в некоторых случаях, и в литературном (сравни придаточные объектные предложения при глаголе „мотта“ — „думай“, одну из форм придаточных уступительных предложений и т. д., см. стр. 241, 245, 280 и 289).

Историческое развитие подчинения и сочинения предложений. Из двух остальных способов подчинения — с помощью придаточных форм сказуемого и с помощью относительных местоимений и союзов — наиболее древним является первый способ, хотя в русском и современных европейских языках этот способ (способ так называемых сокращенных придаточных предложений, т. е. причастный и деепричастный обороты в русском языке) распространен значительно реже, чем способ относительных местоимений и союзов.

Следует заметить, что в древних европейских языках, например, в старославянском (и древнерусском литературном), латинском и греческом, придаточные формы сказуемого употреблялись несколько чаще, чем в современных европейских языках. Такие обороты, как дательный самостоятельный в старославянском, *ablatus absolutus* в латинском, в новых языках исчезли, от других же, как например, от *accusativus cum infinitivo*, *nominativus cum infinitivo*, в них сохранились лишь реже употребляемые остатки. Следовательно, даже материал одних европей-

ских языков показывает направление развития в сторону сокращения придаточных форм и замены их подчинением с помощью относительных местоимений и союзов.

Чем древнее строй языка и чем больше в нем сохранилось пережитков древности, тем больше наблюдаем мы в нем придаточных предложений с придаточными формами сказуемого и тем меньше в таком языке относительных местоимений и союзов. В яфетических языках Кавказа, сохраняющих наиболее архаические формы (западнокавказские языки, например, кабардинский), почти совсем нет относительных местоимений и союзов.

Зато в этих языках все без исключения типы придаточных предложений выражаются придаточными формами сказуемого (см. Н. Яковлев, „Краткая грамматика кабардино-черкесского языка“, в. I, стр. 46, Ворошиловск, 1938). Чеченский язык в отношении развития форм подчинения занимает промежуточное место между языками типа кабардинского или абхазского, с одной стороны, и русским и другими европейскими языками, с другой. В чеченском языке довольно развиты придаточные формы сказуемого и ряд типов придаточных предложений (например: придаточные субъектные, объектные, предикатные, дополнительные, определительные, обстоятельства места, условные, уступительные и частично другие типы) выражен придаточными формами сказуемого. Наряду с этим часть других типов (придаточные обстоятельства времени, образа действия, причины и цели, косвенная речь и косвенный вопрос) имеет преобладающее выражение подчинения с помощью относительных местоимений и союзов или слов, получивших значение союзов. Таким образом, чеченский язык в отношении развития форм придаточных предложений представляет собою некоторую переходную стадию. В нем преобладают еще придаточные формы сказуемого. Наряду с ними в чеченском языке появляются также относительные местоимения и союзы и даже связь придаточного предложения с главным, выраженная с помощью не только относительных местоимений (в составе придаточного предложения), но и указательных (в составе главного предложения). Этот последний способ подчинения развивается в чеченском литературном языке почти на наших глазах под воздействием русского синтаксиса (см. стр. 185 и др.).

Почти все чеченские относительные местоимения и союзы явно недавнего происхождения. Многие из них представляют развитие глагольных или падежных форм, например: „аьлла“, буквально „сказав“, в значении союза „что“; „бõхуш“, в буквальном значении „говоря“, как союз „что“; „бахъана долуш“, буквально „являясь причиной“, в значении союза „потому что“; „бахъанина“ — дательный падеж единственного числа от слова „бахъана“ — „причина“, буквально „по причине“, в значении союзных слов „вследствие того, что; по причине того, что“; „дуьхъа“ форма местного падежа единственного числа от имени существительного „юьхъ“ — буквально „лицо“, „духъ, бухъ, юхъ“, — „передний конец, острие“ в значении союзных слов „для того, чтобы; ради того, чтобы; из-за того, что“ и т. д.

Русские относительные местоимения и союзы, как известно, все происходят от вопросительных местоимений и наречий. Мы знаем, что относительное значение этих местоимений и союзов представляет собою лишь историческое развитие их вопросительного значения. Однако, через какие промежуточные звенья протекало это развитие, из материалов русского языка мы не знаем. Чеченский язык дает нам одно из звеньев этого процесса. В самом чеченском языке почти нет относительных местоимений и союзов, происходящих от вопросительных. Зародыш такого развития представляет собою употребление вопросительных местоимений и наречий в различных типах придаточных предложений с обобщенным значением. В них вопросительные местоимения и наречия

выступают в фонетически измененном виде — с удвоением согласного и добавлением усилительной частицы „а“ (см. примеры на стр. 223 и сл.). В этом случае вопросительные местоимения и наречия, конечно, уже не имеют вопросительного значения. В то же время они не вполне еще стали и относительными, так как на ряду с ними в придаточных предложениях с обобщенным значением обязательно употребляется придаточная форма сказуемого в виде реального условного наклонения. Явное начало развития относительного значения вопросительных местоимений и союзов мы имеем в одной из форм чеченского косвенного вопроса. В этой форме прямой вопрос, в который включены вопросительные местоимения и наречия, без всякого изменения своей формы вопросительного предложения, становится придаточным предложением при сказуемом-глаголе „хаа“ — „знай“ в его различных формах в главном предложении. Вместе с тем в этом случае вопросительное значение местоимений и союзов совершенно теряется, они становятся по значению исключительно относительными и связь придаточного предложения с главным выражается только с помощью этих местоимений и союзов (см. примеры на стр. 249). Этот факт проливает свет и на происхождение русских относительных местоимений и союзов. В таких предложениях, как: „я не знаю, кто приехал“, „я не знаю, что случилось“, „я не знаю, когда он приехал“, „я знаю, куда он едет“, „я знаю, где он живет“ и т. д. вопросительные местоимения и союзы, очевидно, стали впервые применяться в качестве относительных и в русском языке. Придаточные предложения, которые мы здесь имеем, обычно считаются различными видами обстоятельственных предложений — обстоятельства времени, места и т. д., различными дополнительными предложениями (первые два предложения) и т. д. Однако по своему происхождению, как это показывают факты чеченского языка, все эти предложения первоначально могли представлять собою единый тип придаточных предложений: косвенный вопрос; в нем прямой вопрос без всякого изменения своей формы оказывается включенным в сложно-подчиненное предложение. В связи с этим, вопросительное значение местоимений и наречий превращается в их относительное значение (наречия превращаются в союзы). В чеченском языке все предложения этого рода еще представляют собою единую форму предложения: косвенный вопрос, и относительное значение вопросительных местоимений и союзов здесь встречается еще именно в одной только этой форме придаточного предложения. Данный факт с большой долей вероятности показывает, откуда могут взять свое начало относительные местоимения и союзы в русском и других языках.

Итак, подчинение придаточных предложений с помощью особых отглагольных форм, которые мы назвали придаточными формами сказуемого, представляет собою более древнее явление в языке, чем подчинение их с помощью относительных местоимений и союзов. В русском языке из этих придаточных форм сохранились только две: причастие и деепричастие.

Известный исследователь русской грамматики Буслаев и вслед за ним многие авторы русских грамматик считали, что причастие и деепричастие представляют собою, так называемые, сокращенные придаточные предложения, которые в известных случаях заменяют (в литературном языке в подавляющем большинстве случаев только при одинаковых подлежащих в главном и придаточном предложении) так называемые полные придаточные предложения¹ (определятельные и некоторые обстоятельственные). Таким образом, по Буслаеву, „полные“ формы придаточных предложений, т. е. придаточные предложения с относитель-

¹ Ср. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Москва, 1875 г., стр. 333.

ными местоимениями и союзами являются как бы основными и первоначальными формами придаточных предложений. „Сокращенные“ же придаточные предложения представляют собою как бы нечто вторичное, производное от полных форм. Как показывают факты чеченского и многих других архаических по строю языков, эта точка зрения Буслаева и применяемая им терминология являются ошибочными в том смысле, что по материалам этих языков именно сокращенные формы придаточных предложений некогда были единственной и первоначальной формой придаточных предложений, с которой вообще исторически началось развитие форм подчинения предложений.

Таким образом, не „сокращенные“ придаточные предложения (по нашей терминологии — придаточные предложения, выраженные с помощью придаточных форм сказуемого) являются историческим „сокращением“ полных придаточных предложений, а наоборот полные придаточные предложения являются позднейшим историческим развитием первоначально существовавших (и гораздо богаче, чем в русском языке, развитых) сокращенных форм. Следовательно, термины „сокращенные“ и „полные“ придаточные предложения следовало бы заменить научно более правильными — древняя и новейшая форма придаточных предложений или глагольный и местоименно-союзный способ подчинения этих предложений. Однако большой заслугой Буслаева и его последователей является то, что он первый установил, что придаточные предложения вообще представляют собою такие предложения, которые можно рассматривать, как один из членов главного предложения, а также то, что он попытался связать эти два основных типа придаточных предложений в русской грамматике, хотя и неверно понял историческую последовательность этого развития и удельный вес этих двух форм в общем ходе развития сложноподчиненного предложения.

Некоторые современные грамматисты (Шапиро и др.), пытаясь исправить Буслаева, совсем изгнали из школьных грамматик термины сокращенные и полные придаточные предложения и заменили первые названием „причастный и деепричастный оборот“. Эта замена, безусловно, представляет собою шаг назад в научном отношении, ибо причастный и деепричастный оборот рассматриваются здесь вне всякой связи с другими типами придаточных предложений, с которыми на самом деле они исторически теснейшим образом связаны.

В чеченском языке придаточные предложения в подавляющем большинстве случаев, как мы уже указывали выше, выражаются или бессоюзно-глагольными формами (придаточными формами сказуемого), или союзными формами (с помощью слов, приобретающих значение относительных союзов). В качестве придаточных форм сказуемого в чеченском, как и в русском языке, широко употребляется причастие. Чеченское причастие во многих случаях является единственным способом выражения формы придаточного предложения. Оно может употребляться не только при одинаковых, но и при разных подлежащих в главном и придаточном предложении. Несколько реже употребляется для выражения сказуемого в придаточных предложениях чеченское деепричастие. Оно также употребляется как при одинаковых, так и при различных подлежащих в обоих предложениях. Наконец, специфическую особенность чеченского языка представляет собою, правда, не очень частое употребление еще одной отглагольной формы для выражения придаточных предложений, — формы отглагольного существительного, выражающего процесс действия (так называемый масдар). Так же, как чеченское причастие и деепричастие, масдар может иметь при себе свое подлежащее, свое прямое дополнение и свои второстепенные члены предложения. Поэтому его следует считать, на ряду с причастием и деепричастием, тоже одним из способов выражения сказуемого в придаточном предложении, т. е. по нашей терминологии придаточной формой

сказуемого. По терминологии Буслаева чеченское причастие, деепричастие и масдар с относящимися к ним словами представляли бы собою так называемые сокращенные придаточные предложения, с тем только отличием, что эти виды придаточных предложений в чеченском языке совсем не имеют полной формы. По неправильной, но, к сожалению, еще принятой в школьных грамматиках терминологии Шапиро и др., мы должны были бы говорить о причастном, деепричастном и масдарном оборотах в чеченском языке. Однако для упрощения в дальнейшем мы называем эти типы придаточных предложений соответственно причастной, деепричастной и масдарной формой придаточных предложений или сокращенно причастными, деепричастными и масдарными придаточными предложениями.

Общая картина развития типов придаточных предложений была бы неполной, если бы мы не попытались связать ее отдельные этапы с историей общества. Правда, в этом отношении еще предстоит многое сделать. Интонационные формы как сочинения, так и подчинения предложений в своей основе восходят к аморфной (бесформенной, т. е. не имеющей морфологии) стадии развития языка. Совпадение в этой форме как сочинения, так и подчинения предложений говорит о том, что на этой стадии языкового развития существовала одна общая неразграниченная форма сложного предложения, в которой все современные способы сочинения и подчинения были представлены лишь в зачаточном виде и выражались еще одним единственным способом: различными видами интонации. В чеченском языке следы этой стадии сохраняются в довольно еще ясном виде: целый ряд как сложносочиненных (выражающих и соединение, и противопоставление), так и сложноподчиненных (уступительных, выражающих отчасти косвенную речь и др.) типов предложения и сейчас еще, даже в литературном чеченском языке, выражается только интонацией. Такого рода общее недифференцированное сложное предложение начало развиваться в конце эпохи языков аморфного строя. Только этим объясняется появление древнейшего морфологического строя — предикатного или полисинтетического (т. е. многосоставного, включающего в состав сказуемого-глагола несколько слов). Как известно, в языках этого строя (к которым относятся, например, кабардинский, абхазский, чукотский, языки индейцев Северной Америки и другие) глагол-сказуемое представляет собою по своему происхождению и значению целое предложение, слившееся в одно слово. Появление такого многосоставного сказуемого можно объяснить только существованием примитивного сложного предложения в эпоху, непосредственно предшествовавшую появлению языков с морфологией. Только этим можно объяснить, почему, например, кабардинское сказуемое представляет собою как бы предложение в предложении, хотя и не имеет (в главном предложении) никаких следов сочинительных или подчинительных частиц. Конечно, сложное предложение в эту эпоху представляло собою нечто совершенно иное, нечто весьма малоразвитое, нечто коренным образом отличающееся от современных, даже интонационных, сложных предложений. Появление этого первоначального зачаточного сложного предложения, следовательно, можно отнести к концу периода первобытно-аморфного строя речи, возникшего в самом начале первобытной общины.

Вместе с появлением языков с морфологией, сначала полисинтетических и затем агглютинативных (т. е. присоединяющих, приклеивающих), появляется впервые раздвоение интонационного сложного предложения на сложносочиненное и сложноподчиненное, появляются и первые союзные частицы вроде тех, пережитки которых мы видим в форме чеченского союзного суффикса „й“. В начале этой эпохи придаточные предложения выражаются еще исключительно бессоюзным способом — с помощью придаточных форм сказуемого. Эти придаточные формы

сказуемого в языках полисинтетического строя достигают чрезвычайно богатого развития. Их количество от одного и того же глагола исчисляется многими тысячами форм. Таким образом, появление дифференцированных сложносочиненных и сложноподчиненных предложений и появление морфологической формы придаточного сказуемого относятся ко времени появления первого морфологического строя — полисинтетического или инкорпорирующего.

Лишь много десятков тысячелетий спустя в конце первобытной общины — в период возникновения начатков частной собственности (патриархальный род) появляются первые относительные союзы, которые первоначально представляют собою глаголы или имена существительные, употребляемые в значении союзов (ср. большинство чеченских относительных союзов и союзных слов). Эти союзные слова вначале употреблялись еще чрезвычайно редко, в подавляющем же большинстве случаев единственным способом для выражения подчинения оставались придаточные формы сказуемого. Из современных языков примерно такое положение лучше всего сохранилось в адыгейском, кабардинском и др. В дальнейшем, однако, на ряду с относительными союзами, появляются и относительные местоимения и наречия, сначала лишь для выражения формы косвенного вопроса. На этой стадии развития придаточных предложений и находится современный чеченский язык. В дальнейшем союзно-местоименный способ подчинения придаточных предложений постепенно и неуклонно развивается за счет вытеснения и отмирания придаточных форм сказуемого, пока, наконец, он не становится преобладающим, применяемым в подавляющем большинстве случаев способом выражения формы придаточных предложений на новой стадии развития общества — в классовом обществе, в языках флективного строя.

Историческая необходимость появления и развития союзно-местоименной формы придаточных предложений вызывается, глазным образом, развитием сложной периодической сначала устной (сравни, например, народный эпос), а затем и письменной речи. Интонационные способы выражения сочинения и подчинения хороши в бытовом разговоре, когда интонация восполняется жестами, мимикой и реальной обстановкой разговора, но они не годятся в более сложном и богатом по своему строению эпическом языке, в котором часто нет возможности использовать интонацию (например, при пении) и содержание которого зачастую далеко от реальной действительности. Еще менее пригоден интонационный способ в письменной речи. В письменном языке, особенно при древних способах письма, когда знаков препинания еще не существовало, нет никакой возможности передать интонацию. Поэтому единственным способом оформления придаточных предложений служит здесь морфологический способ или способ добавления специальных служебных слов — относительных союзов, местоимений и наречий. Сам собою, однако, напрашивается вопрос, почему в ходе исторического развития форм подчинения союзно-местоименному способу уступает свое место не только интонационный способ, но и богато развитый морфологический способ — способ применения придаточных форм. Правда, этот способ не вполне отошел на второе место даже в некоторых развитых письменных языках Востока, как, например, в тюрко-татарских, угро-финских и др. Однако несомненным является все же факт, что во всех языках, в особенности, в языках, имеющих литературное развитие, способ союзно-местоименного подчинения постоянно прогрессирует, растет за счет форм глагольного подчинения. Это явление, конечно, нельзя объяснить только литературным влиянием русского и других европейских языков. Тем более, что и в этих последних на протяжении их развития от классических языков древности до современного момента мы наблюдаем ту же тенденцию. Причины этого явления, конечно, глубже. Они лежат, по моему мнению, в развитии мышления и языка

на основе развития жизни общества. Как бы ни было велико богатство глагольных придаточных форм в языках полисинтетического строя, это богатство ограничено. Оно начинает стеснять развитие мысли с момента возникновения классового общества потому, что в этот исторический момент развитие производительных сил достигает невиданного до того времени уровня. Это вызывает огромное обогащение и усложнение и жизни, и мысли, и языка. В языке появляется необходимость передачи тончайших оттенков мысли. А известно, что различные способы сочетания слов дают возможность почти безгранично варьировать формы выражения мысли. Способ же образования придаточных форм, при всем его кажущемся богатстве, на деле является все-таки ограниченным и скрывает мысль. Морфологический (глагольный) способ выражения придаточных предложений обычно связан с определенным порядком слов в предложении. Аффиксы, т. е. частицы, выражающие в сказуемом ту или иную форму придаточного предложения, стоят всегда на одном определенном месте в слове-сказуемом. Кроме того, морфологический способ оформления придаточных предложений делает излишним употребление интонации. Поэтому в начале развития придаточных форм в языках полисинтетического строя в предложении скрывается порядок слов, в известной степени отмирает интонация и, таким образом, в конце концов кажущееся богатство морфологических форм превращается, по сравнению с богатством мысли, в оковы, которые не дают возможности отразить богатство содержания жизни. Наоборот, способ выражения придаточных предложений с помощью специальных служебных слов — относительных местоимений и союзов — позволяет полностью использовать все возможности изменения как порядка слов, так и интонации. Таким образом, морфологический способ выражения придаточных предложений ведет в конечном счете к ограничению возможности выражения мысли, а местоименно-союзный способ позволяет одновременно использовать все богатство форм языка для отражения богатства мысли. В общем развитие союзно-местоименного способа подчинения соответствует общей тенденции развития языков — тенденции, отмеченной еще Адамом Смитом,¹ благодаря которой в классовом обществе языки

¹ Сравнивая древнефлективные европейские языки с новыми (латинский и греческий, с одной стороны, и французский, итальянский и английский с другой), знаменитый английский экономист и философ Адам Смит написавший замечательную для своего времени работу о происхождении языка, приходит к следующему выводу:

„It is in this manner that Language becomes more simple in its rudiments and principles, just in proportion as it grows more complex in its composition... In Language... every case of every Noun, and every tense of every Verb, was originally expressed by a particular distinct word, which served for this purpose and for no other. But succeeding observation discovered, that one set of words was capable of supplying the place of all that infinite number, and that four or five Prepositions, and half a dozen auxiliary Verbs, were capable of answering the end of all the declensions, and of all the conjugations in the antient languages“.

„Таким образом, язык становится более простым в своих основаначалах и правилах [т. е. в морфологии и. Н. Я.] именно в той пропорции, в какой он делается более сложным в своей композиции [т. е. в словосочетаниях, в синтаксисе]... В языке... каждый падеж от каждого имени и каждое время от каждого глагола было первоначально выражено отдельным отличным словом, которое служило для этой цели и ни для чего другого. Но последующее наблюдение открыло, что один порядок слов в состоянии заменить место всего этого бесконечного числа [отдельных форм] и что четыре или пять предлогов и полдюжины вспомогательных глаголов могли соответствовать окончанию всех склонений и всех спряжений в древних языках“ (См. „Considerations concerning the first formation of languages, and the different Genius of original and compounded languages“, — работа, опубликованная в книге под общим заглавием „The Theory of moral Sentiments. To which is added a Dissertation on the Origin of Languages. By Adam Smith, L. L. D“. The third edition. London MDCCLXVII (1767 г.), стр. 473—474). Указанный трактат „Размышления о первом образовании языков и различном духе первоначальных и сложносоставных языков“ занимает в этом издании 41 страницу in 16° pp. 437—448. Трактат о происхождении языков впервые был опубликован во втором издании „The Theory of moral Sentiments“, которое вышло в 1791 г.). А. Смит указывает на смешение языков и народов, как на причину этого процесса:

с богато развитой флексией (например, латинский, древнегреческий) начинают уступать место языкам со вторичной аморфностью (например, современный английский, персидский, романские языки). В этих вновь формирующихся языках старые падежные окончания исчезают и падежные значения выражаются отдельными служебными словами (по терминологии Адама Смита — первоначальные сложносоставные языки). Следовательно, не только в отношении форм придаточных предложений, но и в отношении других форм словоизменения (склонение и спряжение) во всех языках классового общества в той или иной форме развивается замена древних морфологических форм новыми формами, образуемыми путем сочетания служебных слов и частиц с почти неизменяемым именем и глаголом. Не лишен этой тенденции и русский язык, в котором вновь развивается особое склонение несклоняемых слов, совпадение окончаний некоторых падежей множественного числа в диалектах и т. д. Развитие литературных языков народов Советского Союза в основном тоже идет, конечно, по этому общему пути.

ГЛАВА 3

ПРИЧАСТНЫЕ ПРИДАТОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Придаточные предложения, служащие главными членами главного предложения, могут в чеченском предложении играть роль подлежащего, прямого дополнения и сказуемого. В зависимости от этого мы имеем в чеченском субъектные, объектные и предикатные придаточные предложения. Во всех этих типах придаточных предложений придаточная форма сказуемого, т. е. та отглагольная форма, которую имеет сказуемое в придаточном предложении, представляет собою причастие.

Субъектные придаточные предложения. Субъектные придаточные предложения в чеченском языке представляют собою подлежащее в главном предложении. В зависимости от двух чеченских оборотов — переходного и непереходного, главное предложение имеет две формы подлежащего — продуктивную и непродуктивную (см. выше, стр. 38). В субъектном при-

„Language would probably have continued upon this footing in all countries, nor would ever have grown more simple in its Declensions and Conjugations, had it not become more complex in its composition, in consequence of the mixture of several Languages with one another, occasioned by the mixture of different nations“. (ib., стр. 467).

„Язык предположительно следовал бы этому направлению [т. е. замене большинства форм флективного склонения и спряжения служебными частицами и вспомогательными глаголами при именных и глагольных основах. Н. Я.] во всех странах, и не стал бы когда-либо более простым в своих склонениях и спряжениях, если бы он не сделался более сложным в своей композиции в результате смешения многих языков друг с другом [— смешения,] обусловленного смешением различных национальностей“.

Таким образом, Адам Смит первый отметил и объяснил факт различия между европейскими языками „синтетического“ и „аналитического“ (т. е. древнефлективного и новоаморфного) строя, которые он соответственно называет — древними или первоначальными (antient, original) и современными или сложносоставными (modern, compounded) (ib. стр. 475) языками. Кроме того, он первый обратил внимание на процесс смешения языков на основе смешения народов, как на причину изменения их строя, и первый проводит мысль о взаимозависимости особенностей морфологии и синтаксиса в любом языке: „In general it may be laid down for a maxim, that the more simple any Language is in its composition, the more complex it must be in its declensions and conjugations; and, on the contrary, the more simple it is in its declensions and conjugations, the more complex it must be in its composition“ (ib. стр. 470). „Вообще, говорит он, может быть принято за правило, что чем проще какой-нибудь язык в своей композиции, тем более сложным он должен быть в своих склонениях и спряжениях и, наоборот, чем более прост он в своих склонениях и спряжениях, тем сложнее он должен быть в своей композиции“. В силу указанных заслуг этого незаслуженно забытого трактата мы должны считать Адама Смита, на ряду с Вильгельмом фон Гумбольдтом и Фридрихом Шлегелем, одним из теоретических основоположников современного буржуазного языкознания.

даточном предложении, в зависимости от оборота главного предложения, причастие, которое служит сказуемым придаточного предложения и одновременно является подлежащим в главном предложении, имеет тоже форму двух падежей: именительно-винительного (непродуктивное подлежащее) или активного падежа (продуктивное подлежащее). Приведем примеры на ту и другую форму субъектного придаточного предложения:

Субъектное придаточное предложение
(в главном предложении — переходный оборот).

Болх ца бечо яан а ца йоу.

Кто не работает, тот (и) не ест.

Колхозни латта дика ца лелочо дика ялта хьобкхур дац.

Кто колхозную землю хорошо не обрабатывает, тот не снимет (не скосит) хороший урожай.

Шен хеннахь веанчо билет ийцира.

Кто пришел во время, тот купил билет.

Хьера ваханчо бляьх ваханарг кьарвина (пословица).

Тот, кто поехал на мельницу, переспорил того, кто поехал на войну.
(„Мирный труд лучше войны“).

В этих предложениях формы: „бечо, лелачо, веанчо, ваханчо“ представляют собою форму активного падежа единственного числа от причастий. Эти причастия служат подлежащими в главных предложениях, которые представляют собою переходную конструкцию. Независимо от этого само придаточное предложение может представлять собою как переходную, так и непереходную конструкцию. Так, в первых двух примерах придаточное предложение является переходным, а в последних двух — непереходным. Как в данных примерах, так и всюду ниже придаточные формы сказуемого-причастия набраны курсивом.

Субъектное придаточное предложение
(в главном предложении — непереходный оборот).

Заманна дубьхал ваьларг вобхна, заманца ваханарг ваьхна
(пословица).

Кто встал против эпохи, тот погиб, кто пошел (в ногу) с эпохой,
тот хорошо зажил.

Кто встает против эпохи, тот гибнет, кто идет в ногу с эпохой,
тот преуспевает.

Жа долчийн дена аьлча, ши газа ерг чуг|ьортина (пословица).

Когда крепко (буквально: по отцу) выругали овцеводов, (тогда)
тот, кто имеет две козы, полез драться.

Колхозийн латта дика ца лелорг хьал долуш ца веа.

Кто колхозную землю хорошо не обрабатывает, тот богато не живет.

Шен хеннахь ца веанарг ца вахана.

Кто во время не пришел, тот не поехал.

Аьхка лавьха гинарг Iай карсанах кхийрина (пословица).

Кто летом увидел змею, тот зимой боялся веревки.

(„Пуганая ворона куста боится“).

Кхайкхаза ваханарг дотгаза веана (пословица).

Кто пошел без приглашения, тот пришел без угощения.

Борза тлехь лаьттарг го суна.

Мне виден тот, кто стоит на кургане.

Я вижу того, кто стоит на кургане.

В выше приведенных предложениях причастия: вавларг, ерг, „лелорг, веанарг, ваханарг, лавттарг“ служат подлежащими в главных предложениях, в которых мы имеем непереходный оборот или оборот с дательным субъектом. Поэтому причастие стоит в непродуктивной форме, т. е. в именительно-винительном падеже. В придаточных предложениях в третьем примере мы имеем переходный оборот, в пятом — оборот с дательным субъектом и в остальных случаях — непереходный оборот. В последнем примере главное предложение представляет собою оборот с дательным субъектом. Смысловое подлежащее в этом предложении стоит в дательном падеже — „суна“, грамматическим же подлежащим является „лавттарг“ — „стоящий, тот, кто стоит“.

То, что в данном случае мы действительно имеем придаточные предложения, которые служат подлежащими в главном предложении, доказывается полным совпадением падежных форм причастий с теми падежными формами, которые в этих же предложениях должно иметь подлежащее-существительное. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить следующие примеры:

Ледарчо яан а ца йоу. Болх ца бечо яан а ца йоу.
Лодыр не ест. Кто не работает, тот не ест.

Сравнивая эти два предложения, мы видим, что имя существительное, являющееся подлежащим в первом предложении, имеет форму активного падежа как субъект в переходном обороте, во втором же предложении ту же падежную форму имеет причастие, которое служит одновременно и подлежащим в главном предложении и сказуемым в придаточном предложении:

Ледархо дика ца веа.
Лодыр хорошо не живет.
Колхозни латта дика ца лелорг хьал долуш ца веа.
Кто колхозную землю хорошо не обрабатывает, тот богато не живет.

В первом предложении подлежащее „ледархо“ стоит в именительно-винительном падеже, так как предложение является непереходным. Во втором предложении в том же падеже стоит причастие, которое служит одновременно подлежащим в главном предложении и сказуемым в придаточном предложении. Связь главного и придаточного предложения в обоих вышеприведенных случаях выражается причастием, которое одновременно представляет собой и член главного предложения, и словосказуемое, входящее в состав придаточного предложения. Таким образом, в данном случае чеченское придаточное предложение, выражаемое причастием, в известном смысле служит целым предложением, заменяющим одно слово-подлежащее.

Во всех приведенных примерах в чеченском языке в придаточном предложении отсутствует относительное местоимение „что“. Значение этого русского относительного местоимения выражается в чеченском языке основным значением самого причастия и самой причастной формой. Падежные окончания причастия соответствуют падежам русского указательного местоимения „тот, то“, которые в русском сложноподчиненном предложении входят в состав главного предложения. Однако и в чеченском главном предложении могут быть поставлены указательные местоимения, как это можно видеть из следующих примеров:

Колхозни латта дика ца лелорг, и хьал долуш ца веа.
Кто колхозную землю хорошо не обрабатывает, тот богато не живет.
Цо, колхозни латта дика ца лелочо, дика ялта доккхур дац.
Тот, кто колхозную землю хорошо не обрабатывает, хороший урожай не получает.

В первом предложении указательное местоимение „и“ — „тот“, а во втором предложении активный падеж от того же указательного местоимения — „до“ представляют собою полное соответствие русскому указательному местоимению „тот“ в начале главного предложения. Как и в русском языке, это указательное местоимение может стоять в начале, перед придаточным предложением, и в середине, в начале главного предложения, причем более употребителен второй порядок.

Особый случай, особую форму субъектного придаточного предложения представляет собою употребление деепричастия в качестве придаточной формы взамен причастия. Эта деепричастная форма субъектных придаточных предложений применяется только в том случае, если главное предложение представляет собою непереходный оборот и имеет именное сказуемое, например:

Ас деш — гIуллакх ду.
То, что я делаю, (это) есть дело.
Это дело — то, что я делаю.

Оха язъеш — хIара книжка ю.
То, что мы пишем, есть эта книга.

В обоих приведенных предложениях деепричастие имеет значение причастия; так, можно было бы сказать в том же смысле:

Ас дийриг — гIуллакх ду.
Оха языйриг — хIара книжка ю.

Правда, некоторые находят разницу между причастием и деепричастием в оттенке смысла. Деепричастие чаще выражает действие, совершаемое вообще, причастие же обозначает действие не только совершаемое вообще, но и действие, совершаемое в данный конкретный момент. Впрочем эта разница настолько неуловима, что многие совсем отрицают ее (ср. 220).

Объектные придаточные предложения. В той же самой форме, что и субъект, с помощью причастия может быть выражен и объект в переходном предложении. При этом причастие, как и всякий объект, стоит в именительно-винительном падеже, например:

Оха лору, массо-а дийнахь газета доьшург.
Мы уважаем того, кто каждый день читает газету.

Точно так же, как и в субъектных предложениях, мы можем поставить и при объектном придаточном указательное местоимение:

И оха лору, массо-а дийнахь газета доьшург.
Оха лору и, массо-а дийнахь газета доьшург.
Мы уважаем того, кто каждый день читает газету.

Оха вигира, некъ дика бевзарг.
Мы взяли того, кто хорошо знает дорогу.
Мы взяли того, кому хорошо знакома дорога.

Иза оха вигира, некъ дика бевзарг.
Оха вигира иза, некъ дика бевзарг.

Ас дира, ахь сайга — диэ — аблларг.
Иза дира ас, ахь сайга — диэ — аблларг.
Ас дира иза, ахь сайга — диэ — аблларг.

Я сделал то, что ты мне заказал.

Буквально: Я сделал то, что ты мне сказал делать („делай“).

Таким образом, придаточные объектные предложения по форме причастия совершенно совпадают с придаточным субъектным предложением в непродуктивной форме.

Предикатные придаточные предложения имеют близкую связь с субъектными придаточными предложениями, в которых главное предложение имеет именное сказуемое. Приведем примеры:

Дешна стаг — газета а, книга а *добшург ву*.

Начитанный человек — (это есть тот), кто читает и газету и книгу.

Ледархо — хлумма-а ца *дийриг ву*.

Лодырь — (это тот), кто ничего не делает.

Эксплуататор — нехан кьинхьегамах *вехарг ву*.

Эксплуататор — (это тот), кто живет чужим трудом.

В приведенных примерах предикатные придаточные предложения можно легко превратить в субъектные, переставив придаточное предложение вместе с причастием, т. е. причастие с относящимися к нему словами, на место подлежащего, а подлежащее на место придаточного предложения перед связкой „ву“:

Газета а, книжка а добшург — дешнан стаг ву.

Кто читает газету, (тот) — начитанный человек.

Хлумма-а ца дийриг — ледархо ву.

Кто ничего не делает, (тот) — лодырь.

Нехан кьинхьегамах вехарг — эксплуататор ву.

Кто живет чужим трудом, (тот) — эксплуататор.

Следовательно, предикатное придаточное предложение имеет место тогда, когда причастие стоит при связке „ву“ в различных ее формах. Если же оно стоит не при связке „ву“, а при этой связке „ву“ мы имеем имя существительное, то вместо предикатного придаточного предложения мы получим субъектное придаточное предложение.

При предикатных придаточных предложениях можно употреблять указательные местоимения так же, как при субъектных:

Дешна стаг — иза, газета а, книга а добшург ву.

Начитанный человек тот, кто читает и газету, и книгу.

Иза дешна стаг, газета а, книга а добшург ву.

Тот начитанный человек, кто читает и газету, и книгу.

Таким образом, для того, чтобы отличить предикатное придаточное предложение от субъектного, следует обратить внимание на то, при каком слове в предложении стоит связка. Если связка стоит при имени существительном (после него), то в этом случае мы будем иметь причастие с относящимися к нему словами в качестве субъектного, объектного или дополнительного придаточного предложения. Если же причастие с относящимися к нему словами стоит при связке „ву, ю, ду, бу“ (перед ней), то в этом случае мы будем иметь предикатное придаточное предложение. Эти признаки распознавания придаточного предикатного и придаточного субъектного предложений необходимы потому, что во многих случаях предикатное придаточное предложение в чеченском языке может предшествовать субъекту, точно так же, как и субъектное придаточное предложение может следовать за предикатным. Следовательно, по порядку слов мы не можем отличить одно от другого. Единственным способом различия является в этих случаях связь предикатного придаточного предложения со связкой „ду“. Сравни, например, следующие предложения (придаточные сказуемые в них набраны курсивом).

Дешна стаг ву, советийн газета а, книга а *добшург*.

Тот, кто читает советскую газету и книгу, — (есть) начитанный человек.

Советийн газета а, книга а *добшур* ву дешна стаг.
Начитанный человек — (есть) тот, кто читает советскую газету и книгу.

Дешна стаг — советийн газета *добшур* ву.
Начитанный человек, кто читает советскую газету (есть).

Советийн газета *добшур* дешна стаг ву.
Кто читает советскую газету, есть начитанный человек.

Дополнительные придаточные предложения. Подобно субъектным, объектным и предикатным придаточным предложениям, с помощью причастия выражаются также все дополнительные придаточные предложения, т. е. предложения, играющие в главном предложении роль различных косвенных дополнений. Падежные окончания причастия в этих предложениях показывают нам, в качестве какого косвенного дополнения употреблено данное придаточное предложение. Дополнительные придаточные предложения классифицируются нами так же, как и косвенные дополнения. Следовательно, они делятся на придаточные предложения, заменяющие родительное, дательное, творительное, вещественное, местное в различных его формах и сравнительное дополнение. Придаточное предложение с причастием в активном падеже не причисляется нами к дополнительным придаточным предложениям, так как оно входит в состав субъектных придаточных предложений (ср. выше, стр. 38). Приведем примеры на дополнительные придаточные предложения с разделением их по падежам причастия:

1. *Придаточные дополнительные, заменяющие самостоятельное родительное дополнение:*

Болх дика бечун || бечуьнан ахча ду.
Деньги есть у того, кто хорошо работает.

План кхочушьечун || кхочушьечуьнан си ду.
Кто выполняет план, тому почет.

Дуьненахь а ц̣'ераш яхана, Ц̣'ечу Эскаран маршалаш болчийн.
Всеми миру известны имена тех, кто является маршалами Красной Армии.

Иуьрре глаьттинчун жи шала бехкина (*пословица*).
У того, кто рано вставал, овца двойню принесла.

Трамвай т'ехь дукха лелачун || лелачуьнан беттан билеташ хуьлу.
У того, кто часто (много) ездит на трамвае, бывают месячные билеты.

Ц̣'омгаш хиллачун || хиллачунна г̣'ю до лобраша.
Врачи оказывают помощь тому, кто болен.

Белхан хьуьнар доцучийн терго йо советски пачхьалкхо.
Советская власть относится со вниманием (оказывает внимание) к нетрудоспособным.

Вай г̣'айг̣'а бо, т'екхуьш йолчуьнан (г̣'лаьхьенан).
Мы заботимся о подрастающих (о подрастающем поколении).

Аьхка хье ца кхихкиячун, Iай яй ца кхихкина (*пословица*).
У кого летом мозг не покипел, у того зимой котел не закипел.

Кхийринчун жа ца дебна (*пословица*).
Кто боялся, у того отара не расплодилась.

Доггах вилхинчун б'аьргийх ц̣'и деана (*пословица*).
Кто плакал от (всего) сердца, у того из глаза кровь пошла.

2. Придаточные дополнительные, заменяющие дательное дополнение:

Дика болх бечунна вай совлат ло.
Тому, кто хорошо работает, мы даем премию.
Блаьрса дика долчунна хлокху дукъ тлера го Гуьржийн човь.
Тот, кто имеет хорошее зрение, видит с этого перевала Грузию.
Шегара пальто эдначунна цо книжка йовьхира.
Он продал книгу тому, кто купил у него пальто.
Илма лема оццунна, даим ша-шеца болх бечунна.
Развивается умственно только тот, кто постоянно работает над собой.
Буквально: Науку усваивает лишь тот, кто постоянно работает сам с собой.
Аьрха лелачунна (говрана) куьг хьакха.
Погладь рукой ту (лошадь), которая непокорна || норовиста.
Вайн Щечу Эскарро туху вайн махкана теглоьртичунна.
Наша Красная Армия бьет тех, кто врывается в нашу землю.
Хи йистехь бегахушна гиэчеш дика девза.
Кто живет на берегу реки, тем хорошо знакомы броды.
Дукха доьзал болчушна (наношна) ахча ло пачхьалкхо.
Государство дает деньги тем (матерям), кто имеет большую семью.
Социалистически долалла лечкьочунна вай члогла талзар до.
Мы строго наказываем того, кто расхищает социалистическую
собственность.
Блаьрг баьллачунна нехан блаьргара клайн гина (поговорка).
У кого нет глаза, тот увидел бельмо в чужих глазах.
(„В своем глазу бревна не заметил, а в чужом сучок увидел“).

3. Придаточные дополнительные, заменяющие творительное дополнение:

Аш сайна еллачуьнца бо ас болх.
Я работаю тем, что вы мне дали.
Тхайшкахь йолчунна тлехь || йолчуьнца воьду со.
Я езжу на том (тем), что у нас есть.
Демонстрацехь хиллачушца вахара со.
Я шел с теми, кто участвовал в демонстрации.
Оха сакыйрира тхайна безаш болчушца.
Мы веселились с теми, кого мы любим.
Оха белхаш бира кьанбеллачушца.
Мы работали с теми, кто состарился.
Хьуьнах ваханчуьнца дахана тхан жлаьбла.
Наша собака пошла с теми, кто поехал в лес.

4. Придаточные дополнительные, заменяющие вещественное дополнение:

Юдан пху лета ша тлехеттачух.
Стрела втыкается в то, что она встречает на своем пути.
Селхайа эдначух коч тегна.
Рубашка сшита из того (материала), что куплен вчера.
Тхайгахь йолччух юург йо оха.
Мы готовим пищу только из того, что у нас есть.

Селхана урамехъ шена дуйхьалкхетгачух дийцира цо.
Он рассказал мне про того, кого он встретил вчера на улице.

Хьуна ца хуучух дуйцу оха.
Мы говорили о том, чего ты не знаешь.

Со кхета цо язdechух.
Я понимаю то, что он пишет.

Со кхетар ву цо яздинчух.
Я пойму то, что он написал.

Со теша цо дуйцуучух.
Я верю в то, что он говорит.

Хьо тешара цо аблачух.
Ты верил в то, что он сказал.

Со кхуьу цо бохучух.
Я сознаю то, что он говорит.
Я понимаю то, что он говорит.

Со кхуьу цо дийцинчух.
Я понимаю то, что он рассказывал.
Я осознаю то, что он рассказывал.

Хюкху цла чухь боляийх уггар воккханиг со ву.
Из тех, кто находится в этой комнате, самый старший
(по возрасту) — это я.

Совет пачхьалкхо ахчанца кьинхетам бо добзалаш дукха болчийх.
Советское государство помогает деньгами тому, кто имеет большие
семейства.

Совет Иедало окхур ду нехан кьинхьегаман даьхни дуучух.
Советская власть наказывает того, кто расхищает (буквально:
проедает) чужую трудовую собственность (буквально: скот).

Замечательный архаизм — „проедать скот“¹ в значении „расхищать, разворовывать собственность“! (ср. еще пример на стр. 284).

Тешнабехк боьду ша бинчух.
Кто постарался обмануть, к тому самому приходит обман.
Селхана тхобга баьхкинчийх уггар хазаниг хьо яра.
Из тех, кто пришел к нам вчера, самая красивая — это ты.

5. *Придаточные дополнительные, заменяющие местное дополнение*
(в его основной и производных формах):

Дика стихаш яжало меттан говзалла йолчуьнга.
Хорошие стихи удается написать лишь тому, кто является мастером
языка.

¹ О значении скота у пастушеских народов говорит Энгельс: «... после выделения пастушеских племен, мы находим готовыми все условия для обмена между членами различных племен, для его развития и упрочения как постоянного учреждения. Первоначально обмен производился между племенами при посредстве родовых старшин; когда же стада стали переходить в обособленную собственность, все больше стал преобладать, и, наконец, сделался единственной формой обмена — обмен между отдельными лицами. Но главный предмет, которым обменивались пастушеские племена со своими соседями, был скот; скот сделался товаром, посредством которого оценивались все товары и который повсюду охотно принимался в обмен — одним словом скот стал выполнять функцию денег и уже на этой ступени играл роль денег. С такой необходимостью и быстротой развивалась уже при самом возникновении товарообмена потребность в особом товаре — деньгах».

(Фр. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Маркс, Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. I, 1937, стр. 136).

Ас керлат длахийтира учреженехь болх беш волчунга.
Я послал письмо тому, кто работает в учреждении.

Новкъа дувьалкхеттачушка хиттира цо.
Он спрашивал тех, кого встречал по пути.

Ас хабар дийцира сайл жимаха волчунга || волчунна || волчунца.
Я рассказал рассказ тому, кто моложе меня.

Селхана телефон тоьхначунга || тоьхначунна длахийта.
Уведоми того, кто вчера звонил по телефону.

Ялта дукха кхочу колхозхойх болх дика бечунга || бечунна.
Кто из колхозников хорошо работает, тому достается много хлеба.

В трех предыдущих примерах причастие в местном падеже может заменяться причастием в дательном падеже. В зависимости от этого соответственные придаточные предложения будут заменять местное или дательное косвенное дополнение.

Болх беш воллчунга лен ма лиэ || къамел ма дие!
Не говори тому, кто занят работой.

Мачаш ечуьнгахь хуьлу мачийн кӀажаш.
У чувячника бывают набойки (каблуки).

Буквально: У того, кто делает чувяки, бывают набойки.

В приведенном примере слова: „мачаш ечуьнгахь“ по происхождению представляют собою придаточное предложение, однако в современном языке сливаются в одно понятие „(у) чувячника“. Поэтому данное предложение можно рассматривать как простое по современному значению.

Ахь вийцинчуьнгара дика гуллакх хилира суна.
От того, о ком ты рассказывал, я получил хорошую услугу.

Ахь билгалвинчуьнгахула вахара со балха.
Через того, на кого ты указал, я устроился (пошел) на работу.

6. *Придаточные дополнительные, заменяющие сравнительное дополнение:*

Со тӀехь веанчул хӀара говр тоьлуш ю.
Эта лошадь лучше той, на которой я приехал.

ЦӀен Эскар тоьлла вайн доза дохийначийл.
Красная Армия победила тех, кто нарушил нашу границу.

Тхан бригада хьалха яьлла хӀинццалц хьалха хиллачул.
Наша бригада опередила ту, которая до сих пор была впереди.

Селхана тховгахь хиллачийл хазаниг Тамара ю.
Женщина красивее тех, кто был вчера у нас, — это Тамара.

Цо эцначулла ю ас эцна бекъа.
Жеребенок, купленный мною, по величине одинаков с тем, что он купил.

В последнем примере мы имеем производную форму сравнительного падежа от причастия „эцна“ — купленный. Эту форму Услар считал особым падежом в чеченском склонении — „равняющим падежом“. В современной грамматике чеченского литературного языка можно считать эту форму производной формой сравнительного падежа, образуемой от него с помощью суффикса „ла“.

7. *Придаточные дополнительные, заменяющие сравнительное дополнение в производной его форме:*

Оха цуьнга ахча делира цунна оьшшучул.
Мы дали ему столько денег, сколько ему нужно.

Цунна оьшучулла ахча делла оха цуьнга.

Мы ему дали в точности столько денег, сколько ему нужно.

Ас а бина болх цо бечулла.

Я поработал в точности столько, сколько и он поработал.

Цо бинчулла болх ас а бина.

В точности столько, сколько он поработал, и я поработал.

Цара аьхначулла оха а охур ду латта.

Мы будем пахать в точности столько же земли, сколько и они запахали.

В приведенных примерах производная форма сравнительного падежа от причастия приобретает ясно выраженное количественное значение.

Поэтому мы рассматриваем ее в разделе придаточных предложений, выражающих количество (см. стр. 222).

Во всех приведенных нами выше примерах сказуемое в дополнительных придаточных предложениях выражено различными косвенными падежами причастий. То, что падеж причастия в этих случаях соответствует падежу косвенного дополнения, легко можно видеть из приводимых ниже примеров.

Простое косвенное дополнение в родительном падеже:

Стахановцан вай си до.

Мы оказываем почет стахановцу.

Дика болх бечун вай си до.

Мы оказываем почет тому, кто хорошо работает.

В последнем предложении мы имеем причастие в том же родительном падеже, в каком стоит в первом предложении косвенное родительное дополнение.

Простое косвенное дополнение в дательном падеже:

Вай ударникашна совглаташ ло.

Мы даем премию ударникам.

Дика болх бечарна вай совглаташ ло.

Мы даем премию тем, кто хорошо работает.

В последнем примере причастие стоит в том же дательном падеже, что и простое дательное косвенное дополнение в первом примере.

Простое косвенное дополнение в творительном падеже:

Ас оцу гирсаца болх бо.

Я работаю тем инструментом.

Аш сайна еллачуьнца бо ас болх.

Я работаю тем, что вы мне дали.

Здесь причастие стоит в творительном падеже так же, как и простое творительное косвенное дополнение.

Простое косвенное дополнение в вещественном падеже:

Юдан пху лета лавтта.

Стрела втыкается в землю.

Юдан пху лета ша тлехеттачух.

Стрела втыкается в то, что она встречает на своем пути.

Простое косвенное дополнение в местном падеже:

Дика стихаш яхало дикачу поэте.

Хорошие стихи удастся написать хорошему поэту.

Дика стихаш яхало меттан говзалла йолчуьнга.

Хорошие стихи удастся написать тому, кто является мастером языка.

Простое косвенное дополнение в сравнительном падеже:

Оцу говрал хIара говр тоьлуш ю.
Эта лошадь лучше той лошади.

Со тIехь веанчул хIара говр тоьлуш ю.
Эта лошадь лучше той, на которой я приехал.

Все приведенные нами здесь примеры наглядно доказывают, что дополнительные придаточные предложения так же, как и субъектные, объектные и предикатные, в соответствии с падежной формой употребляемых в них причастий, представляют собою по форме падежа действительную замену соответственных простых косвенных дополнений (или главных членов предложения). Причастие во всех рассмотренных нами выше типах придаточных предложений по форме как бы заменяет имя существительное. Поэтому оно стоит здесь везде в самостоятельной, по значению равной существительному форме. В отличие от этого причастие в определительных придаточных предложениях, о которых речь будет ниже, стоит всегда при имени существительном и потому имеет несамостоятельную причастную форму (о различии самостоятельной и несамостоятельной формы причастий см. ниже, стр. 198—199, 203—204). По-русски эта разница выражается тем, что субъектные, объектные, предикатные и дополнительные придаточные предложения имеют в качестве относительных местоимений — местоимения „кто, что“. В определительных же придаточных предложениях в русском языке употребляется относительное местоимение „который“.

Так же как и косвенное дополнение, дополнительные придаточные предложения могут иметь в чеченском языке форму причастия в соответственном падеже с послелогом. Приведем примеры:

Шаьш охучунна тIе хьабжкIаш юьйр ю колхозхоша.
Колхозники будут сеять кукурузу на том (подразумевается: месте),
что они пашут.

МТС-о абхначунна тIе кIаш дийна ялла тхан колхоз.
Наш колхоз закончил посев пшеницы на том (месте), что вспахала
МТС.

Шаьш дийначунна тIера заданеш пачхьалкхана дIало колхозхоша.
Колхозники сдают задание государству из того, что они посеяли.

И говр иккхинчунна тIехула сан бекъа а иккхира.
Через то, что перепрыгнула эта лошадь, прыгнул и мой жеребенок.

Схьавеанчунна тIехь декхара ду тхан.
У нас есть долг на том (человеке), который приходил.

В предыдущих примерах при причастии стоят разные формы послелога „тIе“ — „на“.

Цо еанчунна кIел сан книжка Iуьллу.
Моя книга лежит под той (книгой), которую он принес.

Ас йиллинчунна кIелахь ца карийра суна хьан книжка.
Я не нашел твою книгу под той, которую я положил.

Цо схьаеанчунна кIелхьара схьаййцира ас хIара газета.
Я взял эту газету из-под той, которую он принес.

Ас ялийнчунна кIелхула ер ю хьан бекъа.
Под той (лошадью), которую я привел, может пройти твой
жеребенок (насмешка).

В предыдущих примерах при причастии стоят формы послелога „кIел“ — „под“.

Техникумо шена деллачунна чухь цуьнан хехо веха.
Сторож живет в том (помещении), что ему отвел техникум.

Колхозо шайна диначарна чу колхозан правлени йоглу.
Правление колхоза переселяется в то (помещение), которое ему
выстроил колхоз.

Атагахула доглучунна чура черий дехира оха.
Мы ловили рыбу в той (реке), которая течет через Атаги.

Тхаш диначарна чухула || чу басарш хьаькхна оха.
Мы выкрасили (изнутри) то (помещение), которое мы отстроили.

В предыдущих примерах при причастии стоят формы послелого
„чу“ — „в“.

Демонстрация баьркинчушна юккье || юкья взхара со.
Я вошел в середину тех (людей), которые пришли на демонстрацию.

Хинца белхаш бечарна юккьехь || юкьяхь стахановски движени
яьржина.

Среди тех, кто работает теперь, разворачивается стахановское
движение.

Цигахь хиллачарна юккьера || юкьяра схьавеара иза.
Он пришел из среды тех, которые были там.

Базара баьркинчарна юккьехула || юкьяхула ца веара со.
Я прошел домой среди тех, что прибыли на базар.

Буквально: Я прошел домой через среду тех, что прибыли на базар.

В предыдущих примерах мы имеем причастие с послелогом „юкья“ —
„в середине, среди“.

Талла вьдучунна улло долу цуьнан жьавлеш.
Рядом с тем, кто ходит на охоту, идут его собаки.

Яздеш волчунна уллохь лавттира иза.
Он стоял возле того, кто был занят писанием.

Деша веанчунна уллохула директор веара школе.
Директор прошел в школу мимо тех, кто приехал учиться.

Оцу учрежденехь куьйгалла дечунна уллора схьавеара со.
Я пришел от того, кто руководит этим учреждением.

В этих примерах в качестве послелого при причастии употребляется
послелог „улло“ — „мимо, рядом, возле“.

Определительные придаточные предложения. Спределительные
придаточные предложения в чеченском языке представляют собою
определение при одном из членов главного предложения. Этот член
главного предложения представляет собою по отношению к определительному
придаточному предложению — определяемое слово. Определительное
придаточное предложение стоит обычно перед своим определяемым.
Хотя этот порядок расположения определительных придаточных
предложений является постоянным в чеченском языке, он может быть
изменен без ущерба для смысла всего предложения. Причастие в при-
даточных определительных предложениях, как мы уже указывали выше,
имеет самостоятельную форму склонения, так как оно обычно нахо-
дится перед существительным. В этой самостоятельной форме при-
частие имеет для всех косвенных падежей одну общую форму с оконча-
нием „чу“, полные же падежные окончания принимает то существительное,
которое является определяемым словом. Приведем примеры на опреде-
лительные придаточные предложения с классификацией их по падежной
форме определяемого слова.

1. *Определительные придаточные предложения при определяемом субъекте в активном падеже:*

Юьрре болх буолиначу колхозчо болх дукха бийр бу.

Колхозник, который начал работу ранним утром, сделает больше (аботы).

Кхечу къаьмнаш юккъехь || юкъахь Ийначу стага церам мотт Iамабо.
Человек, который живет среди других национальностей, изучает их язык.

Балхана ка йолчу колхозчо кьинхьегаман денош дукха доху.
Колхозник, который быстро работает, получает много трудодней.

Дешар дика Iамочу дешарчо зама эрна ца йойу.
Ученик, который хорошо занимается, даром время не теряет.

Колхозо тхуна беллачу атто дукха шура ло.
Корова, которую нам дал колхоз, дает много молока.

Баханчу безамо казалла ца лобху; йогIучу набарна гIовла ца оьшу
(*пословица*).

Любовь, которая пришла, не ищет красоты; сон, который приходит, не нуждается в изголовьи.

Ницкъ болчу нело некъа юккъера IаьI || IаIа боккху (*пословица*).
Сильный кабан (буквально: кабан, который есть сильный) выкопал посреди дороги (буквально: из середины дороги) лопух.
(об антиобщественных поступках человека).

2. *Определительные придаточные предложения при определяемом субъекте в именительном падеже:*

Стомара колхозчоша деана дечиг декъа дара.

Дрова, которые колхозники привезли позавчера, были сухие.

Дадас тхуна эцна бекъа йоккха хилла.

Жеребенок, которого отец нам купил, вырос (стал большим).

Тхьоггахь хилла хьаша цIа вахана.

Гость, который был у нас, поехал домой.

Оха хьуьнан складера деана уй дика хиллера.

Доски, которые мы привезли из лесного склада, оказались хорошими.

Селхана тхьогга еана зуда колхозая председатель ю.

Женщина, которая приходила (пришла) к нам вчера, является председателем колхоза.

Тахана суна хи тIехь гина йоI хаза яра.

Девушка, которую я сегодня видел на реке, была красива.

В значении определения при непродуктивном субъекте может быть употреблено, вместо причастия и в значении причастия, также деепричастие. Например:

Болх беш стаг — иза ву.

(Много) работающий человек — это он.

Работающий человек — это он.

В этом предложении деепричастие „беш“ стоит вместо причастия „бен“ (подробнее см. стр. 219).

3. *Определительные придаточные предложения при определяемом — в прямом дополнении — в именительном падеже:*

Дика болх бен колхозчо оха сийлахь лору.

Мы почитаем (считаем почетным) колхозника, который хорошо работает.

Социалистически дӀалалда лечкӀийна кӀу леуира оха.
Мы поймали вӀра, который расхищал социалистическую
собственность.

Акхарийх зенехъ долу эхха доь наха.
Люди убивают зверей, которые (из числа зверей) являются
вредными.

4. *Определительные придаточные предложения при определяемом—
именной части сказуемого в именительном падеже:*

Эксплуататор нехан кӀинхъегамах вехаш волу стаг ву.
Эксплуататор есть человек, который живет чужим трудом.

Дахх нохчийн махкахъ ломахъ хуьлуш йолу дечиг ю.
Береза — это дерево, которое в чеченской стране растет в горах.

Ударник бедхан хьалхе йоккхуш долу ацам ду.
Ударник — это человек, который в работе идет впереди.

Буквально: Ударник — это человек, который опережает в работе.

Херх дечигаш хедош йолу коьчала ю.
Пила — это есть орудие, которое режет дрова.

В значении определения при именной части сказуемого может быть
употреблено и деепричастие в значении причастия, например:

Иза — доьшуш стаг ву.
Оя — (много) читающий человек.
Он — любитель читать.

В этом предложении деепричастие „доьшуш“ заменяет собою несамо-
стоятельную форму причастия „доьшу“, которая служит определением
к слову „стаг“ (подробнее см. стр. 219).

5. *Определительные придаточные предложения при определяемом
косвенном дополнении:*

а) В родительном падеже:

Аьжка хье ца кхиккичу стеган Iай яӀ ца кхехка.
У того человека, у которого мозг не кипел летом, котел не кипит
зимой.

Кхийринчу Iуьнан жа ца дебна.
У пастуха, который б ялся, отара не расплодилось.
У боязливого пастуха отара не расплодилось.

Болх дика бечу стеган ахча дукха хуьлу.
У человека, который много работает, много денег.

б) В дательном падеже:

Тримвай Iехь дукха лелачу стагана беттан билет обьшу.
Человеку, который много ездит на трамвае, нужен месячный билет.

Стаг дика вевза цуьнца болх дукха бечу накъостана.
Человек хорошо знает того товарища, который много работает
с ним.

Вайн Цечу Эжаро туху вайн махка тIе Iоьртинчу мостагIчунна.
Наша Красная Армия бьет того врага, который врывается в нашу
страну.

Гиэчуо дика девза хи йистехь бехачу нахана.
Броды хорошо знают люди, которые живут на берегу реки.

Аьрха лелачу говрана куьг хьакха.
Погладь рукой (ту) лошадь, которая непокорна.

в) В творительном падеже:

Ахь сайна беллачу гирсащца болх бо ас.
Я работаю орудиями, которые ты мне дал.
Демонстрацехь хиллачу адамашца вахага со.
Я пошел с теми людьми, которые участвовали в демонстрации.
Оха сакъийрира тхайна безаш болчу накъосташца.
Мы веселились со своими любимыми тозарищами (с товарищами,
которых любим).
МТС-о ялийначу тракторащца латта эхира колхозхоша.
Колхозники вспахали землю тракторами, которые прислала МТС.
Колхозхоша хлу теси́ра керла эцначу сеялкащца.
Колхозники сеяли вновь купленными сеялками.
Колхозники сеяли сеялками, которые недавно купили.

г) В вещественном падеже:

Селхана эцначу клада́нах коч тегна ас.
Я сшил рубашку из той материи, которую купил вчера.
Хбуна ца хуучу гуллакхах дуйцу оха.
Мы разговаривали о деле, которое ты не знаешь.
Хюкху ца чухь болчу нахах уггар в ккханиг со ву.
Из тех людей, которые находятся в этом доме, самый старший — я.
Селхана тхобга баьхкинчу мехкарийх уггар кхетамиз(н) хьо ю.
Из тех девушек, которые приходили вчера к нам, самая умная
это ты.

д) В местном падеже:

Ас кергат дахьийтира депутат йолчу зудчиэ || зудчуьнга.
Я послал письмо к той женщине, которая является депутатом.
Дика стихаш яхало меттан говзалла йолчу яздархочуьнга.
Хорошо удаются стихи тому писателю, который является мастером
языка.
Нозкыз дувхьал мел кхеттачу нахе хиттира ас.
Я расспрашивал всех тех людей, которые встречались по дороге.
Болх беш воллучу белхалочуьнга кызмел ма де!
Не разговаривай с рабочим, который занят работой!

е) В сравнительном падеже:

Со тлехь веанчу говрал дика ю хлара говр.
Эта лошадь лучше той лошади, на которой я приехал.
Цез Эскар тоьла вайн дэза дохийнчу мостагил.
Красная Армия победила врагов, которые нарушили нашу границу.
Хинццалц хьалха хиллачу бригадийл тхан бригада хьалха яьлла.
Наша бригада опередила ту бригаду, которая до сих пор шла
впереди.
Иллинчу лобмал лелла цхьогал тоьлла (пословица).
Ходившая лиса победила || превзошла лежавшего льва.

Подобно тому, как существуют дополнительные придаточные предложения, выраженные падежной формой причастия с послелогом, могут существовать придаточные определительные предложения при косвенных дополнениях, выраженных именем существительным с послелогом. Приведем примеры:

6. *Определительные придаточные предложения при определяемом косвенном дополнении с послелогом:*

Шаш охучу арена тле хьабжкIаш юьйр ю колхозхIа.
Колхозники будут сеять кукурузу на том поле, которое они пашут.
МТС-о абхначу арена тле кIаш дийна яьлла тхан колхоз.
Наш колхоз закончил сев пшеницы на том поле, которое вспахала
МТС.

И говр иккхинчу тIулгана тIехула сан бекъа а иккхира.
Через тот камень, через который прыгнула та лошадь, прыгнул
и мой жеребенок.

Цо еанчу портфелана кIел сан книжка Iуьллу.
Моя книга лежит под портфелем, который он принес.

Ас йиллинчу портфелана кIелахь ца карийра суна хьан книжка.
Я не нашел твою книгу под портфелем, который я положил.

Цо делейначу портфелана кIелхьара схьайцIира ас хIара газета.
Я взял эту газету из-под портфеля, который он таскал.

Ас ялийнчу гозрана кIелхула ер ю хьан бекъа.
Под той лошастью, которую я привел, может пройти твой жеребенок.

Колхозо шайна диначу цIенoш чу колхозан правлени йогIу.
Правление колхоза переходит в тот дом, который для него
построил колхоз.

Техникумо деллачу цIа чухь цуьнан хехо вехь.
Сторож техникума живет в том доме, который предоставил
техникуму.

АтаIахула догIучу хи чура чIерий дохура оха.
Мы ловили рыбу в той реке, которая течет через Атаги.

Тхавша диначу цIенoш чухула || чу басарш хьабкхна оха.
Мы выкрасили изнутри то помещение, которое мы построили.

Демонстраце баькинчу нахана юккье || юкъа вахара со.
Я вошел в середину людей, которые шли на демонстрацию.

Хинца белхаш бечу белхалошна юккьехь || юкъахь социалистически
йохьалла давжина.

Среди тех рабочих, которые теперь работают, развертывается
социалистическое соревнование.

Цигахь хиллачу нахана юккьера || юкъара схьавара иза.
Он пришел из среды тех людей, которые были там.

Талла ваханчу стагана уллоделира цуьнан жIавлеш.
Вместе с человеком, который ходил на охоту, были его собаки.

Яздеш воллучу стагана уллохь лавттира иза.
Он стоял около того человека, который пишет (занят писанием).

Цигахь хиьна Iачу стагана уллора вахара со.
Я прошел мимо того человека, который сидел там.

Наркомпросехь болх бечу стагана уллора схьавара со.
Я пришел от человека, который работает в Наркомпросе.

Причастие в придаточных предложениях. Все многочисленные типы придаточных предложений, которые мы рассмотрели выше, имеют в качестве придаточной формы сказуемого — причастие. Причастие в чеченском языке употребляется в придаточных предложениях в двух формах — самостоятельной и несамостоятельной. Самостоятельное причастие употребляется в качестве придаточной формы в субъектных, объектных, предикатных и дополнительных придаточных предложениях. Самостоятельная

форма причастия по значению равна имени существительному. Однако она отличается от отглагольного имени существительного (масдара, см. о нем ниже, стр. 226) следующими особенностями: причастие обозначает только человека и предмет действующий, или человека и предмет, подвергающийся действию, тогда как отглагольное имя существительное обозначает процесс действия. Почти во всех языках (в европейских языках, в русском и др.) мы имеем причастие двух видов: причастие действительного залога и причастие страдательного залога. Причастие действительного залога обозначает, по крайней мере по своей форме, лицо или предмет действующий. Причастие страдательного залога обозначает предмет, по форме подвергающийся действию. Таким образом, причастие действительного залога всегда обозначает мыслимый (как называемый логический) субъект, а причастие страдательного залога — мыслимый (логический) объект того действия, которое обозначено причастием, хотя грамматически то и другое причастие может выражать любой член предложения. Замечательной особенностью чеченского языка является то, что в нем мы не имеем действительного и страдательного залога не только в спряжении, не только в образовании причастий, но и в значении этих причастий, взятых в отдельности. Некоторые кавказские яфетические языки, не имеющие действительного и страдательного залога, имеют однако причастия двух видов — причастие с действительным и страдательным значением. Разумеется, оба эти вида причастия образуются здесь только от переходных глаголов. Причастия с действительным и страдательным значением, например в кабардинском, абхазском и др. языках, различаются как по значению, так и по форме. В чеченском языке одно и то же причастие без всякого изменения своей формы может иметь как действительное, так и страдательное значение. Различие между действительным и страдательным значением чеченского причастия определяется только связью слов в предложении, а в тех глаголах, которые изменяются по классам, также согласованием в классе. Например: „гун стаг“ может обозначать по-чеченски „видящий человек; человек, который видит“ и „видимый человек; человек, которого видят“. Глагол „гуо“ — „видь“, от которого образовано это причастие, не имеет изменения по классам. Различие действительного и страдательного значения может быть достигнуто в данном случае только добавлением необходимых слов. Так, „сунз гун стаг“ обозначает „человек, которого я вижу“ или „видимый мною человек“ (буквально „видимый мне человек“, так как глагол „гуо“ имеет логический субъект в дательном падеже). Наоборот, „со гун стаг“ значит „человек, который видит меня“ или „видящий меня человек“. Если возьмем простой переходный глагол, также не имеющий изменения по классам, то мы увидим то же явление: „ас льху стаг“ — „человек, которого я ищу“, „со льху стаг“ — „человек, который меня ищет, ищущий меня человек“. Следовательно, единственным отличием действительного и страдательного значения чеченского причастия служит падеж поставленного впереди него слова — главного члена придаточного предложения. Если перед причастием, образованным от переходного глагола, стоит активный падеж, являющийся по отношению к причастию подлежащим, то причастие приобретает страдательное значение. Если же перед причастием стоит именительнo-винительный падеж, который является по отношению к причастию прямым дополнением, то причастие приобретает действительное значение. Следовательно, для определения значения чеченского причастия от переходного глагола важно, может ли оно иметь впереди себя свое подлежащее или свое прямое дополнение. В отношении причастий, а также субъектных, объектных, предикатных и дополнительных придаточных предложений, в подавляющем большинстве исследованных языков мы можем установить один общий закон. Причастие действительного залога не может иметь при себе своего смыслового подлежащего, так как оно само по своему значению выра-

жает мыслимый субъект своего действия. Наоборот, причастие страдательного залога не может иметь при себе своего смыслового прямого дополнения, так как само оно обозначает мыслимый объект своего действия. Тот же закон имеет силу и для русских причастий. В отношении русских придаточных предложений этот закон выражается в том, что переходные придаточные предложения не могут иметь в своем составе субъекта, выраженного именем существительным или личным местоимением в том случае, если в них выражен полнозначным словом объект, и, наоборот, если в этих предложениях полнозначным словом выражен субъект, то объект может быть выражен только служебными словами, т. е. относительными местоимениями. Этот же закон действителен и для чеченского языка. Здесь он выражается в том, что при причастии из главных членов того придаточного предложения, в котором данное причастие служит сказуемым, может быть выражено или только смысловое (логическое) подлежащее, или только прямое дополнение. Разумеется, все сказанное относится лишь к тем придаточным предложениям или причастиям, которые являются переходными по своему значению и которые имеют значение субъектных, объектных, предикатных, дополнительных и определительных придаточных предложений. Следовательно, в чеченском языке причастие „гун“ (это причастие образовано от глагола с дательным субъектом) с дательным падежом впереди себя будет обозначать „видимый; тот, кого видят; которого видят“, а то же причастие с именительно-винительным падежом перед собою будет иметь значение „видящий; тот, кто видит; который видит“. Точно так же причастие „лоьху“ с активным падежом впереди себя (это причастие образовано от переходного глагола) будет иметь страдательное значение „тот, кого ищут, которого ищут“, а с именительно-винительным падежом перед собою — действительное значение „тот, кто ищет; который ищет, ищущий“. Таким образом, в чеченском языке различие этих двух значений выражается не формой самого причастия, а синтаксической связью его с относящимися к нему смысловыми главными членами придаточного предложения. Это представляет собою несомненный архаизм — пережиток эпохи аморфного строя и служит лишним доказательством того, что в чеченском языке еще не появился подлинный страдательный залог и развитая страдательная конструкция предложения, которую многие лингвисты упорно хотят навязать кавказским яфетическим языкам. Коренной особенностью чеченских причастий, также отличающей его от русского языка, является более широкая возможность выражения при этом причастии подлежащего (во всех случаях, за исключением причастий с действительным значением). Как известно, в русском языке мы можем заменить придаточное предложение причастным оборотом лишь в том случае, если придаточное предложение имеет с главным одинаковое подлежащее. Лишь в русских диалектах встречаются причастные и деепричастные придаточные предложения при разных подлежащих в придаточном и главном предложении. В чеченском языке причастная придаточная форма употребляется безразлично и в случае одинаковых и в случае различных подлежащих в обоих предложениях. Это и понятно, так как нет иного способа выразить придаточные предложения весьма многочисленных типов.

Выше мы исследовали случай, когда причастие образовано от переходного глагола. Еще более интересную картину представляет собою чеченское причастие от непереходных глаголов. Причастие настоящего времени от глагола „лела“ — „ходи, гуляй“ пишется одинаково с формой повелительного наклонения — „лела(н)“ — „ходящий, гуляющий“. Интересно, что каждое непереходное причастие в чеченском языке может иметь и переходное значение. При переходном же его значении приходится различать действительное и страдательное значение причастия. Так, например:

(Цу) новкъа лела автомобиль.

Автомобиль, ходящий || проходящий по (этому) пути.

Автомобиль лела некъ.

Путь, проходимый автомобилем.

В этих двух примерах мы видим разницу между действительным и страдательным значением чеченского непереходного причастия. В первом случае в придаточном предложении не может стоять по общему правилу подлежащего, так как оно представляет собою непереходный оборот и причастие имеет действительное значение. По этой же причине не может в нем стоять и прямое дополнение. Таким образом, при непереходном причастии с действительным значением не может быть никаких других главных членов предложения. Во втором примере для того, чтобы выразить страдательное значение непереходного причастия, мы должны поставить перед ним подлежащее. Так как, несмотря на страдательное значение, причастие и следовательно все придаточное предложение остается непереходным, то подлежащее в этом предложении должно стоять в именительном падеже. Получается, таким образом, своеобразная конструкция, при которой впереди причастия стоит имя существительное в именительном падеже, выражающее не прямое дополнение как при переходных причастиях, а подлежащее, причастие же получает значение страдательное, т. е. то значение, которое собственно должно было бы иметь лишь переходное причастие. Образование причастий со страдательным значением от непереходных глаголов не представляет собою редкого явления в чеченском языке и не ему одному свойственно. В этом отношении чеченский язык сходен с некоторыми другими языками (например: с марийским, северно-великорусскими говорами русского языка и т. д.), однако специфической особенностью чеченского языка остается тот факт, что как переходное, так и непереходное чеченское причастие без всякого изменения своей формы может иметь и страдательное и действительное значение.

Разберем теперь случай образования причастия от глаголов, выражающих согласование по классам. Возьмем пример:

(Цхъа хлума) ден стаг.

(Что-то) делающий человек.

Человек, который что-то делает.

Ас бен болх.

Работа, которую я делаю.

Мною делаемая работа.

В первом примере переходное причастие с действительным значением согласуется в классе со словом, стоящим впереди него в именительном падеже, т. е. со своим прямым дополнением. Во втором примере то же причастие, как имеющее страдательное значение, не может иметь впереди себя прямого дополнения и не может согласовываться со своим подлежащим, так как оно должно стоять в активном падеже. Поэтому причастие со страдательным значением согласуется со словом, стоящим после него, т. е. со своим определяемым, независимо от падежа последнего. Самостоятельное же причастие, не имеющее при себе определяемого, согласуется обычно с подразумеваемым определяемым и потому чаще всего в случае неопределенности этого подразумеваемого определяемого стоит в классе „д, д“:

Ас дийриг.

(Вообще) То, что я делаю.

Ас бийриг (подразумевается: „болх“).

Та, я что делаю (подразумевается: „работа“).

Итак, чеченское переходное причастие согласуется в классе со своим прямым дополнением, т. е. со словом, стоящим впереди него, в том случае, если это причастие имеет действительное значение, и со своим определяемым, стоящим после него и входящим в состав главного предложения, в том случае, если оно имеет страдательное значение. Обратную картину мы имеем в согласовании по классам чеченского переходного причастия, например:

(Цу) муьрехь ве́ха стаг.

Живущий в (эту) пору человек.

Человек, который живет в (эту) пору.

Стаг ве́ха мур.

Период времени, переживаемый человеком.

Период времени, в который живет человек.

Вешехь йолу говр.

Лошадь, которая находится (есть) у брата.

Говр йолу ваша.

Брат, у которого находится (есть) лошадь.

В первом примере переходное причастие имеет действительное значение. Перед ним не может быть своего подлежащего в именительном падеже. Поэтому причастие согласуется и может согласоваться только с последующим словом, входящим в состав главного предложения, т. е. со своим определяемым. Во втором примере переходное причастие имеет страдательное значение, оно может иметь впереди себя свое подлежащее в именительном падеже. Поэтому оно согласуется с этим своим подлежащим.

Следовательно переходное причастие с действительным значением согласуется со словом впереди себя (прямым дополнением), то же причастие с страдательным значением согласуется с последующим словом — со своим определяемым. Непереходное причастие, наоборот, если оно имеет действительное значение, — согласуется с последующим словом — определяемым, если же оно имеет страдательное значение, — с предыдущим словом — со своим подлежащим. Следует заметить, что определяемое слово, входящее в состав главного предложения, может стоять в любом падеже и согласование причастия по классам остается при этом ненарушенным.

Выше мы говорили о страдательном и действительном по значению причастиях и о способах их выражения. Однако правильнее было бы сказать, что согласование в классе переходного причастия с действительным значением — с предыдущим прямым дополнением, так же как согласование переходного причастия с страдательным значением — с последующим его определяемым есть дополнительный способ придать этому причастию в чеченском языке действительное и страдательное значение. Точно так же согласование по классу переходного причастия с действительным значением с последующим своим определяемым и того же причастия с страдательным значением — с предшествующим своим подлежащим в чеченском языке есть тоже дополнительный способ выразить действительное и страдательное значение переходного причастия.

У тех глаголов, которые имеют согласование по классу, это вместе с тем единственный способ выразить в чеченском языке действительное и страдательное значение формой самого причастия.

Для подтверждения всего того, что мы говорили выше, приведем здесь таблицу образования причастных форм.

а) Самостоятельная форма причастия.

Значение действительного залога	Значение страдательного залога
(Цхьа хлума) йийриг. ¹ Тот, кто делает что-то. Делающий что-то.	Ас дийриг. То, что я делаю. Мною делаемое.
(Цхьа хлума) йинарг. Тот, кто сделал что-то. Делавший что-то.	Ас динарг. То, что мною сделано. То, что я сделал. Сделанное мною.
(Цхьа хлума) ен ерг. Тот, кто сделает что-то.	Ас ден дерг. То, что мною будет сделано. То, что я сделаю.
Со льхург. Тот, кто меня ищет. Ищущий меня.	Ас льхург. То, что я ищу. Искомое мною.
Со лехнарг. Тот, кто меня сыскал. Сыскавший меня.	Ас лехнарг. То, что я сыскал, Разысканное мною.
Со льху верг. Тот, кто будет меня искать.	Ас льху дерг. То, что я буду искать.
Со виэзарг. Тот, кто меня любит. Любящий меня.	Суна диэзарг. То, что я люблю. Любимое мною.
Со везнарг. Тот, кто меня полюбил. Полюбивший меня.	Суна везнарг. То, что я полюбил. Излюбленное мною.
Со виэза верг. Тот, кто будет меня любить. Тот, кто меня полюбит.	Суна диэза дерг. То, что я буду любить. То, что я полюблю.
Со гург. Тот, кто меня видит. Видящий меня.	Суна гург. То, что я вижу. Видимое мне.
Со гинарг вайнарг. Тот, кто меня увидел. Увидевший меня.	Суна гинарг дайнарг. То, что я увидел. Увиденное мною.
Со гун верг. Тот, кто меня увидит. Тот, кто меня будет видеть.	Суна гун дерг. То, что я увижу. То, что мне будет видно.

Последние два причастия от глаголов „гуо — видь“ и „виэза“ — „люби“ принадлежат залогу с дательным субъектом. По правилам выражения действительного и страдательного значения причастия и по согласованию в классе они подходят под правило переходных глаголов с той лишь разницей, что активный падеж подлежащего при причастии с страдательным значением заменяется при этих глаголах дательным падежом логического субъекта.

¹ „Хлума“ — „вещь“ в неопределенном и общем значении требует класса „ду, ду“, если же подразумевается, как в данном случае, предмет, требующий класса „ю, ю“, то употребляется приведенное в тексте согласование.

Иуьллург. Тот, кто лежит. Лежащий.	Со Иуьллург. То, на чем я лежу.
Иллинарг. Тот, кто лежал, полежал. Лежавший, полежавший.	Со Иллинарг. То, на чем я лежал, полежал.
Иуьлуу верг. Тот, кто будет лежать. Тот, кто полежит.	Со Иуьлуу берг. То, на чем я буду лежать. То, на чем я полежу.
Вехарг. Тот, кто живет. Живущий.	Со вехарг. То (время), что я переживаю. Переживаемое мною.
Ваьхнарг. Тот, кто прожил, жил. Проживший, живший.	Со ваьхнарг. То (время), что я пережил, прожил. Пережитое мною. Прожитое мною.
Вега верг. Тот, кто будет жить. Тот, кто поживет.	Со вега верг. То (время), что я переживу. То (время), что я проживу.

Приведенные здесь формы причастия от глагола „Илла“ — „лежи“ и „ваха“ — „жизни“ относятся к непреходным причастиям, как и глаголы, от которых они происходят. При этих причастиях предшествующий именительный падеж показывает, что причастие имеет ст. адательное значение.

б) Несамостоятельная форма причастия.

(Цхьа хлума) ен стаг. Человек, делающий что-то. Человек, который делает что-то	Ас бен болх. Работа, делаемая мною. Работа, которую я делаю.
(Цхьа хлума) йина стаг. Человек, сделавший что-то. Человек, который сделал что-то.	Ас бина болх. Работа, сделанная мною. Работа, которую я сделал.
(Цхьа хлума) ен йолу стаг. Человек, который сделает что-то. Человек, который будет делать что-то.	Ас бен болу болх. Работа, которую я сделаю. Работа, которую я буду делать.
Со лыху стаг. Человек, ищущий меня. Человек, который ищет меня.	Ас лыху стаг. Человек, которого я ищу.
Со лехна стаг. Человек, сыскавший меня. Человек, который сыскал меня.	Ас лехна стаг. Человек, которого я сыскал. Человек, разысканный мною.
Со лыху волу стаг. Человек, который меня сыщет. Человек, который будет искать меня.	Ас лыху волу стаг. Человек, которого я сыщу. Человек, которого я буду искать.
Со гун стаг. Человек, видящий меня. Человек, который меня видит.	Суна гун стаг. Человек, видимый мне. Человек, которого я вижу.
Со гина вайна стаг. Человек, увидевший меня. Человек, который меня увидел.	Суна гина вайна стаг. Человек, увиденный мною. Человек, которого я увидел.

Со гуя волу стаг.
Человек, который увидит меня.
Человек, который будет видеть
меня.

Зуда йиэза майра.
Муж, любящий жену.
Муж, который любит жену.

Зуда езна майра.
Муж, полюбивший жену.
Муж, который полюбил жену.

Зуда йкэза йолу майра.
Муж, который полюбит жену.
Муж, который будет любить
жену.

Цу меттахь йуьллу стаг.
Человек, лежащий на этой
постели.
Человек, который лежит на
этой постели.

Цу меттахь йиллина стаг.
Человек, полежавший на этой
постели.
Человек, который полежал на
этой постели.

Цу меттахь йуьллу волу стаг.
Человек, который полежит на
этой постели.
Человек, который будет лежать
на этой постели.

Цу муьрехь веа стаг.
Человек, живущий в эту пору.
Человек, который живет в эту
пору.

Цу муьрехь ваьхна стаг.
Человек, переживший эту пору.
Человек, живший в эту пору.

Цу муьрехь веа волу стаг.
Человек, который будет жить
в эту пору.
Человек, который проживет
в эту пору.

Суна гун волу стаг.
Человек, которого я увижу.
Человек, который будет виден
мне.

Зудчунна виэза майра.
Муж, любимый женою.
Муж, которого любит жена.
Зудчунна везна майра.
Муж, которого полюбила жена.

Зудчунна виэза волу майра.
Муж, которого полюбит жена.
Муж, которого будет любить
жена.

Стаг йуьллу мотт.
Постель, на которой лежит
человек.

Стаг йиллина мотт.
Постель, на которой полежал
человек.
Постель, на которой лежал
человек.

Стаг йуьллу волу мотт.
Постель, на которой полежит
человек.
Постель, на которой будет
лежать человек.

Стаг веа мур.
Пора, в которую живет
человек.

Стаг ваьхна мур.
Пора, которую пережил
человек.
Пора, которую прожил человек.

Стаг веа волу мур.
Пора, в которую будет жить
человек.
Пора, которую проживет
человек.

Приводим здесь таблицу изменения причастия по классам и временам
в процессном и обобщенном залоге.

Ша болх беш волу стаг.
Человек, который (сам) занят
работой.

Ша болх бина волу стаг.
Человек, который (сам) был
занят работой.

Ша болх бийр болуш волу стаг.
Человек, который (сам) будет
занят работой.

Ас беш болу болх.
Работа, которую делаю я.
Работа, которой занят я.

Ас бина болу болх.
Работа, которую сделал я.
Работа, которой был занят я.

Ас бийр болуш болу болх.
Работа, которую буду делать я.
Работа, которую сделаю я.
Работа, которой буду занят я.

Книжка схъабыуш волу
дешархо.

Ученик, который (обычно)
получает книгу.

Книжка схъаэчна волу дешархо.

Ученик, который получил книгу.

Книжка схъабыур йолуш волу
дешархо.

Ученик, который (обычно)
будет получать книжку.

И шена гуш волу стаг.
Человек, который (обычно)
видит это.

Человек, которому виднеется
это.

И шена гина волу стаг.
Человек, который увидел это.

И шена гур долуш волу стаг.
Человек, который будет видеть
это.

Зуда шена езаш волу майра.
Муж, который любит жену.

Зуда шена езна волу майра.
Муж, который полюбил жену.
Муж, который любил жену.

Зуда езар йолуш волу майра.

Муж, который будет любить
жену.

Муж, который полюбил жену.

Дешархо схъабыуш йолу
книжка.

Книга, которую получает
ученик.

Книга, получением которой
занят ученик.

Дешархо схъаэчна йолу
книжка.

Книга, которую получил ученик.
Книга, получением которой

был занят ученик.

Дешархо схъабыур йолуш
йолу книжка.

Книжка, которую будет
получать ученик.

Книжка, получением которой
будет занят ученик.

Ша гуш волу стаг.
Человек, который (обычно)
видит.

Зрячий человек.

Ша гина волу стаг.
Человек, которого увидели.
Человек, которого (обычно)
видели.

Ша гур волуш волу стаг.
Человек, которого (обычно)
увидят.

Человек, которого (обычно)
будут видеть.

Майрачунна езаш йолу зуда.
Жена, которую (вообще) любит
муж.

Майрачунна езна йолу зуда.
Жена, которую полюбил муж.
Жена, которую (обычно) любит
муж.

Майрачунна езар йолуш йолу.
зуда.

Жена, которую (обычно) будет
любить муж..

Жена, которую полюбил муж.

Мы видим, что в переходных глаголах значение страдательного залога бывает выражено формой процессно-переходного оборота, а значение действительного залога бывает выражено формой обобщенно-переходного залога. В глаголах же с дательным объектом, наоборот, значение страдательного залога выражено формой обобщенно-дательного оборота, а значение действительного залога — формой процессно-дательного оборота. Причастие от непереходных глаголов, по общему правилу, имеет в обоих случаях только один оборот — непереходно-собщенный.

Из примеров для нас совершенно ясен строй чеченских придаточных предложений, в которых сказуемое выражено причастием. Вкратце можно

сказать, что чеченское переходное причастие, так же как чеченское непереходное причастие, согласуется по классу всегда с именительным падежом, который стоит впереди него. В тех же случаях, когда именительный падеж не может предшествовать причастию (т. е. при страдательном значении переходного причастия и при действительном значении непереходного причастия), чеченские причастия согласуются в классе с последующим словом — определяемым, в каком бы падеже последнее ни стояло.

Услар на 65—69 стр. своей работы „Чеченский язык“, разбирая случаи употребления чеченского причастия и формы его согласования, приходит к неправильным выводам по этому вопросу. Произошло это потому, что Услар считал, по его собственным словам, „...необходимым предварительно убедить его [читателя] в том, что в чеченском языке вовсе нет действительных глаголов; (ез такового убеждения невозможно понять чеченской конструкции“ (стр. 66). Сам Услар, однако, тут же признается, что „...тут [в отношении причастий] конструкция становится довольно темною“ (там же). Правда, на стр. 67 после разбора примера он говорит: „Здесь, повидимому, причастия имеют значение действительных, и можно даже подумать, что одни и те же формы: „йиэзан, виэзан, гун, гуриг, язден“¹ имеют значение то страдательных, то действительных причастий. Но таковое заключение ошибочно; во всех этих примерах причастия сохраняют страдательное значение свое. Это обнаруживается уже из того, что они постоянно согласуются с пре метом, который подвергается действию, а не с тем, который действует“. И так, во-первых, Услар спутал здесь грамматическую форму согласования в классе со значением этих грамматических форм. Между тем, из разбора предыдущих примеров мы без малейших колебаний должны заключить, что чеченские причастия действительно имеют действительное и страдательное значение, смотря по связи слов и по согласованию в классе. Во-вторых, Услар не принял во внимание того факта, что при непереходных глаголах именно подлежащее, т. е. лицо действующее, стоит в именительном падеже и требует согласования по классу со стороны глагольных форм. Все это привело Услара к тому, что, в конце концов, он не смог дать правильного объяснения чеченских причастных конструкций и сделал ряд неправильных переводов этих конструкций с чеченского на русский язык. Так, на стр. 68 предложение: „Собгахъ говр йолун ваша дика ву“ — он переводит следующим образом: „У меня лошадь брата, который хорош“. Тогда как на самом деле это предложение обозначает: „Брат, лошадь которого находится у меня,—хорош“.

В таком же духе Услар перевел многие примеры на стр. 68—69 своей работы. После этого ошибочного разбора сам автор признает: „В этих предложениях встречаются формы, которые остались для меня несъяснимыми. Причастие настоящее [т. е. настоящего времени. Н. Я.], находясь *впереди* своего существительного, подобно прилагательному, имеет окончанием „н“, как мы то и находим в первом примере: „йолун говр“; в противном случае окончанием для него служит „риг“; но во втором примере встречаем: „говр йолун“. Непонятно также, почему „йолун, гун, виэзан“ принимают косвенные формы „йолчу, гучу, виэзачу“, согласуясь таким образом с последующими: „стага, вашас“ и „ас“, а не с именительными: „со“ и „говр“, к которым они прямо относятся“ (стр. 69). Таким образом, Услар, исходя из неправильного положения о том, что в чеченском языке существуют только глаголы страдательного залога и совсем нет глаголов действительного залога, не смог объяснить причастной конструкции в чеченском языке. Предложения, на которые ссылается Услар, следующие:

¹ Примеры, приводимые Усларом, мы транскрибируем современным чеченским алфавитом, сохраняя при этом орфографию подлинника.

- Собгахь йолун говр.
 т. е. Лошадь, находящаяся у меня.
 Лошадь, которая находится у меня.¹
- Собгахь говр йолун в ша дика ву.
 т. е. Брат, лошадь которого находится у меня, хорош.
- Со гун стаг дика ву.
 т. е. Человек, который меня видит, хорош.
- Со гучу стага яздо.
 т. е. Человек, который меня видит, пишет.
- Собгахь говр йолчу вашас яздо.
 т. е. Брат, лошадь которого находится у меня, пишет.
- Сан говр йолчу вашас яздо.
 т. е. Брат, у которого находится моя лошадь, пишет.
- Со виэзачу стага яздо.
 т. е. Человек, который меня любит, пишет.
- Вешехь говр йолун со дика ву.
 т. е. Я, чья лошадь находится у брата, хорош.
- Вешехь говр йолчу ас яздо.
 т. е. Я, чья лошадь находится у брата, пишу.

Если принять тот вывод, который сделали мы, т. е. что чеченское причастие не имеет действительной и страдательной формы, а получает действительное и страдательное значение в зависимости от связи с предшествующими словами, то мы можем легко разобрать грамматический строй этих предложений, перед которыми встал втупик такой крупный исследователь, как Услар. Причастия „йолун“ и „гун“ представляют собою причастия в именительном падеже един. и множ. числа — первое от вспомогательного глагола-связки „ду“, второе от глагола „гуо“ — „видо“. Первый глагол непереходный, второй требует дательного субъекта. Формы причастий от тех же глаголов „йолчу“ и „гучу“ представляют собою общую форму косвенных падежей един. и множ. числа, которую имеют все причастия в случае их несамостоятельного склонения (суффикс „чу“). В данных примерах несамостоятельная форма причастий объясняется тем, что они стоят при последующих именах существительных („йолун говр“, „гун стаг“) в качестве определений. В чеченском языке несамостоятельное причастие, как и всякое определение, согласуется в падеже со своим определяемым, т. е. при именительном падеже определяемого стоит в форме именительного падежа, а при всех косвенных падежах определяемого (в том числе и при активном падеже его) имеет общую форму косвенных падежей с суффиксом „чу“. Таким образом, падежная форма несамостоятельно употребляемого причастия целиком определяется падежной формой непосредственно следующего за ним определяемого. Согласование же несамостоятельно употребляемого причастия в классе не всегда совпадает с согласованием его в падеже. В непереходных глаголах (к каким относится и вспомогательный глагол-связка „ду“) согласование по классу зависит от того, может ли стоять именительный падеж имени существительного перед причастием или нет. Если перед причастием, образованным от непереходного глагола, как это имеет место в данном случае, может стоять имя существительное в именительном падеже, то в этом случае причастие приобретает страдательное значение и согласуется в классе с этим именем существительным, которое по отношению к причастию играет роль субъекта. Если же перед этим непереходным причастием, образованным

¹ Здесь всюду мы заменили источные переводы Услара своими.

от непереходного глагола, не может стоять существительное в именительном падеже, то тем самым причастие получает действительное значение и согласуется в классе с тем именем существительным, которое стоит непосредственно после него, т. е. со своим определяемым (см. примеры на стр. 202 и сл.). В первом случае согласование чеченского причастия в классе не совпадает с согласованием его в падеже, такое причастие имеет как бы двойное согласование. По классу оно согласуется со своим подлежащим, входящим в состав придаточного предложения, по падежу же — со своим определяемым, входящим в состав главного предложения. Следовательно, в этом случае классный префикс, стоящий в начале причастия, выражает его связь, как сказуемого, с другим главным членом придаточного предложения, подлежащим. Падежное окончание же причастия показывает его связь, как определения, — с определяемым, входящим в состав главного предложения. Таким образом, чеченское причастие в этом случае имеет двойное согласование и одновременно входит в состав двух предложений — в придаточное на правах сказуемого и в главное на правах определения при определяемом. Во втором случае, т. е. в случае отсутствия при причастии своего подлежащего, оно согласуется и в падеже и в классе только со своим определяемым. В этом случае оба способа показывают связь причастия, как члена главного предложения, со своим определяемым, входящим в состав этого предложения. Связь же причастия, как сказуемого придаточного предложения, с другими членами придаточного предложения морфологически никак не выражена за отсутствием в придаточном предложении других главных членов. То, что мы здесь написали о причастии, образованном от непереходного глагола, целиком относится и к причастию от глагола переходного с той только разницей, что последнее имеет двойное согласование, т. е. согласование по классу внутри придаточного предложения и согласование по падежу внутри главного предложения — в случае действительного значения (когда внутри придаточного предложения может стоять прямое дополнение), и оба способа согласования, направленные в сторону главного предложения, — в случае страдательного значения (когда в придаточном предложении не может стоять существительное в именительном падеже; ср. стр. 201 и сл.).

Независимо от того, однако, в какую сторону направлено согласование чеченского причастия, выраженное морфологически, мы можем сделать общий вывод: чеченское причастие всегда как в самостоятельной, так и в несамостоятельной своей форме представляет собою такой член сложного предложения, который одновременно входит и в состав придаточного, и в состав главного предложения на правах члена обоих этих предложений. Из всего этого мы можем сделать важный практический вывод — чеченское причастие нельзя отделять запятой ни от других членов главного предложения, ни от других членов придаточного предложения.

Вернемся, однако, к недоумениям Услара. Услар не понимает, почему во втором из приведенных им примеров причастие имеет форму именительного падежа несамостоятельного склонения. На деле это падежное окончание согласуется с именительным падежом последующего слова „ваша“, как суффикс его определения. Это же самое причастие согласуется здесь по классу с предшествующим словом „говр“, как сказуемое придаточного предложения со своим подлежащим. Следовательно, в данном предложении не может стоять самостоятельная форма причастия с окончанием „риг“. Она могла бы стоять только в том случае, если бы слово „ваша“, подлежащее главного предложения, было целиком заменено причастием, которое сделалось бы в этом случае подлежащим главного предложения, оставаясь в то же время сказуемым по отношению к придаточному предложению:

Собгахь говр ерг дика ву.

Тот, чья лошадь находится у меня, хорош.

Таблица склонения чеченского причастия.

(Причастие настоящего времени).

Самостоятельное склонение.

Падежи:	Единственное число.	Множественное число.
Именительно-винительный.	Гург.	Гурш. Те, кто видит. Те, кого видят. Те, что видятся.
Родительный.	Гучун.	Гучийн. Гучёран. Тех, кто видит. Тех, кого видят. Тех, что видятся.
Дательный.	Гучунна.	Гучушна. Гучарна. Тем, кто видит. Тем, кого видят. Тем, что видятся.
Активный.	Гучо.	Гучуша. Гучара. Те, кто видит. Те, кого видят. Те, что видятся.
Творительный.	Гучувца.	Гучушца. Гучарца. С теми, кто видит. С теми, кого видят. Теми, что видятся.
Вещественный.	Гучух.	Гучийх. Гучарах. О тех, кто видит. О тех, кого видят. В тех, что видятся.
Местный (основная форма — движения).	Гучуьнга.	Гучушка. Гучарга. К тем, кто видит. К тем, кого видят. В те, что видятся.

Производные формы:

а) пребывания.	Гучуьнгахъ.	У того, кто видит. У того, кого видят. В том, что видят.	Гучушкахъ. Гучаргахъ.	У тех, кто видит. У тех, кого видят. В тех, что видятся.
б) направления.	Гучуьнгахъа.	В сторону того, кто видит. В сторону того, кого видят. В сторону того, что видят.	Гучушкахъа. Гучаргахъа.	В сторону тех, кто видит. В сторону тех, кого видят. В сторону тех, что видятся.
в) исхода.	Гучуьнгара.	От того, кто видит. От того, кого видят. От того, что видят.	Гучушкара. Гучаргара.	От тех, кто видит. От тех, кого видят. От тех, что видятся.
г) направления-исхода.	Гучуьнгахъара.	Со стороны того, кто видит. Со стороны того, кого видят. По направлению от того, что видят.	Гучушкахъара. Гучаргахъара.	Со стороны тех, кто видит. Со стороны тех, кого видят. Со стороны тех, что видятся.
д) движения через.	Гучуьнгахула.	Через того, кто видит. Через того, кого видят. Через то, что видят.	Гучушкахула. Гучаргахула.	Через тех, кто видит. Через тех, кого видят. Через те, что видятся.
е) направления-движения через.	Гучуьнгахъахула.	Со стороны того, кто видит. Со стороны того, кого видят. Минувя то, что видят.	Гучушкахъахула. Гучаргахъахула.	Со стороны тех, кто видит. Со стороны тех, кого видят. Минувя те, что видятся.
ж) предела. ¹	Гучуьнгац.	До того, кто видит. До того, кого видят. До того, что видят.	Гучушкац. Гучаргац.	До тех, кто видит. До тех, кого видят. До тех, что видятся.
Сравнительный.	Гучул.	Чем тот, кто видит. Чем тот, кого видят. Чем то, что видят.	Гучийл. Гучарал.	Чем те, кто видит. Чем те, кого видят. Чем те, что видятся.

¹ Указанная в данной и в последующих таблицах склонения форма предела, производная от местного падежа, в литературном языке неупотребительна, но сохраняется еще в некоторых народных диалектах.

Несамостоятельное склонение.

Единственное число.

Множественное число.

Падежи:

Именительно-винительный.	Гун стаг.	Видящий человек. Человек, который видит. Видимый человек.	Ловхун ж'аьлеш	Ищущие собаки. Собаки, которые ищут. Собаки, которых ищут.
Родительный.	Гучу стаган.	Человек, которого видят. Видимого человека. Видящего человека. Человека, который видит. Видимого человека. Человека, которого видят.	Ловхучу ж'аьлийн.	Ищущих собак. Собак, которые ищут. Собак, которых ищут.
Дательный.	Гучу стагана.	Видящему человеку. Человеку, который видит. Видимому человеку. Человеку, которого видят.	Ловхучу ж'аьлешна.	Ищущим собакам. Собакам, которые ищут. Собакам, которых ищут.
Активный.	Гучу стага.	Видящий человек. Человек, который видит. Видимый человек. Человек, которого видят.	Ловхучу ж'аьлийша.	Ищущие собаки. Собаки, которые ищут. Собаки, которых ищут.
Творительный.	Гучу стагаца.	С видящим человеком. С человеком, который видит. С видимым человеком. С человеком, которого видят.	Ловхучу ж'аьлешца.	С ищущими собаками. Ищущими собаками. С собаками, которые ищут. С собаками, которых ищут. С собаками, которых ищут.
Вещественный.	Гучу стагах.	О видящем человеке. О человеке, который видит. О видимом человеке. О человеке, которого видят.	Ловхучу ж'аьлийх.	Об ищущих собаках. О собаках, которые ищут. О собаках, которых ищут.
Местный (основная форма — движения).	Гучу стагя.	К видящему человеку. К человеку, который видит. К видимому человеку. К человеку, которого видят.	Ловхучу ж'аьлешка.	К ищущим собакам. К собакам, которые ищут. К собакам, которых ищут.

Противоположные формы:

а) пребывания.	Гучу стагехь.	У видящего человека. У человека, который видит. У видимого человека. У человека, которого видят.	Ловхучу жӀавлешкахь.	У ищущих собак. У собак, которые ищут. У собак, которых ищут.
б) направления.	Гучу стагӀэхьӀа.	В сторону видящего человека. В сторону человека, который видит. В сторону видимого человека. В сторону человека, которого видят.	Ловхучу жӀавлешкахьӀа.	В сторону ищущих собак. В сторону собак, которые ищут. В сторону собак, которых ищут.
в) исхода.	Гучу стагӀиӀера.	От видящего человека. От человека, который видит. От видимого человека. От человека, которого видят.	Ловхучу жӀавлешкара.	От ищущих собак. От собак, которые ищут. От собак, которых ищут.
г) направления-исхода.	Гучу стагӀиӀехьӀара.	Со стороны видящего человека. Со стороны человека, который видит. Со стороны видимого человека. Со стороны человека, которого видят.	Ловхучу жӀавлешкахьӀара.	Со стороны ищущих собак. Со стороны собак, которые ищут. Со стороны собак, которых ищут.
д) движения через.	Гучу стагӀиӀехула.	Через человека, который видит. Через человека, которого видят.	Ловхучу жӀавлешкахула.	Через ищущих собак. Через собак, которые ищут. Через собак, которых ищут.
е) направления-движения через.	Гучу стагӀиӀехьӀахула.	Со стороны человека, который видит. Со стороны видящего человека. Со стороны видимого человека. Со стороны человека, которого видят.	Ловхучу жӀавлешкахьӀахула.	Со стороны ищущих собак. Со стороны собак, которые ищут. Со стороны собак, которых ищут.
ж) предела.	Гучу стагӀгец.	До видящего человека. До человека, который видит. До видимого человека. До человека, которого видят.	Ловхучу жӀавлешкац.	До ищущих собак. До собак, которые ищут. До собак, которых ищут.
Сравнительный.	Гучу стагал.	Чем видящий человек. Чем человек, который видит. Чем видимый человек. Чем человек, которого видят.	Ловхучу жӀавлийл.	Чем ищущие собаки. Чем собаки, которые ищут. Чем собаки, которых ищут.

Далее Услар недоумевает: „... почему „йолун, гуя, виэзан“ принимают косвенные формы „йолчу, гучу, виэзачу“, согласуясь... с последующим „стага, вашас“ и „ас“, а не с именительным „со“ и „говр“, к которым они прямо относятся“. Здесь Услар не понял двойной роли чеченского причастия в сложноподчиненном предложении. Он не понял, что это причастие в одно и то же время есть член и главного, и придаточного предложения и что, следовательно, приводимые им причастия „йолчу, гучу, виэзачу“ одновременно связаны с предшествующим „со“ и „говр“ как со своими подлежащими и с последующим „стага, вашас“ и „ас“ как со своими определяемыми, служащими продуктивными подлежащими в главном предложении. Можно считать, что эти недоумения Услара в настоящее время окончательно рассеяны, как и его основное недоразумение — признание за чеченским глаголом исключительно страдательного значения.

В отношении употребления запятой для всех видов придаточных предложений, в которых сказуемое выражено причастием (как в самостоятельной, так и в несамостоятельной форме), можно установить следующие правила. Запятая при самом причастии не ставится, за исключением тех случаев, когда после этого причастия в самостоятельной форме употребляется указательное или личное местоимение третьего лица в значении русских указательных местоимений „тот, то“ в одной из их падежных форм. В этом случае запятая ставится потому, что причастие и указательное местоимение стоят в одном и том же падеже, являясь однородными членами главного предложения. Если при причастии имеются свои главные и второстепенные члены придаточного предложения и придаточное предложение стоит в конце (середине) главного, то в этом случае желательно ставить запятую перед началом придаточного предложения, но не в конце его. Запятая здесь необходима для того, чтобы отделить члены придаточного предложения от членов главного, с которыми они могут иметь одинаковые падежные формы. Следовательно, запятая здесь нужна во избежание двоякого понимания текста. В качестве приложения в запятых пишется это предложение в том случае, когда перед ним стоит только одно слово — указательное местоимение третьего лица, так как оно является членом главного предложения. Наоборот, в том случае, когда причастие не имеет при себе никаких членов придаточного предложения, запятую ставить излишне и вредно, так как причастие всегда по своему окончанию представляет собою член главного предложения. Вышеприведенные, начиная со стр. 184, примеры и расстановка знаков препинания в них служат иллюстрацией к предлагаемым нами правилам употребления знаков препинания.

Итак, падежные окончания чеченского причастия всегда показывают, в качестве какого члена главного предложения оно употребляется (самостоятельная форма причастия в придаточных предложениях субъектных, объектных, предикатных и дополнительных) или определением к какому члену главного предложения оно служит (несамостоятельная форма причастия в определительных придаточных предложениях). Падежное окончание чеченского причастия в самостоятельной его форме, таким образом, точно соответствует падежу русских указательных местоимений „тот, то“, употребляемых для связи придаточных предложений с главным. Это ясно можно видеть из приводимой таблицы склонения причастия, имеющего самостоятельную форму. Падежные же окончания несамостоятельного чеченского причастия выражают согласование его со своим определяемым (см. таблицу склонения чеченского причастия на стр. 210—213).

Приступим теперь к исследованию вопроса о том, как передается в чеченском языке русское относительное местоимение „кто, что, который, чей“ в его различных падежных формах в придаточных предложениях, заменяющих изменяемые по падежам члены главного предложения,

и в определительных придаточных предложениях. Вообще мы уже говорили, что собственно относительные местоимения в чеченском языке отсутствуют (см. стр. 177—178). Однако в чеченском, как и во всяком языке, должен быть способ передачи смысла русских относительных местоимений в тех случаях, когда они принимают различные падежные формы. Другими словами, в чеченском языке должна быть выражена разница между следующими, например, формами придаточных предложений: „кто (письмо) пишет“, „для кого (он письмо) пишет“, „с кем (он письмо) пишет“, „о ком (он письмо) пишет“ и т. д. „что (он в письме) пишет“, „чем (он письмо) пишет“ и т. д. Надо сказать, что способы эти в чеченском языке, из-за отсутствия относительных местоимений и вследствие выражения придаточных предложений одними глагольными формами, до недавнего времени оставались крайне неразвитыми. Одна и та же придаточная форма — причастие — передавала различные значения русских относительных местоимений. Эти значения определялись только контекстом, т. е. связью слов, добавляемых в придаточные предложения или наличных в главном предложении.

Примеры:

Яздийриг йоза хууш ву.

Кто пишет, грамотный человек.

Цо яздийриг Москвехь || Москох вехаш ву.

Кому он пишет, (тот) живет в Москве.

Буквально: Тот (кому) им пишется, в Москве живет.

Из приведенных примеров мы видим, что в последнем предложении смысл русского относительного местоимения „кому“ словесно и формально никак не выражен. Он подразумевается только из связи слов в обоих предложениях, а также из реальной обстановки разговора. Например, если разговор происходит вдали от Москвы о человеке, живущем в данном месте, то из реальной обстановки разговора можно понять, что речь идет не об авторе письма. Кроме того, постановка активного падежа личного местоимения третьего лица „цо“ в качестве подлежащего в придаточном предложении показывает, что относительное значение, выраженное русским относительным местоимением „кому“, не может не быть так понято в данном предложении, так как по установленному нами закону подлежащее, если бы оно имело относительное значение „кто“, не могло бы быть выражено однозначным словом в придаточном предложении. Последнее обстоятельство является решающим для понимания данного предложения в значении „кому пишет“. Такое выражение значения русских относительных местоимений, конечно, весьма несовершенно. В сущности говоря, эти значения выражаются здесь путем подстановки в придаточное предложение всех возможных в нем членов предложения с тем, чтобы оставить подразумеваемым только значение, соответствующее значению русского относительного местоимения. Но если этот способ „подразумеваемого значения“ допустим еще в разговорном языке, где речь восполняется другими способами передачи значения, то он крайне неудобен для письменного литературного языка, в котором приходится стремиться к возможно большей точности и ясности выражений. Поэтому и в чеченском языке давно развился искусственный способ передачи значения русских относительных местоимений с помощью возвратного местоимения третьего лица и других лиц. Чтобы можно было судить об этом способе, приведем примеры.

Употребление возвратного местоимения третьего лица в значении относительного.

Маша эцнарг колхозник ву.

Тот, кто купил сукно, — колхозник.

Цо эцнарг маша бу.
То, что он купил, есть сукно.

Цо ша эцнарг маша бу.
То, что он сам купил, есть сукно.

Буквально: То, (что) он сам || само купил, есть сукно.

Цо и маша шена эцнарг зуда ю.
Та, для кого (для самой) он купил это сукно, есть жена.

Цо и маша шеха || шеца эцнарг ахча ду.
То, на что (на само, самим) он купил это сукно, есть деньги.

Яздийриг йоза хууш ву.
Тот, кто пишет, грамотный человек.

Ша яздийриг йоза хууш ву.
Буквально: Тот, (кто) сам пишет, грамотный человек.

Цо кергат яздийриг Москвехь вехаш ву.
Тот, кому он пишет письмо, живет в Москве.

Цо кергат шена яздийриг Москвехь вехаш ву.
Буквально: Тот, для кого (для самого) он пишет письмо, живет в Москве.

Шех || шеца яздийриг Москвехь вехаш ву.
Тот, о ком (о самом) он пишет, живет в Москве.

Цо шеца яздийриг дешархо ву.
Тот, с кем (с самим) он пишет, есть ученик.

Цо шеца яздийриг вечни перо ю.
То, чем (самим) он пишет, есть вечное перо.

Последние два предложения различаются по смыслу только из связи слов главного предложения.

Цо яздийриг суна хаба.
То, что он пишет, я знаю.

Цо ша яздийриг суна хаба.
То, что (само) он пишет, я знаю.
То, что он сам пишет, я знаю.

И яздийриг суна вевза.
Тот, кто это пишет, мне знаком.

Шега и яздийриг суна вевза.
Тот, кому (самому) он это пишет, мне знаком.

Цо ша яздийриг суна девза.
То, что (само) он пишет, мне знакомо.
То, что он сам пишет, мне знакомо.

И яздийриг, мила ву, хаба суна.
Того, кто это пишет, я знаю.

Буквально: Это пишущий кто есть, мне известно.

Цара, ахь шавшчул || шайл дика яздечара, вон яздо.
Те, лучше кого ты пишешь, пишут плохо.

Употребляемое в приведенных примерах так называемое возвратное местоимение третьего лица по своему происхождению собственно соответствует русскому определительному местоимению: „из-ша“ значит „он сам“. Родительный падеж „шен“ обозначает „(его) самого“, а также „себя“ по отношению к третьему лицу (в чеченском языке эти возвратные местоимения имеют по три лица в единственном и множественном числе; см. прилагаемую таблицу склонения возвратного местоимения).

В то же время „ша“ и его падежные формы в придаточных предложениях имеют относительное значение — „кого, чего, которого, чьего“ и т. д. Возвратные местоимения употребляются в тех придаточных предложениях, в которых сказуемое выражено причастием, исключительно для выражения косвенных падежей относительных местоимений (включая и активный). Для выражения же именительного падежа подлежащего или прямого дополнения в придаточном предложении остается старый способ подразумеваемого относительного значения.

Весьма интересно, однако, что процесс развития относительного значения возвратного местоимения третьего лица пошел дальше и это местоимение развивается в относительное местоимение вообще, относительное местоимение, которое может употребляться по отношению ко всем лицам подлежащего в главном предложении.

Приведем примеры:

И яздийриг со ву.

Кто это пишет — есть я.

Цо кеглат яздийриг со ву.

Кому он пишет письмо — есть я.

Для кого он пишет бумагу — есть я.

Цо шен хьокъехь яздийриг со ву || хьо ву || иза ву.

Тот, о ком он пишет, есть я, есть ты, есть он.

Цо шайн хьокъехь яздийраш тхо ду || шу ду || уьш бу.

Те, о ком он пишет, есть мы, вы, они.

Цо кеглат шега яздийриг со ву || хьо ву || иза ву.

Тот, кому он пишет письмо, есть я, ты, он.

Цо кеглат шавшка || шайга яздийраш тхо ду || шу ду || уьш бу.

Те, кому он пишет письмо, есть мы, вы, они.

Цо кеглат шен дуьхьа || шена яздийриг со ву || хьо ву || иза ву.

Тот, для кого он пишет письмо, есть я, ты, он.

Цо кеглат шайн дуьхьа || шавшна яздийраш тхо ду || шу ду || уьш бу.

Те, для кого он пишет письмо, есть мы, есть вы, есть они.

Следует отметить, что в чеченском языке в таких предложениях, как: „и (ша) яздийриг со ву || хьо ву || иза ву || “ и т. д., включить в придаточное предложение возвратно-относительное „ша“ нельзя, так как здесь еще остается в силе древний способ подразумеваемого относительного значения. В определительных придаточных предложениях по этим же правилам употребляется родительный падеж чеченского возвратного местоимения (родительный падеж представляет собою в чеченском языке обычную форму выражения относительных определений; см. синтаксис простого предложения, стр. 117). Приведем следующие примеры:

Шен книжка стол тлехь йитина дешархо хинца цла вахана.

Ученик, чья книга осталась на столе, сейчас пошел домой.

Ученик, книга которого осталась на столе, сейчас пошел домой.

Шен книжко ангали дохийна дешархо — Исмаилов ву.

Ученик, книга которого разбила стекло, это Исмаилов.

Ученик, чья книга разбила стекло, это Исмаилов.

Шен ручкица ас язде дешархо — Исмаилов ву.

Ученик, чьей ручкой я пишу, это Исмаилов.

Ученик, ручкой которого я пишу, это Исмаилов.

Ас шен еша книжка эсна дешархо — Исмаилов ву.

Ученик, чью книгу я взял почитать, это Исмаилов.

Ас шен деца гергало тесна дешархо — Исмаилов ву.
Ученик, с чьим отцом я познакомился, это Исмаилов.

Ас шен дега аблла дешархо — Исмаилов ву.
Ученик, отцу которого я сказал, это Исмаилов,

и т. д.¹

Таким образом, в чеченском языке возвратное местоимение в значении относительного употребляется всегда только по отношению к подлежащему главного предложения, так же как и относительное местоимение в русском языке. Несмотря на то, что для первых двух лиц обоих чисел существуют свои возвратные местоимения, приобретающие значение относительных, общее значение относительного местоимения для всех трех лиц приобретает чеченское возвратное местоимение третьего лица, хотя оно может употребляться в этом значении и не во всех случаях. Так как способы передачи косвенных падежей русского относительного местоимения в чеченском языке недостаточно развиты, то в тех случаях, где это возможно, стараются обходиться без этого косвенного падежа передачей того же смысла с помощью какого-нибудь падежа одного из личных местоимений. Так, по-чеченски можно сказать:

Со шеца новкъа ваханарг вара сан накъост.
Тот, с кем я шел по дороге, был мой товарищ.

Цуьнца новкъа ваханарг со вара.
Тот, кто шел с ним по дороге, был я.

Но по-чеченски нельзя точно передать форму русского предложения „тот, с кем он шел по дороге, был я“. Это выражение заменяется близким ему по смыслу последним примером (см. выше).

Приводим здесь таблицу склонения возвратно-притяжательного местоимения „шӕ“ — „сам, себя“, приобретающего в придаточных предложениях относительное значение — „кто, что, который, чей“.

Склонение возвратно-относительного местоимения „шӕ“.

Падежи:	Единственное число.	Множественное число.
Именительно-винительный.	Шӕ „сам; кто, что“.	Шӕш.
Родительный.	Шиэн „у кого, у чего, чей“.	Шӕшан.
Дательный.	Шиэна.	Шӕшна.
Активный.	Шӕ „кто, что“.	Шӕша шӕш.
Творительный.	Шиэца.	Шӕйца.
Вещественный.	Шӕх.	Шӕйх.
Местный (в основной его форме).	Шиэга.	Шӕйга.
Производные формы:		
а) пребывания.	Шиэгахь.	Шӕйгахь.
б) направления.	Шиэгахьа.	Шӕйгахьа.
в) исхода.	Шиэгаа.	Шӕйгара.
г) направления-исхода.	Шиэгахьара.	Шӕйгахьара.
д) движения через.	Шиэгахула.	Шӕйгахула.
е) направления-движения через.	Шиэгахьахула.	Шӕйгахьахула.
ж) предела.	Шиэгац.	Шӕйгац.
Сравнительный.	Шел.	Шӕйл.

¹ Большинство примеров с косвенным падежом возвратно-относительного местоимения звучит искусственно. В живой речи они мало употребительны.

Услар, не приводя полной таблицы склонения возвратного местоимения „ша“, отмечает факт совпадения формы этого склонения с падежными формами возвратного местоимения второго лица множественного числа. В действительности в современном литературном языке имеет место совпадение почти всех форм, что видно из приводимого ниже перечисления падежных форм местоимения второго лица множественного числа: именительно-винительный — шу-шаш „вы сами“, родительный — шун-шайн || шун-шешан, дательный — шуна-шайна || шуна-шашна, активный — аша-шаш, творительный — шуйца-шайца || шуйца-шашца, вещественный — шух-шайх, местный в основной его форме — шуйга-шайга || шуйга-шашка, в производных формах: а) пребывания — шуйга-шайгахь, б) направления — шуйга-шайгахьа, в) исхода — шуйга-шайгара, г) направления-исхода — шуйга-шайгахьара, д) движения через — шуйга-шайгахула, е) направления-движения через — шуйга-шайгахьахула, ж) предела — шуйга-шайгац, сравнительный — шул-шайл.

Деепричастие в значении причастия употребляется, как мы выше видели, в субъектном придаточном предложении (для выражения непродуктивного субъекта в главном предложении), а также в качестве придаточного определительного при непродуктивном субъекте и придаточного определительного при предикате. Таким образом, деепричастие в значении причастия употребляется только взамен непродуктивного субъекта или при нем, а также в качестве определения при именной части сказуемого, стоящей тоже в именительном падеже. Приведем пример:

Ас деш — хIара гуллакх ду.

То, что я делаю — есть это дело.

В этом предложении деепричастие „деш“ по смыслу равно причастию „дийриг“ и имеет, по правилам чеченского языка, в данном случае страдательное значение, так как впереди него стоит активный падеж. Следовательно, приведенное предложение буквально значит „мною делаемое — есть это дело“. Это предложение, как сложноподчиненное, следует отличать от сходного с ним предложения: „гуллакх ас деш ду || ас деш ду гуллакх“, как простого. Последнее предложение представляет собою процессный оборот и может быть переведено следующим образом: „я занят (данным) делом“, „я взялся за (это) дело“.

Болх беш стаг — иза ву.

Человек, который делает работу, это он.

В этом предложении деепричастие заменяет собой именительный падеж причастия в его несамостоятельной форме. „Беш стаг“ стоит вместо „бен стаг“. Так как слово „стаг“ является подлежащим в главном предложении, то деепричастие употреблено здесь в значении определения к нему.

Иза — доьшуш стаг ву.

Он есть человек, который читает.

Он есть читающий человек.

В этом примере деепричастие стоит вместо причастия „доьшу“, которое служит определением к именной части сказуемого „стаг ву“ и является, таким образом, определительным придаточным предложением при предикате.

Этими тремя случаями ограничивается употребление деепричастия в значении причастия в тех предложениях, в которых сказуемое придаточного предложения выражается причастной формой. Приведем еще примеры на эти случаи употребления деепричастия:

Хьамид лиэлаш стаг ву.

Хамид есть бывалый человек.

Буквально: Хамид есть человек, который (много) ездит.

Иза ву болх беш стаг.
(Это) он человек, который (много) работает.
(Это) он — работающий человек.

Ва̀халуш стаг иза ву.
Человек, которому удается (хорошо) жить, — это он.

Цигахь ву яз деш стаг.
Человек, который пишет, (есть) там.
Человек, занимающийся писанием, находится там.

Иза — кхерсташ жаьла ду.
Она — бродячая собака.

Из приведенных примеров мы видим, что деепричастие, по сравнению с причастием, имеет несколько более обобщенный оттенок значения, что по-русски можно передать формами прилагательных, исторически образовавшимися от причастий, например: „работающий“ вместо „работающий“, „бывалый“ вместо „ездящий“, т. е. „много поездивший (на своем веку)“, „бродячий“ вместо „бродящий“ и т. д.

В чеченском бывает довольно трудно отличить предложения, представляющие собою процессный оборот или обобщенно-переходный оборот, от предложений сложноподчиненных, в которых деепричастие заменяет собою причастие. Приведем эти случаи.

Деепричастие в значении причастия.

Ас беш бу — болх.
Ас бийриг бу — болх.
Работа есть то, что я делаю.
Буквально: Есть то, что я делаю, — работа.

Болх — ас беш бу.
Болх — ас бийриг бу.
Работа есть то, что я делаю.

Ас беш — болх бу.
Ас бийриг — болх бу.
То, что я делаю, есть работа.

Болх бу — ас беш.
Болх бу — ас бийриг.
То, что я делаю, есть работа.
Буквально: Есть работа то, что я делаю.

Ас язъеш ю — книжка.
Ас языйриг ю — книжка.
То, что я пишу, есть книжка.

Книжка — ас язъеш ю.
Книжка — ас языйриг ю.
Книжка есть то, что я пишу.

Книжка ю — ас язъеш.
Книжка ю — ас языйриг.
Есть книга то, что я пишу.

Ас язъеш — книжка ю.
Ас языйриг — книжка ю.
То, что я пишу, есть книга.

Процессный оборот.

Ас беш бу болх.
Я занят работой.
Я нахожусь в процессе работы.

Болх ас беш бу.
Я нахожусь в процессе работы.
Я занят работой.

Бу ас беш болх.
Беш бу ас болх.
Бу беш ас болх.
Работой занят я.
В процессе работы нахожусь я.

Ас язъеш ю книжка.
Я занимаюсь писанием книги.
Я нахожусь в процессе писания книги.

Книжка ас язъеш ю.
Я занимаюсь писанием книги.
Я нахожусь в процессе писания книги.

Ю ас язъеш книжка.
Язъеш ю ас книжка.
Ю язъеш ас книжка.
Я занимаюсь писанием книги.

Деепричастие в значении
причастия.

Болх беш — со ву.
Болх бийриг — со ву.
Кто делает работу, есть я.
Со ву — болх беш.
Со ву — болх бийриг.
Есть я тот, кто делает работу.
Со — болх беш ву;
Со — болх бийриг ву.
Я тот, кто делает работу.
Ву со — болх беш.
Ву со — болх бийриг.
Есть я, кто делает работу.
Ву болх беш — со.
Ву болх бийриг — со.
Есть тот, кто делает работу, — я.
Болх беш ву — со.
Болх бийриг ву — со.
Тот, кто делает работу, есть я.

Книжка язъеш — со ву.
Книжка языйриг — со ву.
Кто пишет книгу, есть я.
Со ву — книжка язъеш.
Со ву — книжка языйриг.
Есть я тот, кто пишет книгу.
Со — книжка язъеш ву.
Со — книжка языйриг ву.
Я есть тот, кто пишет книгу.
Ву со — книжка язъеш.
Ву со — книжка языйриг.
Я есть тот, кто пишет книгу.
Ву со — книжка язъеш.
Ву со — книжка языйриг.
Есть я, кто пишет книгу.
Ву книжка язъеш — со.
Ву книжка языйриг — со.
Есть кто пишет книгу я.
Книжка язъеш ву — со.
Книжка языйриг ву — со.
Кто пишет книгу, есть я.

Обобщенно-переходный
оборот.

Со болх беш ву.
Я обычно работаю.
Я обычно делаю дело.

Со беш ву болх.
Со болх ву беш.
Беш ву со болх.
Ву беш со болх.
Со ву беш болх.
Болх со беш ву.
Я обычно работаю.
Я обычно делаю работу.

Книжка язъеш ву со.
Книжку обычно пишу я.
Со язъеш ву книжка.
Со книжка ву язъеш.
Язъеш ву со книжка.
Книжка со язъеш ву.
Ву язъеш со книжка.
Со ву язъеш книжка.
Я обычно пишу книгу.

Придаточные определительные, выражающие количество. Определительные придаточные предложения, которые выражают количественное определение, имеют тоже форму причастных предложений. Причастие в этом случае стоит в одной из производных форм сравнительного падежа (суффикс „чулла“). Эта форма сравнительного падежа выражает уподобление или приравнивание (см. выше, стр. 114). Приведем примеры:

Цо йоьхучулла материалаш ло ас цуьнга.

Я ему даю столько материалов, сколько он просит.

Цунна эшначулла ахча делира ас цуьнга.

Я ему дал столько денег, сколько ему было необходимо || нужно.

Цунна оьшу долчулла ахча лур ду ас цуьнга.

Я ему дам столько денег, сколько ему будет необходимо || нужно.

Придаточное предложение, выражающее количественное определение, может быть выражено и причастием в именительном падеже, выражающим в данном случае объект (объектное придаточное предложение). Однако от простого объектного придаточного эта форма отличается тем, что причастие получает удвоение согласного. В данном случае это удвоение выражает точное равенство количества.

Оха шуйга ло, школа ярна аш доьххург.

Мы даем вам все то, что вы просите для постройки школы.

Оха шуйга делира, школа ярна доцуш йиш йоццург.

Мы дали вам все то, что необходимо для постройки школы.

В приведенных примерах мы имеем придаточное объектное предложение, выражающее объект с оттенком количества. В нижеследующем примере одинаковое по форме придаточное предложение выражает количественное значение, так как в составе главного предложения имеется словесно выраженный объект („ахча“), а придаточное предложение, хотя и выражает по форме объект (именительный падеж причастия в его самостоятельном виде), однако по смыслу представляет собою количественное определение к слову „ахча“:

Оха шуйга ахча ло, школа ярна аш доьххург.

Мы даем вам столько денег, сколько вы просите для постройки школы.

Оха шуйга ахча делла, школа ярна доцуш йиш йоццург.

Мы дали вам столько денег, сколько необходимо для постройки школы.

Оха шуйга ахча ло, школа ян аш доьххург.

Мы даем вам столько денег, сколько вы просите, чтобы построить школу.

Оха шуйга ахча делла, школа ян доцуш йиш йоццург.

Мы выдали вам столько денег, сколько необходимо, чтобы построить школу.

Приведенные предложения, выражающие количественное определение, резко отличаются по форме от придаточных предложений, выражающих качественное определение. Для сравнения приводим придаточные предложения, выражающие качественное определение:

Оха шуйга аш доьхху ахча ло школа ян || ярна.

Мы даем вам деньги, которые вы просите, чтобы построить школу || из-за постройки школы.

Оха шуйга доцуш йиш йоццу ахча делла школа ян.

Оха шуйга ахча делла, школа ян доцуш йиш йоццу.

Мы вам дали деньги, которые необходимы, чтобы построить школу.

Ас шуйга ахча лур ду, школа ян билгалдина долу.

Мы вам дадим деньги, которые предназначены для постройки школы.

Причастные придаточные предложения с обобщенным значением. Все перечисленные нами выше типы придаточных предложений — субъектные, объектные, предикатные, дополнительные и определительные, — в которых сказуемое выражается причастием, могут развить обобщенное значение, которое по-русски передается словами „всякий, кто; все, кто; все, что; всякий, который; все, которые“ и т. д. Для этого существуют две формы чеченского придаточного предложения. Первая сохраняет форму придаточного предложения. Обобщенность значения достигается в этом случае добавлением к причастию, т. е. в состав придаточного предложения, вопросительного по происхождению местоимения „милла-а?“¹ — „кто?“ (для названий людей) или вопросительного наречия „мел?“ — „как много?“, „сколько?“ (для названий как людей, так и предметов). Главное же предложение может быть дополнено словом „массо-а“ — „всякий, весь, все“. Таким образом, в этой форме причастное придаточное предложение с обобщенным значением имеет в своем составе вопросительное местоимение или наречие, теряющее свой вопросительный характер и приобретающее относительное значение (сравни ниже, стр. 249).

Вторая форма предложения с обобщенным значением, хотя по мысли тесно связана с причастными придаточными предложениями, однако, по своей форме резко отличается от них. В этом случае сказуемое придаточного предложения выражено специальной придаточной формой, свойственной, как это мы увидим дальше, условным придаточным предложениям (форма сказуемого в условном придаточном предложении при реальном условии). Как первая, так и вторая форма выражения обобщенного значения употребляется в языке одинаково часто и правильно образуется от всех причастных придаточных предложений. Приводим ниже примеры образования форм причастных придаточных предложений с обобщенным значением с классификацией их по типам причастных придаточных предложений.

Причастные придаточные предложения с обобщенным значением:

1. *Субъектное (непродуктивная форма):*

Газета мел доьшург йоза хуу стаг ву.

Газета доьшург милла-а йоза хуу стаг ву.

Всякий, кто читает газету, грамотный человек.

Кто бы ни читал газету, грамотный человек (есть).

Газета хьаьа-а дешахь а, (иза) йоза хуу стаг ву.

Всякий, кто читает газету, грамотный человек.

Буквально: Если кто читает газету, то (он) грамотный человек.

2. *Субъектное (продуктивная форма):*

Газета мел доьшучо нахана керла хабарш дуйьцу.

Хьаьа-а, газета доьшучо, нахана керла хабарш дуйьцу.

Всякий, кто читает газету, рассказывает новости людям.

Газета хьаьа-а дешахь а, (цо) нахана керла хабарш дуйьцу.

Всякий, кто читает газету, (тот) рассказывает людям новости.

Кто бы ни читал газету, рассказывает людям новости.

3. *Объектное:*

Оха лору, газета дика мел доьшург.

Оха лору милла-а, газета дика доьшург.

Мы почитаем всякого, кто хорошо читает газету.

Мы уважаем всякого, кто хорошо читает газету.

Газета хьаьа-а дешахь а, (иза) лору оха.

Мы почитаем || уважаем всякого, кто читает (кто бы ни читал) газету.

¹ В этом же значении может употребляться и местоимение „муьлхха-а||муьлххарг-а“ — „каждый“ в формах самостоятельного склонения.

4. Предикатное:

Дешна стаг — газета а, книжка а мел добшург ву.

Дешна стаг мила-а газета а, книжка а добшург ву.

Начитанный человек — всякий, кто читает и газету, и книгу.

Начитанный человек — всякий, кто бы ни читал газету и книгу.

Дешна стаг, газета а, книжка а хьаа-а дешахь а, иза ву.

Начитанный человек — каждый, кто читает газету и книгу.

Буквально: Начитанный человек, если кто читает газету, он есть.

5. Дополнительное:

а) Родительное

Советийн газета мел добшучун кхетам бу.

Хьеннан-а, советийн газета добшучун, кхетам бу.

Буквально: У всякого, кто читает советскую газету, есть сознание.

Газета хьаа-а дешахь, цуьнан кхетам бу.

Всякий, кто бы ни читал газету, имеет сознательность.

Буквально: У всякого, кто читает газету, (у того) есть сознание.

б) Дательное

Газета мел добшучуна дуккха-а хлума девза.

Всякому, кто читает газету, известно (очень) многое.

Хьанна-а, газета добшучуна, дуккха-а хлума девза.

Каждому, кто читает газету, известно (очень) многое.

Газета хьаа-а дешахь а, цунна дуккха-а хлума девза.

Каждому, кто бы ни читал газету, известно многое.

в) Творительное

Газета мел добшучуьнца дуйцу вай.

Хьаьнцна-а, газета добшучуьнца, дуйцу вай.

Мы разговариваем со всяким, кто читает газету.

Хьаа-а газета дешахь а, цуьнца дуйцу вай.

Мы разговариваем с каждым, кто бы ни читал газету.

г) Вещественное

Газета мел добшучух нахана пайда болу.

Хьаннах-а, газета добшучух, нахана пайда болу.

Народ получает пользу от всякого, кто читает газету.

Газета хьаа-а дешахь а, цунах нахана пайда болу.

Народ получает пользу от всякого, кто читает газету.

Народ получает пользу от каждого, кто бы ни читал газету.

д) Местное

Газета мел добшучуьнга вай яздора.

Хьаьнгга-а, газета добшучуьнга, вай яздора.

Мы писали каждому, кто читает газету.

Газета хьаа-а дешахь а, цуьнга яздора вай.

Всякому, кто читает (кто бы ни читал) газету, мы писали.

Буквально: Если кто читает газету, ему мы писали.

е) Сравнительное

Газета мел добшучарал клезиг кхета йоза ца хуу стаг.

Неграмотный человек понимает меньше всех тех, кто читает газету.

Неграмотный человек понимает меньше каждого из тех, кто читает газету.

Газета муьлхачуша-а дешахь а, царал кезиг кхета йоза ца хуу стаг.
Неграмотный человек понимает меньше каждого из тех, кто читает газету.

Буквально: Если каждые читают газету, неграмотный человек понимает меньше их.

Следует заметить, что условная форма обобщенных придаточных предложений может быть выражена параллельно и с помощью деепричастия прошедшего совершенного времени, как и всякая условная форма (см. стр. 287).

Газета хьаба-а дешча а, || дешчахь а, цуьнан кхетам бу —
У всякого, кто читает газету, есть сознание.

Определительные причастные придаточные предложения с обобщенным значением не имеют второй параллельной формы. Они образуются просто путем добавления в придаточное предложение слова „массо — каждый, всякий“, как и в русском языке:

6. Определительное с обобщенным значением:

а) При субъекте (в непродуктивной форме)

Газета доьшу стаг массо-а кхеташ хуьлу.
Каждый человек, который читает газету, бывает сознательным.
Каждый читающий газету человек бывает сознательным.

б) При субъекте (в продуктивной форме)

Газета доьшучу массо-а стага нахана керла хабарш дуйцу.
Каждый человек, который читает газету, рассказывает людям последние известия.
Каждый читающий газету человек рассказывает людям новые известия.

в) При объекте

Оха лору, газета дика доьшу массо-а стаг.
Мы почитаем || уважаем каждого человека, который хорошо читает газету.
Мы уважаем каждого хорошо читающего газету человека.

г) При предикате

Дешна стаг — газеташ а, книжкаш а доьшу массо-а стаг ву.
Начитанный человек — это всякий человек, который читает и газеты, и книги.
Начитанный человек — это всякий человек, читающий и газеты, и книги.

д) При косвенном дополнении:

Родительном

Газета доьшучу массо-а стеган кхетам бу.
У каждого, кто читает газету, есть сознательность (понимание).

Дательном

Газета доьшучу массо-а стагана дуккха-а хлума девза.
Каждому человеку, который читает газету, знакомо (очень) многое.

Творительном

Газета доьшучу массо-а стагаца дуйцу вай.
Мы разговариваем с каждым человеком, который читает газету.

Вещественном

Газета доьшучу массо-а стагах нахана пайда болу.
Люди получают пользу от каждого человека, который читает газету.

Местном

Газета довшучу массо-а стаге вай яздора.
Мы пишем каждому человеку, который читает газету.

Сравнительном

Газета довшучу массо-а стагал клезиг кхеташ ву йоза ца хуу стаг.
Неграмотный человек понимает меньше всякого человека, который читает газету.

ГЛАВА 4

МАСДАР КАК ПРИДАТОЧНАЯ ФОРМА

Масдарные придаточные предложения. Те же типы придаточных предложений, которые были нами рассмотрены выше (т. е. придаточные предложения субъектные, объектные, предикатные, дополнительные и определительные), могут быть выражены предложениями, в которых придаточная форма выступает в виде масдара. Масдар представляет собою отглагольное имя существительное. В чеченском языке он может быть образован, также как и неопределенное наклонение, от каждого глагола. По-русски масдар соответствует отглагольному существительному с суффиксом „ние“, а во многих случаях может быть переведен и неопределенным наклонением. Масдар, по своему значению, выражает процесс действия. В то время как причастие с действительным значением, обозначающее субъект мысли, и причастие со страдательным значением, обозначающее объект мысли, даже в том случае, если они образованы от переходного глагола, не могут иметь при себе больше одного главного члена придаточного предложения (в первом случае — прямого дополнения, во втором случае — подлежащего, см. стр. 199—200), масдар может иметь при себе словесно выраженные как подлежащее, так и прямое дополнение, разумеется в том случае, если он образован от переходного глагола. Таким образом, причастие не имеет при себе полного выражения главных членов предложения, масдар же представляет такую придаточную форму сказуемого, при которой могут быть полностью выражены все члены придаточного предложения. В этом основное отличие масдарных придаточных предложений от причастных. Масдарные придаточные предложения мы классифицируем на субъектные (в двух формах — продуктивной и непродуктивной), объектные, предикатные, дополнительные и определительные. Так как масдар представляет собою склоняемую часть речи — имя существительное, то различие указанных выше типов масдарных придаточных предложений выражается в изменении падежной формы масдара. Правда, мы должны отметить, что ряд падежных форм масдара выходит за пределы значения вышеуказанных типов придаточных предложений. Это относится прежде всего к дательному падежу масдара (см. придаточные предложения обстоятельства причины и цели, ниже, стр. 281, 284, также придаточные объектные при глаголе „кхера“ — „бойся“, стр. 238), отчасти к именительному падежу (придаточные предложения обстоятельства цели, при глаголах „чувствовать, сознавать“, а также „желать, требовать“, см. стр. 237—238, а также 228) и местному падежу (придаточные предложения объектные при глаголе „догдàха — надейся“, а также придаточные обстоятельства образа действия, стр. 238).

Приводим примеры употребления масдара в качестве придаточной формы в придаточных предложениях различных типов.

1. Субъектное придаточное предложение:

а) Масдар, как продуктивный субъект:

Хьо в̄аро тхуна г̄ло до.

Твой приход || приезд оказывает нам помощь.

Трактористаша колхозийн латга дика ахаро колхозашна дукха пайда ло.

То (обстоятельство), что трактористы пахут колхозную землю хорошо, приносит много пользы колхозам.

Кемсийн бошмаш кхиаро колхозашна дукха пайда ло.

Рост виноградников приносит много пользы колхозам.

То (обстоятельство), что виноградники растут, приносит большую пользу колхозам.

В приведенных примерах мы имеем при масдаре словесно выражеными все главные члены предложения. В первом примере масдарное предложение представляет собою непереходный оборот с подлежащим в непродуктивной форме. Во втором предложении масдарное придаточное предложение представляет собою переходный оборот, в котором имеется подлежащее в продуктивной форме — „трактористаша“, прямое дополнение — в непродуктивной форме — „латга“ и т. д.

Следует отметить, что непереходное и, реже, переходное масдарное придаточное предложение может принимать и иную форму выражения логического подлежащего — вместо активного падежа родительный падеж, как это видно из следующих примеров:

Хьан варо тхуна г̄ло до.

Твой приход оказывает нам помощь.

Кемсийн бошмийн кхиаро колхозашна дукха пайда ло.

Рост виноградников приносит много пользы колхозам.

Эта конструкция масдарного придаточного предложения не имеет, таким образом, грамматически выраженного подлежащего. Мы имеем здесь смысловой субъект в форме родительного падежа, при чем все остальные члены придаточного масдарного предложения остаются без изменения своей формы. Практически в этих случаях можно было бы считать, что мы не имеем придаточного предложения, хотя такое масдарное предложение ближе к форме самостоятельного придаточного предложения, чем русская конструкция с отглагольным существительным.

б) Масдар, как непродуктивный субъект:

Оха бамба бер пайдехь хуьлу Совет пачхьалкхана.

То (обстоятельство), что мы сеем хлопок, приносит пользу Советскому государству.

Иза тхобга в̄ар шен хенан хилла.

Прибытие его к нам было своевременным.

То (обстоятельство), что он к нам прибыл, было своевременным.

Трактористаша охана дар кхушара дика хир ду.

Пахота трактористов в этом году будет хорошей.

Буквально: То (обстоятельство), как трактористы будут пахать, в этом году будет хорошим.

Так же как и в предыдущих случаях, и здесь мы можем придать масдарному обороту косвенную форму:

Тхан бамба бер пайдехь хилла Совет пачхьалкхана.

Наш посев хлопка был полезен Советскому государству.

Цуьнан в̄ар шен хенна хилла.

Его прибытие к нам было своевременным.

Трактористийн охана дар кхушара дика хир ду.

Пахота трактористов в этом году будет хорошей.

В последних примерах также можно считать, что масдар не представляет собою придаточной формы, а является конструкцией с отглагольным существительным в простом предложении.

Примечание. Кроме того, масдар в именительном падеже употребляется как придаточная форма сказуемого в объектных придаточных предложениях при глаголах со значением „чувствовать, сознавать“, например:

Суна хаба, иза вар.

Я знаю, что он приехал.

Буквально: Я знаю то (обстоятельство), что он приехал.

Эта форма по значению объектного придаточного предложения, которая в чеченском языке грамматически представляет собою субъектное придаточное, исторически развивается конечно из значения масдара как субъекта, подробности см. на стр. 237—238.

2. Объектное придаточное предложение:

Масдар, как объект:

Нохч-ПалгIайн АССР-о пайдехь лору, оха бамба бер.

Чечено-Ингушская АССР считает прибыльным то, что мы сеем
хлопок.

Стахановски движенино а, социалистически йохьалло а тодина,
берриг-а белхалоша заводашкахь белхаш бар.

Стахановское движение и социалистическое соревнование
улучшило работу всех рабочих на заводах.

И в этих случаях масдарное придаточное легко превращается в масдар с косвенной формой (родительным падежом) подлежащего:

Нохч-ПалгIайн АССР-о пайдехь лору тхан бамба бер.

Чечено-Ингушская АССР считает полезным наше хлопкосеяние.

Стахановски движенино а, социалистически йохьалло а тодина
берриг-а белхалойн белхаш бар.

Стахановское движение и социалистическое соревнование улучшило
работу рабочих.

Объектное масдарное придаточное предложение исторически развивается в придаточное предложение обстоятельства цели. Так, например:

Колхозхоша трактористашкара дохьу || лохьу, цара шайн латта дика
ахар.

Колхозники требуют от трактористов, чтобы те вспахали их землю
хорошо.

Это предложение развилось из прямого значения глагола „лиэха“ — „ищи“, т. е. оно буквально обозначало: „колхозники ищут от трактористов того, что они пахут хорошо“. Вследствие развития значения „ищи“ в значение „требуй, желай“ происходит и развитие объектного значения масдара в целевое. Приведем еще пример целевого значения масдара в форме объекта:

Правленино колхозхошна тIедуьллу, цара ялта деран план шен
хенахь кхочушъяр.

Правление обязывает колхозников, чтобы они своевременно выпол-
нили посевной план.

Подробно об этом смотри ниже, на стр. 238.

3. Предикатное придаточное предложение:

Масдар, как именная часть сказуемого:

Колхозан правленис къастийна гуллакх, ас латта ахаран ду.
Разобранное колхозным правлением дело (есть) о моей вспашке земли.
Разобранное колхозным правлением дело — это о том, что(б)
я вспахал || пашу || вспашу землю.

Колхозни собранехь председатело дина къамел, блайстенна
колхозхоша ялта деран ду.

На колхозном собрании председатель произнес речь о том, чтобы
колхозники посеяли весной хлеб.

На колхозном собрании председатель произнес речь о весеннем
севе хлебов колхозниками.

Юьртсоветехь бина сацам, юьртахоша шайна хи далоран бу.
В сельсовете принято постановление о том, чтобы сельчане
провели воду для себя (для орошения).

В сельсовете принято постановление о проведении сельчанами
воды для себя.

В этих масдарных придаточных предложениях масдар имеет форму родительного падежа. Следовательно, в составе именного сказуемого он имеет значение определения-прилагательного. Первое предложение, таким образом, первоначально должно было обозначать: „колхозное правление определило дело... (как) пахотное“. Следовательно, по-русски перевести точно по форме этот оборот чрезвычайно трудно. Что касается дальнейшего развития значения, то родительный падеж масдара приобретает целевой оттенок и все масдарное придаточное предложение в приведенных выше примерах представляет собою определение-сказуемое к словам „гуллакх“ (в первом предложении), „къамел“ (во втором предложении), „сацам“ (в третьем предложении), как подлежащим. Значение родительного падежа масдара весьма близко по значению к неопределенному наклонению. Может быть, чеченское неопределенное наклонение с суффиксом „ан“ представляет собою не что иное, как сокращенную форму родительного падежа единственного числа масдара.

4. Дополнительное придаточное предложение:

а) Масдар, как родительное дополнение:

Хьо вахаран пайда бац.

От того, что ты ушел, пользы нет.

Буквально: У того, что ты ушел, пользы нет.

Иза леларан кеп яц.

У того, как он ходит, нет определенной походки.

Буквально: У того, как он ходит, формы нет.

Приведенные масдарные предложения можно легко превратить в косвенную форму их с родительным падежом логического субъекта:

Хьан вахаран пайда бац.

От твоего ухода нет пользы.

Цуьнан леларан кеп яц.

У его походки нет формы.

В этом случае мы можем не считать масдарную конструкцию придаточным предложением. Такое же превращение именительного или активного падежа подлежащего в масдарном придаточном предложении в родительный падеж логического субъекта возможно и во всех нижеследующих случаях употребления масдара.

б) Масдар, как дательное дополнение:

Хьо машинахь вахарна билет оьшу.

Для того, чтобы ты поехала на поезде, нужен билет.

Буквально: Для поездки тебе (поездке твоей) на поезде нужен билет.

Иза таваларна лоралла деза.

Для того, чтобы он выздоровел, нужна медицинская помощь.

Буквально: Его выздоровлению нужна медицинская помощь.

Те же предложения с косвенной формой подлежащего при масдаре

Хьан машинахь вахарна билет оьшу.

Для твоей поездки на поезде нужен билет.

Цуьнан таваларна лоралла деза.

Для его выздоровления нужна медицинская помощь.

В приведенных примерах ясно видно, как из первоначального дательного значения масдара (в форме дательного падежа) развивается значение цели (другие примеры см. на стр. 238). Дательная форма масдара при глаголе „кхера“ — „бойся“, употребляемая в значении объектного придаточного предложения, обязана своим происхождением, очевидно, тому обстоятельству, что этот глагол по-чеченски первоначально требовал дательного падежа — „бояться кому“ вместо буквального „бояться в кого“.

в) Масдар, как творительное дополнение:

Трактористо шегара некъ гайтира колхозан латта дика ахарца.

Тракторист показал себя примерным в отношении вспашки
колхозной земли.

Буквально: Тракторист показал со своей стороны пример вспашкой
колхозной земли.

Дешархочо шегара некъ гойту дешар дика Iаморца.

Ученик показывает со своей стороны пример в отношении
хорошего усвоения учебы.

Буквально: Ученик со своей стороны показывает путь хорошим
усвоением учебы.

г) Масдар, как вещественное дополнение:

Трактористо латта дика ахарх пайда оьцу колхозо.

От того, что тракторист пашет землю хорошо, колхоз получает
пользу.

Буквально: Из того (обстоятельства), что тракторист пашет землю
хорошо, колхоз получает пользу.

Хьехархоша дика хьехарх пайда оьцу дешархоша.

От того, что учителя хорошо преподают, учащиеся получают пользу.

В этих примерах мы видим, что вещественный падеж масдара еще сохраняет здесь свое первоначальное значение пребывания внутри, движения внутрь и движения изнутри чего-нибудь.

д) Масдар, как местное дополнение:

(в его основной и производных формах)

Латта дика ахаре хьабьжина хуьлу ялтин кхиар || хьекьар.

Рост || сбор хлебов бывает в соответствии с хорошей запашкой земли.

Буквально: Рост || сбор хлебов бывает в точности смотря на хорошую
запашку земли.

Кьабьегамхоша Iилманаш дешарехула паргIато хуьлу адамана.

Благодаря тому, что трудящиеся изучают науки, человечество
получает пользу.

Дешарехь пайда го вайна.
Мы видим пользу в учении.

Аша Илманаш дешарехь пайда го вайна.
Мы видим пользу в том, что вы изучаете науки.

Шун дешарехь пайда го вайна.
Мы видим пользу в вашем изучении.

В последнем примере продуктивная форма подлежащего при масдаре заменена родительным падежом логического субъекта и тем самым масдарное придаточное предложение здесь превратилось в простой член главного предложения.

Цадешар дадаккхарехь кыйсам латтабо вай.
Мы боремся за ликвидацию неграмотности (необразованности).
Буквально: Мы ведем борьбу в сторону ликвидации неграмотности.

Аша Илманаш дешарехь кыйсам латтабо вай.
Мы ведем борьбу за то, чтобы вы изучали науки.
Буквально: Мы ведем борьбу в сторону того, чтобы вы изучали науки.

Шун дешарехь кыйсам латтабо вай.
Мы ведем борьбу за вашу учебу.
Буквально: Мы ведем борьбу в сторону вашей учебы.

Дешарера пайда оьцу оха.
Мы получаем пользу от учения.
Буквально: Мы берем пользу из учения.

Кегийрхоша Илманаш дешарера пайда оьцу вай.
Мы получаем пользу от того, что молодежь изучает науки.

Кегийрхойн дешарера пайда оьцу вай.
Мы получаем пользу от учения молодежи.
Мы получаем пользу от того, что молодежь учится.

Къинхъегамхоша Илманаш дешарехьара паргIато хуьлу адамана.
От того, что трудящиеся изучают науки, бывает свобода

человечеству.
Буквально: Со стороны того, что трудящиеся изучают науки, бывает свобода человечеству.

Къинхъегамхоша Илманаш дешарехула паргIато хуьлу адаманна.
Благодаря тому, что трудящиеся изучают науки, бывает свобода

человечеству.
Буквально: Через то, что трудящиеся изучают науки, бывает свобода человечеству.

Аша дешарехьахула бу шу Илманаш кхетаран некъ.
Ваше учение — есть для вас (ваш) путь к пониманию науки.

е) Масдар, как сравнительное дополнение:

Берриг-а къинхъегамхошна Илма хаарал дика хIума дац цхьа-а.
Нет ничего лучше того, чтобы все трудящиеся знали науку.
Буквально: Нет ни одной вещи лучше, чем все трудящиеся знали (бы) науку.

Итак, масдарные придаточные предложения мы почти во всех случаях легко можем превратить в простой член предложения, заменив в нем продуктивную или непродуктивную форму подлежащего родительным падежом. При этом состав масдарного придаточного предложения значительно упрощается: после родительного падежа, обозначающего логический субъект, в чеченском языке неудобно ставить имя существительное, так как в этом случае родительный падеж превращается в определение к нему. Поэтому, в случае замены подлежащего родительным

падежом в масдарном придаточном предложении, прямое и косвенное дополнения неупотребительны и обычно остаются лишь обстоятельственные слова, как это можно видеть из приведенных выше примеров.

5. *Определительное придаточное предложение с масдаром в качестве определения:*

а) Масдар, как определение при подлежащем:

Оха латта ахаран гѳуллакх дика ду.

Мы хорошо выполняем деѳо запашки земли.

Буквально: Дело того, что мы пашем землю, — хорошо.

Тхан латта ахаран гѳуллакх дика ду.

Буквально: Дело нашего пахания земли || пахания нашей земли—хорошо (есть).

В последнем примере продуктивное подлежащее при масдаре заменено родительным падежом.

Вай латта ахаран гѳуллакхо пайда ло колхозашна.

Буквально: Дело того, что мы пашем землю, приносит пользу колхозам.

То обстоятельство, что мы пашем землю, приносит пользу колхозам.

б) Масдар, как определение при объекте:

Колхозан правленис къастийна, ас латта ахаран гѳуллакх.

Колхозное правление разобрало дело о том, что я запахал || пашу || вспашу землю.

Буквально: Колхозное правление разобрало дело, которое (относится к тому), что я запахал || пашу || вспашу землю.

Это предложение следует отличать от:

Колхозан правленис къастийна гѳуллакх, ас латта ахаран ду.

Разобранное колхозным правлением дело есть о том, что я пахал || пашу || вспашу землю.

Дело, которое разобрало колхозное правление, есть о том, что я вспахал || пашу || вспашу землю.

и от следующего:

Колхозан правленис къастийна шен латта ахаран гѳуллакх.

Колхозное правление разобрало дело о том, что вспахали || пашут || вспашут || его землю.

В первом примере мы имеем родительный падеж масдара в значении определения при слове „гѳуллакх“ как определяемом. В последующих предложениях масдар становится именной частью сказуемого. В последнем примере активный падеж подлежащего при масдаре заменен родительным падежом, но благодаря тому, что следующее слово „латта“ — имя существительное, этот родительный падеж получает значение определения к нему, а не логического подлежащего. Таким образом:

Ас латта ахаран гѳуллакх.

Дело о том, что я вспахал землю.

Сан латта ахаран гѳуллакх.

Дело о том, что вспахали мою землю.

Сан дика ахаран гѳуллакх.

Дело о том, что я хорошо вспахал.

В последнем случае родительный падеж, после которого не стоит имя существительное, получает значение логического субъекта.

Тхуна латта ахаран гѳуллакх.

Дело о том, чтобы нам вспахали землю.

Дело о том, что нам вспахали землю.

в) Масдар, как определение при предикате:

Колхозан правленис къастийнарг ас латта ахаран гуллакх ду.
То, что разобрало колхозное правление, есть дело о том, что
я пахал землю.

Тхан месткоман заседанехь дийцинарг — керла членаш тӀеэцаран
гуллакх ду.
То, что обсуждено на заседании нашего месткома, — это дело
о принятии новых членов.

Тхан месткоман заседанехь дийцинарг, оха керла членаш тӀеэцаран
гуллакх ду.
То, что обсуждено на заседании нашего месткома, это дело о том,
чтобы мы приняли новых членов.
То, что обсуждено на заседании нашего месткома, есть дело
о принятии нами новых членов.

В последнем примере мы имеем масдарное определительное прида-
точное предложение, в предпоследнем же мы имеем масдар как простой
член главного предложения, так как в этом случае при масдаре нет
подлежащего.

г) Масдар, как определение при косвенных дополнениях:

При родительном

Хьехархоcho хӀоттийна дешархошна дешаран белхан план.
Учитель составил ученикам план учебной работы.

Хьехархоcho хӀоттийна дешархоша дешаран белхан план.
Буквально: Учитель составил план работы (того), как должны учиться
ученики.

Колхозан правленис хӀоттабо колхозхоша шайн хьал-де тадаран
гуллакхан некъ.

Колхозное правление устанавливает путь улучшения (материального)
положения колхозников.

Буквально: Колхозное правление устанавливает путь дела того, как
колхозники свое материальное положение улучшат.

При дательном

Колхозхоша белхаш дика баран гуллакхана резахилла
председатель.

Председатель доволен тем, что колхозники работали хорошо.

Буквально: Председатель доволен делом того, что колхозники работали
хорошо.

Дешархоша дика Iаморан хьашташна гӀо до Халкъ Серлонан
Комиссариато.

Народный Комиссариат Просвещения помогает учащимся хорошо
учиться.

Буквально: Народный Комиссариат Просвещения оказывает помощь
нуждам того, чтобы ученики хорошо учились.

При творительном

Трактористо пример гойту колхозни латта ша тоьлуш ахаран балхаца.
Тракторист показывает пример в отношении работы по хорошей
пахоте колхозной земли.

Хьехархоша дешархошна дика хьехаран некъаца тало школан гуллакх.
Путем хорошего преподавания учащимся со стороны учителей
улучшается постановка дела в школах.

Буквально: Путем того, что учителя хорошо преподают ученикам,
улучшается школьное дело.

При вещественном

Кегийрхоша Илманаш Јамадаран балхах дуйцу вай.

Мы обсуждаем дело изучения наук молодежью.

Буквально: Мы обсуждаем работу того, чтобы молодежь изучала науки.

Колхозхоша латта дика леладаран гуллакхах доллу колхозийн
ялташ хьекьбар.

Хороший уход со стороны колхозников за землей вызывает
урожайность колхозных хлебов.

Буквально: В деле того, что колхозники хорошо ухаживают за землей,
заключается рост колхозных хлебов.

При местном

Колхозан правлени хьожу колхозхоша бедхаш баран гуллакхе.

Колхозное правление следит за делом выполнения работ
колхозниками.

Буквально: Колхозное правление смотрит на дело того, как колхозники
выполняют работы.

Школан дирекци хьожу хьехархоша хьехаран балхе.

Дирекция школы следит за работой преподавания.

Буквально: Дирекция школы смотрит на работу того, как преподают
преподаватели.

При сравнительном

Колхозхоша шайн декхарш шен хенахь кхочушдаран гуллакхал
коьрта цхьа-а хума дац колхозехь.

В колхозе нет ничего важнее, чем своевременное выполнение
колхозниками своих обязанностей.

В отношении употребления знаков препинания при масдарном придаточном предложении мы можем установить следующие правила. Масдар с относящимися к нему членами предложения следует считать придаточным предложением только в том случае, если при нем имеется подлежащее в продуктивной или непродуктивной форме. В том же случае, если при масдаре логический субъект стоит в форме родительного падежа, или масдар употреблен без относящегося к нему подлежащего, мы можем практически считать его членом простого предложения. В первом случае запятой следует выделять начало масдарного придаточного предложения от предшествующей ему части главного предложения, но ни в коем случае не конец масдарного придаточного предложения. Масдар, как и причастие, является словом, входящим одновременно в состав и главного, и придаточного предложения. Из приведенных примеров мы уже видели, что по своим падежным окончаниям масдар в главном предложении представляет собою или субъект в двух его формах, или объект, или именную часть сказуемого, или косвенное дополнение, или, наконец, определение при каком-либо слове — члене главного предложения. Следовательно, после масдара запятой ставить нельзя. В то же время масдар представляет собою главный член придаточного предложения — его сказуемое. Следовательно, отделить масдар от предшествующих ему и непосредственно связанных с ним слов-членов придаточного предложения тоже нельзя. Точно так же нельзя отделить масдар в том случае, если он не имеет при себе никаких синтаксически связанных с ним слов, от окружающих его членов главного предложения, так как в этом случае масдар уже вне всякого сомнения представляет собою простой член предложения. Таким образом, при самом масдаре, ни после него, ни перед ним, запятой ставить нельзя во всех случаях употребления масдара. Употребление запятой при масдарном придаточном предложении следует ограничить только одним случаем — когда масдар представляет собою

сказуемое развитого придаточного предложения, в котором налицо подлежащее в обычно свойственной ему падежной форме (именительный или активный падеж). Мы должны отделить начало этого предложения от предшествующей ему части главного предложения, так как в этом случае может произойти смешение и неправильное отнесение двух подлежащих — подлежащего в масдарном придаточном предложении и подлежащего в главном предложении — в состав того или другого предложения.

Что касается тех случаев, когда масдар исторически развил значение придаточной формы причины или цели, или объекта при отдельных глаголах („кхера, догдаха“), или образа действия (с удвоением согласного и с добавлением союза „ма“), то во всех этих случаях употребление запятой для выделения масдарного придаточного предложения с обеих сторон, по нашему мнению, обязательно. Подробнее об этом будет сказано в соответствующих разделах синтаксиса сложного предложения (см. стр. 236 и сл.).

В заключение следует сказать несколько слов об отличии масдарного придаточного предложения от русского оборота с отглагольным существительным — оборота, который начинает все чаще употребляться в современном русском литературном языке взамен конструкции с неопределенным наклонением. При русском обороте с отглагольным существительным, при котором тоже имеются смысловое подлежащее, прямое дополнение или другие члены предложения, эти члены не сохраняют обычно формы именительного и винительного падежей. Именительный падеж подлежащего или винительный падеж прямого дополнения заменяются при русском переходном отглагольном существительном первый — творительным падежом, а второй — родительным падежом. В случае же непереходного отглагольного существительного именительный падеж при нем заменяется родительным падежом. Таким образом, в русском языке не может быть и речи о чем-либо, напоминающем масдарное придаточное предложение в чеченском языке. Здесь масдар или имеет при себе все члены предложения в их обычной грамматически ясно выраженной форме, или же, в случае замены активного или именительного падежа подлежащего родительным падежом (случай, который мы назвали косвенной формой масдарного придаточного предложения), при чеченском масдаре все-таки может стоять прямое дополнение в именительно-винительном падеже. Таким образом, этот главный член чеченского предложения остается и в данном случае в своей неизменной форме. Например: русская конструкция при отглагольном существительном „план добывания нефти рабочими грозненских промыслов“, при которой подлежащее стоит в творительном падеже, а прямое дополнение принимает форму родительного падежа, по-чеченски может быть передано настоящим масдарным придаточным предложением: „Соблж-Палин промыслийн белхалоша мехкдаьтта даккхаран план“, в котором подлежащее „белхалоша“ стоит в своей обычной форме (активный падеж), прямое дополнение „мехкдаьтта“ тоже имеет свою постоянную форму — именительно-винительный падеж и только сказуемое принимает форму имени существительного в родительном падеже, являясь определением к слову „план“. В другой своей форме — косвенной — чеченская масдарная конструкция ближе к русской: „белхалойн даккхаран план“ — „план добывания рабочими“ (буквально: „план рабочих || рабочего добывания“) — или „мехкдаьтта даккхаран план“ — „план добывания нефти“; масдарная конструкция и здесь все-таки сохраняет именительно-винительный падеж прямого дополнения, хотя и заменяет обычную форму подлежащего формой грамматического косвенного дополнения в родительном падеже. Сохраняется в этом случае и согласование масдара как сказуемого в классе с предшествующим ему прямым дополнением. Следовательно, и в этом своем виде масдарная конструкция только сближается с русской конструкцией при отглагольном существительном, но полностью все же не совпадает с нею. Чеченский мас-

дар сохраняет больше признаков глагольного согласования, чем русское отглагольное существительное.

Следует сказать еще несколько слов о временных значениях масдара. Масдар, в отличие от причастия и деепричастия, не имеет временных форм. Поэтому временное значение настоящего, будущего или прошедшего времени придается масдару исключительно временной формой или основным значением глагола-сказуемого главного предложения. Если глагол-сказуемое главного предложения по самому своему значению или по форме выражает будущее время, то и масдар приобретает временной оттенок будущего времени. Иногда для этого употребляется составной масдар, образуемый путем добавления масдара от вспомогательного глагола „хила“ — „будь“, — „хилар“ — „становление; то обстоятельство, что становится || станет“. Если же глагол-сказуемое главного предложения требует по смыслу одновременного или предшествующего ему действия, то масдар приобретает оттенок настоящего или прошедшего времени, смотря по временной форме сказуемого главного предложения. В этом большое отличие масдара от причастия. Чеченское причастие, наоборот, всегда имеет ясно выраженную форму времени, значение которой почти не зависит от временного значения сказуемого главного предложения. Единственный* случай, когда чеченское причастие может изменить свой временной оттенок — это случай употребления в главном предложении прошедшего несовершенного (многократного) времени. Чеченское причастие в соединении с этим временем главного предложения приобретает тоже оттенок прошедшего несовершенного времени, оставаясь по форме образованием прошедшего совершенного времени (перфекта). Точно так же употребление в главном предложении давнопрошедшего времени (плюсквамперфекта) придает чеченскому причастию тоже оттенок давнопрошедшего времени. Таким образом, в зависимости от времени сказуемого главного предложения, чеченское причастие изменяет лишь временные оттенки, в то время как чеченский масдар приобретает, в связи с этим, основные временные значения.

ГЛАВА 5

ПРИДАТОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПРИ ГЛАГОЛАХ СО ЗНАЧЕНИЕМ „ЧУВСТВОВАТЬ“, „СОЗНАВАТЬ“, „ГОВОРИТЬ“

Придаточные предложения при глаголах со значением „чувствовать, сознавать“. Выше мы уже отмечали (стр. 63), что в чеченском языке глаголы со значением „чувствовать, сознавать“ составляют особую группу глаголов, которая требует при себе наличия дательного субъекта. Сравнительно немногие глаголы из этой группы сочетаются и с именительным или активным падежом смыслового подлежащего. В отношении употребления придаточных форм эти глаголы также следует выделить, так как при них употребляются некоторые своеобразные придаточные формы. Речь идет здесь о придаточных предложениях, которые в русском языке сочиняются с помощью союза „что“ (надо отличать от относительного местоимения „что“) и по значению являются объектными придаточными предложениями, в которых, однако, объектное значение относится непосредственно к глаголу-сказуемому, а не к имени существительному (не к предметному объекту). Чтобы понять эту разницу, следует сравнить русские предложения:

Я знаю (то), что он сказал.

Я знаю, что он сказал (это).

В первом случае придаточное предложение по значению представляет собою предметный объект: „я знаю те слова, которые он сказал“. Во

втором случае придаточное предложение является таким объектом, который выражает факт совершения действия, т. е. „я знаю факт совершения самого действия, факт высказывания“. Поэтому во втором предложении может быть поставлен выраженный полнозначным словом объект при сказуемом „сказал“ — „это“, в то время как в первом предложении объект при глаголе „сказал“ в составе придаточного предложения не может быть выражен полнозначным словом и заменяется относительным местоимением „что“. Таким образом, в первом предложении слово „что“ по содержанию имеет предметный характер, во втором же предложении это слово по содержанию имеет глагольный характер, относится непосредственно к глаголу. Для различения этих двух значений слова „что“ в русской орфографии над первым допускается ставить ударение (относительное местоимение „что“), второе же „что“ остается всегда без ударения и теряет свое местоименное значение (относительный союз „что“). В данном разделе как раз и идет речь о чеченских придаточных предложениях, соответствующих русским объектным предложениям с относительным союзом „что“, тогда как русские объектные придаточные предложения с относительным местоимением „что“ передаются чеченским причастным придаточным предложением, где причастие имеет значение объекта (см. выше, стр. 186).

В чеченском языке во втором случае мы ожидаем в качестве придаточной формы увидеть не причастие, которое имеет предметное значение, а масдар, который как раз имеет значение самого процесса действия. И действительно во многих случаях глаголы со значением „чувствовать, сознавать“ имеют при себе масдар в качестве придаточной формы сказуемого. Тем не менее эта группа глаголов требует при себе различных придаточных форм и разбивается по этому признаку на мелкие подгруппы. Таких подгрупп мы насчитываем семь.

1. *Глаголы, при которых в качестве придаточной формы употребляется масдар в именительном падеже:*

Тхуна лььнера, цу хлуманийн беснаш тайп-тайпана хилар.
Нам хотелось, чтобы цвета этих вещей были разнообразными.
Мы хотели, чтобы эти вещи были разнообразными по окраске.

Тхуна гина, цу хлуманийн беснаш тайп-тайпана хилар.
Нам видно, что цвета этих вещей стали разнообразными.
Мы увидели, что эти вещи стали разнообразными по окраске.

Суна хуур ду, хлуманийн гиллакхаш баш-башха хилар.
Мне будет известно, что свойства этих вещей различны.
Я буду знать, что свойства этих вещей различны.

Вайна къабста, цу бежанийн куьцаш баш-башха хилар.
Мы различаем, что масти этого скота различны.

Суна хаба, и веана хилар.
Я знаю, что он пришел || приехал.

Суна хаба, ахь и книжка ешар.
Я знаю, что ты читал эту книгу.

Суна лаба, хьо тхайга вар.
Мне хочется, чтобы ты пришел к нам.

Колхозан даьхни лелорхочунна диэза, шен даьхни совдалар.
Пастуху колхозного скота нравится, чтобы его скот размножался.
Пастух колхозного скота любит, чтобы его скот размножался.

Тхуна гина, и веана хилар.
Мы видели, что он приехал.

Вайна иза вайшца хилар лаба.
Мы хотим, чтобы он был с нами.

Тхуна хаба, хьо тхайгахь хилар.
Мы знаем, что ты у нас.

Суна хийнера, иза кхузахь сацар.
Я знал, что он остановился здесь.

Цунна луур дара, со цигахь висар.
Ему захотелось бы, чтобы я остался там.

Хьуна хаба, иза соьца в^ар.
Ты знаешь, что он пришел со мной.

Тхуна ца лаба, уьш тхол хьалхабовлар.
Мы не хотим, чтобы они опередили нас.

Из этих примеров мы видим, что при глаголах: „гуо“ — видь, „хаа“ — знай, „лаа“ — желай, „та“ — будь годным, подходи к чему-нибудь, желай, „тоа“ — будь достаточным, „иэша“ — недоставай, „кь^аста“ — разбирай, различай, „довза“ — будь знакомым, „диэза“ — люби, нравься, „лиэха“ в знач. „требуй“ (ср. стр. 228) и др. в качестве придаточной формы употребляется масдар в именительном падеже. Этот масдар представляет собою субъектное придаточное предложение, так как все перечисленные нами выше глаголы имеют при себе логический субъект в дательном падеже (см. выше, стр. 63), грамматический же субъект (логический объект) стоит при них в именительном падеже. По-русски это придаточное предложение переводится или союзом „что“, или союзом „чтобы“ (последний при глаголах: „лаа, диэза“ и др.). Следовательно, в чеченском языке в данном случае мы имеем придаточные предложения, субъектные по форме, но объектные по значению.

2. *Глаголы, при которых в качестве придаточной формы употребляется масдар в местном падеже:*

Ас догд^оху, иза в^ариэ || в^арга.
Я надеюсь, что он придет || приедет.
Со хьожу, ахь и книжка дешариэ || дешарга.
Я жду, что ты прочтешь эту книгу.

Цара сатесира, шайн нана яриэ || ярга.
Они с нетерпением ждали, что их мать приедет.

Из этих примеров мы видим, что местный падеж масдара употребляется в значении русского объектного придаточного предложения при немногих глаголах со значением „ждать, надеяться“. Историческое происхождение этой формы довольно ясно: „догд^аха“ — „надейся“ буквально обозначает „вынь сердце на что-нибудь“, а глагол „хьажа“ — „смотри на что-нибудь“ сохранил это свое первоначальное значение и сейчас. Только в качестве переносного значения он употребляется в смысле „жди, ожидай“. Таким образом, употребление формы местного падежа при этих глаголах хорошо объясняется из исторического развития их значения (об употреблении формы местного падежа масдара см. выше, стр. 230—231).

3. *Глаголы, при которых в качестве придаточной формы употребляется масдар в дательном падеже:*

Со кхьору, иза варна.
Я боюсь, что он придет || приедет.
Тхо кхьору, хьо машинна || машинах т^аб^хьависарна.
Я боюсь, что ты опоздаешь на поезд.

Со кхьору, и машинна т^аб^хьависина хиларна.
Я боюсь, что он опоздал на поезд.

И машинна т^аб^хьависарна, кхьору со.
Я боюсь, что он опоздает на поезд.

И машинна тӀабхъависарна, кхийрира со.
Я побоялся, что он опоздает на поезд.

И машинна тӀабхъависина хиларна, кхоррура со.
Я боялся, что он опоздал на поезд.

При глаголе „кхера“ — „бойся“ употребляется дательный падеж масдара в качестве объектной придаточной формы. Это сближает данный тип придаточного предложения с придаточными обстоятельство причины и цели, в которых употребляется та же форма сказуемого в придаточном предложении (см. ниже, стр. 281, 284). Исторически это, повидимому, объясняется употреблением дательного падежа в значении причины боязни при этом глаголе. В чеченском языке рассматриваемое нами придаточное предложение исторически, да вероятно и сейчас еще, понимается, как придаточное предложение, имеющее значение причины.

4. *Глаголы, при которых в качестве придаточной формы употребляется инфинитив* (неопределенная форма глагола):

Суна лаба, хьо сайца хилан.
Я хочу, чтобы ты был со мной.

Цунна лабара, со шеца ван.
Ему хотелось, чтобы я пришел с ним.

Вайна лаба, цара дешан.
Нам хочется, чтобы они учились.

Тхуна лиънера, хьо цуьнца вахан.
Мы хотели, чтобы ты пошел с ним.
Нам было желательно, чтобы ты пошел с ним.

Царна лаба хир дара, со цахъ висан.
Может быть, они хотели, чтобы я остался дома.

Шуна ца лаба хир ду, со шайца Iан?
Может быть, вам нежелательно, чтобы я остался с вами?

Цунна Iемина книжка ешан.
Он научился читать книжку.

Суна Iемар ду газете статьяш язъян.
Я научусь писать статьи в газету.

Хьуна Iема машина лелон.
Ты учишься водить машину.

Суна луур дац эрна лелан.
Я не желаю ходить понапрасну.

Буквально: Я не буду желать || не пожелаю ходить напрасно.

Из приведенных примеров мы видим, что инфинитив (неопределенное наклонение) в качестве придаточной формы сказуемого употребляется собственно только при глаголе „лаа“ — „желай“, так как только при этом глаголе инфинитив может иметь свое подлежащее. При других глаголах, например: „Iама“ — „учись, усваивай“ и других инфинитив не может иметь при себе своего подлежащего, что имеет место также в отдельных случаях и при глаголе „лаа“. В этих случаях мы считаем инфинитив простым членом предложения. Таким образом, инфинитив, так же как и масдар, в чеченском языке может выступать и в качестве придаточной формы и в качестве простого члена предложения. В приведенных нами выше примерах инфинитив представляет собою или сказуемое в объектном придаточном предложении, или прямое дополнение, как простой член главного предложения. Кроме того, инфинитив может употребляться как форма, получающая значение придаточных предложений обстоятельства цели (об этом см. ниже, стр. 282).

В отношении расстановки запятых при инфинитивном придаточном предложении можно придерживаться тех же правил, что и при масдаре. Если инфинитив имеет при себе свое подлежащее, то начало этого придаточного предложения следует выделять запятой. Для выделения конца такого придаточного предложения запятой нельзя привести тех возражений, которые имеют место в отношении масдара. Поэтому можно было бы установить правило отделять инфинитивные придаточные предложения запятыми с обеих сторон. В тех же случаях, когда инфинитив не имеет при себе своего подлежащего и когда мы его считаем только членом простого предложения, запятых, разумеется, ставить не следует ни перед, ни после инфинитива.

5. *Глаголы, при которых в качестве придаточной формы, употребляется форма с суффиксом „ийла, ий“:*

Суна хаба, иза веанийла || веаний.

Я знаю, что он пришел || приехал.

Хьуна ца лаба, иза цуьнца хуьлийла || хуьлий.

Ты не хочешь, чтобы он был с ним.

Суна хавара, цо хинца довшийла || довший.

Я знал, что он теперь учится.

Цунна лавара, со шеца вогийла || вогий.

Он хотел || желал, чтобы я поехал || пошел с ним.

Тхуна хьнера, хара шуьца социйла || соций.

Мы знали, что он остается с вами.

Со шайца социйла || соций, ца лавара царна.

Они не хотели, чтобы я остался с ними.

Цига тхо кхочийла || кхочий, хавара царна.

Они знали, что мы прибываем туда.

Царна хьна, со цигахь воцийла || воций.

Они знали, что я не там.

Цунна ца хьна хила мега, вай догийла || догий.

Может быть, он не знал, что мы приедем || придем.

Тхуна хьна дацара, шу кхуза даьхкинийла || даьхкиний.

Мы не знали, что вы приехали сюда.

Царна хууш хиллера, иза схьакхочур вуйла || вуй.

Они знали, что он придет.

Иза цигахь хиллийла || хиллий, хьна дацара суна.

Я не знал, что он был там.

Суна лаба, иза кхуьнца хуьлийла || хуьлий.

Мне хочется, чтобы он был с тем.

Суна лиьна, иза кхуьнца хуьлийла || хуьлий.

Я захотел, чтобы он был с тем.

Суна луур дац, иза кхуьнца хуьлийла || хуьлий,

Я не пожелаю, чтобы он был с тем.

Хьуна хаба, иза цига веанийла || веаний.

Ты знаешь, что он приехал.

Хьуна хаба, иза цига вогийла || вогий.

Ты знаешь, что он приезжает (ли).

Суна хаба, иза цига вогур вуйла || вогур вуй.

Я знаю, что он придет (ли).

Придаточная форма с суффиксом „й, йла“ употребляется только при глаголах „хаа“ — „элай“, „лаа“ — „желай“. Исторически эта форма, повидимому, происходит из вопросительной формы сказуемого (суффикс „й“) в вопросительных предложениях (см. стр. 248). На это указывает образование этой формы от всех времён, а также оттенок значения сомнительности, который имеют приведенные выше придаточные формы. Сравни, например:

Суна хава, из вәр.

Я знаю, что он приехал || приезжает || приедет.

Суна хавз, из веаний.

Буквально: Я знаю, что он приехал (ли).

Таким образом, по происхождению это — форма косвенного вопроса, которая возможна при глаголе „хаа“ в главном предложении (сравни ниже, стр. 249—2 0). Неясно только происхождение суффикса „ла“, а также употребление этой формы при таких глаголах, как „лаа“ — „желай“.

Кроме вышеприведенных двух глаголов, данная придаточная форма употребляется также при глаголе „хьажа“ — „смотри“, в значении „жди, ожидай“:

Со хьожу, иза веанийла || веаний.

Я ожидаю, что он приехал.

Со хьожу, иза воглур вуй || воглур вуйла.

Я ожидаю, что он приедет.

Я жду, чтобы он приехал.

Но: Со хьожу, иза вәре || вәрга.

Я ожидаю, что он приезжает || приедет.

б. Придаточное предложение в форме главного предложения

Суна мьтту, иза веана.

Я полагаю, что он приехал.

Я думаю, что он приехал.

Мне представляется, что он приехал.

Суна мьтту, хинца догла дьглур ду.

Я полагаю, что сейчас пойдет дождь.

Хьуна мьтту || мьтта, иза цига ца вахана.

Ты думаешь, что он не пошел туда.

Цунна мьтту, иза кхуза воглу.

Он думает, что он приедет сюда.

Тхуна моттаделлера, хьо дешна вавлла.

Нам казалось, что ты окончил учебу.

Шуна мьтту хир дара. сь цига кхочур вац.

Вы наверно подумали (бы), что я не прибуду || приеду туда.

Царна мьттуш хиллера, сьга дешалур дац.

Они подумали было, что я не смогу учигься.

Вайна ца мьтттура, иза длаглур ву.

Мы не думали, что он уйдет.

Форма придаточного предложения в виде главного предложения, подчиняемого другому главному без всяких союзов, употребляется при глаголе „мьтта“ — „думай, полагай, представляйся, кажись“. Эта форма предсказывает собою тип интонационного придаточного предложения.

По-русски, конечно, можно было бы главное предложение передать вводным предложением: „мне кажется, как мне кажется, мне думается, как мне думается“ и т. д. Однако исторически данная форма придаточного предложения в чеченском языке не представляет собой вводного предложения, так как она может иметь любое подлежащее во всех трех лицах и свободно изменяется по всем временам. Более правильным будет предположить, что здесь мы имеем архаический остаток чисто интонационных придаточных предложений.

7. Придаточное предложение в форме главного с союзами „аьлла“ „бохуш“:

Суна хеза, иза веана аьлла.

Я слышу, что он приехал.

Суна хезна, и веана бохуш.

Я слышал (буквально: услышал, т. е. узнал), что он приехал.

И веана аьлла, хета суна.

Мне кажется, (что) он приехал.

И веана бохуш-м, хезна суна.

Я (только) слышал, будто он приехал.

И веана бохуш, ма хезна суна.

Я слышал, будто он приехал.

Суна хезна, хьо Баку || Бакох вахана аьлла || бохуш.

Я слышал, что ты поехал в Баку.

Я слышал, ты поехал в Баку.

Хьо дешан вахана аьлла, хета суна.

Мне кажется || я думаю, что ты поехал учиться.

Иза ца кхавчна аьлла || бохуш, хезна тхуна.

Мы слышали, что он прибыл домой.

Иза хинца давахана аьлла, хета суна.

Мне кажется, что он теперь уехал.

Тхуна хезниэра, хьо цига вахана аьлла || бохуш.

Мы слышали, что ты поехал туда.

Со эвла веана аьлла || бохуш, хезна хиллера царна.

Оказывается, они слышали, что я приехал в селение.

Цигахь ло деана аьлла || бохуш, хезна тхуна.

Мы слышали, что там пошел снег.

Иза Баку || Бакох вобду аьлла || бохуш, хезна суна.

Я слышал, что он едет в Баку.

Хьо базара гур ву аьлла || бохуш, хезна суна.

Он слышал, что ты пойдешь на базар.

Шу ца догур ду аьлла, хетта царна.

Им показалось, что вы приедете домой.

Уьш кхуза боглу аьлла, хетта суна.

Мне казалось, что они идут сюда.

Иза дешан вобду аьлла || бохуш, хезар ду хьуна.

Ты услышишь, что он (этот) едет на учебу.

Иза базара гур ву аьлла, хетар ду хьуна.

Тебе будет казаться, что он поедет на базар.

Хьо эвла вобду аьлла, хета суна.

Мне кажется, что ты поедешь в селение.

Иза школе вахана аьлла, хета суна.

Мне кажется, что он пошел в школу.

Хьо гIуллакхе хIутту бохуш, хеза суна.
Я слышу, что ты поступаешь на службу.

Иза базара вахана бохуш, хеза суна.
Я слышу, что он поехал на базар.

В последних двух примерах в качестве союза нельзя употребить слово „аьлла“.

Придаточное предложение в форме главного с союзными словами „аьлла, бохуш“ употребляется при глаголах „хаза“ — „слышь, услышь“ и „хета“ — „кажись, представляйся“. Исторически, повидимому, при этих глаголах было бессоюзное придаточное предложение в форме главного, так же как и при глаголе „мотта“ (см. выше). В современном же чеченском литературном языке придаточное предложение, хотя и сохраняет форму главного, употребляется только с союзными словами „аьлла, бохуш“. Интересно историческое происхождение этих союзов. В настоящее время эти слова получили в придаточном предложении значение русского относительного союза „что“. Однако они происходят от полнозначных слов, которые и сейчас еще употребляются в полном своем значении в чеченском языке. „Аьлла“ представляет собою деепричастие прошедшего совершенного времени, имеющее форму причастия того же времени, от глагола „аьла“ — „скажи“. „Бохуш“ является деепричастием настоящего времени от глагола „баха—говори“. Таким образом, „аьлла“ буквально значит „сказав“, а „бохуш—говоря“. Как мы увидим ниже, эти слова употребляются при прямой и косвенной речи, где они и имеют прямое свое значение, но в то же время постоянное употребление этих слов при прямой речи исторически превратило их в слова с союзным значением. Появившись в этом значении при глаголах со значением „говорить“, эти слова одновременно могли в таком же значении употребляться и при глаголе со значением „слышать“ — „хеза“. Таким образом, предложение

Суна хеза, и веана аьлла

буквально обозначало: „я слышал, он приехал, сказав“, т. е. „я слышал, сказали, он приехал“ и т. д. В дальнейшем они были перенесены и на глагол „хета“ — „кажется“; „суна хета, и веана аьлла“, буквально: „мне кажется, он приехал, сказав“, т. е. „мне кажется, сказали, он приехал“. Этому превращению полнозначных слов в союзы несомненно способствовало их частое употребление при глаголах со значением „говорить“ и „слышать“. Это употребление в конце концов сделалось обязательным в связи с этими глаголами, самые слова потеряли реальное свое значение и превратились в союзы, а интонационные придаточные предложения — в предложения, подчиненные с помощью вновь образовавшихся относительных союзов.

Так как союз „аьлла“ имеет форму прошедшего времени, а союз „бохуш“ — настоящего времени, то мы могли бы ожидать, что первый союз будет употребляться лишь в связи с прошедшим временем и совершенным или однократным значением в главном предложении, а второй союз — лишь в связи с настоящим временем и несовершенным или многократным значением. Однако в современном литературном языке оба эти союза употребляются почти безразлично — один вместо другого, как это показывают приведенные нами примеры. Это служит лишним доказательством того, что в данном употреблении слова „аьлла“ и „бохуш“ действительно потеряли всякое глагольное значение и превратились в простые союзы. Однако в отдельных случаях сохраняется еще память об их прежнем глагольном значении. Так, при глаголе „хеза“ в настоящем времени союз „аьлла“ не употребляется, а встречается лишь союз „бохуш“, как имеющий форму настоящего времени. Поэтому в двух последних примерах выше заменить союз „бохуш“ союзом „аьлла“ нельзя (еще примеры см. на стр. 245 и сл.).

Таким образом, здесь мы видим блестящий пример того, как почти на наших глазах возникает значение относительного союза из значения самостоятельного слова и, в связи с этим, полнозначное слово превращается в слово со служебным значением.

Что касается употребления знаков препинания в приведенных нами типах придаточных предложений, то, за исключением масдара и инфинитива (см. выше 1—4 формы придаточных предложений, о знаках препинания при которых мы уже говорили), во всех остальных случаях придаточные объектные предложения при глаголах со значением „чувствовать, сознавать“ следует выделять запятой с обеих сторон.

Приводим здесь список глаголов со значением „чувствовать, сознавать“, которые употребляются частью с дательным, частью с именительным и частью с активным падежом смыслового подлежащего.

Глаголы со значением „чувствовать, сознавать“.

С дательным:		С активным: (падежами подлежащего)		С именительным:	
Хаза	— слышь, услышь.	Догдаха	— надейся.	Кхиэра	— бойся.
Хаа	— знай.	Сатаса	— жди с нетерпением.	Хьяжа	— смотри, иди.
Лаа	— желай.	Хьожаяккха	— обоняй.	Тиэша	— верь.
Дивза	— люби, нравься.	Чамбаккха	— пробуй на вкус.	Кхиэга	— понимай.
Довза	— будь знакомым.	Тидамбиэ	— обращай внимание.	Клиа	— понимай, осознавай.
Хизга	— кажись.	Тергуойиэ	— присматривай, посматривай (за кем).	Марзлуо	— привыкай.
Гуо	— видь.	Кьобалдиэ	— прими во внимание, прислушайся (к чему).		
Іама	— обучайся, учись.			Іама	— обучайся, учись, усваивай.
Та	— годись, будь к лицу, подходи.	Зиэ	— следя, про- седи, испытай.	Та	— мирись, будь примеренным.
Мотга	— думай, полагай.	Талла	— чуй, ищи, охоться.	Шаллуо	— простынь, охладись.
Дицлуо	— забудь.	Ойлайиэ	— мысли.	Вохлуо	— согрейся, оогрейся.
Дагада	— вспомни.			Кладлуо	— уставляй.
Карадиэ	— найди.				
Кьаста	— различи, от- личи, разбери (глазами).	Кьаста	— разделись, разсидись.		
Тарлуо	— обовнайся, опибайся.	Тарлуо	— уподобься, будь удачным, ладься, ладь.		
Мага	— будь к лицу, подходи, годись.	Мага	— ладь (с кем- нибудь).		
Тоа	— будь достаточ- ным, хватай (кому-нибудь).				
Иэша	— будь в недо- статке, надобься.	Иэша	— будь побеж- денным.		
Кюрдадиэ	— будь надоевшим, надоедай.				

То же с родительным падежом:

Догда	— будь желанным (хочется, душа лежит к чему-нибудь).
Сагерлуо	— люби.
Сагатлуо	— скучай, печалься, грусти.
Сахьийза	— скучай, печалься, грусти.
Сакьивралуо	— веселись, радуйся.
Карахдала	— будь способным (к чему-нибудь), будь усердным; будь тем, у кого работа спорится.

То же с родительным падежом при инфинитиве другого глагола:

Дивза	— будь нужным, необходимым.
Мага	— сходи с рук, будь дозволенным.

Прямая и косвенная речь. Прямой речью называется речь другого лица, переданная в той же точно форме, в какой он ее произнес или написал. Косвенной речью называется такая передача речи другого лица, при которой эта речь превращается в придаточное предложение при

сказуемом главного со значением „говорить“. Под глаголами со значением „говорить“ мы понимаем здесь все глаголы, имеющие значение общения с помощью речи, например: „говорить, читать, писать, излагать, сообщать“ и т. д. По своему происхождению придаточные предложения, выражающие косвенную речь, представляют собою те же объектные придаточные предложения, что и при глаголах со значением „чувствовать“, „сознавать“. В чеченском языке форма придаточных предложений при глаголах с прямым значением „говорить“ несколько отличается от формы употребительной при таких глаголах, как „писать, читать“ и пр. Поэтому мы делим глаголы со значением „говорить“ по этому признаку на две группы: глаголы, обозначающие „говорить“ в собственном смысле слова, и глаголы со значением „читать, писать“ и т. д.

Прямая речь в чеченском языке, так же как и в русском, передается без всяких изменений в форме главного предложения. Так же как и в русском, вносное предложение при прямой речи („он сказал, он говорил, он писал“ и т. д.) или выделяется запятыми, если оно стоит не в начале прямой речи, или имеет после себя двоеточие или тире, если стоит в начале ее. Прямая речь заключается в кавычки.

Ленина, вайн воккхучу учитело, олура: „Къа ца хьобгучо яа а ца йоу“.
Ленин, наш великий учитель, говорил: „Кто не трудится, тот не ест“.

Ленина аьлла: „Дин — адамийн опиум ю“.
Ленин сказал: „Религия есть опиум народа“.

Цо элира: „Со селхана веана“.
Он сказал: „Я приехал вчера“.

В народном языке, в особенности в фольклоре, при прямой речи употребляются слова „аьлла“, „бохуш“, о которых мы уже говорили выше. Здесь эти слова не играют, конечно, роли союзов, но в то же время представляют собою не вполне однозначные слова, так как в силу частого и обязательного их употребления реальное значение этих слов значительно потускнело. Следовательно, слова „аьлла“ и „бохуш“ и в данном случае находятся на пути превращения их в служебные слова:

Ленина аьлла: „Болх ца бечо яа а ца йоу“, аьлла.
Ленин сказал: „Кто не работает, тот не ест“, (сказав).

Бригадиро мохь беттара:
„Собране гулло!“, бохуш.
Бригадир кричал:
„Собирайтесь на собрание!“, говоря.

Майдана ваьлла мохь-цлогла туьйхира цо:
„Хлай, юртан клентий, схьагулло!“, аьлла, аьлла.
Выйдя на площадь, он возопил:
„Эй собирайтесь сюда, сельские молодецы!“ сказав, сказал (*народная песня*).

Косвенная речь при глаголах первой группы выражается тоже формой главного предложения. Единственным отличием косвенной речи от прямой служит употребление в последней возвратных местоимений третьего и других лиц: „шӕ“ — „сам, себя“ и т. п., которые заменяют в этом случае личные местоимения всех трех лиц. Однако это имеет место лишь в случае одинаковых подлежащих в обоих предложениях:

Цо элира: „Со селхана веана“.
Он сказал: „Я приехал вчера“ (прямая речь).

Цо элира, ша селхана веана.
Он сказал, что он приехал вчера (косвенная речь).

Буквально: Он сказал, сам приехал вчера.

Цо элира: „Ахь сан книжка ийцира“.
Он сказал: „Ты взял мою книгу“ (прямая речь).

Цо элира, ахь шен книжка ийцира.
Он сказал, что ты взял его книгу (косвенная речь).

„Ас и гуллакх дира“, — элира ахь (прямая речь).
Ты сказал: „Я сделал это (дело)“.

Айхьа и гуллакх дира, элира ахь (косвенная речь).
Ты сказал, что ты сделал это (дело).

В третьем от конца предложении, хотя мы имеем и разные подлежащие, подчиненность придаточного предложения главному выражается особой формой притяжательного местоимения (притяжательные местоимения в чеченском языке образуются как от всех личных местоимений, так и от всех возвратных местоимений, которые тоже изменяются по лицам). Таким образом, точнее будет сказать, что косвенная речь в чеченском языке может быть выражена с помощью употребления возвратного местоимения в случае одинаковых подлежащих, а также во всех тех случаях, когда в ней имеется какое-либо из притяжательных или возвратных местоимений, относящихся по смыслу к подлежащему главного (т. е. вносного) предложения:

Ахь соьга элира: „Сан книжка схьалуо“.
Ты сказал: „Отдай мою книгу“ (прямая речь).

Ахь соьга элира, хьайн книжка длаелла ас.
Ты сказал, что я отдал твою книжку (косвенная речь).

Несмотря на более широкое применение в чеченском языке возвратных местоимений в значении относительных, все же возможности выражения этим способом косвенной речи остаются крайне ограниченными. Так, например, предложение „цо элира, ахь сан книжка ийцира“ можно понять двояко:

Он сказал: „Ты взял мою книгу“.
Он сказал, что ты взял мою книгу.

Следовательно, только с помощью знаков препинания и употребления кавычек в ряде случаев мы можем отличить в чеченском языке прямую речь от косвенной.

При второй группе глаголов (со значением „читать, писать“) употребляются и другие способы подчинения придаточного предложения. Приведем примеры:

И веана аьлла, дийшира ас газета тӀехь.
Я прочел в газете, что он приехал.

Ахь зуда ялийна бохуш, яздо цо соьга.
Он мне пишет, что ты женился.

Ахь зуда ялайо бохуш, яздийна цо соьга.
Он мне написал, что ты женишься.

И гур ву аьлла, дийшира ас газеташ тӀехь.
Я прочел в газетах, что он уедет.

Тахана и веана аьлла, дийцира суна.
Мне рассказывали, что он приехал сегодня.

И тхьогга вогу аьлла, элира соьга.
Мне сказали, что он придет к нам.

Цуо, тхьогга вогу аьлла, элира соьга.
Он мне сказал, что придет к нам.

Из этих примеров мы видим, что при глаголах со значением „писать, читать, рассказывать“ и т. д. косвенная речь употребляется в форме главного предложения с союзами „аьлла“ и „бохуш“. Об этих союзах и их происхождении мы уже говорили выше. Можно легко предположить, что в народном языке те же союзы употребляются и в случае передачи косвенной речи при глаголах с прямым значением „говорить“, однако это в литературном языке почему-то не принято. Между тем, употребление этих союзов для передачи косвенной речи во всех случаях помогло бы установить в чеченском литературном языке более точное разграничение между прямой и косвенной речью. Так, например:

1. Цо дийцира, ахь сан книжка ийцира бохуш.
2. Цо элира, ахь сан книжка ийцира аьлла.

можно было бы понимать только как:

1. Он говорил, что ты взял мою книгу.
2. Он сказал, что ты взял мою книгу.

Прямую же речь в литературном языке можно было бы оставлять всегда без прибавления слов „аьлла, бохуш“ в их деепричастном значении, так как они в этом случае теряют почти всякое свое значение. Из других форм, которые употребляются для передачи косвенной речи, отметим форму масдара в именительном падеже:

И вахана хилар дийшира ас газета тIехь.
Я прочел в газете, что он уехал.
Я прочел в газете, что он в отъезде.

Буквально: Я прочел в газете то (обстоятельство), что он стал уехавшим.

Однако в данном примере употребление масдара не является обычным. Параллельно с формой косвенной речи в виде главного предложения масдар для передачи косвенной речи употребляется при глаголах „яздэ“ — „пиши“, „дийца“ — „разговаривай“, но не при глаголах „аьла“ — „скажи“, „баха“ — „говори“, „диэша“ — „читай“:

Ахь дийцира, из вар.
Ты рассказал, что он приехал.
Цо яздина, из вахар.
Он написал, что тот уехал.

В общем следует сказать, что различие между прямой и косвенной речью в чеченском языке недостаточно развито. Это представляет собою исторический пережиток интонационного выражения придаточных предложений. Для постоянного выражения формы косвенной речи, как мы уже выше говорили, можно было бы использовать относительные союзы „аьлла, бохуш“, которые в народном языке употребляются тоже недифференцированно, неразграниченно и в случае прямой, и в случае косвенной речи. Для чеченского литературного языка здесь следовало бы установить постоянную разницу: при прямой речи совсем не употреблять слов „аьлла, бохуш“ в значении относительного союза „что“ (разумеется, это не касается употребления глагола „аьлла“ в значении „сказал“), при косвенной же речи необходимо сделать употребление этих слов в значении русского союза „что“ обязательным. Тогда мы будем иметь в литературном языке постоянное различие между прямой и косвенной речью, — различие, которое безусловно необходимо для большей точности выражения в каждом развитом литературном языке.

Прямой и косвенный вопрос. Под прямым вопросом мы понимаем форму простого предложения вопросительного типа. Под косвенным же вопросом мы разумеем случаи, когда вопросительное предложение из глав-

ного превращается в придаточное, большей частью при глаголе-сказуемом „хаа“ — „знай“ в главном предложении. В чеченском языке возможны обе формы вопроса.

Прямой вопрос. Прямой вопрос существует в чеченском языке в двух формах — во-первых, в форме предложения вопросительного типа, в котором вопросительность выражена или интонационно, или специальными суффиксами сказуемого „й, ий“ (см. типы предложения в начале синтаксиса простого предложения, стр. 24), и во-вторых, в форме реально-утвердительно-предложения со включением в его состав вопросительных местоимений и наречий. Интересно, что эти две формы прямого вопроса в чеченском языке исключают друг друга, т. е. вопрос может быть выражен или глагольным (интонационным и глагольно-суффиксальным) способом, или местоименно-наречным способом. (Смешанного способа, при котором применялись бы одновременно обе эти формы выражения вопроса, в чеченском языке не существует. Различаются эти две формы вопроса также и по значению. Суффиксально или интонационно выраженный вопрос представляет собою вопрос, относящийся по смыслу к сказуемому, т. е. к процессу действия, что соответствует русскому вопросительному предложению интонационному или с употреблением частицы „ли“ при сказуемом. Вопрос, выраженный вопросительным местоимением или наречием, представляет собою вопрос, относящийся к какому-либо члену предложения кроме сказуемого, т. е. к предмету, его качеству или обстоятельству действия. По-русски этот вопрос передается тоже путем включения в предложение вопросительных местоимений и наречий, полностью сохраняющих свое вопросительное значение.

Приведем примеры на обе формы прямого вопроса в чеченском языке:

Глагольная форма вопроса

Хьо театре вьдий?
Идешь ли ты в театр?
Хьо театре вьду? (интонационный вопрос).
Ты идешь в театр?
Ахь тахана болх бой?
Работаешь ли ты сегодня?
Тахана болх бо ахь? (интонационный вопрос).
Ты работаешь сегодня?
Хлумма-а хиллий цигахь?
Не случилось ли чего-нибудь там?
Ничего не случилось там?

Из этих примеров мы видим, что глагольная форма вопроса в чеченском, как и в русском языках, может быть выражена не только особой глагольной формой (в русском языке — служебной частицей „ли“), но и одной только интонацией (интонационный вопрос, см. в начале синтаксиса простого предложения раздел интонации, стр. 15).

Местоименно-наречная форма вопроса

Мила вьду театре?	Мичахь вара хьо селхана?
Кто идет в театр?	Мичахь вара хьо селхана?
Кто пойдет в театр?	Где ты был вчера?
Маца глур ву хьо театре?	Хлун хилла цигахь?
Когда пойдешь ты в театр?	Что случилось там?
Мича глур ву хьо кхана?	Что там произошло?
Куда пойдешь ты завтра?	
Куда поедешь ты завтра?	

Из этих примеров мы видим, что вопросительное значение в случае местоименно-наречного вопроса выражается исключительно значением вопросительных местоимений и наречий. Форма сказуемого в этих случаях остается совершенно неизменной.

Косвенный вопрос. Косвенный вопрос представляет собою придаточное предложение при главном, в котором сказуемым служит обычно глагол „хаа“ — „знай“ преимущественно в отрицательной его форме, а также в редких случаях глагол „гуо“ — „видь“. Придаточные предложения, выражающие косвенный вопрос, представляют собою в чеченском языке простое включение в состав сложноподчиненного предложения прямого вопроса в местоименно-наречной форме. Внешняя форма прямого вопроса при этом совершенно не меняется. Однако вопросительные местоимения в этом случае теряют свое вопросительное значение и превращаются в относительные (об историческом значении этого явления см. выше, стр. 178). Приведем примеры:

Суна ца хаба, театре мила гIур ву.

Я не знаю, кто пойдет в театр.

Суна ца хаба, хьо театре маца гIур ву.

Я не знаю, когда ты пойдешь в театр.

Суна ца хаба, хьо кхана мича гIур ву.

Я не знаю, куда пойдешь || поедешь ты завтра.

Суна ца хаба, селхана хьо мичахь || мичахьа хилла.

Я не знаю, где ты был вчера.

Суна ца хаба, цигахь хIун хилла.

Я не знаю, что случилось там.

Я не знаю, что там произошло.

Простое сравнение этих примеров с приведенными выше вопросительными доказывает наше положение о том, что косвенный вопрос в этой форме представляет собою простое включение вопросительного предложения в состав сложноподчиненного.

Суна-м ца хаба, муьлаха бригада яьлла хьалха вайн заводехь.

Я не знаю, которая бригада опередила на нашем заводе.

Суна ца хаба, маса класс ю шун школахь.

Я не знаю, сколько классов в вашей школе.

И муха вогIу, гур тхуна.

(Мы) увидим, как он приедет!

Посмотрим, как он приедет!

И маца вогIу, гур тхуна.

(Мы) увидим, когда он приедет.

Вторая форма косвенного вопроса заключается в том, что в качестве придаточного предложения в сложноподчиненное предложение включается парное сочетание утвердительной и отрицательной формы глагола, приобретающее значение косвенно-вопросительной придаточной формы. Несомненно, что такое сочетание первоначально служило формой прямого вопроса, т. е. сказуемого в простом предложении.

Суна ца хаба, иза театре гIур ву—вац.

Я не знаю, пойдет ли он в театр.

Буквально: Я не знаю, он пойдет или нет в театр.

Суна ца хаба, цигахь хIумма-а хилла—ца хилла.

Я не знаю, не случилось ли там чего-нибудь.

Буквально: Я не знаю, случилось там что-нибудь или нет.

Суна ца хаба, шу кхана ца догӀур ду — дац.
Я не знаю, придете ли вы завтра домой.

Суна-м ца хаба, ялла — ца ялла вайн бригада хьалха.
Я не знаю, опередила ли наша бригада.

Также: Суна-м ца хаба, яллий вайн бригада хьалха.
Я не знаю, (что) опередила ли наша бригада (ср. стр. 240)

В русском языке, кроме перечисленных двух форм косвенного вопроса, существует еще разновидность второй формы: частица „ли“ может стоять не только при сказуемом, но и при других членах как прямого вопроса, так и косвенно-вопросительного придаточного предложения. В этом случае вопросительный смысл относится не к сказуемому-действию, а к тому члену предложения, при котором стоит частица „ли“. В чеченском языке, если в предложении имеется глагольное сказуемое, это перемещение вопросительного значения достигается только переменной порядка слов, вопросительную же форму может иметь только сказуемое. Приведем примеры:

Суна ца хаба, вьду — ца вьду и гӀала.
Я не знаю, поедет ли он в город.

Суна-м ца хаба, гӀала вьду — ца вьду и.
Суна-м ца хаба, гӀала вьду и.
Я не знаю, в город ли он поедет.

Суна-м ца хаба, тахана вьду — ца вьду и.
Суна-м ца хаба, тахана вьду и.
Я не знаю, сегодня ли он поедет.

Суна-м ца хаба, и вьду — ца вьду тахана.
Суна-м ца хаба, и вьду тахана.
Я не знаю, он ли поедет сегодня,

и т. д.

В русском языке косвенный вопрос может иметь условную (сослагательную) форму. В чеченском языке это передается такою же парной утвердительно-отрицательной формой сказуемого, образованной от условного склонения. И здесь форма сказуемого главного предложения становится по значению придаточной формой. Приведем примеры:

Суна-м ца хаба, гӀур вара — вацара и гӀала.
Я не знаю, поехал ли бы он в город.

Суна-м ца хаба, тахана гӀур вара — вацара и гӀала.
Я не знаю, поехал ли бы он сегодня,

и т. д.

ГЛАВА 6

ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ ПРИДАТОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Обстоятельственные придаточные предложения бывают тех же типов, что и обстоятельственные слова в простом предложении. Следовательно, мы различаем придаточные предложения обстоятельства места, обстоятельства времени, обстоятельства образа действия, обстоятельства причины и обстоятельства цели. Придаточные предложения обстоятельства образа действия можно иначе назвать придаточными предложениями обстоятельства качества действия, так как по существу они выражают качество действия.

Придаточные предложения обстоятельства места. Придаточные предложения обстоятельства места имеют в качестве сказуемого причастие в специальной форме местного падежа с суффиксом „чу“, т. е. особую причастную по происхождению придаточную форму. Этот суффикс по своему происхождению представляет собою послелог „чу“—„в, внутри“ (в полом пространстве). Как и послелог, суффикс придаточной формы обстоятельства места может иметь окончания всех производных форм местного падежа (но пишется в отличие от послелога слитно с глагольной основой): форма движения — окончание „чу“, форма пребывания — окончание „чухь“, форма направления — окончание „чухьà“, форма исхода — окончание „чура“, форма направления-исхода — окончание „чухьàра“, форма движения через — окончание „чухула“, форма направления-движения через — окончание „чухьàхула“ и т. д. Следовательно, причастие, заменяющее сказуемое в придаточных обстоятельства места, имеет все формы местного падежа. Однако оно всегда отличается от обычных форм местного падежа того же причастия, которое употребляется в придаточных дополнительных предложениях, специальным, свойственным лишь причастию, выражающему обстоятельство места, суффиксом „чу“.

Окончания формы причастия в придаточных обстоятельства места соответствуют русским указательным наречиям „там, туда, оттуда“ и т. д., которые употребляются в соответственных главных предложениях, в то время как русские относительные союзы (наречия) „где, куда, откуда“ передаются в чеченском языке основным значением глагола, от которого образовано причастие. Если глагол выражает пребывание, то это будет соответствовать русскому относительному союзу „где“. Если глагол выражает движение, то это соответствует русскому относительному союзу „куда“. Если, наконец, глагол выражает исход (т. е. действие, направленное из того пункта, о котором идет речь), то это соответствует по смыслу русскому „откуда“. И в этом случае как при причастиях, заменяющих главные члены предложения и косвенные дополнения, мы видим, что передача относительного союзного значения в чеченском языке недостаточно развита. Правда, в придаточных предложениях обстоятельства места данная неразвитость не имеет такого большого значения, так как глаголы по самому своему содержанию почти всегда с достаточной точностью определяют то относительное значение, которое соответствует русским союзам „где, куда, откуда“.

Будучи причастными по своей форме, придаточные обстоятельства места могут иметь те же разновидности, какие имеют причастные придаточные предложения рассмотренных нами выше типов. Придаточные обстоятельства места могут легко превращаться в определительные придаточные предложения при обстоятельствах места, а также образовывать придаточные предложения обстоятельства места с обобщенным значением. Приведем примеры, которые дадут представление об этой форме обстоятельственных придаточных предложений:

Со вьдучухь, дукха белхаш бу.

Там, куда я иду, много работы.

Со вьдучу, дуккха-а нах оьху.

Туда, куда я иду, и (очень) многие (другие) люди ходят.

Со вьдучуьра, со вуха вьрзур ву сарахь.

Оттуда, куда я иду, я возвращусь вечером.

Из этих примеров мы ясно видим, что изменения русских указательных местоимений „там, туда, оттуда“ точно соответствуют изменению окончаний чеченского причастия: форма пребывания соответствует русскому „там“, форма движения — русскому „туда“ и форма исхода — русскому „оттуда“. В чеченском литературном языке можно добавить

в состав предложения указательные (местные) наречия для более точного соответствия чеченского предложения русской синтаксической форме:

Цигахь, со вьдучухь, дукха белхаш бу.

Там, куда я иду, много работы.

Цига, со вьдучу, дуккха-а оьху.

Туда, куда я иду, очень многие ходят.

Цигара, со вьдучуьра, со вуха вьрзур ву сарахь.

Оттуда, куда я иду, я возвращусь вечером.

Мы ясно видим, что чеченское указательное наречие повторяет окончание причастия. Следовательно, значение указательных наречий уже выражено суффиксами чеченского причастия. С этой точки зрения добавление указательных наречий представляет собою повторение того же значения, которое уже выражено причастием — своего рода плеоназм (переполнение смысла) и является, таким образом, излишним. Однако под влиянием русских синтаксических конструкций это повторение прочно входит в литературный чеченский язык.

Примеры:

Со вехачухь, йовха ю.

Там, где я нахожусь || живу, тепло.

Со вьдучухь, дукха белхаш бу.

Там, куда я иду, много работы.

Со вьгучухь, дукха белхаш бу.

Там, откуда я иду, много работы.

Цигахь, со вехачухь, йовха ю.

Там, где я нахожусь || живу, тепло.

Цигахь, со вьдучухь, дукха белхаш бу.

Там, куда я иду, много работы.

Цигахь, со вьгучухь, дукха белхаш бу.

Там, откуда я иду, много работы.

Мы ясно видим, что изменение русских относительных союзов (наречий) „где, куда, откуда“ не вызывает в чеченском языке изменения окончания причастия и, следовательно, не зависит от него. Передача относительных значений вызвана здесь сменой глаголов с различным значением — глаголов, от которых образовано причастие. Глагол „вәха“ — „живи“ выражает пребывание, нахождение в одном месте. Следовательно, причастие от него передает значение русского относительного союза „где“. Глагол „гьлу“ — „иди (туда), пойди“, от которого образовано причастие настоящего времени „вьдучухь“, всегда обозначает направление движения от говорящих и потому передает значение русского относительного союза „куда“. Наконец, глагол „вуола“ — „иди (сюда), приходи“ показывает обратное направление движения — в сторону говорящего и потому в данном предложении точно передает значение русского относительного союза „откуда“. Приведем еще примеры чеченских предложений обстоятельства места:

Хьо хьожу, иза лавтгачухьа.

Ты смотришь (по направлению) туда, где он стоит.

Хи догьлу, и лам болчухьара.

Река течет (по направлению) оттуда, где эта гора.

Цигахь, блавста вай болх бинчухь, дика ду.

Там, где мы весной работали, земля хороша.

Со хьожу цига, хьо лавттинчу.
Я смотрю туда, где ты стоял.

Со хиллачухь, белхаш дукха бара.
Там, где я был, было много работы.

Со лавттачу, малх кхийтира.
Там, где я стою, солнце печет.

Буквально: Туда, где я стою, ударило солнце.

Со воглучуьра, атта бара белхаш.
Там, откуда я иду (прихожу), работа была легкая.

Со ваханчухьа, дукха бара белхаш.
В той стороне, куда я съездил, было много работы.
В той местности, куда я съездил, было много работы.

Со веанчухьара, атта бара белхаш.
В той стороне, откуда я приехал, работа была легкая.
В той местности, откуда я приехал, работа была легкая.

Со ваханчухула, белхаш дукха бара.
В той округе, куда я съездил, было много работы.

Буквально: Там насквозь, куда я съездил, было много работы.

Со ваханчухьахула, белхаш атта бара.
В той округе, вдоль которой я съездил, работа была легкая.
В той округе, куда я съездил, работа была легкая.

Буквально: По направлению туда насквозь, куда я съездил, работа была легкая.

Цигахь, со хиллачухь, белхаш дукха бара.
Там, где я был, было много работы.

Цига || цигахь, со лавттачу, малх кхийтира.
Туда, где я стою, заглянуло солнце || попали солнечные лучи.
Там, где я стою, появилось солнце || печет солнце.

Цигара, со веанчуьра, хьо а схьавеана.
Оттуда, откуда я прибыл, приехал и ты.

Цигахьа, со ваханчухьа, атта бара белхаш.
В том направлении, куда я съездил, работа была легкая.

Цигахьара, со веанчухьара, хьо а схьавоглу.
С того направления, откуда я прибыл, едешь и ты.
С той стороны, откуда я прибыл, едешь и ты.

Придаточные определительные при обстоятельстве места. Эти предложения имеют совершенно ту же форму, что и придаточные определительные при склоняемых членах предложения (см. выше, стр. 194).

Со хиллачу меттехь белхаш дукха бара.
В том месте, где я был, было много работы.

Со лавттачу метте малх кхийтира.
В том месте, где я стою, появилось солнце || припекает солнце.

Буквально: В то место, где я стою, ударило солнце.

Со веанчу меттера белхаш атта бара.
В том месте, откуда я приехал, работа была легкая.

Со веанчу меттехьа белхаш атта бара.
В той стороне, откуда я прибыл, работа была легкая.

Буквально: В направлении того места, откуда я прибыл, работа была легкая.

Со веанчу меттехьара белхаш атта бара.
В той стороне, откуда я прибыл, работа была легкая.

Буквально: По направлению от того места, откуда я прибыл, работа была легкая.

Придаточные обстоятельства места с обобщенным значением. Эти придаточные предложения легко образуются от соответственных придаточных обстоятельства места путем добавления слова „массанхьа-а“ — „всюду, везде“ в различных его местных формах и др. в состав главного предложения, или путем добавления слова „миччахьа-а, мичча-а“ в том же значении — в состав придаточного предложения.

Со хиллачухь, массанхьа-а белхаш дукха бара.
Там, где я был, везде было много работы.

Массанхьа-а, со лавттинчу, малх кхийтира.
Там, где я стоял, всюду появилось солнце.

Буквально: Туда, где я стоял, всюду ударило солнце.

Массанхьара-а, со веанчура, нах схьабайхкира.
Оттуда, откуда я приехал, отовсюду сюда ехали люди.

Массанхьа-а, со ваханчухьа, белхаш атта бара.
В том направлении, куда я съездил, повсюду была [легкая работа.

Массанхьара-а, со веанчухьара, белхаш атта бара.
В той стороне, откуда я приехал, повсюду была легкая работа.

Буквально: По направлению оттуда, откуда я приехал, повсюду была легкая работа.

Мичча-а, со хиллачухь, белхаш дукха бара.
Повсюду, где я был, было много работы.¹

Вторая форма придаточных предложений обстоятельства места с обобщенным значением образуется тем же способом, что и при придаточных причастных предложениях субъектных, объектных, предикатных и дополнительных. В состав придаточного предложения добавляется слово „мичча“ — „везде, всюду, повсюду“, а сказуемое принимает формы, свойственные условным придаточным предложениям при реальном условии:

Со миччахь хиллехь а, цигахь белхаш атта бара.
Всюду, где бы я ни был, работа была легкая.

Со миччахь лавттинехь а, цига малх кхийтира.
Всюду, где бы я ни стоял, (там) появлялось солнце.

Буквально: Если я где и стоял, туда ударило солнце.

Со миччахьара веанехь а, цигара белхаш атта бара.
Откуда бы я ни приезжал, (там) всюду работа была легкая.

Со миччахьара веанехь а, цигара нах схьабайхкира.
Отовсюду, откуда бы я ни приезжал, (оттуда) прибывали сюда люди.

Со миччахьа ваханехь а, цигахьа белхаш атта бара.
Повсюду в той стороне, куда я съездил, (в том направлении)
работа была легкая.

Ша миччахьа ваханехь а || вахча а, ша толам боккхург хилар тешар
леладора цо шеца.

Всюду, куда он приходил, он приносил с собой уверенность в победе.
Всюду, куда бы он ни приходил, он приносил с собою веру в то,
что будет достигнута победа.

¹ Ср. еще:

Муьлхачу-а || муьлхачухь-а, со хиллачу меттехь, белхаш дукха бара.
Буквально: В каком бы то ни было месте, где я был, было много работы.

Массо-а меттехь а, со хиллачухь, белхаш дукха бара.
Во всех местах, где я был, было много работы.

Ша миччахъа ваханехъ а || вахча а, ша тоьлург хиларх тешара иза.
Всюду, куда он приходил, он верил в победу.
Всюду, куда бы он ни приходил, он верил в то, что будет
побеждающим.

Со миччахъара веанехъ а, цигахъара белхаш атта бара.
В той стороне (в том направлении), откуда я приехал, повсюду
была легкая работа.

Буквально: Если я откуда и приезжал, из того направления была легкая
работа.

Придаточные обстоятельства времени. Придаточные обстоятельства времени в чеченском языке представляют собою большое многообразие форм. Поэтому, в целях облегчения классификации, эти придаточные предложения удобнее распределить на три группы в соответствии с их значением. В основу этой классификации мы кладем временное отношение между действием, выражаемым главным предложением, и действием, которое выражается придаточным предложением. Если действие придаточного предложения предшествует действию главного предложения, т. е. совершается перед действием главного предложения, то мы относим эти формы придаточных предложений в раздел предшествования во времени. Если действие главного и придаточного предложения совершается одновременно, то мы относим такие придаточные предложения в группу, выражающую одновременность. Если действие придаточного предложения следует за действием главного предложения, т. е. действие придаточного предложения совершается после действия главного предложения, то мы относим эти придаточные предложения в раздел последовательности во времени. Таким образом, придаточные предложения обстоятельства времени мы делим на: придаточные предложения, выражающие предшествование во времени, придаточные предложения, выражающие одновременность, и придаточные предложения, выражающие последовательность во времени.

Придаточные предложения обстоятельства времени, выражающие предшествование во времени. Предшествование во времени проще всего выражается в чеченском языке спрягаемой формой глагола с суффиксом „й“ и союзом „а“ перед ней:

Оха, болх а бой, садоу.
Поработав, мы отдыхаем.
Мы работаем и потом отдыхаем.

Однако употребление этой формы выражения предшествования во времени весьма ограничено. Она употребляется только при настоящем и прошедшем несовершенном времени в главном предложении. Эта форма предшествования во времени исторически происходит из простого сочинения двух главных предложений с помощью союзного суффикса „й“, „ий“ (ср. выше, стр. 160). В настоящее же время она стала формой подчинения придаточного предложения главному и союзный суффикс, который перестал здесь созаваться как союз, получил значение временного окончания придаточной формы.

1. *Настоящее время с суффиксом „й, ий“ и союзом „а“ перед ним:*

Колхозхоша, хъакха а хъокхий, ца дохьу ялташ.
Скосив, колхозники свозят домой хлеба.
Убрав, колхозники свозят домой урожай.

Аша хъакха а хъокхий, оха ца дохьу ялташ.
После того, как вы косите, мы возим хлеб домой.

Колхозхоша, хьакха а хьокхий, ца дохьура || дахьара ялташ.
Скосив, колхозники возили домой хлеб.
Убрав, колхозники возили домой урожай.

Аша хьакха а хьокхий, оха ца дохьура ялташ.
После того как вы косили, мы возили домой хлеб.

2. *Причастие прошедшего совершенного времени в значении деепричастия того же времени с союзом „а“ перед ним:*

Колхозхоша, хьакха а хьакхна, деара ца ялташ.
Скосив, колхозники свезли домой урожай.

Аша хьакха а хьакхна, оха ца деара ялташ.
После того как вы скосили, мы свезли домой хлеб.

Колхозхоша, хьакха а хьакхна, ца дохьур || дахьар ду ялташ.
Скосив, колхозники свезут домой урожай.

Аша хьакха а хьакхна, оха ца дохьур ду ялташ.
После того как вы скосите, мы свезем домой хлеб.

Из этих примеров мы видим, что форма с суффиксом „й, ий“ употребляется, таким образом, только при настоящем и прошедшем несовершенном времени в главном предложении. Она имеет значение действия несовершенного вида и употребляется с теми временами главного предложения, которые в чеченском языке имеют это видовое значение.

Вторая обычная форма выражения предшествования во времени, — соотносительная первой, как мы это видим из приведенных примеров, — это причастие прошедшего совершенного времени, употребляемое здесь в значении деепричастия. Так же как и в русском языке, причастие прошедшего времени, имеющее значение деепричастия совершенного вида, выражает действие, предшествующее действию главного предложения, и употребляется при всех временах, кроме настоящего и прошедшего несовершенного, в главном предложении. Перед придаточной формой в этих случаях может употребляться союз „а“ — „и“ (в разделительном значении).

Третья форма, выражающая предшествование во времени, — это деепричастие прошедшего совершенного времени. Так же как и в русском языке, деепричастие прошедшего времени имеет значение совершенного вида и выражает действие, предшествующее действию главного предложения. В русском языке для перевода этой формы употребляется деепричастие совершенного вида. Форма же чеченского деепричастия настоящего времени, как в русском форма деепричастия несовершенного вида, выражает одновременность с действием главного предложения (см. ниже, стр. 261). Приведем примеры на употребление чеченского деепричастия прошедшего совершенного времени.

3. *Деепричастие прошедшего совершенного времени:*

а) С суффиксами „ча, чяхь“:

Примеры: Оха, болх бича, садоу.

Поработав, мы отдыхаем.

Оха, болх бича, садоуира.

Поработав, мы отдохнули.

Оха, болх бича, садоур ду.

Поработав, мы отдохнем || будем отдыхать.

Из этих примеров мы видим, что деепричастие прошедшего совершенного времени не изменяется по временам и не зависит от изменения времен в главном предложении в том случае, если оно выражает предшествование во времени.

Деепричастие прошедшего совершенного времени имеет всего три формы с суффиксами, напоминающими собою местные суффиксы: „ча, чахь, чахъана“ (например: „бича, бичахь, бичахъана“). Смысловая разница между первыми двумя формами — „ча, чахь“ — неясна. Первая форма напоминает собою местную форму движения, вторая форма — местную форму пребывания. Между этими двумя формами нет никакой разницы в употреблении:

Оха, болх бичахь, садоу.

Поработав, мы отдыхаем.

Оха, болх бичахь, садов'ира || сада'ира.

Поработав, мы отдохнули.

Оха, болх бичахь, садоур ду.

Поработав, мы отдохнем || будем отдыхать.

Что касается третьей формы с суффиксом „чахъана“, то она употребляется обычно только при будущих временах в главном предложении, но не может быть употреблена при настоящем и прошедшем несовершенном времени (все эти три формы связаны единством образования — они образуются от формы настоящего времени).

б) С суффиксом „чахъана“:

Примеры: Оха, болх бичахъана, садоур ду.

Поработав, мы будем отдыхать || отдохнем.

Оха, болх бичахъана, садоур.

Поработав, мы (возможно) отдохнем.

Но: Оха, болх бичахь, садоура.

Работая, мы отдыхали.

Деепричастная форма с суффиксом „чахъана“ приобретает и другой временной оттенок, который видим из нижеследующих примеров:

Суо города вахачхъана, оху со театре.

С тех пор, как я переехал в город, я хожу в театр.

Шà тавелчахъана, бо цо болх.

С тех пор, как он выздоровел, он работает.

Со дешан волавелчахъана, ца юьту ас урокаш.

С тех пор, как я начал учиться, я не пропускаю уроков.

Чеченское деепричастие прошедшего совершенного времени употребляется в отличие от русского деепричастия, и при разных подлежащих в придаточном и главном предложении. Это касается всех трех перечисленных нами разновидностей деепричастия прошедшего совершенного времени.

Хьо школе вахча, со цахь Ia.

После того, как ты пойдешь в школу, я буду сидеть (сизу) дома.

Хьо школе вахча, со цахь Иийр ву.

После того, как ты пойдешь в школу, я буду сидеть дома.

Хьо школе вахча, со цахь Iàра.

После того, как ты шел в школу, я сидел дома.

Буквально: После того, как ты уходил в школу, я сидел дома.

Хьо школе вахча, со цахь Иийра.

После того, как ты пошел в школу, я посидел дома.

Хьо школе вахчахь, со цахь Ийра.

После того, как ты пошел в школу, я посидел дома.

Хьо школе вахчахьана, со цахь Ийр ву.

После того, как ты пойдешь в школу, я буду сидеть || посижу
дома, и т. д.

Четвертой формой выражения предшествования во времени служит в чеченском языке сравнительный падеж самостоятельного причастия прошедшего совершенного времени с присоединенным к нему послелогом „тӀаьхьа“ — „после“, что в совокупности соответствует русскому „после того, как; вслед за тем, как“.

4. *Сравнительный падеж самостоятельного причастия прошедшего совершенного времени с послелогом „тӀаьхьа“:*

Колхозхоша хьаькхначул тӀаьхьа, цара ца дохьура ялташ.

После того, как колхозники косили, они свозили домой урожай.

Аша хьаькхначул тӀаьхьа, оха ца деара ялташ.

После того, как вы скосили, мы свезли домой урожай.

Колхозхоша хьаькхначул тӀаьхьа, (цара) ца деара ялташ.

После того, как колхозники скосили, (они) привезли домой урожай.

Аша хьаькхначул тӀаьхьа, оха ца дохьур ду ялташ.

После того, как вы скосите, мы свезем домой урожай.

Колхозхоша хьаькхначул тӀаьхьа, (цара) ца дохьур ду ялташ.

После того, как колхозники скосили, (они) свезут домой урожай.

Оха, болх бинчул тӀаьхьа, садоу.

После того, как мы поработали, (мы) отдыхаем.

Оха, болх бинчул тӀаьхьа, садовира.

После того, как мы поработали, (мы) отдохнули.

Оха, болх бинчул тӀаьхьа, садоур ду.

После того, как мы поработали, (мы) отдохнем.

Хьо школе ваханчул тӀаьхьа, со цахь Ia.

После того, как ты пошел в школу, я сижу дома.

После того, как ты пойдешь в школу, я буду сидеть дома.

Хьо школе ваханчул тӀаьхьа, со цахь Iара.

После того, как ты уходил в школу, я сидел дома.

Хьо школе ваханчул тӀаьхьа, со цахь Ийнера.

После того, как ты пошел в школу, я сидел дома.

Хьо школе ваханчул тӀаьхьа, со цахь Ийр ву.

После того, как ты пошел в школу, я буду сидеть дома.

Кроме упомянутых здесь форм, в чеченском языке существует еще несколько способов для выражения мгновенной смены действий, что по-русски передается с помощью слов „как только...; как только..., так сейчас же...“. Эти формы в чеченском языке исторически происходят от форм придаточных предложений обстоятельства образа действия, на что указывает употребление в них союза „ма“ — „как“ в значении „как только“ (см. ниже, стр. 276—277). В русском разговорном и народном языке мы имеем аналогичное употребление союза „как“ во временном значении: „как только пришел, разделся“ — „как пришел, разделся“.

5. *Прошедшее недавнее время с удвоением согласного и союзом „ма“ перед ним:*

Айса болх ма ббин, садоу ас.

Я, как только поработал, (сейчас же) отдыхаю.

Ша говрара õхьа ма воесси, говрана куьг хьакхира бёриэчо.
Буквально: Как только он (сам) слез с лошади, всадник погладил рукой лошадь.

Как только всадник слез с лошади, он погладил рукой лошадь.

Ша машина ма хьтй, машина йолаялийтира шоферо.
Буквально: Как только он (сам) сел в машину, шофер двинул машину.
Как только шофер сел в машину, он двинул ее вперед.

Со шена гучу ма ваьлли, вевзира цунна со.
Как только я (ему) показался, (сейчас же) он меня узнал.

Приведенная в примерах придаточная форма представляет собою прошедшее недавнее время с добавлением к нему союза „ма“, например: „бин“ — „(только что) сделал, (сейчас только) сделал“. Эта форма недавно прошедшего времени употребляется, как и в придаточном обстоятельстве образа действия, с удвоением согласного и союзом „ма“ впереди нее.

Вторая приводимая ниже форма, повидимому, представляет собою причастие прошедшего совершенного времени в значении деепричастия того же времени, — причастие, совпадающее в чеченском языке с формой прошедшего времени, которая имеет значение перфекта: „бина“ — „сделал (сейчас); сделавший, сделанный (сейчас); сделав (сейчас)“. В данном случае форма эта принимает местный суффикс „ехь“ и удвоение согласного. Удвоение согласного в обеих данных формах служит для усиления оттенка мгновенного предшествования действия. В придаточных же предложениях обстоятельства образа действия (см. ниже, стр. 274) такое же удвоение согласных употребляется для выражения оттенка точного сходства каких-либо двух явлений. Приведем примеры на эту вторую форму мгновенного предшествования действия:

6. *Причастие прошедшего совершенного времени в значении деепричастия того же времени с удвоением согласного, суффиксом „ехь“ и союзом „ма“ перед ним:*

Айса болх ма биннехь, садоу ас.
Я, как только поработал, сейчас же отдыхаю.
Как только я поработал, я сейчас же отдыхаю.

Иза ца ма кхьччинехь, со вахара и волчу.
Как только он прибыл домой, я пошел к нему.
Как только он прибыл домой, я пошел туда, где он находится.

Ша чу ма ваьллинехь, салам делира цо тхьога.
Он, как только вошел, поздоровался с нами.

Хьехархо чу ма ваьллинехь, хьалаглевттира дешархой.
Как только учитель вошел, ученики встали.

Дешархоша, шавш хьала ма глевттинехь, юьхь а, куьг а дуьлу шайн.

Учащиеся, как только встали, моют свои и лицо, и руки.
Как только учащиеся встают, они моют и лицо, и руки.

Ша хи чу ма иккхинехь, нека дан волавелира иза.
Как только он влез в воду, сейчас же начал плыть.
Как только он влез в воду, сейчас же поплыл.

Кроме того, в народной речи употребляется и настоящая форма придаточных обстоятельства образа действия (см. ниже, стр. 275) в значении придаточных мгновенного предшествования во времени, сравни:

7. Придаточная форма обстоятельства образа действия:

Айса болх ма барра, садоу ас.

Сколько я работаю, столько я и отдыхаю.

Буквально: Как поработаю, я отдыхаю.

Как я работаю, так и отдыхаю.

и: Ас хлокху сохьта и до, ахь ма аллара.

Я это делаю сейчас же, как ты сказал.

Я это делаю тотчас же, как ты сказал.

Как видим, эта чеченская народная форма придаточных обстоятельства времени совпадает с русской формой, в которой союз „как“ употребляется тоже в значении времени (т. е. вместо „когда“).

8. *Деепричастие настоящего времени с удвоением согласного и суффиксом „ехь“:*

В значении мгновенного предшествования во времени употребляется также аналогичная вышеуказанной форма деепричастия настоящего времени с удвоением согласного и местным суффиксом „ехь“. Правда, эта же форма имеет значение и одновременности. Различие смысла мгновенного предшествования во времени и одновременности зависит от контекста (связи слов в предложении). Приведем примеры:

Иза ца кхочхушехь, со вахара и волчу.

Как только он прибыл домой, я пошел к нему (буквально: я пошел туда, где он есть).

Ша чу воллушехь, салам делира цо тхобга.

Он, как только вошел, поздоровался с нами.

Хьехархо чуволлушехь, хьалаглевттира дешархой.

Как только учитель вошел, ученики встали.

Дешархоша, шаш хьалаглевттушехь, юьхь а, куьг а дублу шайн.

Как только учащиеся встают, они моют и лицо, и руки.

Ша хи чу эккхашехь, нека дан волавелира иза.

Как только он влез в воду, сейчас же поплыл || начал плыть.

Колхозхоша, шаш ялташ хьоккхушехь, кхочушйо пачхьалкхана

ялташ дладаран план.

Колхозники, как только убрали свой урожай, выполняют для государства план хлебосдачи.

Хюь бийна йоллушехь, куьг хьэкху цо шен говрана.

Он гладит рукой свою лошадь, как только (она) покушает (хлебный) корм.

Со хлума йийна воллушехь, цергаш цанйора ас.

Как только я что-либо поем, я чищу зубы.

Как только я окончу есть, я чищу зубы.

Ша яздан волалушшехь, цигарка узу цо.

Как только он начинает писать, он курит папиросу.

Следует отличать форму „воллушехь“, как деепричастие от глагола „ва́ла“ — „кончай“ и форму „волалушшехь“, как деепричастие от глагола производно-непереходного залога „вуола́ло“ — „начинайся, будь в состоянии начать“, так как обе эти формы часто сливаются в произношении. Последний из приведенных нами примеров показывает переход значения рассматриваемой нами деепричастной формы из предшествования во времени — в одновременность.

Тхо вовшакхьаьсташехь, маршала ло оха вовшашка.

Как только мы расстаемся, мы прощаемся.

В тот момент, когда мы расстаемся, мы прощаемся.

В этом примере мы наблюдаем ту же форму, уже в чистейшем значении одновременности (см. ниже, стр. 262—263). Следует заметить, что эта же форма — деепричастие настоящего времени с удвоением согласного и местным суффиксом „ехъ“ употребляется и в значении уступительной придаточной формы (см. ниже, стр. 290). Это употребление отличается от временного тем, что обычно при нем одно из двух предложений (главное или придаточное) имеет отрицательную форму, сравни:

Тхо вовшакъабсташехъ, маршалла ца делира оха.
Хотя мы расстались, мы не попрощались.
Несмотря на то, что мы расстались, мы не попрощались.

Придаточные предложения обстоятельства времени, выражающие одновременность (т. е. такие, в которых действие придаточного происходит одновременно с действием главного). Самая простая обычная форма для выражения одновременности в чеченском языке — это деепричастие настоящего времени. Это деепричастие соответствует по своему значению русскому деепричастию несовершенного вида и может употребляться, так же как и в русском языке, при любом времени в главном предложении:

1. *Деепричастие настоящего времени:*

Яздеш цигаьрка узу цо.
Когда он пишет, он курит папиросу.
Яздеш цигаьрка овзна || уьйзира цо.
Когда он писал, он закурил папиросу.
Писавши, он закурил папиросу.
Яздеш цигаьрка узур ю цо.
Когда он будет писать, он закурит || будет курить папиросу.

В отличие от русского языка, это деепричастие, как и деепричастие прошедшего совершенного времени (см. выше, стр. 257), употребляется не только в случае одинаковых, но и в случае различных подлежащих в обоих предложениях:

Болх беш, или олу цара.
Работая они поют.
Когда они работают, они поют.
Оха болх беш, или олу цара.
Когда мы работаем, они поют.
Оха болх беш, или элира цара.
Когда мы работали, они пели || спели песню.
Оха болх беш, или олура цара.
Когда мы работали, они пели.
Оха болх беш, или эр ду цара.
Когда мы будем работать, они будут петь || споют песню.

Приведем еще примеры на употребление деепричастия для выражения значения одновременности.

Дешан вьдуш, сакъерало сан.
Когда я иду учиться, мне бывает весело.
Тхо ца доглуш, догла доглура.
Когда мы ехали домой, шел дождь.
Уьш длабьлхуш, со а вахара царца.
Когда они выезжали, и я поехал с ними.

Школера со юхавогуш, газета дохьу ас.

Когда я возвращаюсь из школы, я приношу газету.

Со балха вьдуш, сайна оьшург хьо ас.

Когда я иду на работу, я беру (с собою) все, что мне нужно.

Идя на работу, я беру (с собою) все, что мне нужно.

Цунна хезира, ас газета доьшуш.

Он слушал, когда я читал газету.

Шуна клордийна хир дара, иза дукха луйьш.

Вам может быть надоело || было неприятно, что (буквально: когда)
он много говорил.

Цо болх беш, оха садоу.

Когда он работает, мы отдыхаем.

Деепричастие настоящего времени в той же форме употребляется и для выражения придаточного предложения обстоятельства образа действия (см. ниже, стр. 274—275), которое в русском языке, после глаголов со значением „ч, вствовать, сознавать, говорить“, приобретает одновременно смысл объектного придаточного предложения:

Хьуна хезина хир ду, цо пондарца илли олуш.

Может быть ты слышал, как он пел песню под гармошку.

То же деепричастие для выражения одновременности употребляется с удвоением согласного. Это удвоение подчеркивает точное совпадение момента обоих действий и по-русски соответствует придаточному предложению обстоятельства времени со словами „в тот самый момент, когда“.

2. Деепричастие настоящего времени с удвоением согласного:

Иза города вьддуш, цла веара со.

В тот самый момент, когда он уезжал в город, я пришел домой.

Иза цлера араволлуш, цунна духьалкхийтира со.

В тот самый момент, когда я выходил из дому, я встретил его.

Са хуьллуш, догла доладелира.

В тот самый момент, когда рассветало, пошел (начался) дождь.

Кхузахь дийнан шийтта сахьт долуш, Америкехь буйсанач шийтта
сахьт долу.

В тот самый момент, когда у нас 12 часов дня, в Америке
12 часов ночи.

Школера иза араволлуш, цунна духьалкхета со.

В тот самый момент, когда он выходит из школы, я встречаю его.

Школера иза араволлуш, цунна духьалкхийтира со.

В тот самый момент, когда он выходил из школы, я встретил его.

Школера иза араволлуш, цунна духьалкхетара со.

В тот самый момент, когда он выходил из школы, я встречал его.

Школера иза араволлуш, цунна духьалкхетар ву со.

В тот самый момент, когда он будет выходить из школы, я встречу
его.

В том же самом значении употребляется другая форма деепричастия тоже с удвоением согласного с местным суффиксом „ехь“:

3. Деепричастие настоящего времени с удвоением согласного и суффиксом „ехь“:

Иза города вьддушехь, цла веара со.

В тот самый момент, когда он уезжал в город, я пришел домой.

Иза цера араволлушехь, цунна дувъхъалкхийтира со.
 В тот самый момент, когда я выходил из дому, я встретил его.
 Са хуьллушехь, догла доладелира.
 В тот самый момент, когда рассветало, пошел дождь.
 Кхузахь дийнан шийтта сахът доллушехь, Америкехь буйсанан
 шийтта сахът долу.
 В тот самый момент, когда у нас 12 часов дня, в Америке
 12 часов ночи.
 Школера иза араволлушехь, цунна дувъхъалкхета со.
 В тот самый момент, когда он выходит из школы, я встречаю его.
 Школера иза араволлушехь, цунна дувъхъалкхийтира со.
 В тот самый момент, когда он выходил из школы, я встретил его.
 Школера иза араволлушехь, цунна дувъхъалкхетара со.
 В тот самый момент, когда он выходил из школы, я встречал его.
 Школера иза араволлушехь, цунна дувъхъалкхетар ву со.
 В тот самый момент, когда он будет выходить из школы, я встречу
 его.

Особо следует отметить в чеченском языке форму мгновенной одно-
 временности, которая передается с помощью слова „меттехь“ (местный
 падеж от слова „меттиг“ — „место“) буквально: „в месте“, которое
 в данном случае получает значение „в тот момент“. Перед
 словом „меттехь“ стоит причастие соответствующего глагола в общей
 форме косвенного падежа. Таким образом, по происхождению данный
 тип придаточного предложения представляет собою придаточное опре-
 делительное предложение при слове „меттехь“, однако, в настоящее
 время это слово можно рассматривать как слово со служебным значе-
 нием, так же как и слова „хенахь“ и „юкъяна“ (см. ниже):

4. *Несамостоятельное причастие со словом „меттехь“:*

Оха тхайн гуллакх доллийначу меттехь, хьо эвла вахара.
 Ты поехал в аул в тот момент, когда мы начали свое дело.
 Сой изий хлума яан охъахууш воллучу меттехь, чувеара цхьа кхин
 накъост.
 В тот момент, когда я и он собирались сесть покушать, пришел
 (один) другой тоزاریш.
 Со балхара цла кхаьчначу меттехь, хьеший а баьхкина, царца кино
 вахара со.
 В тот момент, когда я пришел домой с работы, пришли гости
 и я пошел с ними в кино.
 Иза школера цла веанчу || веъанчу меттехь, цуьнга кеглат деара.
 В тот момент || в тот самый момент, когда он пришел домой из
 школы, ему принесли письмо.

Этот случай представляет собою интересное развитие значения слова
 „место“ в понятие „время“. Возможно, что это есть пережиток той
 отдаленной эпохи, когда слова-понятия „место“ и „время“ еще не были
 дифференцированы.

Весьма употребительна в чеченском языке описательная форма для
 выражения одновременности. Она образуется путем соединения прича-
 стия настоящего времени в несамостоятельной форме косвенных паде-
 жей со словом „хенахь“ или со слогом „юкъяна“. Оба эти слова пред-
 ставляют собою падежные формы от имен существительных „хан“ —
 „время“ и „юкь“ — „середина“, которые служат определяемыми к согласо-
 ванному с ними в падеже причастию-определению. В переводе на рус-
 ский язык форма с добавлением „хенахь“ обозначает „в то время,

когда; в то время как," а форма со словом „юкъана“ — „в то время как; в то время, когда; в течение, в продолжение“, буквально же: „в середине, среди“. Оба эти слова, по происхождению имена существительные, в данном случае теряют значение полнозначных слов и находятся на пути превращения их в служебные слова.

5. Несамостоятельная форма причастия со словом „хёнахь“:

Оха болх бо, цара садогучу хёнахь.

В то время, как они отдыхают, мы работаем.

В то время, когда они отдыхают, мы работаем.

Хьюннан глаш маждалан долало, гуьйре юлучу хёнахь.

В то время, когда наступает осень, листья в лесу начинают
желтеть.

Тхан школехь хьалхарчу сменан болх длаболучу хёнахь, шолгачу
сменан болх болало.

В то время, как в нашей школе кончается работа первой смены,
начинает работать вторая смена.

Тхо ца доглу, уьш балха боьлхучу хёнахь.

Мы приходим домой в то время, когда они уходят на работу.

Тхо ца даькхира, уьш балха баханчу хёнахь.

Мы пришли домой в то время, когда они ушли на работу.

Тхо ца даькхира, уьш балха боьлхучу хёнахь.

Мы пришли домой в то время, когда они уходили на работу.

Тхо ца доглура, уьш балха баханчу хёнахь.

Мы приходили домой в то время, когда они уходили на работу.

6. Несамостоятельная форма причастия со словом „юкъана“:

Ас доьшу, бери наб ечу юкъана.

Я читаю в то время, когда ребенок спит.

Я читаю во время сна ребенка.

Оха болх бо, цара садогучу юкъана.

Мы работаем в то время, как они отдыхают.

Мы работаем в то время, когда они отдыхают.

Ас бер лалашдо, нанас доьшучу юкъана.

Я ухаживаю за ребенком в то время, как мать учится.

Ас бер лалашдира, нанас доьшучу юкъана.

Я ухаживал за ребенком в то время, как мать училась.

Ас бер лалашдира, нанас дешначу юкъана.

Я ухаживал за ребенком в то время, как мать училась.

Я поухаживал за ребенком в то время, как мать поучилась.

Ас бер лалашдора, нанас доьшучу юкъана.

Я ухаживал за ребенком в то время, как мать училась.

Ас бер лалашдийр ду, нанас дсьшучу юкъана.

Я буду ухаживать за ребенком в то время, как мать будет учиться.

Ас бер лалашдийр ду, нанас доьшу долчу юкъана.

Я буду ухаживать за ребенком в то время, как мать будет учиться.

Русские придаточные предложения, выражающие одновременность, с союзом „пока“, передаются в чеченском языке двумя формами — причастием соответствующего времени с присоединением к нему (впереди него) слова „мел“ — „сколько, как много“ или сложным причастием (обобщенного оборота), между составными частями которого вставляется слово „мел“:

7. *Несамостоятельная форма причастия (без определяемого) со словом „мел“ перед ним:*

Ас доьшу, беро наб мел ен.

Я читаю, пока ребенок спит.

Буквально: Я читаю, сколько ребенок спящий.

Ас бер Іалашдо, нанас мел доьшу(н).

Я ухаживаю за ребенком, пока мать учится.

Оха болх бо, цара са мел доьу(н).

Мы работаем, пока они отдыхают.

Оха болх бира, цара са мел доьу(н).

Мы поработали, пока они отдохнули.

Оха болх бора, цара са мел доьу(н).

Мы работали, пока они отдыхали.

Оха болх бийр бу, цара са мел доьу(н).

Мы будем работать, пока они будут отдыхать || отдохнут.

Вторая форма.

8. *Несамостоятельная форма причастия обобщенного залога (без определяемого) со словом „мел“ перед ним:*

Ас доьшу, бер наб еш мел дун || долу(н).

Я читаю, пока ребенок спит.

Я (обычно) читаю, пока ребенок спит.

Ас бер Іалашдо, нана доьшу и мел юн || йолу(н).

Я (обычно) ухаживаю за ребенком, пока мать учится.

Оха болх бо, уьш садоьуш мел бун || болу(н).

Мы (обычно) работаем, пока они отдыхают.

Оха болх бира, уьш садоьуш мел бун || болу(н).

Мы поработали, пока они отдохнули.

Оха болх бора, уьш садоьуш мел бун || болу(н).

Мы (обычно) работали, пока они отдыхали.

Оха болх бийр бу, уьш садоьуш мел бун || болу(н).

Мы (обычно) будем работать, пока они будут отдыхать.

Придаточные предложения обстоятельства времени, выражающие последовательность во времени (т. е. в которых действие придаточного предложения следует за действием главного). Наиболее простая форма, выражающая в чеченском языке последовательность во времени, представляет собою предельную форму местного падежа (суффикс „лц“), образованную, повидимому, от глагольного корня подобно инфинитиву. Инфинитив в настоящее время в чеченском языке не склоняется. Однако в качестве следов его склонения сохраняются данная форма и, на ряду с нею, некоторые другие (см. стр. 267). Сам инфинитив по своему окончанию представляет собою как бы форму родительного падежа. Можно предположить, что как инфинитив, так и указанные нами здесь формы представляют собою остатки древнего склонения глагольного корня, который и сейчас еще употребляется в виде повторения перед глаголом (сравни формы с союзом „а“, с отрицанием „ца“ и т. д., стр. 267, 162).

Рассматриваемая нами здесь предельная форма глагола имеет удвоенные согласные. По-русски она переводится словами „до того, как; перед тем, как“:

1. *Предельная форма местного падежа от глагольной основы с суффиксом „лц“:*

Со ц̣а ваххалц, яздира ас.

До того, как я ушел домо̣̄, я писал.

До своего ухода домой, я писал.

Суна математика ц̣а хавара, айса и Iамаяллалц || амаяллац.

Я не знал математики до тех пор, пока не выучил ее.

Иза дешна валлалц || валлац, городахь Iийра со.

Я жил в городе до того (времени), как он окончил учение.

Я жил в городе до тех пор, пока он не кончил учение.

Ц̣о болх болаблалц, оха садо̣̄ира || сада̣̄ира.

До того, как он начал работать, мы отдохнули.

Бер самадаллалц, довшу ас.

До того, как ребенок просыпается, я читаю.

Б̄ер самадаллалц, дийшира ас.

До того, как ребенок проснулся, я почитал.

Бер самадаллалц, довшур ду ас.

До того как ребенок проснется, я буду читать.

Совет Iедал хIотталц, хала дехира вай.

До того, как установилась Советская власть, нам (всем) жилось тяжело.

Более употребительна форма последовательности во времени, состоящая из причастия в несамостоятельной форме косвенных падежей с добавлением к нему слов „х̄ен̄э кх̄аччалц“, что соответствует буквально русскому „вплоть до того момента, как“; „вплоть до того времени, когда || как“; „до тех пор, пока (не)“.

2. *Несамостоятельная форма причастия при словах „хене кхаччалц“:*

Ас довшу, бер самадолучу хене кхаччалц.

Вплоть до того времени, когда ребенок просыпается, я читаю.

До тех пор, пока ребенок не просыпается, я читаю.

Со ц̣а вьдучу хене кхаччалц, яздира ас.

Вплоть до того времени, как я ушел домой, я писал.

Суна математика ц̣а хавара, айса и Iамочу хене кхаччалц.

Я не знал математики вплоть до того времени, как выучил ее.

Я не знал математики до тех пор, пока не выучил ее.

Иза дешна волучу хене кхаччалц, городахь Iийра со.

Я жил в городе вплоть до того времени, как он окончил учение.

Я жил в городе до тех пор, пока он не окончил учение.

Ц̣о болх буолучу хене кхаччалц, оха садо̣̄ира.

Вплоть до того момента, как он начал работать, мы отдохнули.

До тех пор, пока он не начал работать, мы отдохнули.

Советски Iедал хIуттучу хене кхаччалц, хала даьхнера вай.

Вплоть до того момента, как установилась Советская власть, нам (всем) жилось тяжело.

До тех пор, пока не установилась Советская власть, нам (всем) жилось тяжело.

Бер самадолучу хене кхаччалц, ас довшу.

Вплоть до того момента, как ребенок просыпается, я читаю.

Бер самадолучу хене кхаччалц, дийшира ас.

Вплоть до того момента, как ребенок проснулся, я почитал.

Бер самадолучу хене кхаччалц, доьшура ас.

Вплоть до того времени, как ребенок просыпался, я читал.

Бер самадолучу хене кхаччалц, доьшур ду ас.

Вплоть до того момента, как ребенок проснется, я буду читать.

Бер самадаьллачу хене кхаччалц, дийшира ас.

Вплоть до того момента, как ребенок проснулся, я почитал.

Наконец, в чеченском языке имеются формы с добавлением слова „хьалха“ — „прежде, раньше“ и того же слова в усилительной форме „хьалхха“, буквально: „(как раз) прежде, (как раз) раньше (того самого момента, когда)“. Это наречие употребляется как послелог при слове: хан — „время“, которое при этом ставится в форме сравнительного падежа. „Хенал хьалха“ буквально значит: „прежде того времени, как“ — „реже, чем“, а „хенал хьалхха“ — „до того самого времени, как; вплоть до того момента, как“.

3. *Несамостоятельное причастие при словах „хенал хьалхха“:*

Ас дийшира, бер самадолучу хенал хьалхха.

Прежде, чем ребенок проснулся, я почитал.

До того самого момента, как ребенок проснулся, я читал.

Со ца вьодучу хенал хьалхха, яздира ас.

Прежде, чем я пошел домой, я написал.

Прежде, чем пойти домой, я нарисовал.

Суна математика ца хьара, айса и ламочу хенал хьалхха.

Я не знал математики, прежде чем не выучил ее.

Иза дешна волучу хенал хьалхха, городахь ийра со.

Я жил в городе вплоть до того момента, как он окончил учение.

Я жил в городе перед тем самым моментом, когда он окончил учение.

Цо болх болочу хенал хьалхха, оха садыра.

Прежде, чем он начал работать, мы отдохнули.

Бер самадолучу хенал хьалхха, доьшу ас.

Прежде, чем ребенок проснулся, я читаю.

Прежде, чем ребенок проснется, я читаю.

Бер самадолучу хенал хьалхха, доьшура ас.

Прежде, чем ребенок просыпался, я читал.

Бер самодолучу хенал хьалхха, доьшур ду ас.

Прежде, чем ребенок проснется, я буду читать.

Бер самадаьллачу хенал хьалхха, дийшира ас.

Прежде, чем ребенок проснулся, я почитал.

Прежде, чем ребенок проснется, я читал.

Кроме вышеупомянутых описательных причастных форм, существует еще простая форма, представляющая собою видоизменение сравнительного падежа, исторически связанного с инфинитивом. Эта форма образуется путем прибавления к сравнительной форме глагольной основы окончания „е(иэ)“. Она произносится как без удвоения согласного, так и с усилительным удвоением его. В последнем случае эта форма получает усилительное значение. Можно предполагать, что так же как инфинитив и предельная форма (см. выше, стр. 265), сравнительная форма (см. ниже, стр. 268—269) и данная форма представляют собой остаток древнего склонения глагольного корня. Переводится эта форма в простом своем виде (т. е. без добавления других слов) по-русски: „перед тем, как“.

4. Сравнительный падеж отглагольной основы с суффиксом „е (из)“:

Ас доьшу, бер самадалале.

Перед тем, как ребенок просыпается, я читаю.

Перед тем, как ребенок проснется, я читаю.

Перед тем, как ребенку проснуться, я читаю.

Со ца вахале, яздира ас.

Перед тем, как уйти домой, я писал.

Суна математика ца хавара, айса и Iамаяле.

Я не знал математики перед тем, как выучил ее.

Иза дешна валале, городахь Iийра со.

Я жил в городе перед тем, как он окончил учение.

Цо болх болабале, оха садъири.

Перед тем, как он начал работать, мы отдохнули.

Советски Iедал хIоттале, хала дехира вай.

Перед тем, как установилась Советская власть, нам (всем) жилось
тяжело.

Бер самадалале, дийшира ас.

Перед тем, как ребенок проснется, я почитал.

Перед тем, как ребенку проснуться, я почитал.

Бер самадалале, доьшура ас.

Перед тем, как ребенок просыпается, я читал.

Перед тем, как ребенок просыпался, я читал.

Бер самадалале, доьшур ду ас.

Перед тем, как ребенок проснется, я почитаю.

Перед тем, как ребенок будет просыпаться, я буду читать.

Та же форма употребляется в усилительном значении с удвоением согласного, что соответствует русскому „перед тем самым моментом, как“.

5. Сравнительный падеж отглагольной основы с суффиксом „е“ и удвоением согласного:

Бер самадалале, доьшу ас.

Перед тем самым моментом, как ребенку просыпаться, я читаю.

Перед тем самым моментом, как ребенку проснуться, я читаю.

Бер самадалале, дийшира ас.

Перед тем самым моментом, как ребенок проснулся, я почитал.

Перед тем самым моментом, как ребенку проснуться, я почитал.

Бер самадалале, доьшура ас.

Перед тем самым моментом, как ребенок просыпался, я читал.

Бер самадалале, доьшур ду ас.

Перед тем самым моментом, как ребенок проснется, я буду читать.

Перед тем самым моментом, как ребенку проснуться, я буду читать.

Та же форма как без удвоения, так и с удвоением согласного употребляется с добавлением слова „хьалха“, что соответствует русскому „прежде, чем; раньше, чем“. Интересно отметить, что усилительное удвоение в слове „хьалха“ бывает в этом случае лишь тогда, когда оно не представлено в глагольной форме и, наоборот, если усилительное удвоение имеется в глагольной форме, то его не бывает в слове „хьалха“.

6. Сравнительный падеж отглагольной основы с суффиксом „е“ и послелогом „хьалха“, с удвоением согласного:

Бер самадалале хьалхха, ас дийшира.

Бер самадалале хьалха, дийшира ас.

Вплоть до того самого момента, как ребенку проснуться, я читал.

Буквально: Прежде того самого момента, как ребенок проснется, я почитал.

Со ца вахале хьалхха, яздира ас.

Со ца ваххале хьалха, яздира ас.

Вплоть до того самого момента, как уйти домой, я писал.

Суна математика ца хавара, айса и Iамаяле хьалхха.

Суна математика ца хавара, айса и Iамаялле хьалха.

Я не знал математики, вплоть до того самого момента, как выучил ее.

Иза дешна валале хьалхха, горздахь Iийра со.

Вплоть до того самого момента, как он окончил учение, я жил
в городе.

Вплоть до того самого момента, как ему окончить учение, я жил
в городе.

Цо болх бале хьалхха, оха садоIира.

Цо болх балле хьалха, оха садаIира.

Перед тем самым моментом, как он начал работать, мы отдохнули.

Вплоть до того самого момента, как ему начать работу, мы отдохнули.

Бер самадалале хьалхха, доьшу ас.

Бер самадалале хьалха, доьшу ас.

Вплоть до того самого момента, как ребенок проснется, я читаю.

Вплоть до того самого момента, как ребенку проснуться, я читаю.

Бер самадалале хьалхха, доьшура ас.

Прежде, чем ребенок просыпался, я читал.

Бер самадалале хьалхха, доьшур ду ас.

Вплоть до того самого момента, как ребенок проснется, я почитаю ||
буду читать.

Перед тем самым моментом, как ребенку проснуться, я почитаю ||
буду читать.

Придаточные обстоятельства времени с обобщенным значением.

Придаточные обстоятельства времени с обобщенным значением имеют в чеченском языке те же две формы, что и в других случаях придаточных с обобщенным значением. Первая форма образуется путем добавления в придаточное предложение слова „мосазза“ — „сколько раз“ (суффикс „за“ обозначает здесь кратность), образованного от вопросительного наречия „маса?“ — „сколько?“. В данном случае это производное вопросительное наречие теряет свое вопросительное и приобретает относительное значение. Это обобщающее слово употребляется в двух разновидностях „мосазза || мосаззаIэ“, к которым может прибавляться усилительная частица „а“, происходящая из союза „а“ в значении „а также, и“. Две разновидности окончания этого наречия представляют собою архаическую и современную форму местного падежа. Из этих двух разновидностей в составе предложения чаще употребляется „мосазза“:

Тхавш болх мосазза бо, норма тIехкхочушIо оха.

Всякий (отдельный) раз, как мы работаем, мы перевыполняем норму.

Тхавш болх мосазза бо, садоIур оха.

Всякий раз, как мы поработаем, мы (возможно) будем отдыхать.

Тхавш болх мосазза бо, норма тIехкхочушIора оха.

Всякий раз, как мы работали, мы перевыполняли норму.

Тхавш болх мосазза бен, норма тIехкхочушIо оха.

(Вообще) Всякий раз, как мы работаем, мы перевыполняем норму.

Тхавш болх мосазза бен, норманаш тIехкхочушIийр ю оха.

Всякий раз, как мы будем работать, мы будем перевыполнять нормы.

Тхавш болх мосазза бен, норманаш тIехкхочушIора оха.

Всякий раз, как мы работали, мы перевыполняли нормы.

Тхаш болх мосазза бин, садоу оха.
Всякий раз, как мы поработаем мы отдыхаем.

Тхаш болх мосазза бин, садоур ду оха.
Всякий раз, как мы поработаем, мы будем отдыхать.

Тхаш болх мосазза бич, норманаш тлехкочушйэра оха.
Всякий раз, как мы работали, мы перевыполняли нормы.

Мы видим, что здесь в придаточном предложении могут употребляться лишь времена: настоящее, недавнопрошедшее и несамостоятельная форма причастия настоящего времени, а в главном — настоящее и реже: прошедшее несовершенное и будущие времена. В зависимости от последних и первые приобретают различные временные оттенки. Приведем еще примеры:

Иза ца мосазза веа(н), со вьду, и волчу.
Всякий раз, как он приходит домой, я иду к нему (иду туда, где он есть).

Ша яз мосазза до, цигаьрка узу цо.
Всякий раз, как он пишет, он курит папиросу.

Шаш болх мосазза бо, илли олу цара.
Всякий раз, как они работают, они поют песню.

Иза городе мосазза веа(н), царга вьду со.
Всякий раз, как он приезжает в город, я иду к нему (букв.: к ним).

Иза городе мосазза вогу, царга вьду со.
Всякий раз, как он приезжает в город, я иду к нему.

Оха болх мосазза бо, цара садоу.
Всякий раз, как мы работаем они отдыхают.

Бер сама мосазза дела(н), дешар дуйту ас.
Всякий раз, как ребенок проснется, я бросаю читать.

Бер сама мосазза дела(н), дешар дуйтур ду ас.
Всякий раз, как ребенок будет просыпаться, я буду оставлять чтение.

Бер сама мосазза дела(н), дешар дуйтура ас.
Всякий раз, как ребенок просыпался, я бросал читать.

Бер сама мосазза долу(н), дешар дуйту ас.
(Вообще) Всякий раз, как ребенок просыпается, я бросаю читать.

Бер сама мосазза долу, дешар дуйту ас.
Всякий (отдельный) раз, как ребенок просыпается, я бросаю читать.

Ша яз мосазза ден, цигаьрка узу цо.
(Вообще) Всякий раз, как он пишет, он курит папиросу.

Ша яз мосазза ден, цигаьрка узура цо.
Всякий раз, как он писал, он курил папиросу.

Ша яз мосазза дин, цигаьрка узу цо.
Всякий раз, как он напишет, он курит папиросу.

Ша яз мосазза дин, цигаьрка узуру ю цо.
Всякий раз, как он напишет, он выкурит папиросу || будет курить папиросу.

Ша яз мосазза дин, цигаьрка узура цо.
Всякий раз, как он писал, он курил папиросу.

Для усиления обобщенного значения при сказуемом придаточного предложения употребляется союз, а“.

Ас дьшу, бери наб мосазза ена.
Я читаю всякий раз, пока ребенок спит.

В этом примере слово „мосазза“ заменяет собою слово „мел“ не-
обобщенного придаточного обстоятельства времени.

Беро наб мосазза йин а, доьшура ас.
Всякий раз, как ребенок, спал, я читал.

Буквально: Всякий раз, как ребенок поспал, я читал.

Хлор тхавш болх мосазза бен а, оха тлехккочушйора норма.
Хлор тхавш болх мосазза бин а, оха тлехккочушйора || тлехккочушйора
норма.

Всякий раз, как мы работали, мы перевыполняли норму.

Хлор тхавш болх мосазза бен а, оха тлехккочушйо норма.
Всякий раз, как мы работаем, мы перевыполняем норму.

Хлор тхавш болх мосазза бен а, тлехккочушйир ю оха норма.
Всякий раз, как мы будем работать, мы будем перевыполнять норму.

Другая форма обобщенного придаточного предложения обстоятель-
ства времени выражается, как и в случае остальных придаточных предло-
жений с обобщенным значением, условной формой; при этом в состав
придаточного предложения в данном случае добавляется слово „мацца-а,
мацца“ — „когда только“, или слова „мичча хенахь“ — „когда бы ни;
в любое время“. Первая удвоительная форма происходит от вопроси-
тельного наречия „мацца?“ — „когда?“ и приобретает здесь относитель-
ное значение. Второе сочетание слов включает в себя вопросительное
наречие места — „мичча?“ — „куда?“ в соединении с местным падежом
(формой движения) от слова „хан“ — „время“ и буквально значит „куда бы
ни время“ (еще один пример — место и время! ср. стр. 145—146). При-
водим примеры обобщенных придаточных обстоятельства времени, име-
ющих условную форму:

Мичча хенахь оха болх бинехь а, тлехккочушйира оха норма.
Когда бы мы ни работали, мы перевыполняли норму.

Буквально: Во всякое время, когда мы работали, мы перевыполняли норму.

Тхавш болх мацца-а б хь а, садоу оха.
Всякий раз, как мы работаем, мы отдыхаем.

Буквально: Если мы когда и работаем, мы отдыхаем.

Тхавш болх мацца-а бинехь а, садоуира || садауира оха.
Всякий раз, как мы поработали, мы отдохнули.

Тхавш болх мацца-а бича а, садоу оха.
Всякий раз, как мы поработали, мы отдыхаем.

Тхавш болх мацца-а бичахь а, садоу оха.
Всякий раз, как мы поработали, мы отдыхаем.

Тхавш болх мацца-а бичахьана, садоур оха.
Всякий раз, как мы поработали, мы (возможно) отдохнем.
Всякий раз, как мы поработаем, мы (возможно) отдохнем.

Тхавш болх мацца-а бинехь а, цул тлавхьа садоу оха.
Всякий раз, как мы поработали, (после этого) мы отдыхаем.
Всякий раз, как мы поработаем, (после этого) мы отдыхаем.

Тхавш болх мацца-а бахь а, цул тлавхьа садоу оха.
Всякий раз, как мы работаем, (после этого) мы отдыхаем.

Тхавш болх мацца-а бийр белахь а, цул тлавхьа садоур ду оха.
Всякий раз, как мы будем работать, (после этого) мы будем отдыхать.

Айса болх мацца-а бинехь а, цул тлавхьа садауира аса.
Всякий раз, как я поработал, (после этого) я отдыхал.

Буквально: Всякий раз, как я поработал, после этого я отдохнул.

Иза цла мацца-а кхачахь а, и волчу, вьду со.
Всякий раз, как он приходит домой, я прихожу к нему.

Иза цла мацца-а кхавчнехь а, и волчу, вахара со.
Всякий раз, как он приходил домой, я приходил к нему.

Буквально: Всякий раз, как он пришел домой, я пришел туда, где
он находится.

Иза цла мацца-а кхочур велахь а, и волчу, гIур ву со.
Всякий раз, как он придет домой, я буду приходить к нему.
Всякий раз, как он будет приходить домой, я буду приходить к нему.

Мацца-а ша яздахь а, оццу хенахь цигарка узу цо.
Всякий раз, как он пишет, (в то же самое время) он курит
папиросу.

Мацца-а ша яздинехь а, оццу хенахь цигарка узура цо.
Всякий раз, как он писал, (в то же самое время) он курил
папиросу.

Мацца-а ша яздахь а, оццу хенахь цигарка узур ю цо.
Всякий раз, как он будет писать, (в то же самое время) он будет
курить папиросу.

Мацца-а шавш болх бахь а, оццу хенахь или олу цара.
Всякий раз, как они работают, (в то же самое время) они поют
песню.

Иза города мацца-а водахь а, оццу хенахь цла кхочура со.
Всякий раз, как он отправлялся в город, (в то же самое время)
я подходил к дому.

Цара са мацца-а далахь а, оццу хенахь оха болх бо.
Всякий раз, как они отдыхают, (в то же самое время) мы работаем.

Беро наб мацца-а яхь а, оццу хенахь доьшу ас.
Всякий раз, как ребенок спит, (в то же самое время) я читаю.

Бер сама мацца-а далахь а, оцу хенналц доьшу ас.
Всякий раз, как ребенок просыпается, (до этого самого времени)
я читаю.

Бер самадолу хан мацца-а елахь а, оцу хене кхаччалц доьшу ас.
Всякий раз (в то время), когда просыпается ребенок, (вплоть до
этого времени) я читаю.

Бер сама мацца далахь а, оцу хенал хьалхха доьшу ас.
Всякий раз (перед тем временем), как ребенок просыпается, я читаю.

Бер сама мацца-а далахь а, и хан хилале доьшу ас.
Всякий раз (перед наступлением того времени), как ребенок
просыпается, я читаю.

Бер сама мацца-а далахь а, оцу хенале доьшу ас.
Всякий раз (перед тем временем), как ребенок просыпается, я читаю.

Бер сама мацца-а далахь а, и хан хилале доьшу ас.
Всякий раз (перед наступлением этого самого времени), как ребенок
просыпается, я читаю.

Бер сама мацца-а далахь а, оцу хенале доьшу ас.
Всякий раз (перед тем самым временем), как ребенок просыпается,
я читаю.

Бер сама мацца-а далахь а, и хан хилале хьалхха доьшу ас.
Всякий раз (прежде чем наступит то время), как ребенок
просыпается, я читаю.

Бер сама мацца-а далахь а, оцу хенале хьалхха доьшу ас.
Всякий раз (раньше того времени), как ребенок просыпается,
я читаю.

Бер сама мацца-а далахь а, и хан хиллале хьалха дьышу ас.
Всякий раз (перед самым наступлением того времени), как ребенок просыпается, я читаю.

Бер сама мацца далахь а, оцу хеннале хьалха дьышу ас.
Всякий раз (раньше того самого времени), как ребенок просыпается, я читаю.

В последних из приведенных примеров интересно, что окончание слова „хан“ (хенналц, хенале) совпадает с окончаниями придаточных форм глагола (самадаллац, ср. стр. 266, самадалале, ср. стр. 268). Это лишний раз доказывает, что придаточная форма глагола, по своим окончаниям, представляет собою тот же самый член главного предложения, что и слово, которое заменяется данным придаточным предложением. Окончание „алц“ иногда также „лац“ представляет собою не что иное, как одну из форм местного падежа (форма предела), окончание же „ле (лиэ)“ представляет собою окончание сравнительного падежа — „л“ с присоединением к нему окончания основной формы местного падежа „е“. Таким образом, мы имеем здесь как бы двойное склонение — местный падеж, образованный от сравнительного.

Придаточные определительные при словах, обозначающих время.
Придаточные предложения обстоятельства времени во многих случаях легко заменяются придаточными определительными при обстоятельствах времени, входящих в состав главного предложения. Эта замена может иметь место во всех тех случаях, когда придаточная форма сказуемого представляет собою причастие. Причастие в этом случае ставится в форме косвенного падежа (несамостоятельное склонение) перед своим определяемым, определяемое же принимает обычные падежные окончания местного падежа, которые свойственны обстоятельствам времени. В качестве слов-определяемых употребляются обычно слова, обозначающие время — „хан — время“, „зама — время, период времени“ и т. д. Приведем примеры придаточных определительных предложений при обстоятельствах времени:

Айса болх бечу хенахь, сакъерало сан.

В то время, когда я работаю, я нахожусь в веселом настроении.

Буквально: В то время, в которое я работаю, я нахожусь в веселом настроении.

Айса болх бечу заман чухь, сакъерало сан.

В то время, когда я работаю, я нахожусь в веселом настроении.

Айса болх бинчу хенахь, сакъераделира сан.

В то время, когда я поработал, я был в веселом настроении.

В то время, когда я работал, я был в веселом настроении.

Шаш болх бинчу хенал тлаьхьа, садлу цара.

После того времени, как они поработали, они отдыхают.

Айса болх бинчу хенал тлаьхьа, садлу ас.

Айса болх бинчу хеннал тлаьхьа, садлу ас.

Как раз после того времени, как я кончу (кончил) работать, я отдыхаю.

Как раз после того времени, как я поработал, я отдыхаю.

Иза ца кхьччинчу хенахь, со вьдура и волчу.

В то время, когда он подходил к дому, я приходил к нему.

Ша язdechу хенахь, сакъерало цуьнан.

В то время, когда он пишет, у него веселое настроение.

Шаш болх бечу хенахь, сакъерало церан.

В то время, когда они работают, у них веселое настроение.

Иза города вьдучу хенахь, ца кхочура со.

В то время, когда он отпралялся в город, я подходил к дому.

Ас доьшу, бери наб ечу хенахь.

Я читаю в то время, когда ребенок спит.

Ас доьшу, бери наб еш долчу хенахь.

Я читаю в то время, когда ребенок (обычно) спит.

Бери самадаллац йолчу хенахь, доьшу ас.

До того времени, как ребенок просыпается, я читаю.

До того времени, как ребенок проснется, я читаю.

Ас доьшу, бери самадолучу хенале.

Я читаю перед тем, как ребенок просыпается.

Ас доьшу, бери самадолучу хеннале.

Я читаю перед тем самым временем, как ребенок просыпается.

Бери самадалале хьалха йолчу хенахь, доьшу ас.

Буквально: Я читаю в то время, которое раньше, чем просыпается
ребенок.

Бери самадалале хьалха йолчу хенахь, доьшу ас.

Буквально: Я читаю в то время, которое раньше того самого момента,
когда просыпается ребенок.

Употребление запятой в придаточных предложениях обстоятельства времени. Придаточные предложения обстоятельства времени можно отделять запятой от главного во всех случаях. В особенности это необходимо в том случае, если придаточное предложение стоит после главного, так как иначе мы можем смешать члены главного и придаточного предложений. В тех же случаях, когда придаточное предложение стоит впереди главного, последнее его слово, по своему окончанию, обычно входит в состав главного предложения. Однако эти слова, как например: „таьхьа, кхаччалц, хьалха“ и т. д. настолько теряют свое реальное значение, настолько близки здесь к служебным словам, что, по моему мнению, их можно отделять от главного запятой во всех случаях. На это же указывает и интонационное деление сложноподчиненного предложения, которое относит эти слова в состав придаточного предложения.

Что касается придаточных определительных при обстоятельствах времени, то здесь запятую следует ставить только в том случае, когда придаточное предложение следует за главным, так как последним словом в придаточном предложении является обстоятельство времени, входящее в состав главного в качестве второстепенного его члена.

Придаточные предложения обстоятельства образа действия. Самой простой формой для выражения придаточного предложения обстоятельства образа действия служит деепричастие. Эта форма придаточных обстоятельства образа действия совпадает с деепричастной формой придаточных обстоятельства времени (см. выше, стр. 261). Единственным отличием служит смысловой оттенок и постановка вопросов: „муха?“ — „как?, какой?“ для придаточных обстоятельства образа действия и „маца?“ — „когда?“ для придаточных обстоятельства времени. Однако и это отличие во многих случаях не дает нам верного критерия, так как бывают придаточные предложения, по отношению к которым можно с одинаковым правом задать и тот и другой вопрос:

Вьдуш цигарька узу цо.

Идя, он курит.

Когда идет, он курит,

и т. д.

Таким образом, придаточные обстоятельства образа действия в их деепричастной форме незаметно переходят в придаточные обстоятельства времени и наоборот. Приведем примеры деепричастной формы придаточных обстоятельства образа действия:

Новкѡа вoвдуш, дукха дуйцу цo хабарш.
Идя по дороге, он рассказывает много (новостей).

Новкѡа вoвдуш, дукха дуйцура цo хабарш.
Идя по дороге, он рассказывал много (новостей).

Нах кхета а беш, до цo кѡамел.
Он произносит речь, делая ее понятной людям.
Он произносит речь в понятной для людей форме.

Нах кхета беш, дора цo кѡамел.
Он произносил речь в понятной для людей форме (делая ее понятной для людей).

Цюгѡа а луйш, дуйцу цo керла хабарш радио чухула.
Громко произнося, он рассказывает по радио последние известия.

Цюгѡа а луйш, дуйцура цo радио чухула керла хабараш.
Громко произнося, он рассказывал по радио последние известия.

Ирахь лавтташ, цo яздо.
Он пишет стоя.

Хиьна лаш, яздо цo йоза.
Он пишет сидя.

Хиьна лаш, яздира цo кеглат.
Сидя он написал письмо.

Хиьна лаш, яздора цo йоза.
Сидя он писал.

В последних трех примерах мы видим, что при изменении по временам сказуемого главного предложения, деепричастие по временам не изменяется. Деепричастие, выражающее придаточную форму обстоятельства образа действия, всегда имеет окончание настоящего времени. Этим отличается деепричастная форма придаточных образа действия от деепричастных форм обстоятельства времени, для которых могут употребляться и другие времена деепричастия.

Следующая, наиболее употребительная форма придаточных обстоятельства образа действия представляет собою настоящее время спрягаемого глагола с добавлением к нему (перед ним) союза „ма“ — „как“, например:

Цo ма довшу, аса а довшу газета.
Как он читает, и я читаю газету.

Ахь ма бохху, до ас и глудлакх.
Я делаю это так, как ты говоришь.

Ахь ма дуйцу, хаза дара и кино сурташ.
Как ты рассказываешь, так и была хороша эта кинокартина.
Эта картина так была хороша, как ты рассказываешь.

Ахь ма оллу, яздо ас.
Я пишу так, как ты говоришь.

Ахь ма оллу, яздира ас.
Я написал так, как ты сказал.

Ахь ма оллу, яздийр ду ас.
Я напишу так, как ты говоришь.
Я напишу так, как ты скажешь.

Ахь ма аллара, яздо ас.
 Я пишу так, как ты сказал.
 Ахь ма аллара, яздира ас.
 Я написал так, как ты сказал.
 Ахь ма аллара, яздийр ду ас.
 Я напишу так, как ты сказал.
 Ахь ма оллу, яздийр ду ас.
 Я напишу так, как ты скажешь.
 Я напишу так, как ты говоришь.
 Ахь ма аллара, яздийр ду ас.
 Я напишу так, как ты сказал.
 Ахь аьн ма дарра, яздийр ду ас.
 Я напишу так, как ты скажешь || будешь говорить.

Из примеров мы видим, что придаточная форма обстоятельства образа действия в настоящем времени всегда имеет удвоение согласного. Кроме того, она имеет своеобразное изменение по временам. В качестве формы прошедшего времени употребляется масдар с удвоением последнего согласного „р“ и добавлением в конце слова гласного „а“, а в качестве будущего времени употребляется сложная форма, состоящая из несамостоятельного причастия настоящего времени и слова „дарра“, которое представляет собою, повидимому, удвоительную форму масдара „дар“ от глагола „диэ“ — „делай“. На то, что мы имеем здесь действительно масдар, а не спрягаемую форму глагола, указывает несамостоятельная форма причастия перед ним. В произношении последний слог окончания этого причастия с носовым гласным часто, впрочем, опускается.

Ахь доьшу(н) ма дарра, ас а доьшур ду газета.
 Ахь доьш(у) ма дарра, ас а доьшур ду газета.
 Как ты будешь читать, так и я буду читать газету.
 Ахь доьшу ма дарра, ас яздийр ду.
 Как ты будешь читать, так я и напишу.

Таким образом и носовой оттенок в конце причастия часто опускается в произношении. Удвоительную форму масдара „дарра“ от глагола „делать“ не следует смешивать с одинаково звучащей удвоительной формой „дарра“ от формы прошедшего времени вспомогательного глагола „дара“ — „был“:

Цигахь ма варра, кхузахь а вара иза.
 Как там он был, так и здесь он был.
 Он был как там, так и здесь.

Это единственный случай употребления в литературном языке удвоительной формы прошедшего времени (несовершенного). От других глаголов, как мы видели выше, удвоительная форма прошедшего времени заменяется удвоительной формой масдара:

Ахь ма дешшара, ас а яздийр ду.
 Как ты прочитал (т. е. продиктовал), так я и напишу.
 Ахь ма баххара, до ас и г'уллакх.
 Как ты говорил, так я это и делаю.
 Шуна ма луьу, вежа со.
 Я живу так, как вам хочется.
 Шуна ма лаьара, вежа со.
 Я живу так, как вам хотелось.
 Шуна луу(н) ма дарра || луьун ма дарра, вехар ву со.
 Я буду жить так, как вам захочется.

В последних примерах мы имеем удвоение крепкого приступа гласного в глагольном корне „лаа“ (произносится, как „лаъа“). Таким образом, формы „луъу, лаъара, луъу(н) дарра“ следовало бы, согласно произношению, писать: „луъъу, лаъъара, луъъу(н) ма дарра || ма луъъун дарра“. Однако, благодаря тому, что крепкий приступ, согласно правилам чеченской орфографии, в письме совсем не обозначается, его удвоение выражается через один „ъ“ вместо двух.

Вторая употребительная в чеченском языке форма для выражения придаточных обстоятельства образа действия представляет собою причастие с изменением его по всем временам с присоединяемым к нему сравнительным союзом „санна“ — „как; подобно тому, как; словно, будто“. Эта форма имеет оттенок меньшей точности совпадения действий главного и придаточного предложения, чем предыдущая. Приведем примеры на эту описательную форму придаточных обстоятельства образа действия:

Цо бийриг санна, бу ас бен болх.

Я работаю так же, как он работает.

Как он работает, так и я работаю.

Ахь яздийриг санна, ду ас язден кеглат.

Как ты пишешь, так и он пишет письмо.

Он пишет письмо так же, как и ты.

Подобно тому, как ты пишешь, и он пишет письмо.

Ахь яздинарг санна, ду цо яздина кеглат.

Подобно тому, как ты писал, и он писал письмо.

Ахь яздинарг санна, цо а яздийр ду кеглат.

Подобно тому, как ты написал, и он написал письмо.

Ахь язден дерг санна, цо а яздийр ду кеглат.

Подобно тому, как ты будешь писать, и он будет писать письмо.

Эта описательная форма придаточных обстоятельства образа действия подчинена в чеченском языке интересным ограничениям. Она может употребляться только при одинаковых глаголах-сказуемых в обоих предложениях и при этом только при тех глаголах, которые обозначают реальный трудовой процесс и имеют видимый материальный объект. При всех остальных глаголах сказуемое-глагол из состава придаточного предложения исчезает и, таким образом, придаточное предложение превращается в простое сравнение.

Ахь а довшу, ас санна.

Ты читаешь, как я.

Ты читаешь, как и я.

Суна а лаъа дешан, хьуна санна.

Я хочу учиться, как и ты.

Суна еза пальто, цунна санна.

Мне нужно пальто, как и ему.

Со а веана, хьо санна.

Я пришел так же, как и ты,

и т. д.

Этот замечательный архаизм употребления союза „санна“ наводит нас на мысль, что первоначальным объектом в чеченском языке мог быть только видимый объект в его материальной форме, т. е. непосредственный продукт труда.

Изъяснительные придаточные предложения. Особую разновидность придаточных обстоятельства образа действия представляют собою изъяснительные придаточные предложения, передаваемые по-русски

с помощью союзов „так, что; так, чтобы“. В чеченском языке эта форма придаточных предложений передается придаточной формой, имеющей окончание одной из разновидностей сравнительного падежа, которая имеет значение точного совпадения данного предмета с другим по величине, качеству и т. д. (см. выше, стр. 222). Эта производная форма сравнительного падежа имеет как в отглагольной форме, так и в именах существительных удвоение согласного. В данном случае она представляет собою, повидимому, исторический остаток склонения глагольного корня (см. выше, стр. 267). Приведем примеры:

Сел члогла хьо г'елваллал, чехка-а ма ца дахара вай-м.

Мы не так быстро шли, чтобы ты так устал.

Мы не настолько быстро шли, чтобы ты так устал.

Буквально: Мы не так быстро шли, чтобы ты столько устал.

Хьо ишта сихваллал, доккху хлума дац цо динарг.

Он не столь большое дело наделал, чтобы ты так разволновался.

Иза оьглазваххал || оьглазвахалла, хлума ца аьлла ас цуьнга.

Я не сказал ему ничего такого, чтобы он мог так рассердиться.

Буквально: Я не сказал ему ничего столько, чтобы он мог рассердиться.

Ахь йобъкина д'аяккхал, вон говр яц х'ара-м.

Это не столь плохая лошадь, чтобы ты думал продать ее.

Это не настолько плохая лошадь, чтобы ты думал продать ее.

Хьуна хаза хетгал, дика болх бора цо.

Он работал так хорошо, чтобы доставить тебе удовольствие.

Он работал настолько хорошо, чтобы доставить тебе удовольствие.

Хьо резахиллал, дика болх бийр бу цо.

Он будет работать настолько хорошо, чтобы ты обрадовался.

Он будет работать так хорошо, чтобы ты обрадовался.

Шайн х'айбанашна совдаллал, док'вар гулдо колхозаша.

Колхозы собирают столько корма, чтобы с излишком хватило для
их скота.

Колхозы так собирают корм, чтобы его с излишком хватило для
их скота.

Ас бехира цуьнга, и кхеттал.

Я говорил ему так, чтобы он понял.

Ас боху цуьнга, и кхеттал.

Я говорю ему так, чтобы он понял.

Ас бохур ду цуьнга, и кхеттал.

Я буду говорить ему так, чтобы он понял.

Из приведенных примеров мы видим, что данная разновидность сравнительной формы глагольного корня имеет значение не только изъяснительное, т. е. придаточных предложений обстоятельства образа действия, но и количественное.

Иза бакъхъа долчух кхетгал, ас баьхна цуьнга: „вон ма лела“.

Я ему говорил „не шали“ столько (раз), что он мог понять меня
правильно.

Приведенная нами выше форма изъяснительных придаточных предложений всегда имеет оттенок точного совпадения по качеству или количеству действия главного предложения с действием придаточного. На ряду с этой формой употребляется и ряд других форм для выражения изъяснительного значения — удвоительная форма причастия (в самостоятельной его форме) или удвоительная форма причастия в несамостоятельной

форме косвенных падежей при словах: „тайпана“ (от слова „тайпа“ — „способ, род“) и „киэлара“ (от слова „кеп“ — „вид, разновидность, образ, форма“). При последних способах выражения изъяснительных предложений обозначение качества или количества в главном предложении не обязательно. Приведем примеры на все упомянутые здесь формы изъяснительных предложений:

Болх дика балла, дика тайира ас машина.

Я наладил машину так, чтобы она работала хорошо.

Буквально: Я хорошо наладил машину в точности так, чтобы она работала хорошо.

Болх дика бирриг, тайира ас машина.

Я наладил машину так, чтобы она хорошо работала.

Буквально: Я наладил машину ту, которая чтобы хорошо работала.

Болх дика беччу тайпана, тайира ас машина.

Я наладил машину таким родом, чтобы она хорошо работала.

Буквально: Я наладил машину для хорошо работающего рода, т. е. хорошо работающим родом.

Болх дика беччу кепара, тайира ас машина.

Я наладил машину таким образом, чтобы она хорошо работала.

Буквально: Я наладил машину из хорошо работающего образа.

Цо духа ца тоххал, члог'а дийцира ас.

Я уговаривал так крепко, чтобы он не отказался.

Я уговаривал так крепко, чтобы он не смог отказаться.

Буквально: Я в точности так крепко уговаривал, чтобы он не смог (буквально: бросить обратно) пойти на попятную.

Цо духа ца туххург, члог'а дийцира ас.

Я так крепко уговаривал, чтобы он не смог отказаться.

Буквально: Я так крепко уговаривал, чтобы он (буквально: не бросил обратно) не пошел на попятную.

Цо духа ца туххучу тайпана, члог'а ас дийцира.

Я крепко уговаривал таким родом, чтобы он не отказался:

Буквально: Я крепко уговаривал в таком роде, в котором он не отказывается.

Цо духа ца туххучу кепара, члог'а ас дийцира.

Я крепко уговаривал таким образом, чтобы он не отказался.

Буквально: Я крепко уговаривал из того образа, из которого он не отказывается.

Иза кхеттал, дика яздира ас.

Я так хорошо написал, чтобы он понял.

Я так хорошо написал, чтобы он смог понять.

Иза кхеттарг, (дика) яздира ас.

Я так хорошо написал, чтобы он смог понять.

Иза кхеттачу тайпана, яздира ас.

Я написал в таком роде, чтобы он понял.

Иза кхеттачу кепара, яздира ас.

Я написал таким образом, чтобы он понял.

Следует отметить, что в чеченском языке нельзя выразить в форме придаточного предложения такое русское придаточное, которое, в отличие от предыдущих, обозначает уже свершившийся факт и подчиняется

с помощью слов „так, что“. В этом случае в чеченском языке употребляется форма двух простых предложений:

Ишта || иштта дика тайира ас машина, хлинца цо болх дика а бо.
Я так || так хорошо наладил машину, что она теперь работает хорошо.

Буквально: Я так хорошо наладил машину, и теперь она работает хорошо.

Ас ишта члогла дийдира, цо хлинца духа а ца тоьхна.

Я так крепко его уговаривал, что теперь он не отказался.

Буквально: Я так крепко его уговаривал, и теперь он не отказался.

Ас ишта дика яздира, иза хлинца кхета а кхетта,

Я так хорошо написал, что теперь он понял.

Буквально: Я так хорошо написал, и теперь он (понять) понял.

Интересно, что и в этом случае русское подчинение передается почеченски формой сочинения предложений. Данную форму следует отличать от приведенной нами выше (см. стр. 275):

Ас та ма ярра, дика бо машино болх.

Как я наладил машину, так хорошо она и работает.

При глаголах со значением „чувствовать, сознавать“ мы имеем обратное соотношение союзных слов в русском языке „(то), как“. Почеченски это соотношение передается деепричастной придаточной формой настоящего времени, которая в чеченском понимании буквально представляет собою придаточное обстоятельство времени. Приведем примеры:

Хьуна хезна хир ду, цо пондарца илли олуш?

Может быть ты слышал, как он пел песню под аккомпанимент
гармоники?

Буквально: Может быть ты слышал, когда он пел песню с гармоникой?

Тхуна гинера, иза хелхаволуш.

Мы видели, как он танцевал.

Мы видели, когда он танцевал.

Царна денна а гора, со цига обхуш.

Они ежедневно видели, как я ходил туда.

Они каждый день видели, когда я ходил туда.

Вайна хезнера, цо хабар дуйцуш.

Мы слышали, как он рассказывал.

Буквально: Мы слышали, когда он рассказывал.

Эти придаточные предложения по значению безусловно представляют собою объектные придаточные предложения при глаголах со значением „чувствовать, сознавать“, но деепричастная придаточная форма в них придает оттенок обстоятельства образа действия, развивающийся из временного значения.

Придаточные предложения обстоятельства причины. Придаточные обстоятельства причины в основном выражаются в чеченском языке тремя придаточными формами: простой придаточной формой, представляющей собою дательный падеж масдара (суффикс „рна“), описательной придаточной формой, образуемой путем присоединения к несамостоятельной форме причастия различных времен служебного слова „дела“ — „так как; потому, что; оттого что“ и, наконец, различными формами слова „бахана“ — „причина“ (баханага, сахъанехъ, сахъана дслуш), что соответствует русским словам: „по причине того, что; вследствие того, что“. Эти формы слова „бахана“ употребляются при именительном падеже чеченского масдара. Приведем примеры:

1. *Простая форма (масдар в дательном падеже).*

Айхья болх барна, ахь садоу.

Ты отдыхаешь, так как ты поработал.

Ты отдыхаешь оттого, что ты поработал.

Ты отдыхаешь потому, что ты поработал.

Шу могаш-парглат карорна, сакъерало сан.

Я доволен тем, что вы в хорошем состоянии.

Я рад тому, что вы в хорошем состоянии.

Я доволен потому, что вы в хорошем состоянии.

Дада цахь хиларна, парглатдевлла тхо.

Мы довольны тем, что папа дома.

Мы довольны потому, что бабушка дома.

Иза цомгаш хиларна, сагатло сан.

Я беспокоюсь оттого, что он болен.

Я беспокоюсь потому, что он болен.

Иза цамгарх таваларна, самукъадавлла сан.

Я успокоился, потому что он выздоровел.

Нана ца кхачарна, качделла бераш.

Дети радовались тому, что приехала мать.

Дети радовались потому, что приехала мать.

Хи дистина хиларна, цигахь севцира тхо.

Мы остановились потому, что река поднялась || вздулась.

2. *Описательная форма („дела“ с несамостоятельной формой причастия).*

Дада цахь воцу дела, наб ца кхета суна буса.

Из-за того, что папы не было дома, ночью я не мог заснуть.

Буквально: Из-за того, что бабушка не бывши дома, сон не напал на
меня ночью.

Со могаш воцу дела, учреждениэ ца вахана со.

Из-за того, что я болен, я не пошел в учреждение.

Оттого, что я болен, я не пошел в учреждение.

Так как я болен, я не пошел в учреждение.

Заводехь белхалочо болх дика бина дела, завкомо совглат ||
преми делира цунна.

Из-за того, что рабочий хорошо работал на заводе, завком
премировал его.

Оттого, что рабочий хорошо работал на заводе, завком
премировал его.

Так как рабочий хорошо работал на заводе, завком премировал его.

Иза дика белхахо воцу дела, массарна-а виэза и.

Все его любят оттого, что он хороший работник.

Все его любят, так как он хороший работник.

Колхозехь массо-а тайпа белхан машинаш а, гирсаш а болу дела,
колхозхоша белхаш атта бо.

Колхозникам легко работать оттого, что в колхозе есть для
работы и машины, и орудия всех родов.

Колхозники легко работают потому, что в колхозе имеются
и рабочие машины, и орудия всех родов.

Айхья болх бен дела, ахь садоур ду.

Так как ты работаешь, ты будешь отдыхать.

Оттого, что ты работаешь, ты будешь отдыхать.

Айхьа болх бина дела, ахь садоу.
Так как ты поработал, ты отдыхаешь.

Айхьа болх бина дела, ахь садоуна || садайна.
Так как ты поработал, ты отдохнул.
Оттого, что ты поработал, ты отдохнул.

Айхьа болх бина дела, ахь садоура.
Так как ты работал, ты отдыхал.

Айхьа болх бийр болу дела, ахь садоур ду.
Так как ты будешь работать, ты будешь отдыхать.
Оттого, что ты будешь работать, ты будешь отдыхать.

3. *Описательная форма* (масдар в именительном падеже с добавлением слов „бахьана долуш, бахьанина, бахьанехь“).

Айхьа болх бар бахьана долуш, садоу ахь.
Ты отдыхаешь вследствие того, что ты работаешь.
Ты отдыхаешь по причине того, что ты работаешь.

Тхайн болх бина балар бахьана долуш, сакъерало тхан.
Мы радуемся по причине того, что мы окончили нашу работу.
Мы радуемся вследствие того, что мы закончили нашу работу.

Иза цомгаш хилар бахьанина, сагатло сан.
Я беспокоюсь по причине того, что он болен.
Я беспокоюсь вследствие того, что он болен.

Хи дистина хилаз бахьанехь, цигахь севцира тхо.
Мы остановились по причине того, что река поднялась || вздулась.

Со варан бахьана — княжка ю.
То, по причине чего я пришел, есть книга.

Частица „дела“ превратилось в чеченском языке в чисто служебное слово (союз), которое настолько потеряло свое реальное значение, что пишется часто слитно с тем масдаром, к которому оно относится. Однако правильное писанье его всегда отдельно от предшествующего масдара. Слово „бахьана“ в его различных формах еще не стало служебным словом, оно сохраняет свое реальное значение. Однако вследствие частого его употребления для выражения придаточной формы причины, это слово несомненно находится на пути к превращению в служебное слово, т. е. в слово со значением относительного союза.

Все виды придаточных предложений обстоятельства причины следует отделять запятой от главного предложения. Форма дательного падежа масдара здесь теряет свое прямое значение и потому тоже должна отделяться запятой от главного предложения вместе со всеми относящимися к ней членами придаточного предложения.

Придаточные предложения обстоятельства цели. Самая простая форма для выражения цели в чеченском предложении — это неопределенное наклонение (инфинитив). Эта форма, однако, употребляется только при одинаковых подлежащих (как при инфинитиве, так и при сказуемом простого предложения), как и в русском языке. Следовательно, инфинитив не может иметь при себе самостоятельного подлежащего, но может иметь остальные члены обычного предложения, например прямое дополнение и т. д. Поэтому инфинитивную форму обстоятельства цели мы можем не считать придаточным предложением, а называть распространенной инфинитивной конструкцией и не выделять запятыми в составе главного предложения:

Книга язъян веана со.
Я приехал писать книгу.
Я приехал, чтобы написать книгу.

Оха ахча ийцира школа ян.
Мы получили деньги, чтобы построить школу.

Цуьнга сайна книжка схаялийтан веана со.
Я пришел || приехал, чтобы он мне отдал книгу.

Буквально: Я пришел || приехал, чтобы заставить его отдать мне книгу.

Хьобга сайна книжка ялийтан веана со.
Я пришел || приехал, чтобы ты мне дал книгу.

Буквально: Я пришел || приехал, чтобы заставить тебя отдать мне книгу.

Из последних двух примеров мы видим, что при разных подлежащих в чеченском языке употребляется своеобразная конструкция — побудительный оборот в составе инфинитивной конструкции. При этом смысловое подлежащее при инфинитиве принимает форму местного падежа. Таким образом избегается необходимость иметь при инфинитиве подлежащее в обычно свойственной ему форме (именительного или активного падежа). Эта особенность инфинитивной конструкции в значении обстоятельства цели свойственна также всем формам чеченского придаточного предложения обстоятельства цели. Во всех нижеприведенных случаях придаточные обстоятельства цели, имеющие подлежащее, не совпадающее с подлежащим главного предложения, превращаются в побудительный оборот, смысловое подлежащее в составе которого становится грамматическим косвенным дополнением в форме местного падежа. Иного способа для выражения придаточного обстоятельства цели в случае разных подлежащих в чеченском языке нет (примеры см. ниже).

Кроме инфинитивной конструкции, для выражения придаточных предложений обстоятельства цели в чеченском языке имеются следующие три описательных способа. Все эти способы образуются путем прибавления к глагольной форме масдара служебных слов „хьама“ — „для того, чтобы; затем, чтобы“; „дуйхьа“ — „для; для того, чтобы“, „Iалашонца“ — „с той целью, чтобы“. Последнее слово представляет собою форму творительного падежа от слова „Iалашуо“ — „цель“, которое в данном случае тоже находится на пути к превращению его в служебное слово. Приведем примеры различных форм придаточных предложений обстоятельства цели.

Оха материалаш оьцу, школа яр хьама.
Мы берем || получаем материалы, чтобы строить школу.

Оха материалаш оьцу, школа яр дуйхьа.
Мы берем || получаем материал для того, чтобы строить школу.

Оха материалаш оьцу, школа яр Iалашонца.
Мы берем || получаем материалы с (той) целью, чтобы строить школу.

Мы берем || получаем материалы с целью строить школу.

Оха материалаш оьцу школа ян.
Мы берем || получаем материалы (чтобы) строить школу.

Оха материалаш оьцу, шуйга школа яйтар хьама.
Мы берем || получаем материалы, чтобы вы строили школу.

Буквально: Мы берем || получаем материалы, чтобы побудить вас строить школу.

Оха материалаш оьцу, шуйга школа яйтар дуйхьа.
Мы берем || получаем материалы для того, чтобы вы строили школу.

Буквально: Мы берем || получаем материалы для того, чтобы побудить вас строить школу.

Оха материалаш оьцу, шуьга школа яйтар Iадашонца.

Мы берем || получаем материалы с той целью, чтобы вы строили школу.

Буквально: Мы берем || получаем материалы с той целью, чтобы побудить вас строить школу.

Оха материалаш оьцу шуьга школа яйтан.

Мы берем || получаем материалы, (чтобы) вы строили школу.

Буквально: Мы берем || получаем материалы, (чтобы) побудить вас строить школу.

Дешархо библиотеке вьду, цигара книжка эцар хьама.

Дешархо библиотеке вьду, цигара книжка эцар дуьхьа.

Ученик идет в библиотеку для того, чтобы взять оттуда книгу.

Дешархо библиотеке вьду, цигара книжка эцар Iадашонца.

Ученик идет в библиотеку (с той целью) чтобы взять оттуда книгу.

Иза тхьбга веанера, хьо гар хьама.

Он приходил к нам, чтобы повидать тебя.

Колхозхо аренга ваханера, ялте хьажар хьама.

Колхозник пошел в поле, чтобы посмотреть на хлеб.

Все вышеперечисленные способы передачи придаточных предложений обстоятельства цели легко могут употребляться один вместо другого.

Служебное слово „хьама“ — „чтобы“, как употребляемое при масдаре, всегда следует писать отдельно от последнего, так как это слово не является падежным суффиксом масдара, но по значению точно соответствует русскому относительному союзу.

Таким образом, придаточная форма обстоятельства цели представляет собою в чеченском языке по происхождению или масдарную, или инфинитивную конструкцию.

В редких случаях для выражения придаточных обстоятельства цели употребляется дательный падеж масдара, который в основном служит придаточной формой обстоятельства причины. Целевое значение этой формы может быть понятно только из связи слов в данном предложении, из контекста:

Оха иза садаIа(н) садаIа(н) вахийтира, цунна дика дарна.

Мы послали его отдыхать с тем, чтобы сделать ему хорошо.

Мы послали его отдыхать затем, чтобы сделать ему хорошо.

Это единственный случай в чеченском языке, который намекает нам на первоначальное историческое единство форм причины и цели. Во всех остальных случаях, как мы видели, придаточные формы причины и цели в чеченском строго дифференцированы, строго разграничены друг от друга.

Все чеченские формы придаточного обстоятельства цели, за исключением инфинитива, следует отделять запятой от главного предложения.

В качестве специфической особенности чеченского языка мы можем привести форму придаточных предложений обстоятельства цели, выраженную причастием настоящего времени в самостоятельной форме, т. е. выраженную причастным придаточным предложением.

В этом случае причастие приобретает значение причастия будущего времени:

Ша оцу цамгарх талург, дукха даьхни лур дарā цо.

Буквально: Чтобы поправиться от этой болезни, он отдал бы много скота.

Он не пожалел бы средств, чтобы оправиться от этой болезни.

Суо йоза хууш хирг, мел чога а болх бийр бара ас.
 Буквально: Сколь много я проделал бы трудной работы, чтобы узнать
 письмо.
 Я преодолел бы много трудностей для того, чтобы овладеть
 грамотой.
 Вайн болх дика чакхберг, берриг-а сайн ницкъ тлебохуйгур
 бу ас.
 Я отдал бы все свои силы для того, чтобы наша работа
 закончилась хорошо.
 Со специалист хирг, мел дукха а къахьобгур ду ас.
 Я буду трудиться, как только могу, чтобы стать специалистом.

Сравни еще употребление той же формы с удвоением согласного
 в изъяснительных придаточных предложениях (стр. 278 и след.).

ГЛАВА 7

УСЛОВНЫЕ И УСТУПИТЕЛЬНЫЕ ПРИДАТОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Условные придаточные предложения. Условные придаточные предложения в чеченском языке, так же как и в русском, имеют две различные формы в зависимости от того, представляет ли собою данное предложение по смыслу реальное или нереальное условие. Сочетание условного придаточного и главного предложений называется условным периодом. Следовательно, условный период может быть реальным и нереальным.

Реальный условный период. Реальным условным периодом мы называем такой, который по смыслу говорит о реально выполняемом условии. В главном предложении реального условного периода употребляются наклонения реальное (изъявительное) или вопросительное. В придаточном предложении в этом случае употребляется специальная глагольная форма, которую мы можем назвать реально-условной придаточной формой сказуемого (суффикс „хь“). Она имеет формы трех времен.

Примеры:

Айса билет эцахь, театре глур ву со.

Если я куплю билет, я пойду в театр.

Цо сайна билет эцнехь, театре глур ву со.

Если он мне купил билет, я пойду в театр.

Цо сайна билет эцнехь, театре вобду со.

Если он купил для меня билет, я иду в театр.

Цо сайна билет эцахь, театре вобду со.

Если он покупает для меня билет, я иду в театр.

Айса билет эцнехь, театре вобдура со.

Если я покупал билет, я ходил в театр.

Айса билет оьцур делахь, театре глур ву со.

Если я (в будущем) куплю билет, я пойду в театр.

Реально-условная придаточная форма включает в себя значение русского союза „если“. Тем не менее, вследствие общей тенденции, которая проявляется и в чеченском языке, — тенденции развития союзного способа подчинения взамен бессоюзно-глагольного, при этой форме могут быть

употреблены слова— „нагахь“ буквально: „редко“, получающее значение „если“ и „нагахь санна“, буквально: „как редко“, приобретающее то же значение. Добавление этих слов является плеонастическим, т. е. оно лишь повторяет смысл, уже выраженный в придаточной форме, несколько усиливая его, что можно передать русским „в (том) случае, если“. Тем не менее в современном литературном языке замечается стремление все чаще употреблять эти союзные слова при реально-условной придаточной форме:

Нагахь цо сайна билет эцнехь, театре гIур ву со.

Нагахь санна цо сайна билет эцнехь, театре гIур ву со.

В случае если он купил для меня билет, я пойду в театр.

В том случае, если он купил для меня билет, я пойду в театр.

В значении реально-условного придаточного предложения употребляется также деепричастное (прошедшего совершенного времени) придаточное предложение, служащее для выражения предшествования во времени (см. выше, стр. 256):

Айса билет эцча, театре гIур ву со.

Айса билет эцчахь, театре гIур ву со.

Айса билет эцчахьана, театре гIур ву со.

Буквально: Купив билет, я пойду в театр.

(Если) я получу билет, я пойду в театр.

При этой форме выражения условных придаточных предложений в чеченском языке шире употребляются союзные слова „нагахь, нагахь санна“, так как условный характер деепричастия без этого выражен недостаточно точно:

Нагахь айса билет эцча, театре гIур ву со.

Нагахь айса билет эцчахь, театре гIур ву со.

Нагахь айса билет эцчахьана, театре гIур ву со.

Нагахь санна айса билет эцча, театре гIур ву со.

Нагахь санна айса билет эцчахь, театре гIур ву со.

Нагахь санна айса билет эцчахьана, театре гIур ву со.

В случае || в том случае, если я получил || получу билет, я пойду в театр.

Развитие служебного значения союза „если“ из первоначального реального значения „редко“; „как редко; подобно тому, как редко; будто редко; словно редко“ представляет собою поучительный пример развития формального значения из реального. В современном языке, правда, эти два значения дифференцируются тем, что в слове с реальным значением стараются произносить и писать удвоенный согласный, а в союзе — одинарный: „нагахь“ — „если“, „нагахь“ — „редко, изредка (буквально: в редкий момент)“. Это различие представляет собой безусловно позднейшее явление: развитие слова-понятия через его раздвоение.

Нереальный условный период. Нереальным условным периодом мы называем такой, который выражает условие, чаще всего невыполнимое в действительности, или реже — условие, в возможности осуществления которого говорящий сомневается. В главном предложении нереального условного периода употребляется специальное наклонение, которое мы называем условным. Это наклонение образовано от будущего действительного времени путем замены связки „ду“, представляющей собой настоящее время вспомогательного глагола „быть“, прошедшим временем этой же связки „дара“ (с соответствующим изменением ее по классам). Следует отметить, что существование этого наклонения в чеченском языке не было замечено Усларом. В придаточном предложении нереаль-

ного условного периода употребляется нереально-условная придаточная форма (суффикс „хъара“). По-русски в главном и придаточном предложениях нереального условного периода употребляется условное (сослагательное) наклонение, характеризующееся частицей „бы“:

Кхана айса билет оьцур делахъара, со театре глур вара.
Если бы я завтра купил || получил билет, я пошел бы в театр.

Селхана айса билет эднехъара, со театре глур вара.
Если бы я вчера купил || получил билет, я пошел бы в театр.

Айса хлокку сахъта билет эднехъара, со театре глур вара.
Если бы я сейчас купил || получил билет, я пошел бы в театр.

Сайна билет кхавчнехъара, со театре вахана хир вара.
Если бы мне || для меня доставали билет, я ходил бы в театр.

Даханчу шарахъ айса сезонни билет эднехъара, со театре оцу
хенахъ оьхур вара.
Если бы я в прошлом году купил || получил сезонный билет,
я ходил бы в то время в театр.

Из этих примеров мы видим, что нереально-условное наклонение в главном предложении совсем не изменяется по временам, в придаточном же предложении нереально-условная придаточная форма обычно не имеет настоящего времени.

Так же, как и в реальном условном периоде, при нереально-условной придаточной форме могут быть употреблены союзы „нагахъ, нагахъ санна“.

Нагахъ санна кхана айса билет оьцур делахъара, со театре глур
вара.
Нагахъ кхана айса билет оьцур делахъара, со театре глур вара.
В (том) случае, если бы я завтра получил билет, я пошел бы в театр,
и т. д.

Как и в реальном предложении, и здесь взамен нереально-условной формы в придаточном предложении могут быть употреблены деепричастные формы прошедшего совершенного времени (за исключением однако формы с суффиксом „чавъана“) как без союзов, так и с союзами „нагахъ, нагахъ санна“. В этом случае нереальное значение передается исключительно формой нереально-условного наклонения в главном предложении:

Айса билет эцча, театре глур вара со.
Айса билет эцчавъ, театре глур вара со.
Если бы я получил || купил билет, я пошел бы в театр (в будущем).

Нагахъ айса билет эцча, театре глур вара со.
Нагахъ айса билет эцчавъ, театре глур вара со.
Нагахъ санна айса билет эцча, театре глур вара со.
Нагахъ санна айса билет эцчавъ, театре глур вара со.
В (том) случае, если бы я получил || купил билет, я пошел бы
в театр (в будущем).

Условные придаточные предложения во всех формах выделяются запятыми.

Для того, чтобы яснее разобраться в существующих в чеченском языке условных наклонениях и придаточных формах, прилагаем здесь таблицу этих наклонений с изменением их по времени.

Таблица образования условных и желательных придаточных форм и наклонений

Наклонения или придаточные формы:	в придаточном:	в главном предложении:
1. Реально-условная придаточная форма:	Ахахь. Если пашет. Аьхнехь. Если пахал вспахал. Охур делахь. Если вспашет будет пахать.	
2. Нереально-условная придаточная форма (она же — реально-желательное наклонение):		Ахахьара Если бы пахал (сейчас). Аьхнйэхьара. Если бы вспахал пахал (в прошлом). Охур делахьара. Если бы вспахал пахал (в будущем).
3. Условное наклонение:		Охур дара. Пахал бы.
4. Желательное наклонение:		Охуш делара! Ах, если бы пахал (сейчас). Аьхна делара! Ах, если бы вспахал пахал (в прошлом). Охур делара! Ах, если бы вспахал пахал (в будущем).

Уступительные придаточные предложения. Уступительные придаточные предложения в чеченском языке по форме почти не отличаются от условных. Разница заключается только в том, что обычно, если в главном предложении уступительного периода употребляется утвердительное наклонение, в придаточном бывает отрицательное наклонение, и наоборот. Это вполне понятно, если мы вспомним, что сложноподчиненное уступительное предложение или, иначе говоря, уступительный период представляет собою всегда резкое противопоставление действия главного действию придаточного предложения.

Уступительное сложноподчиненное предложение — короче говоря, уступительный период, так же как и условный период, следует подразделить на реальный и нереальный уступительные периоды с теми же оттенками значения, что и в соответственных условных периодах.

Реальный уступительный период. Так же как и в реальном условном периоде, в реальном уступительном употребляются в главном предложении обычное реальное или изъявительное наклонение, а также вопро-

сительное, в придаточном же предложении — реально-условная придаточная форма с добавлением к ней частицы „а“, которая происходит от союза „а“ — „и“ (в разделительном значении). Эта частица и служит наряду с содержанием самих предложений, единственным отличием реально-уступительных предложений от реально-условных. Временные формы в придаточном и главном предложении при этом остаются одинаковыми как для уступительных, так и для условных предложений.

Интересно, что в чеченском языке, так же как и в русском, реально-уступительный период иногда чрезвычайно близок сложносочиненному предложению, в котором такое же по смыслу противопоставление двух предложений выражено или только интонационно, или с помощью противительных союзов:

Ас хьуна билет ийцира, хьо театре-м ца вахара.
Я тебе билет купил, (а) ты в театр не пошел.

Ас хьуна билет ийцира, амма театре-м ца вахара хьо.
Я тебе билет купил, но ты в театр не пошел.

Эта зачаточная форма придаточных уступительных предложений отличается от приводимых ниже настоящих уступительных предложений, во-первых, наличием в настоящем уступительном придаточном предложении (как и во всех видах чеченских придаточных предложений) возвратных местоимений, связанных по смыслу с подлежащим главного предложения, и, во-вторых, невозможностью поставить в чеченском языке противительный союз в начале главного предложения, как это обычно имеет место в русском языке. Приводим примеры уступительных придаточных предложений:

Ас билет хьайна эцахь-а, театре гIур вац хьо.
Хотя я тебе билет и куплю (покупаю), (но) ты в театр не пойдешь.

Ас хьайна билет эцча-а, театре ца вьду хьо.
Хотя я тебе билет и купил, (но) ты в театр не идешь.

Ас хьайна билет эцча-а, театре ца вахара хьо.
Хотя я тебе билет и купил, (но) ты в театр не пошел.

Ас хьайна билет эцча-а, театре гIур вац хьо.
Хотя я тебе билет и купил, (но) ты в театр не пойдешь.

Ас хьайна билет эцахь-а, театре ца вьду хьо.
Хотя я тебе билет и покупаю, (но) ты в театр не идешь.

Ас хьайна билет эцнехь-а, театре ца вьду хьо.
Хотя я тебе билет и купил, (но) ты в театр не идешь.

Ас хьайна билет эцнехь-а, театре ца вахара хьо.
Хотя я тебе билет и купил, (но) ты в театр не пошел.

Ас хьайна билет эцнехь-а, театре гIур вац хьо.
Хотя я тебе билет и купил, (но) ты в театр не пойдешь.

Ас хьайна билет эцнехь-а, театре ца вьдура хьо.
Хотя я тебе билет и покупал, (но) ты в театр не ходил.

Ас хьайна билет эцча-а, театре ца вьду хьо.
Ас хьайна билет эццахь-а, театре ца вьду хьо.
Хотя я тебе билет и купил, (но) ты в театр не идешь.

Ас хьайна билет эцча-а, театре ца вьдура хьо.
Хотя я тебе билет и покупал, (но) ты в театр не ходил.

Ас хьайна билет эцчахьана-а, театре ца вьдура хьо.
Хотя я тебе билет и покупал, (но) ты в театр не ходил.

Как видим из примеров, в уступительных придаточных предложениях могут употребляться, как и в условных, не только реально-условные придаточные, но и деепричастные формы, имеющие собственно значение временных придаточных предложений.

Как и при условных придаточных предложениях, в начале уступительных могут быть поставлены союзы: „нагахь, нагахь санна“:

Нагахь ас билет хьайна эцахь-а, театре ца вьду хьо.
Нагахь санна ас хьайна билет эцахь-а, театре ца вьду хьо.
Если даже я тебе билет и покупаю, ты в театр не идешь.
В случае, если даже я тебе билет и покупаю, ты в театр не идешь.

Нагахь ас хьайна билет эцца-а, театре ца вьду хьо.
Нагахь санна ас хьайна билет эцца-а, театре ца вьду хьо.
Если даже я тебе билет и купил, ты в театр не идешь.
В случае, если даже я тебе билет и купил, ты в театр не идешь,
и т. д.

Ас хьайна билет цаэцаре ца хьожуш, театре вьду хьо.
Несмотря на то (буквально: не дожидаясь того), что я тебе билет не купил, ты в театр идешь.

Ас хьайна билет ца эцнехь-а, театре гур ву хьо.
Хотя я тебе билет не купил, ты в театр пойдешь.

Ас хьайна билет ца эцнехь-а, театре вахара хьо.
Хотя я тебе билет не купил, ты в театр пошел.

Ас билет хьайна ца эцнехь-а, театре вьдура хьо.
Хотя я тебе билет не покупал, ты в театр ходил.

В одном из примеров слова „ца хьожуш“ приобретают как бы служебное значение и при них стоит местный падеж масдара в качестве сказуемого условного придаточного предложения, как это обычно имеет место при глаголе „хьажа“ — „смотри“ (см. выше, стр. 238).

Кроме приведенных форм, уступительное значение имеет также деепричастная форма прошедшего совершенного и будущего времени с удвоительным суффиксом „шшехь“. Эта форма образована по образцу такого же удвоительного деепричастия настоящего времени, которое, однако, имеет значение только придаточной формы обстоятельства времени. (см. стр. 262—263).

Ас хьайна билет общушехь-а, театре ца вьду хьо.
Хотя я билет и покупаю, (но) ты в театр не идешь.

Ша ца веанешшехь, гучу а ца ваьллера иза тхуна.
Хотя он пришел домой, (но) нам он не показался.

Хьайна со гинешшехь, вист а ца хуьлуш длавахара хьо.
Хотя меня ты видел, ты ушел, не сказав ни слова.

Хьайга ас вола баьхнешшехь, хьо тхьога ма ца веара?
Хотя я просил тебя притти, как это ты не пришел к нам?

Хьо города гур воллушехь, соьга ца хайтира ахь.
Хотя ты едешь в город, но ты мне не сообщил об этом.

Хьайга ас — ца вуола — аьлешшехь, хьо стенга вахара?
Куда же ты пошел, ведь я тебя просил притти домой!

Буквально: Куда же ты пошел, хотя я тебе говорил — „приходи домой“?

Айхьа дешнешшехь, гуллакхе хунда ца вьду хьо?

Ты ведь образованный, почему же ты не поступаешь на службу?

Буквально: Хотя ты образованный, почему же ты не идешь на службу?

Из последних двух примеров мы видим, что уступительный характер придаточного предложения в сложноподчиненном вопросительном предложении ясно выражен по-чеченски и в тех случаях, когда по-русски этот характер не может быть облечен в форму уступительного предложения.

Шен норма кхочушйна ваьлешшехь, хинца а бо цо болх сиха.
Несмотря на то, что он выполнил свою норму, и теперь он
- работает быстро.

Нереальный уступительный период. Нереальный уступительный период в чеченском языке строится совершенно так же, как нереальный условный период, т. е. в придаточном предложении употребляется нереально-условная придаточная форма или деепричастие прошедшего совершенного времени в трех его формах (в том и другом случае с союзами „нагахь, нагахь санна“ или без них), а в главном предложении — форма нереально-условного наклонения:

Ас хьайна билет эцахьара-а, театре ца вьдура хьо.
Хотя я тебе билет и купил бы, ты в театр не пошел бы
(в настоящем).

Ас хьайна билет эцахьара-а, театре глур вацара хьо.
Хотя я тебе билет и купил бы, ты в театр не пошел бы (в будущем).

Ас хьайна билет эцнехьара-а, театре ца вьдура хьо.
Хотя я тебе билет и покупал бы, ты в театр не ходил бы
(в прошлом).

Ас хьайна сезонни билет эцнехьара-а, театре ца обхура хьо.
Хотя я тебе сезонный билет и купил бы, (но) ты в театр не ходил бы
(в прошлом):

Ас хьайна билет эцнехьара-а, театре глур вацара хьо.
Хотя я тебе билет и купил бы, (но) ты в театр не пошел бы
(в прошлом):

Ас хьайна билет эцнехьара-а, театре ца вьдура хьо.
Ас хьайна билет эцча || эцчахь-а, театре ца вьдура хьо.
Хотя я тебе билет и покупал бы, (но) ты в театр не ходил бы
(в прошлом).

Нагахь ас хьайна билет эцахьара-а, театре ца вьду хьо.
Нагахь санна ас хьайна билет эцахьара-а, театре глур вацара хьо.
Хотя бы даже я тебе билет и купил, ты в театр не пошел бы.
В случае, если бы даже я тебе билет и купил, ты в театр не
пошел бы (в прошлом).

Нагахь ас хьайна билет эцнехьара-а, театре глур вацара хьо.
Нагахь санна ас хьайна билет эцнехьара-а, театре ца вьдура хьо.
Если бы даже я тебе билет и купил, ты в театр не ходил бы.
В случае, если бы даже я тебе билет и купил, ты в театр не ходил бы,
и т. д.

Приведенные нереально-условные придаточные формы употребляются не часто в придаточных уступительных предложениях. Обычно в этом случае употребляются деепричастные придаточные формы с усилительной частицей „а“.

Ас хьайна билет эцча-а, театре ца вьду хьо.
Хотя я тебе билет и купил бы, (но) ты в театр не пошел бы
(в настоящем).

Ас хьайна билет эцча-а, театре ца вахара хьо.
Хотя я тебе билет и купил бы, (но) ты в театр не пошел бы
(в прошлом).

Ас хьайна билет эцча-а, театре гIур вацара хьо.
Хотя я тебе билет и купил бы, (но) ты в театр не пошел бы
(в будущем).

Ас хьайна билет эцчахь-а, театре ца вьоду хьо.
Ас хьайна билет эцчахь-а, театре ца вахара хьо.
Ас хьайна билет эцчахь-а, театре гIур вацара хьо.

Перевод тот же, что и в предыдущих примерах. Заметьте иное, не уступительное значение деепричастной формы с суффиксом „чахьана“ (ср. стр. 257).

Ас хьайна билет эцчахьана-а, театре ца вьодура хьо.
С тех пор как я тебе билет купил, ты в театр не ходил (в прошлом).
Ас хьайна билет эцчахьана-а, театре ца вьоду хьо.
С тех пор как я тебе билет купил, ты в театр не идешь.

Из примеров мы видим, что в нереальном уступительном периоде в главном предложении не всегда употребляется условное наклонение (как в русском), а на ряду с ним могут стоять прошедшее несовершенное или будущее время, в особенности в том случае, если в придаточном мы имеем деепричастную придаточную форму. Из деепричастных прилаточных форм совсем не употребляется в уступительном значении форма с суффиксом „чахьана“, которая имеет лишь временное значение утвердительного наклонения. Добавление союзов „нагахь, нагахь санна“ в уступительное придаточное предложение придает ему оттенок большего противопоставления главному, что мы передаем по-русски добавлением служебных слов „в том случае... даже“.

Уступительные придаточные предложения во всех случаях их употребления отделяются запятыми от главного.

Таким образом, уступительный период в обоих его формах исторически развивается из условного периода. Это можно видеть на примерах не только чеченского языка, но и русского, где уступительное предложение может быть образовано из условного простым прибавлением союза „и“ к союзу „если“ и далее с особым подчеркиванием уступительного значения — путем прибавления частицы „даже“ к тому же союзу:

Если и покупал я тебе билет, ты в театр не ходил.
Если даже я тебе билет покупал, ты в театр не ходил.
Если даже и покупал я тебе билет, ты в театр не ходил,

и т. д.

Русский же союз „хотя“ представляет собою позднейшее образование — форму деепричастия от глагола „хотеть“, приобретшую служебное значение относительного союза.

Возвратные местоимения в придаточных предложениях. Выше (см. стр. 216 и сл.) мы уже говорили, что в придаточных предложениях, по отношению к подлежащему главного, употребляются возвратные местоимения в любом падеже, что также имеет место и для выражения принадлежности какого-либо предмета подлежащему главного предложения (в последнем случае употребляются возвратно-притяжательные местоимения соответствующего лица). Однако мы приводили примеры только на возвратные местоимения третьего лица, приобретающие значение относительного. Возвратные местоимения в чеченском языке имеют столько же лиц, сколько и личные, от которых они происходят. Остальные лица возвратных местоимений, кроме третьего, не получают значения относительных, но в ряде случаев (косвенная речь и пр.) только они служат отличительным признаком придаточного предложения. Приведем примеры на употребление возвратных местоимений первых двух лиц в придаточных предложениях:

Суо эвла вахча, ловзаргахь Ийра со.

Поехав в аул, я был на гуляньи.

Буквально: После того, как я поехал в аул, я сидел на гуляньи.

Суо союзо вахийтахь, кхушара курорте гIур ву со.

Если меня пошлет союз, я поеду в этом году на курорт.

Хьуо паргIат ма вавлли, тхобга воблахаь.

Как только ты освободишься, приходи к нам.

Хьуо цо ваййтахь, суна тIавхьавогIур ву хьо.

Если он тебя пошлет, ты придешь за мңою.

Айса билет эцнехьара, кино гIур вара со.

Если бы я (сам) купил билет, я пошел бы в кино.

Сайна цо йохкахь, и говр оьцур ю ас.

Если он мне продаст, я куплю эту лошадь.

Айхьа кегIат яздахь, сан цIарах язделахь.

Если ты будешь писать письмо, то пиши на мое имя.

Хьайна цо билет иэцахь, театре гIор хьо.

Если он купит тебе билет, то ты пойдешь в театр.

Тхавш болх болийча, белхан сихо йо оха.

Когда мы начинаем работу, мы быстро работаем.

Тхайца хьо вагIахь, базара гIур дара тхо.

Буквально: Если бы ты пришел с нами, то мы пошли бы на базар.

Если бы ты пришел к нам, то мы пошли бы на базар.

Шавш доьшучу хенахь, дика Iамадора аш.

Когда вы обучались, вы хорошо учились.

Шайца иза веача, кино гIур дарий шу?

Если бы он пошел с вами, вы пошли ли бы в кино?

Буквально: Если бы он пришел с вами, вы пошли ли бы в кино?

Тхавш школе доьлуш, сакьерало тхан.

Когда мы идем в школу, мы радуемся.

Цо хьобга абллий, собгара хьайн документаш схьаэца аблла?

Сказал ли он тебе, чтобы (ты) взял твои документы у меня?

Буквально: Сказал ли он тебе, что: „возьми свои документы у меня“?

В последнем примере притяжательное местоимение второго лица единственного числа в придаточном предложении представляет собою возвратную форму, хотя оно относится не к подлежащему главного предложения.

ГЛАВА 8

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ С НЕСКОЛЬКИМИ ПРИДАТОЧНЫМИ

Связь нескольких придаточных предложений с главным. В случае сложноподчиненного предложения, при котором имеется несколько придаточных предложений, возможны две различные формы подчинения этих придаточных предложений: несколько придаточных предложений при одном главном могут представлять собою однородные придаточные предложения, т. е. такие, которые употребляются в значении одного и того же члена главного предложения и имеют совершенно одинаковое оформление придаточного сказуемого (одинаковые придаточные суффиксы,

одинаковые относительные союзы и т. д.); или несколько придаточных предложений представляют собою последовательную цепь подчинения, т. е. последнее придаточное предложение подчинено другому придаточному, а это в свою очередь подчинено следующему придаточному, которое подчинено в свою очередь главному. Первый случай мы называем случаем однородных придаточных предложений, второй случай — последовательной цепью соподчинения придаточных предложений.

Связь однородных придаточных предложений с главным. В случае двух или нескольких однородных придаточных предложений, порядок расположения их друг относительно друга, обычно, может быть изменен без ущерба для смысла всего сложноподчиненного предложения в целом. Приведем примеры:

Со чухьлаш волу, эвлан йистехь лэйтташ долу ценош даханчу
шарахь дина ду.
Дом, в котором я живу, (и) который стоит на краю аула, сделали
в прошлом году.

В этом предложении имеется два определительных придаточных предложения, служащих определениями к слову „ценош“, которое входит в состав главного предложения. Оба придаточных предложения имеют одинаковую составную форму сказуемого, выраженную причастием. Так как оба придаточных предложения совершенно одинаковы по форме, порядок их друг относительно друга может быть изменен без всякого ущерба для смысла:

Эвлан йистехь лэйтташ долу, со чухьлаш волу ценош даханчу
шарахь дина ду.
Дом, который стоит на краю аула и в котором я живу, сделали
в прошлом году.

В случае постановки однородных придаточных предложений в середине или в конце главного, возможна такая же перемена порядка придаточных предложений друг относительно друга:

Доханчу шарахь дина ду, со чухьлаш волу, эвлан йистехь лэйтташ
долу ценош.
Доханчу шарахь дина ду, эвлан йистехь лэйтташ а долу, со чухьлаш
а волу ценош.

Для более точного разграничения главного и придаточных предложений, в чеченском языке, как и в русском, может быть употреблено во всех этих случаях указательное местоимение „и“ — „тот, этот“ в составе главного предложения перед определяемым словом:

Со чухьлаш волу, эвлан йистехь лэйтташ долу, и ценош доханчу
шарахь дина ду.
Тот дом, в котором я живу и который стоит на краю аула, сделали
в прошлом году.
Эвлан йистехь лэйтташ долу, со чухьлаш волу, и ценош доханчу
шарахь дина ду.
Тот дом, который стоит на краю аула и в котором я живу, сделали
в прошлом году.
Доханчу шарахь дина ду, со чухьлаш волу, эвлан йистехь лэйтташ
долу, и ценош.
Сделали в прошлом году тот дом, в котором я живу и который
стоит на краю аула.

Даханчу шарахь дина ду, эвлан йистехь лавгташ долу, со чухьлаш
волу, и цленош.
Сделали в прошлом году тот дом, который стоит на краю аула и
в котором я живу.

Такие же изменения порядка расположения однородных придаточных предложений друг относительно друга мы можем производить и в случае других типов этих предложений.

1. *Два однородных условных предложения:*

Со мукъа а хилахь, ахьа билет а иэцахь, вай театре гIур ду.
Если я буду свободен, и если ты купишь билет, мы пойдем в театр.

Ахьа билет а иэцахь, со мукъа а хилахь, вай театре гIур ду.
Если ты купишь билет, и если я буду свободен, мы пойдем в театр.

Вай театре гIур ду, ахьа билет а иэцахь, со мукъа а хилахь.
Мы пойдем в театр, если ты купишь билет и если буду я свободен.

Вай театре гIур ду, со мукъа а хилахь, ахьа билет а иэцахь.
Мы пойдем в театр, если я буду свободен и если ты купишь билет.

2. *Два однородных субъектных придаточных с обобщенным значением:*

Болх дика хьаъа-а бахь а, белхан норманал шовзткъе итт — бIаь
процент тIехкхочуш муьлххачо-а яхь а, иза стахановхо ву.
Всякий, кто хорошо работает, всякий, кто перевыполняет норму на
50—100%, тот — стахановец.

Белхан норманал шовзткъе итт — бIаь процент тIехкхочуш муьлх-
хачо-а яхь а, болх дика хьаъа-а бахь а, иза стахановхо ву.
Всякий, кто перевыполняет норму на 50—100% и всякий, кто
хорошо работает, тот — стахановец.

В данном типе предложения придаточные предложения не могут быть поставлены после главного.

3. *Два однородных субъектных придаточных предложения:*

Болх бан ца луург, гIуллакх ца дийриг, ледархо ву.
Кто работать не желает, кто дела не делает, тот лодырь.

ГIуллакх ца дийриг, болх бан ца луург, ледархо ву.
Кто дела не делает, кто работать не хочет, тот лодырь.

Иза, болх бан ца луург, гIуллакх ца дийриг, ледархо ву.
Иза, гIуллакх ца дийриг, болх бан ца луург, ледархо ву.

И в этом типе придаточных, постановка их после главного предложения в чеченском языке не употребительна.

4. *Два однородных масдарных предложения:*

Хьо мукъа хилар а, ас билет иэцар а, билгал дац вайна.
Неизвестно, будешь ли ты свободен и куплю ли я билет.

Буквально: Что будешь ты свободен, и что куплю я билет, неизвестно нам.

Ас билет иэцар а, хьо мукъа хилар а, билгал дац вайна.
Неизвестно, куплю ли я билет, и будешь ли ты свободен.

Билгал дац вайна, хьо мукъа хилар а, ас билет иэцар а.
Билгал дац вайна, ас билет иэцар а, хьо мукъа хилар а.

5. *Два однородных объектных придаточных при глаголах со значением „чувствовать, сознавать“:*

Суна хезна, иза схъавоглу бохуш а, хлара длавовду бохуш а.
Я слышал, что он приезжает, а тот уезжает.

Суна хезна, хлара длавовду бохуш а, иза схъавоглу бохуш а.
Я слышал, что тот уезжает, а он приезжает.

Суна хезна, иза схъа а воглу, хлара дла а вовду бохуш.
Иза схъавоглу бохуш а, хлара длавовду бохуш а, хезна суна.
Хлара длавовду бохуш а, иза схъавоглу бохуш а, хезна суна.
Иза схъа а воглу, хлара дла а вовду бохуш, хезна суна.

Суна хава, цо дика довшийла а, кхо болх дрка бойла а.
Я знаю, что он хорошо учится, а тот хорошо работает.

Суна хава, кхо болх дика бойла а, цо дика довшийла а.
Я знаю, что тот хорошо работает, а он хорошо учится.

Цо дика довшийла а, кхо болх дика бойла а, хава суна.
Кхо болх дика бойла а, цо дика довшийла а, хава суна.

6. *Два однородных придаточных обстоятельства времени:*

Хьо болх бина а, со яздина а вавллачул тлавхъа, театре глур ду вай.
После того, как ты кончишь работать и я кончу писать, мы пойдем
в театр.

Со яздина а, хьо болх бина а вавллачул тлавхъа, театре глур ду вай.
После того, как я кончу писать и ты кончишь работать, мы пойдем
в театр.

Театре глур ду вай, хьо болх бина а, со яздина а вавллачул
тлавхъа.

Театре глур ду вай, со яздина а, хьо болх бина а вавллачул тлавхъа.

Хьо болх бина а, со яздина а волуш, театре глур ду вай.
Мы пойдем в театр, когда ты кончишь работать, а я — писать.

Со яздина а, хьо болх бина а волуш, театре глур ду вай.
Мы пойдем в театр, когда я кончу писать, а ты — работать.

Театре глур ду вай, хьо болх бина а, со яздина а волуш.
Театре глур ду вай, со яздина а, хьо болх бина а волуш.

Ахь болх а беш, ас яз а деш, ийра вай цла чухь.
Ты — работая, а я — занимаясь писанием, сидели мы дома.

Ас яз а деш, ахь болх а беш, ийра вай цла чухь.
Я — занимаясь писанием, а ты — работая, сидели мы дома.

Вай цла чухь ийра, ахь болх а беш, ас яз а деш.
Мы сидели дома: ты — работая, а я — занимаясь писанием.

Вай цла чухь ийра, ас яз а деш, ахь болх а беш.

В последнем примере мы имеем однородные придаточные, выражающие одновременность с действием главного предложения, в предыдущих же примерах — выражающие предшествование во времени по отношению к действию главного, причем действия обоих придаточных предложений происходят в них одновременно. Этот случай следует строго отличать от таких придаточных предложений обстоятельства времени, в которых действия происходят не одновременно. В последнем случае изменение порядка придаточных предложений друг относительно друга невозможно, и потому мы считаем эти предложения неоднородными (см. ниже, стр. 297).

7. Два однородных косвенных вопроса:

Суна ца хаба, иза города вогийла а, х'ара балха вобдийла а.
Я не знаю, приедет ли он из города и пойдет ли тот на работу.

Суна ца хаба, х'ара балха вобдийла а, иза города вогийла а.
Я не знаю, пойдет ли тот на работу и приедет ли он из города.

Иза города вогий а, х'ара балха вобдий а, ца хаба суна.

Иза балха вобдий а, х'ара города вогий а, ца хаба суна.

Из приведенных примеров ясно видно, что в случае однородных придаточных предложений, порядок их друг относительно друга может быть произвольно изменен без изменения смысла всего сложноподчиненного предложения в целом. В придаточных обстоятельства времени этот порядок может меняться лишь в том случае, если оба придаточных предложения выражают действия, происходящие одновременно. Следовательно, однородными придаточными обстоятельства времени мы называем лишь такие, которые выражают одновременно происходящие в придаточных предложениях действия (одновременность же этих действий с действием главного предложения не обязательна).

Цепь последовательно соподчиненных придаточных предложений. В том случае, если два или несколько придаточных предложений представляют собою цепь последовательного соподчинения, порядок расположения этих предложений друг относительно друга не может быть изменен без ущерба или без полной потери смысла всего предложения в целом. Приведем примеры:

Дукха Iежаш болуш йолчу бешахъа кор а долуш долчу ца чухъ Iийра со.
Я жил в доме, окно которого выходило в сад, в котором было много яблонь.

Ца чухъ Iийра со, дукха Iежаш болуш йолчу бешахъа кор а долуш долчу.

В данном примере мы имеем два определительных придаточных предложения, которые относятся к разным определяемым, хотя и одинаковы по форме. Первое придаточное относится к определяемому „беш“ — „сад“, которое входит в состав второго придаточного предложения, а второе придаточное предложение определяет слово „ца“ — „дом“, — слово, которое входит в состав главного предложения. Таким образом, первое придаточное предложение подчинено второму, а это последнее подчинено в свою очередь главному предложению. Следовательно, мы имеем в данном случае придаточные определительные предложения, хотя и одинаковые по форме, но представляющие собою цепь последовательного соподчинения. Наоборот, мы можем считать однородными лишь те одинаковые по форме определительные придаточные предложения, которые относятся к одному и тому же определяемому слову.

Приведенный выше пример показывает, что порядок придаточных предложений друг относительно друга в этом случае не может быть изменен. Однако в чеченском языке можно изменить порядок придаточных предложений в отношении главного: главное предложение может быть поставлено как в начале, так и в конце сложноподчиненного предложения. Такое изменение порядка в данном случае невозможно в русском языке. Приведем еще примеры на цепь последовательного соподчинения придаточных предложений:

Башламанера схьадог'луш долчу Органо хьийзош йолчу кевнийн хьерара дама деара оха.

Кевнийн хьерара дама деара оха, башламанера схьадог'луш долчу Органо хьийзош йолчу.

Мы привезли муку с вальцовой мельницы, которую двигает Аргун, текущий со снеговых гор.

Второе из приведенных здесь предложений может быть буквально переведено по-русски следующим образом:

С вальцово́й мельницы муку привезли мы, со снеговых гор сюда
текущий Аргун крутит которую.

Цепь соподчиненных придаточных обстоятельства времени.

Шун бригадо болх а бой, ахь хлума а йойй, театре доьлху вай.
После того, как ваша бригада поработает, и ты покушаешь, мы
идем в театр.

Трактористаша латта а охий, колхозхоша хлу а тосий, тхан бригадо
мекханаш доху.
После того, как трактористы вспашут землю, и колхозники посеют
семена, наша бригада боронит.

Шун бригадо болх а бина, ахь са а доьлна, театре глур ду вай.
После того, как ваша бригада поработает, и ты отдохнешь, мы
пойдем в театр.

Иза дечиг хедийний, этийний, со дладиллиний ваьлла (слитное
придаточное предложение).
Когда он кончил рубить и колоть дрова, я закончил их укладку.

Дешархоша шайн книжкаш а йобший, урокаш а язйой, даь-наноша
ловза бохуйту уьш (слитное придаточное предложение).
Когда ученики прочтут свои книжки и напишут уроки, родители
отпускают их играть.

Иза схьа а веана, бедарш да а яьхна, охьа а хььна, яздан
волавелла (слитное придаточное предложение).
Войдя, раздевшись и сев, он начал писать.

Иза яздан волавелла, схьа а веана, бедараш да а яьхна, охьа
а хььна (слитное придаточное предложение).

В первых трех предложениях действия, выражаемые формой причастия прошедшего совершенного времени или формой с окончанием „й, ий“, имеющей здесь значение деепричастия того же времени, происходят последовательно одно перед другим. Следовательно, несмотря на одинаковую придаточную форму, мы имеем в данном случае цепь последовательно соподчиненных придаточных предложений, выражающих предшествование во времени. В остальных же примерах мы имеем слитное придаточное предложение с несколькими сказуемыми при одном подлежащем.

И здесь мы имеем случай, когда в чеченском языке порядок всех вместе взятых придаточных предложений в отношении главного может быть изменен, что не употребительно в русском языке. Порядок же придаточных предложений друг относительно друга, как и порядок однородных сказуемых в слитном придаточном предложении, в данном случае не может быть изменен ни в чеченском, ни в русском языке без заметного ущерба для смысла.

Иза схьа а веача, цо бедарш да а яьхча, иза охьа а хььча, хабар
дийдан а волавелча, яздан волавелира со.
Со яздан волавелира, иза схьа а веача, цо бедарш да а яьхча, иза
охьа а хььча, хабар дийдан а волавелча.
Когда он пришел, разделся, сел и начал рассказывать, я начал
писать

В этом примере по-чеченски применяется деепричастная придаточная форма (прошедшего совершенного времени), так как подлежащие в слитном придаточном предложении и в главном — различные. Здесь мы тоже имеем придаточное обстоятельство времени, в котором каждое сказуемое выражает предшествование во времени по отношению к последующему.

Иза схъа а веана, бедарш дӀа а яьхна, охъа а хиьна, хабар дийцан
волавеллачул тӀаьхъа, яздан волавелира со.
После того, как он пришел, разделся, сел и начал рассказывать,
я начал писать.

В данном примере мы видим, что падежное окончание причастия и слово „тӀаьхъа“, приобретающее здесь значение относительного союза, присоединяются только к последней придаточной форме. Этот стилистический прием употребляется вообще как в случае однородных придаточных предложений, так и при последовательно соподчиненных придаточных предложениях, имеющих одинаковую грамматическую форму сказуемых (еще примеры см. выше, стр. 296).

Порядок придаточных предложений в отношении главного. Придаточные предложения, как это мы видели из предыдущих примеров, обычно могут свободно менять свой порядок в отношении главного. Это правило прямо вытекает из произвольного порядка слов в чеченском простом предложении. Следовательно, порядок расположения придаточных предложений в отношении главного подчинен в общем тем же правилам, каким подчинен и порядок тех членов простого предложения, в роли которых выступают данные придаточные предложения. Единственным исключением из этого правила являются условные по форме придаточные предложения с обобщенным значением. Так, например, в приведенных на стр. 295 примерах этого рода предложений порядок их в отношении главного вообще не может быть изменен. Это исключение трудно объяснить, так как условные и уступительные придаточные предложения, от которых исторически происходит условная форма с обобщенным значением, допускают свободное изменение порядка придаточных предложений в отношении главного (см. пример на той же стр.). Менее употребительно также изменение порядка субъектных придаточных предложений в отношении главного (см. пример на той же стр.). Однако и в этом случае порядок предложений в отношении главного может быть изменен при условии добавления в состав придаточного предложения союза „а“:

Ледархо ву, болх бан ца луург а, гӀуллакх ца дийриг а.
Кто и работать не желает, и дело не делает, тот лодырь.

Таким образом, в отношении порядка придаточных и главного предложений, чеченский язык допускает большую свободу, чем даже русский язык, в котором некоторые придаточные предложения (например, определительные) требуют определенного порядка расположения их в отношении главного.

Стилистически, однако, не всегда безразлично, поместить ли придаточное предложение на своем обычном месте или в конце главного. В таких случаях необходимо применять следующее правило: если придаточное предложение состоит из немногих слов (неразвитое, нераспространенное придаточное предложение), то оно предпочтительно ставится на своем обычном месте (например, в начале или середине главного); если же придаточное предложение состоит из многих слов (развитое, распространенное придаточное предложение), то оно обычно переносится в конец главного.

Это правило легко подтверждается, например, на материале частных определительных придаточных предложений:

Оха шуьга аш доьхху ахча ло школа ян.

Мы даем вам деньги, которые вы просите, чтобы построить школу.

Оха шуьга доцуш йиш йоццу ахча делла школа ян.

Мы вам дали деньги, которые необходимы, чтобы построить школу.

Ас шуьга ахча лур ду, школа ян билгалдина долу.

Мы вам дадим деньги, которые предназначены для постройки
школы.

И. В. СТАЛИН

ПАРТИН, ПРАВИТЕЛЬСТВАН КУЙГАЛХОЩА

ЦХЪАБНА

ТАДЖИКИСТАНАНН ТУРКМЕНИСТАНАНН ХЪАЛ-
ХАРЧУ КОЛХОЗХОЙНН КОЛХОЗНИЦИЙНН СОВЕ-
ЩАНЕХЪ ДИНА КЪАМЕЛ.

1935-чу мерахъ 4-гIачу декабрехъ.

Накъостий, кху совещанин президиумо тIедиллина суна шуьга шина гIуллакхан хьокъехъ дIаалар:

Хьалхара, кху совещанин берриг-а дакъа лацархошна цара тIех дика болх барна, лаккхара совIат дар — орден ялар — хьалхахIоттон дагахъ долуш, президиум хиларан хьокъехъ (*Дехха чIогIа тIараш детта. „Ура“ — бохуш маьхъарий детта. Аьзнаш дека: „Декъала хуьлда накъост Сталин!“ Ехха оваци йо, партини правительствани куйгалхой декъала беш, маьхъарий детта*).

ШозлагIа, кхузахъ хьалхахIоттийна йолчу хIор колхозана цхьацца грузовик ялан, совещанин дакъа лоцучу хIоранна-а пластинкашца цхьабна цхьацца патефон ялан бина сацам бу правительстван (*тIараш детта*), сацам бина сахъташ далан а: божаршна — кисаныхъ ледораш, ткъа зударшна пхьарсийх доьжкурш (*дехха тIараш детта*).

Совга боху массанхъара-а, со мелла-а алан декхарийлахъ ву.

Аьзнаш: Бакъ лоб! (*тIараш детта*).

Ткъа хIун эр ду? Дерриг-а аьлла.

Схьагарехъ, бамбица долу гIуллакх дIагIур ду шун. Иза го вайн кхузахъ долчу дерригенгара-а. Шун колхозаш кхуьуш ю, болх бан лаар шуьгахъ долуш ду, машинаш шуна лур ю оха, латта тоден дарбанаш хир ду шуна, доцуш ца тору муьлхха-а гIо — оцу хьокъехъ хьалххехъ шуьга дIаэлира Совнаркоман председатело, накъост МIолотовс, — дийр ду. Делахъ, шун бамбица долун гIуллакх дIагIур ду, зажиточни дахар тIам ховцуш а ду.

Амма, накъостий, бамбил а дуккха-а мехалла цхьа хIума ду — иза вайн мехкан халкъийн доттагIалла ду. Кху совещанино, шун къамелаша, шун гIуллакхаша боху вайн сийлахъ-боккхачу мехкан халкъашна юкъахъ доттагIалла чIагIлуш хиларан хьокъехъ. Иза уггар боккха лараммий гайтаммий болуш гIуллакх ду, накъостий. Ширачу заман чухъ вайн мехкан

Ледалан коьртехь паччахь а, капиталисташ а, помещикаш а болчу хенахь, правительстван политика йоллура цхьа халкъ — оьрсийн халкъ — одалла деш, господствующи дарха, ткъа кхин долу дерриге-а халкъаш — цхьанна лаамеххьий лазапеххьий хилийтарха. Иза акхараллин, берзалойн политика яра. 1917-чу шеран октябрехь вайн кхузахь сийлахь-йоккха пролетарийн революци яьржичахь, паччахь а, помещикаш а, капиталисташ а вай длакхийссичахь, сийлахь-воккхачу Ленина, вайн хьехархочо, вайн дас, вай ламош-кхиош волчо, элира хинца дуйна да господствующи а, клелдисина а халкъаш хилан ца диэза, халкъаш вовшашца нийсонехь а, парлат а хилан диэза. Цуьнца цхьаьна цо лахьтийчу йоблтира шира паччахьан, буржуазни политика, длакхайкхийра керла, большевикийн политика — вайн мехкан халкъашна юкьахь доттагалла а, вошала а хиларан политика.

Хетахь дуйна схьа 18 шо даьлла. Ткъа хинцале цу политикаь бацха резултаташ ю вайн. Хара советтани къаьггана гойтуш ю, СССР-н халкъаш тохара вовшийх ца тешаш хилла хилар тоххара дадаьккхина хилар, цатешаран меттана дуйззина вовшийх тешар хилар, СССР-н халкъашна юкьахь долу доттагалла кхуьуш а, чаглуш а хилар. Иза ду, накьостий, большевикийн къаьмнийн политико вайна деллачийх уггар-а мехала дерг.

Ткъа СССР-н халкъашна юкьара доттагалла доккха, клоргера даьккхинаьрг ду. Хунда аьлчахь, и доттагалла мел ду вайн мехкара халкъаш парлат а, ишалуьр доцуш а ду. И доттагалла дехаш а, могаш а мел ду, цхьа-а кхераме вац вайна, я чохьара а, я арахьара а мостагий. Цунах шек а ца хилан мегар ду шуна, накьостий. *(Члогла оваци йо. Берриг-а чухьберш хьалаговтту, аьзнаш дека: „Сталинна ура!“).*

РЕЧЬ ТОВАРИЩА СТАЛИНА

на совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана с руководителями партии и правительства 4 декабря 1935 года.¹

Товарищи! Президиум настоящего совещания поручил мне заявить вам о двух вещах:

Во-первых, о том, что у президиума имеется намерение представить к высшей награде — к ордену всех участников и участниц данного совещания — за отличную работу. *(Продолжительные, бурные аплодисменты. Крики „ура“. Возгласы: „Да здравствует товарищ Сталин!“ Продолжительная овация и приветственные возгласы по адресу руководителей партии и правительства)*

Во-вторых, о том, что у правительства имеется решение дать по грузовику каждому колхозу, представленному здесь, и преподнести каждому из участников совещания по патефону с пластинками *(аплодисменты)* и часы: мужчинам — карманные, а женщинам — ручные. *(Продолжительные аплодисменты)*

Мне говорят отовсюду, что я должен кое-что сказать.

Возгласы: Правильно! (Аплодисменты)

Что тут сказать? Все сказано.

Очевидно, что дело с хлопком у вас пойдет. Это видно из всего того, что у нас здесь происходит. Колхозы у вас растут, желание работать имеется, машины дадим, удобрение получите, помощь всякая, какая только необходима, — товарищ Молотов, председатель Совнаркома, уже заявил вам об этом, — будет оказана. Стало быть, дело с хлопком у вас пойдет, и зажиточная жизнь развертывается.

Но есть, товарищи, одна вещь, более ценная, чем хлопок — это дружба народов нашей страны. Настоящее совещание, ваши речи, ваши дела говорят о том, что дружба между народами нашей великой страны укрепляется. Это очень важно и знаменательно, товарищи. В старое время, когда у власти в нашей стране стояли царь, капиталисты, помещики, политика правительства состояла в том, чтобы сделать один народ — русский народ — господствующим, а все другие народы — подчиненными, угнетенными. Это была зверская, волчья политика. В октябре 1917 года, когда у нас развернулась Великая пролетарская революция, когда мы свергли царя, помещиков и капиталистов, великий Ленин, наш учитель, наш отец и воспитатель, сказал, что не должно быть отныне ни господствующих, ни подчиненных народов, что народы должны быть равными и свободными. Этим он похоронил в гроб старую царскую, буржуазную политику и провозгласил новую, большевистскую политику — политику дружбы, политику братства между народами нашей страны.

С тех пор прошло 18 лет. И вот, мы имеем уже благие результаты этой политики. Настоящее совещание является ярким доказательством того, что былому недоверию между народами СССР давно уже положен конец, что недоверие сменилось полным взаимным доверием, что дружба между народами СССР растет и крепнет. Это, товарищи, самое ценное из того, что дала нам большевистская национальная политика.

А дружба между народами СССР — большое и серьезное завоевание. Ибо пока эта дружба существует, народы нашей страны будут свободны и непобедимы. Никто не страшен нам, ни внутренние, ни внешние враги, пока эта дружба живет и здравствует. Можете не сомневаться в этом, товарищи. *(Бурная овация, все присутствующие встанут, возгласы: „Сталину ура!“)*

¹ „Правда“ от 6 декабря 1935 г.

ЧЕЧЕНСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ „ОЛЕНЬ“

Ламанах духдуйлу шал шийла шовданаш
Из горы со дна бьющими льда холоднее ключами
Шиэн бекъачу кийрана Iаббалца ца молуш,
Свое сухощавое нутро досыта не поя,
Ии кIоргиэ буйлуш, мела муж муьлуш,
В ущелья глубину выходя, из теплой лужи напиваясь,
Варшан йистиэ йолу маргIал сийна буц
Лесястого склона по краям поднимающейся свежей синей травой
Шиэн овздачу зорхана буззалца ца юуш,
Свое благородное брюхо досыта не кормя,
Орцал лахабуйлуш, сема ладуьгIуш,
Лесистых гор ниже выходя, чутко прислушиваясь,
Иччархочун тоьпуо лацарна, кхобруш,
Охотника ружье чтобы не поймало, боясь,
Дехачу диэглана буткъа мотт хьобкхуш,
Длинное тело тонким языком вылизывая,
Мскхазан бердах куьран га хьобкхуш,
О кремнистый берег рога ветвь точа,
Попан орамах торгIала тIа детташ,
О чинаровый корень пятнистой задней ногой ударяя,
Лергаш дуьхьал туьйсуш, кур аркъал туьйсуш,
Ушами вперед поводя, рог на спину закидывая,
Гу лекха буйлуш, гIелашка ва гIергIаш,
На холм высоко взбираясь, к ланям да ревя,
Масаниэ сай лиэла гIелашца ва боцуш!
Сколько оленей ходит с ланями да не будучи!
Вай биэн дац, ва кIентий, аблар ца хуьлуш?
Нас кроме нет (разве) да, молодцы, сказанное (с которыми) не бывая?

ЧЕЧЕНСКАЯ ПЕСНЯ „ОЛЕНЬ“.

(Литературный перевод)

Бьющими со дна гор ледяными ключами
Он не поит свое сухощавое нутро, —
Он сходит на дно ущелий: из лужи тепловатую воду пьет;
Поднявшейся по лесистому склону свежей синей травой
Он досыта не наполняет свое благородное брюхо, —
Чутко настораживаясь, он спускается ниже Черных гор,
Остерегаясь, чтобы его не достала пуля охотника;
Тонким языком он вылизывает свое длинное тело,
О кремнистый берег точит ветви рогов,
О чинаровый корень пятнистой ногою бьет,
Ушами вперед поводит, рога на спину закидывает,
На холм высоко взобравшись, к ланям ревет.
Сколько оленей (так) ходит с ланями в разлуке!
Кроме нас разве нет молодцов, с которыми сказанное не случилось бы?

ДВЕ ЧЕЧЕНСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ, ЗАПИСАННЫЕ
Л. Н. ТОЛСТЫМ В 1852 ГОДУ В СТАНИЦЕ
СТАРОГЛАДКОВСКОЙ

Публикуемые¹ ниже тексты двух чеченских песен записаны Л. Н. Толстым в феврале 1852 г. со слов двух знакомых ему чеченцев, жителей Старого Юрта, имена которых — Балта и Садо — упоминаются в его письмах и дневнике. Запись находится в рукописном „Дневнике“ Толстого, который он вел во время его пребывания в дни молодости на Кавказе.² Тексты обеих песен в подлиннике следуют непосредственно один за другим в том порядке и с теми заглавиями, с которыми они здесь публикуются. В издании мы постарались сохранить все особенности орфографии и счет строк оригинала. Под каждой строкой чеченского текста Толстым подписан русский перевод, местами довольно точно следующий чеченскому подлиннику. В круглые скобки взяты места, зачеркнутые в рукописи Толстого, а в квадратные — наши интерполяции.

Песни представляют интерес, как старейшая из известных нам записей чеченских текстов (П. К. Услар начал работать над чеченским языком десятилетием позже) и как образец одного из чеченских плоскостных диалектов того времени (именно: надтеречного).

I

1-ая ЧЕЧЕНСКАЯ ПЕСНЯ БАЛТЫ.

1 февраля 1852. Староглад[ковская].

1. Су саина техна лирьера кахбе кашдако(во) (е)нвовей
2. (ярик дацеххь) я бы
3. сама бы себя убила, ежелибы люди, когда будут
4. ерик дацех. —
5. копать мою могилу не сказали бы, что я б....
6. Суеда хоріера ара наха кахбе лёр лахо иахе бехер
7. Я бы побежала в поле — след (ищи) пошла
8. дацеар
9. искать скажут люди. —
10. (Сусигель) цигель еріёр (су) яльче даохилли уха(шь)
11. (Если бы) (Я) уле(тела)чу (бы) я на небо — боюсь не сойдти бы
12. илихен цака ерихар
13. мне дождем.
12. Соухоельхачи цуккерю
13. — ежели сойду дождем боюсь
14. цуни ка хейкарда керю
15. выростет у него хлеб. —
16. Со Латых хоріера буцхелле хālіёлёрна цақірах
17. Я в землю пошла бы да я травой вырасти боюсь.
18. (Цюне) Оцеканти шинстаре еāренокерю оцекант
19. (Этот) Мой жених пара быков боюсь меня бы не съели, от моего
20. ере яле метег атс [с]он
21. жениха некуда деваться.

¹ Тексты песен опубликованы в полном собрании сочинений Л. Н. Толстого, т. 46, Москва, 1934 г., стр. 89 — 90, а их чеченский реконструированный текст — в примечаниях к тому же тому, стр. 367 — 376. Настоящая публикация отличается от вышеуказанной несколькими разночтениями, более точно воспроизводящими оригинал записи, и передачей реконструированного текста на современном чеченском алфавите и орфографии.

² Тетрадь Г. Дневник 1851—1854 гг., л. 16—17. См. Л. Н. Толстой „Полное собр. соч.“, т. 46, Москва, 1934 г., описание рукописей, стр. 309.

ВОССТАНОВЛЕННЫЙ¹ ЧЕЧЕНСКИЙ ТЕКСТ ПЕСНИ БАЛТЫ.

1. Со сайна тоьхна лийр яра, — кхахьпанна каш даккхан глò вай!
3. Я себя ударив умерла бы, „для распутницы могилу рыть пойдем мы!“
2. эриг дацахь[ара].
4. если бы не сказали.
5. Со едда глор яра ара, наха — „кхахьпанан лар лахан обху“ — бòхур
7. Я убежав ушла бы в открытое поле, народ — „распутницы след
искать ходим“ — [потом] если бы
6. дацахьара.
8. не говорил.
9. Со стигла ер яра, со яьлчи, доглу хилла, охьа-
11. Я в небо вышла бы, я выйдя, дождем ставши, вниз
10. елхарна ца кхиэрахьара.
12. дождем излиться если бы
не боялась.
13. Со охьайилхачи ца кхьору: 14. цуьнан кIа хьиэкьарда, кхьору.
15. Я обратно излившись дождем, не боюсь: 16. его пшеница, что уро-
дится, боюсь.
17. Со лавттах глор яра, — буц хилла, хьальяларна ца кхиэрахь[ара].
18. Я в землю ушла бы, — травой сделавшись, наверх выйти если бы не
боялась.
19. Оцу клентан шина старо яарна, кхьору; оцу клантиэра
20. Этого молодца пара быков, что съест [меня], боюсь; от этого молодца
ялан меттиг яц суона.
уйти места нет мне.

ЧЕЧЕНСКАЯ ПЕСНЯ БАЛТЫ.

(Литературный перевод)

Сама бы я себя убила, если бы люди потом не сказали: „Для распут-
ницы могилу рыть пойдем!“
Я убежала бы в открытое поле, если бы люди потом не говорили:
„По следам распутницу искать [мы] ходим“.
Я в небо поднялась бы, если бы дождем излиться вниз на землю не
боялась.
Не дождем излиться я боюсь, боюсь — у него пшеница уродится.
Я в землю ушла бы, если бы травой вырасти вверх не боялась.
Быки этого молодца съедят меня, боюсь; от этого молодца, видно,
некуда мне бежать.

II

2* Ч[ЕЧЕНСКАЯ] ПЕСНЯ (ТОГО ЖЕ СОЧИНТЕЛЯ) САДО

1. Алалу вадааи шилюка шаи-ина баба вай-анна
2. Ай Аяй-айайай! не приятно родимая матушка в тёсовой
3. бажелера сёц онагиле ихундабалейна хаи хун .
4. конюшне молодецкого коня зачем привели ты зна[е]шь л[и]
- [л. 17] 5. Вай да да дай! ваим берчир арджемажер ихунде
6. Аяй аяй ай чье крымское ружье висит у нас на стене
7. еина хайцхун? хо (еано)лаховочу гюрджи еле еина.
8. (на) зачем его принесли знаешь ли? (Кто) пришел тебя сватать
Гру[зинский] Княз[ь]
9. он и принес его. —

¹ Текст восстановлен автором данной работы.

10. Са нана сендегуо теце еуцо ассайналахна буйсинах
11. Матушка! не (принимает мое) лежит к нему сердце; я сама себе съискала
12. де ден кант. —
13. такого молодца, который из ночи день делает. —
14. Вададай баба ваим берчире гюрджин дарий ихунда
15. — . . . матушка Тифлисский канаус на стене, зачем
16. дйана хай хун. хаехунвоучу. — ка[н]те да айтине
17. он (сюда принес) здесь висит? — Тот, кто тебя сватает тот и принес.
18. Суонцавиеза Гюрджиех юхуш дариеш, киехон кант
19. Я не люблю тех женихов, к[отор]ые ездют в Грузию за товаром.
20. са нана сенгуртеха маяка со хайна езах.
21. матушка! ежели ты меня любишь не губи ты мою голову.
- 24.¹ Буйсинах дедина кант виа соелч, марш
25. К[отор]ый ночь днем делает, пришел ко мне. Прощай
26. ейла сонана дуко(ре) кереаж[о] со хунце юада ма-
27. Матушка, [много? т]ы меня стращал[а], теперь я иду
28. рия. — Дал[а] мукало хунцих со сай куртень
29. за муж. — Слава богу — теперь (я) вышла моя го-
30. (Д)юкху ееле. —
31. лова на волю. —

ВОССТАНОВЛЕННЫЙ² ЧЕЧЕНСКИЙ ТЕКСТ ПЕСНИ САДО

1. „Алалай вададай, шиэла йоккху, ша йина баба вайн аннийн
2. „Ахти, ее (вм. моя) старшая, ее (вм. моя) родимая маменька, из нашей досчатой
3. божалиэра са цлена гила и хлунда балайна, хаай хьюона?
4. конюшни с душою чистой конь это зачем приведен, известно ли тебе?
5. Вададай, вайн баьрчиэра лаьржа мажар и хлунда
6. Ахти, на нашей почетной стене черное мажарское [ружье] это зачем
7. еана, хааций хьюона?“ „Хьо лахан воглучу гуржин элуо еана“
8. принесено, не известно ли тебе?“ — „Тебя искать пришедший грузинский князь принес“.
9. „Сан нана, сан даго тле ца оьцу, ас сайна лехна буйсинах де ден кант“.
10. „Моя мама, мое сердце (его) не принимает, я себе нашла из ночи день делающего молодца“.
11. „Вададай, баба, вайн баьрчиэра гуржийн дари и хлунда
12. Ахти, матушка, на нашей почетной стене грузинский шелк это зачем
13. деана, хаай хьюона?“ — „Хьо йиэхан воглучу канта даайтина“.
14. принесен известно ли тебе?“ — „Тебя сватать пришедший молодец прислал“.
15. Суона ца виза Гуржех оьхуш дареш кховхью кант.
16. Мне не нравится в Грузию ездящий, шелка привозящий молодец.
17. Сан нана сайн коьртаха ма яккха со, хьайна [со] йиэзахь!“
18. Моя мать, от моей головы (т. е. воли) не отрывай меня, ты меня если любишь!“
19. „Буйсинах де дина кант веан, [со] йолчу;
20. „Из ночи день делающий молодец пришел туда, где [я] нахожусь; марша счастливо
21. лайла, сан нана, дукха кхиэрай ахь со, со хинца йовда марие.
22. оставаться, моя мать, много пугала ты меня, я сейчас выхожу замуж.
23. Дала мукъа лахь, хинца-х со сайн коьртана йоккху ен ялла.
24. Если бог даст, теперь только я сама для своей головы радоваться начала.

¹ Между 21 и 24-й строками подлинника имеются две зачеркнутые строки, в которых можно разобрать следующие слова: 22 (Тнаири кант виа оце юа вахайты оце канти кна 24. ика) 23 (ночны) 25. (еи). В 24—25 стр. зачеркнутое находится в начале строк.

² Текст восстановлен автором.

ЧЕЧЕНСКАЯ ПЕСНЯ САДО.

(литературный перевод)

1. „Ахти мне, моя старшая, родимая маменька, из нашей досчатой конюшни верный конь зачем это приведен, не знаешь ли ты?“

2. Ахти мне, на почетное место на нашей стене, черное мажарское [ружье] зачем это принесли, не знаешь ли ты?“

3. — „Приехавший тебя сватать грузинский князь привез его“. — „Моя душа не лежит к нему, мама, я себе нашла молодца-героя, который [темную] ночь превращает в [ясный] день“.

4. „Ахти, маменька, к нам на почетное место грузинский шелк зачем это принесли, знаешь ли ты?“ — „Приехавший сватать тебя молодец прислал“.

5. — „Я не люблю молодца, который ездит в Грузию и привозит шелка. Моей волюшки не лишай меня, мама, если меня ты любишь.“

6. Молодец-герой, который ночь превращает в (ясный) день, пришел сюда ко мне. Счастливо оставаться, мама, много страху я от тебя натерпелась, — сейчас я выхожу замуж.

7. Бог даст, теперь я сама себе на радость освободилась.

СТАГГИЙ ЛАХЬИЙ ЧЕЛОВЕК И ЗМЕЯ.

(Хадкхан туйра).

(Народная сказка).

Шерачу арахула цхьа стаг хилла новкьа вобдуш.
Гладкую через степь один человек был по дороге идущий.

Хьавжна малх а хилла, шиэн кьобллин ойла еш, хлара
Смотревшее солнце и было, [о] своей бедности мысль делая, этот
давобдучу заман чухь текхна, беана кхунна дубхьал
когда уходит, то время в выползши, пришедши ему навстречу
цхьа лавхьа баьлла.
одна змея вышла.

— „Суна тлавхьа со бен доглуш орца ду. Хинца ахь со

— „Меня после меня убить идущая погоня есть. Теперь ты меня
келхьара баккхяхь, хьуна дан дика дара-кх сан“ —
из-под [нее] вытащишь если, тебе сделать добро было бы ведь у меня“ —

аьлла, билхина лавхьа.

сказав, заплакала змея.

— „Белхан гуллакх дац. Келхьара боккхур бу ас хьо.

— „Плакать дело не есть. Из-под [нее] спасать буду я тебя.

Хун дия ас?“

Что делать мне?“

— „Хьайн кийра бахийтахьара ахь со, йиллинчу меттня

— „Твое в нутро войти дал если бы ты мне, назначенному к месту
кхавчча, схьа а бера бара со“ — аьлла лавхьано.

дошедши, сюда и вышла бы я“ — сказала змея.

Дикка ойла йина кьиз[н]чу стага. Тлавхьара ойла

Хорошенько думу сделал бедный человек. Наконец, мысль
сецна кхуьнан: „Кхо кийра а бахана ца вехь а,
остановилась у него: „Та в нутро и влезши не убьет если и,

вуйшта кьоблла а лепи вай со. Кхо бохург, ца
по-другому от бедности и умирая есть я. Она что говорит, одно

хилан а мега. Дер ас кхо бõхург“ — аьлла, стага
стать и может. Сделаю (ка) я, она что говорит“ — сказав, человек
лаьхьянэ хьаттина:
змею (к змее) спросил:

— „Боккбал суна дан дика ду хьан, ас хью

— „Взаправду для меня сделать добро есть у тебя, я тебя
мелхьяра баь[к]кхча?“
из-под вытащу если?“.

— „Да хьуна, со цкьа-а бицлур боцуш, доккха дика ду сан.

— „Есть для тебя, я никогда не забуду, большое добро есть у меня.

Вайший-а цхьянний буткьа ирахбаханчу лам тлиэра хьюна
Мы двое и вместе узко вверх ушедшей горе на [находящегося] леса
юккье кхьячча цигахь цхья йоккха хьун ю. Цу йистехь со
в середину достигнем когда там один большой лес есть. Его на опушке я
схьябаьр бу. Таккха вайша а цхьянний, тхан паччахь волчу, гур ду.
сюда выползу. Потом мы двое и вместе, наш царь где есть, пойдем.
Цунна тлекхьячча, цуо хоттур ду вайшинга: „Хун лиэладо аша?“ —
Него до дойдем когда, он спросит нас (к нам): „Что принесли вы?“ —
аьлла. Ас эр ду, хьуна, — „Хокку стага со бобчуьра баьккхина“.
сказав. Я скажу, вот тебе, — „Этот человек меня от убийства спас“.

Таккха хьобга цуо хаттар дийр ду: „Хун дика диеза хьуна“, аьлла,
Потом (к) тебе он вопрос сделает: „Что[за] добро нужно тебе“, сказав,
„Олхазарийн мотт хайтахьяра, суна кхин хлумма-а ца õшура“
„Птичий язык если бы узнать дал, мне другого ничего не нужно будет“
аьллахь; и мотт хийча, олхазаршна, мел хуу
скажи; тот язык узнаешь когда, птицам сколько известны
хазнаш, хьуна, мичхья ю, хуур ду. Таккха хьо валлалц хлума
клады, ты, где есть, узнаешь. Тогда ты до смерти самой [ни] в чем
õшур дац, хьуна“.
нуждаться не будешь, вот тебе“.

— „Дика ду“ — стага а аьлла. Лаьхья стеган кийра бахана.

— „Хорошо есть“ — человек я сказал. Змея человека в нутро влезла.

Оцу сохьтана схьялилхина, кхунна хьалха длахиттина эзар зу.
Тот в час примчалась, ним перед остановилась тысяча ежей.
Хьаттина тхьамдану: „Лаьхья байрий хьуна кхузаш бобдуш?“

Спросил [их] вождь: „Змею видел ли ты тут ползущую (идущую)?“

— „Ца байра“ — аьлла стага.

— „Не видал“ — сказал человек

Эзар зу кхунна тлех а яьлла, даяхана. Хлара ший новкьа
Тысяча ежей его от и отойдя, ушла. Эти два по дороге
дладахана. Дьодуш лаьхьянуо бийцинчу лам[ана] юкхе хьяннашка
[дальше] пошли. Пойдя змея о которой рассказывала горы кподошве к лесу
кхьячча хлорш.
достигли они.

— „Ахь кхуза кхьячча, схьябёра бу, ма аьллиэра, лаьхья“ —

— „Ты сюда дойдешь когда, сюда выползу, так [ты] говорила змея,“ —
аьлла стага.
сказал человек.

— „Хан, длакхьянний вайши? Дика ду. Арабаьр со хлинца“ —

— „Ну, туда достигли мы двое? Хорошо есть. Наружу выползая теперь“ —
аьлла лаьхья кийрара арабаьлла.
сказав змея из нутра наружу выползла.

Стаг тлаьхьа а хлоттийна, лавьха хвалха а баьлла, хлара шпъ
Человек позади и ставши, змея впереди и поползши, эти двое
олхазарийн паччахь вѣхачу дашуочу глѳпа чудахана.
птичий царь в которой живет золотую (в) крепость вошли.

— „Хлун лиэладо аша?“ — аьлла паччахьуо.

— „Что приносите вы?“ — сказал царь.

— „Кху стага со бѳчурьа клелхьара баьккхина“ — аьлла

— „Этот человек меня от убийства из-под вытащил“ — сказала
лавьхануо.

змея.

— „Хлун дика диэза хьуна?“ — аьлла, хайттина кьинэчу

— „Что [за] добро нужно тебе?“ — сказав, спросил [он] бедному
стагиэ.

(к) человеку.

— „Олхазарийн мотт хаан лавара сьна“ — аьлла стага.

— „Птичий язык знать хочется мне“ — сказал человек.

— „И мотт хайтан йиш яц“ — аьлла паччахьа.

— „Тот язык дать узнать возможности нет“ — сказал царь.

— „Делась кхин хлумма-а ца ѳьшу сьна-м“ — аьлла, стаг

— „Тогда иного ничего не нужно мне-то“ — сказав, человек

д[ла]хлѳт[т]ча, паччахьа аьлла:

когда остановился, царь сказал:

— „Делась хлѳта, хоуьйтур бу ас хьуна и мотт, амма ахь, и мотт

— „Ладно тогда, знать дам я тебе тот язык, но ты, тот язык

хьайна хаййла, цхьавна-а стагиэ хаййтахь, лийр вуйла,
тебе что известен, одному хоть человеку сообщишь если, умрешь что,

хаалахь хьуо, иза хаййтинчу минуотехь.

узнай ты, ту в которую сообщишь минуоту.

— „Дика ду“ — стага аьлла, тлаккха олхазарийн паччахьа

— „Хорошо есть“ — человек сказал, потом птичий царь

лавьхане — „ламабиэ цунна вайн мотт“ — аьлча, лавьхануо стагиэ

к змее — „Научи ему наш язык“ — когда сказал, змея к человеку

аьлла:

сказала:

— „Схьаеллал хьайн бага“.

— „Открой свой рот“.

Йиллина мискачу стага бага. Лавьхануо цуьнан бага шиэн туй а

Открыл бедный человек рот. Змея ему в рот свою слюну и

тоьхна, юху шиэн бага глаттийна.

плюнула, обратно свой рот открыла.

— „Хланда сан бага туохал, ас тоьхначу туйнах хьайн

— „Теперь в мой рот плюнь, я которой плюнула в слюну свою

туй а издай, туй“.

слюну и смешав, слюну“.

Мискачу стага и туй тоьхча, олхазарийн мотт йѳмина.

Бедный человек ту слюну когда плюнул, птичий язык выучил.

Ца ван схьаволавеллачу стагана тлаьхьа а баьлла,

Домой идти сюда шагавшим человеком за и выползши,

лавьхануо аьлла:

змея сказала:

— „Варий, варий, цхьаьнна-а стагие хьайна тхан мотт
— „Смотри, смотри, одному ни (к) человеку тебе наш язык
хьайла ма хайталахь! Лийр ву хьо!“
что известен не передавай! [А то] умрешь ты!“

— „Дика ду“ — аьлла, ца веана стаг.

— „Хорошо есть“ — сказав, домой пришел человек.

Цхьаьнна дийнахь и стаг шиэн зуда а эцна шиэн
В один день этот человек свою жену и взяв, свою
озалла ялан йоллу говр ворданна а йобжна,
от истощения сдыхать занимающуюся лошадь в арбу и впрягши,
дечган генаш ян вахана. Дечган генаш а яхьаш, хлорш
древесные ветки привезти поехал. Древесные ветки и привозя, они
ца боьлуш, кьийгуо кхарна тьохула а хьавьзина, шиэн
домой едучи, ворона их сверху и покругившись своему
накъост кьийгие аьлла:
товаришу — к вороне сказала:

— „Хьажал, даьоду шиь и говран даьлахкаш а йобжна.

— „Смотри, туда едут двое эти лошадиные кости и запрягшие.

Дехаш ду, бохуш лиэла хир ду-кх хлара зудий
Живут, говоря, ходя (проводя время) будут-ведь эти жена
майрий“ — и аларца йиекаш ши кьийг длаяхана.
и муж“ — этим со сказанным крича две вороны прочь улетели.

Вардана тьавьхьахлосттина воьлу майра, и олу хезча,
Арбой, за следом ставши идущий муж, это сказанное когда услышал,
виэлавелла. Зудчо цийндёга хьаттина:
улыбнулся. Жена (к) супругу спросила:

— „Стенна воьлу хьо?“ — аьлла.

— „Зачем смеешься ты?“ — сказав.

— „Со-м, цхьа хлума хазделла, виэлавелира“ — аьлла

— „Я-то, одной вещью заинтересовавшись, улыбнулся“ — сказал

жьуонахчуо.

мужчина.

— „Хла-хлан, хьо сох виэлавелира“ — аьлла зудчуо.

— „Нет, ты надо мной смеялся“ — сказала жена.

— „Ца виэлавелира со хьох-м“.

— „Не смеялся я над тобой ведь“.

— „Дёр[а] виэлавелира“.

— „Ей богу, смеялся“.

— „Дер[а] ца виэлавелира“.

— „Ей богу, не смеялся“.

— „Сан да ваханчу эхартор, воьлура хьо сох“.

— „Мой отец куда ушел, тем светом клянусь, смеялся ты надо мной.“

— „Ца воьлура, зуда“.

— „Не смеялся, жена“.

Дехха кьийсира зудчой майрчой. Тьавьхьара а, зуда
Долго-долго спорили жена и муж. Наконец и, жена
кьар а ца елла, майрачо аьлла:
и неуступивши, муж сказал:

— „Зуда, со цхьаьнна хлуманх виэлавелира. И дийца(н) сан

— „Жена, я одной над вещью посмеялся. Это рассказать у меня
йиш яц. Иза дийцча, со лийр ву“.
возможности нет. Это если расскажу, я умру“.

— „Лийр велахь а, дийца“ — элира зудчуо.

— „Умрешь хоть, расскажи“ — сказала жена.

Цул тлавхьа а дехха кыйсинчул тлавхьа майрачуо.
Этого после и, долго-долго как спорили, того после муж
элира: „Делахь, ца кхавччахьана, дуйцур ду ас хьуна“.
сказал: „Ладно, домой когда доедем, расскажу я тебе“.

Бавькина ца кхечира хьорш. Таккха а чурьялла
Приехав дома достигли они. Потом и из себя вышедши
хьавзира зуда.
крутилась жена.

Майрачуо „билла“ а аьлла, кыйлбиэхьа берзийна мотт
Муж: „постели“ и сказав, к югу повернувши постель
биллира зудчуо. Майра метта а вижна, вистхилира:
постелила жена. Муж на постель и улегшись, промолвил:

— „Хинца ас хьуна, суо валаран бахьана

— „Теперь (именно) я тебе, сам что я умру, того причину
дуйцур ду, таккха сан са кху меттахь а дёр ду. Со валале,
расскажу, потом моя душа этой в постели и выйдет. Я как умру,
суна тлиэра сьгийна хума тасахь вайн жьабьлина“.
до того меня за для милостыни что-либо брось нашей собаке“.

Зудчуо цхьа сискал юькк тесира жьабьлина. Тееана ньяна.
Жена один чурека кусок бросила собаке. Подошедший петух
цу юькках злок еттан хьобттира.
этот кусок клювом ударять стал.

— „Даяла(н)хьа, ньяна, суна сьгийна тесна юькк,

— „Отойди-ка, петух, мне для милостыни брошен кусок,
йита(н)хьа“ — элира жьабьлуо.
оставь-ка“ — сказала собака.

— „Хьан? Хьанна тлиэра?“ — аьлла, хьабттира ньянуо.

— „Кто? Кого за?“ — сказав, спросил петух.

— „Вайн да ву леш воллуш“.

— „Наш хозяин умирает“.

— „Хунда?“

— „Почему?“

— „Цунна вайн мотт хаара. И шиэна хавийла,

— „Он наш язык знал. Это ему что известно

хайтча, иза валан дизаш вара. Зудчунна цхьа хума
дал узнать если бы, он умереть должен бы. Жена одну вещь

туосаделла цунах. „Дадийца“ бьохуш зуда кьар ца луш, хинца иза
заподозрила о том. „Расскажи“ говоря, жена не уступивши, теперь он

зудчунна дийца кыйлбиэхьа мотт а биллийтина ша
жене чтобы рассказать к югу постель и постеливши сам
валлиэ шиэна тлиэра сьгла доккхуш ву-кх и вайн
перед смертью себя за милостыню выделяет -то этот наш

да“ — аьлла, жьабьла дистхилча ньянуо элира:
хозяин“ — сказав, собака когда промолвила, петух сказал:

— „Дадаьллахь хьета, велча-а кьа дац хьуна, цхьа

— „Отойди тогда, умрет хоть, греха нет для тебя, одну
зуда ца садалу стаг. Ас а сацайой ис
жену не в состоянии который остановить мужчина. Я и подчиняю девять

кlorни шиэна тlаьхьа долу куотам: кхуьнга хlунда ца сацало
цыплат собой за имеющую курицу: ему почему не удается

шиэн зуда?“
остановить свою жену?“

И кьамел хезна валан вижначу стагана. Цуо
Этот разговор был слышен умирать легшему мужчине. Он
парт аьлла, хьаьла а иккхина, аьлла зудчиэ:
стук сказав (т. е. со стуком) вверх и вскочив, сказал жене:

— „Зуда, цкьа-а ас иза хьайга дийцар ца хилча, кьарлурийолуш
— „Жена, никогда я это тебе когда не расскажу, уступя
хьо елахь, кьарлуолахь, сан иза дийца йиш
ты если можешь, успокойся, у меня это рассказать возможности
яц хьуна“.
нет тебе“.

Цул тlаьхьа цхьа шо даьлча цхьаьна ламанан шина
Того после, один год когда прошел, одной горы двух
лечануо кьамел деш ладобгlначу кху стагана ламанан
соколов разговор сделанный подслушавший этот человек горных
гlорзошкахь деши долуш меттиг хаеелла. Ваханчу
в скалах золото в котором есть место сумел узнать. Поехавший
кху стага и деши цlа оьзна.
этот человек то золото домой повез.

И деши бlаьрга гича зудчуо, йиэла а елла, аьлла:
То золото глазами когда увидела жена, и рассмеявшись сказала:

— „Хlара дара ахь сyна стохка ца дийцинарг?“
— „Это (и) было, ты мне в прошлом году не рассказал что?“
— „Дара-тиэ“, — майрачуо аьлла.
— „Было, конечно“, — муж сказал.

Иштта дахан хиира и шиь, накьост.
Так (именно) жить стали эти двое, товарищ.

ЧЕЛОВЕК И ЗМЕЯ

(чеченская народная сказка)

(литературный перевод)

По степи шел один бедный человек. В жаркий полдень, глубоко задумавшись о своей бедности, он увидел змею, выползшую к нему навстречу.

— За мной гонятся, чтобы убить меня. Спаси меня, я тебя за это отблагодарю, — сказала она плача.

— Плакать не надо, я тебя спасу, только скажи, что мне для этого сделать.

— Позволь мне залезть в тебя и когда ты дойдешь до условного места, я вылезу из тебя, — сказала змея.

Сильно призадумался человек, не зная, как поступить, но в конце концов решил: „Все равно, если она и не убьет меня, я и так погибну из-за нужды. А может быть исполнится то, что она говорит. Послушаюсь-ка я ее“ — и спросил змею:

— Правда ты отблаговаришь меня, если я тебя спасу?

— Будь уверен, я тебя никогда не забуду, большую услугу я окажу тебе. Когда мы с тобой дойдем до опушки густого леса, растущего на заросшей лесом острей, высокой горе, — я выползу из твоей груди

и мы с тобой отправимся к нашему царю. Царь нас спросит: „Зачем вы явились?“ — я ему расскажу, как ты спас меня. Тогда он попросит тебя высказать свое желание, чтобы отблагодарить тебя. Ты ответь царю, что желаешь выучиться понимать язык птиц. Если ты будешь понимать язык птиц, то узнаешь от птиц про клады, известные им, и тогда ты будешь обеспечен до самой смерти, — ответила ему змея.

— „Хорошо“ — сказал человек, и змея вползла к нему в грудь.

В ту же минуту примчалась погоня — тысяча ежей. Вождь ежей спросил человека:

— Не проползла ли тут змея?

— Нет, не видал, — ответил человек, и ежи помчались дальше.

Человек же пошел своей дорогой. Долго шел он, и, наконец, дошел до той горы.

— Ты сказала, что здесь вылезешь из меня, — обратился человек к змее.

— Ах, так мы уже дошли! Хорошо, я сейчас вылезу, — ответила змея и выползла из груди его.

— Идем за мной, — сказала змея и поползла впереди, а человек пошел следом за ней. Так они вошли в золотой замок птичьего царя.

— Зачем вы явились? — обратился к ним царь.

— Этот человек спас меня от смерти, — сказала змея.

— Чего ты просишь в награду? — спросил царь бедного человека.

— Я хотел бы научиться понимать язык птиц, — ответил человек.

— Это желание я не могу исполнить, — сказал царь.

— Другого желания у меня нет, — сказал человек и замолчал. Тогда царь сказал:

— В таком случае я позволю тебе выучить этот язык, но ты должен помнить, что, если ты хоть кому-нибудь расскажешь о том, что ты узнал, ты умрешь в ту же минуту.

— Хорошо, — сказал человек, и птичий царь обратился к змее:

— Научи его.

Тогда змея приказала человеку открыть рот. Бедняк открыл свой рот. Змея плюнула ему в рот. Потом она открыла рот в свою очередь и сказала бедняку:

— Теперь ты смешай мою слюну со своей, и этой слюной плюнь обратно мне в рот.

Бедняк так и сделал, и в тот же момент научился понимать птичий язык.

После этого человек отправился домой.

Змея вышла и крикнула ему вслед:

— Смотри, смотри, берегись, никому не говори о своем умении, а то умрешь!

— Хорошо, — ответил бедняк и потом пришел домой.

Однажды он запряг свою подыхавшую от голода лошадь в арбу и отправился со своей женой в лес за хворостом. Набрав в лесу веток, они возвращались домой. Высоко летевшая ворона покружилась над ними и прокаркала насмешливо другой вороне:

— Посмотри, пожалуйста, на этих мужа и жену, которые едут на лошадином скелете. И они наверно воображают, что живут!

Шедший пешком за арбой муж, услышав их слова, улыбнулся. Жена его спросила, почему он улыбается.

— Так..., я вспомнил один случай, — ответил муж.

— Нет, нет, ты смеялся надо мной, — сказала жена.

— Нет, не над тобой я смеялся.

— Ей богу, надо мной смеялся.

— Ей богу же, нет!

— Клянусь тем светом, куда ушел мой отец, ты смеялся надо мной!

— Да, нет же, жена, не смеялся я.

Долго спорили муж и жена. Наконец, выведенный из себя настойчивостью жены, муж сказал:

— Жена, я смеялся над одной вещью. Я не могу тебе этого рассказать потому, что тогда я умру.

— Хоть умри, да расскажи! — сказала жена. И после этого они долго спорили. Наконец, муж, уступив, сказал ей:

— Хорошо, я расскажу тебе, но когда мы приедем домой.

Приехали они домой. Тут уж жена совсем вышла из себя и начала скандалить.

Тогда муж приказал ей приготовить ему постель и повернуть эту постель боком к югу.¹

Улегшись в постель, муж молвил:

— Теперь я расскажу тебе причину того, из-за чего я умру. Потом моя душа в этой постели из меня выйдет. Но прежде мне хотелось бы, чтобы ты дала за меня милостыню нашей собаке.

Жена бросила собаке кусок кукурузного чурека.

Подошедший петух начал клевать этот кусок.

— Отойди, не клюй кусок, данный мне в милостыню, оставь! — сказала собака.

— За кого милостыню? — удивился петух.

— Наш хозяин умирает.

— Почему?

Собака рассказала:

— Он знал наш язык, и должен был бы умереть, если б рассказал кому-нибудь об этом. Его жена стала подозревать, что он скрывает что-то от нее и до тех пор приставала — „расскажи!“ — что он теперь лежит, повернувшись лицом к югу, готовый умереть из-за того, чтобы не открыть ей все. Но перед смертью он дал мне эту милостыню за себя.

Петух насмешливо ответил:

— В таком случае оставь его. Беды нет, если умрет мужчина, который не может успокоить одну жену. Мне и то подчиняется курица, у которых целых девять цыплят. Почему же он не может призвать к порядку одну единственную женщину.

Приготовившийся умереть муж, услышав этот разговор, с шумом вскочил с постели.

— Жена, знай, что этого я тебе никогда не расскажу, и, если можешь, успокойся на том.

Прошел после этого еще год. Как-то муж подслушал разговор двух соколов о том, что в скалах одной горы, в земле, лежит большой клад золота. Он поехал туда и действительно нашел много золота. Это золото он привез домой.

Увидев золото, жена радостно засмеялась и сказала:

— Так вот что ты скрывал от меня в прошлом году!

— Да, это самое, — ответил муж.

И зажили они так вдвоем, товарищ.

¹ Юг, кибла, сторона, в которую поворачиваются шагометане лицом во время молитвы. Умирающих тоже кладут лицом в эту сторону.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
Введение	5
Задачи и метод синтаксического исследования	5
Отношение синтаксиса к другим отделам грамматики	6
Способы выражения синтаксической формы	7
Историческое развитие способов выражения синтаксической формы	8

Часть I

Синтаксис простого предложения	9
Глава I. Синтаксис предложения в целом	9
Определение предложения	9
Развитое и неразвитое предложение	10
Бессубъектное („безличное“) предложение	14
Интонация предложения	15
Повествовательная интонация	15
Вопросительная интонация	15
Вопросительная интонация с оттенком удивления	16
Повелительная интонация с оттенком восклицания	16
Порядок слов в предложении	19
Силовое синтаксическое ударение	21
Удвоительное (редупликационное) синтаксическое ударение	21
Типы синтаксического ударения	23
Типы предложения	24
Реальное утвердительное предложение	24
Реальное отрицательное предложение	24
Вопросительное предложение	25
Отрицательно-вопросительное предложение	25
Нереально-желательное предложение	25
Реально-желательное предложение	26
Успокоительное предложение	26
Нереально-условное предложение	26
Повелительное предложение	27
Простое повелительное предложение	27
Просительно-повелительное предложение	27
Разрешительно-повелительное предложение	27
Поручительно-повелительное предложение	27
Безотлагательно-повелительное предложение	28
Категорическое повелительное предложение	28

	Стр.
Наклонения	29
Употребление отрицания	29
Формы сказуемого, выражающие типы предложения (таблица)	30
Служебные слова и частицы	31
Глава 2. Связь слов в простом предложении	34
Главные члены предложения	34
Сказуемое	34
Сказуемое простое и составное, именное и глагольное	35
Подлежащее	38
Продуктивное подлежащее	38
Архаическая форма продуктивного подлежащего	39
Непродуктивное подлежащее	39
Прямое дополнение или объект	40
Прямое дополнение в значении орудия	40
Активный строй переходного предложения	45
Связь слов в предложении	51
Синтаксический разбор простого предложения (таблица)	52
Синтаксический разбор предложения	54
Развигие форм субъекта, объекта и предиката	54
Обороты или конструкции предложения	57
Непереходный и переходный обороты	57
Оборот с дательным субъектом	63
Обобщенные обороты	67
Процессные обороты	70
Производные обороты	72
Побудительные обороты	83
Производно-побудительные обороты	87
Начатки страдательного оборота	89
Оборот с обобщенным субъектом	94
Схема развития оборотов	94
Залоги глагола	97
Второстепенные члены предложения	98
Родительное косвенное дополнение	98
Родительное дополнение в значении субъекта собственности или принадлежности	98
Родительное дополнение в значении логического субъекта	99
Родительное дополнение в значении объекта	101
Дательное дополнение	102
Творительное дополнение	104
Вещественное дополнение	108
Местное дополнение	112
Сравнительное дополнение	113
Косвенное дополнение с послелогами	116
Родительное (притяжательное) дополнение при дополняемом и определении при определяемом	117
Согласование определения с определяемым	123
Приложение	127
Количественное определение	128
Обстоятельственные слова	129
Обстоятельство места	129
Наречия места, послелоги и глагольные приставки	141
Обстоятельство времени	145
Обстоятельство образа (качества) действия	147
Обстоятельство причины	150

	Стр.
Обстоятельство цели	152
Обособленные члены предложения	153
Обращение	153
Вводные слова	153
Сравнение	157
Слитное предложение, или предложение с однородными членами	159
Зависимость подлежащего в отношении падежа от нескольких сказуемых разных залогов	165
Согласование сказуемого с несколькими непродуктивными подлежащими или прямыми дополнениями в классе (роде)	166

Часть II

Синтаксис сложного предложения	170
Сложное предложение	170
Г л а в а 1. Сложносочиненное предложение	170
Г л а в а 2. Понятие о сложноподчиненном предложении	175
Сложноподчиненное предложение	175
Историческое развитие подчинения и сочинения предложений	176
Г л а в а 3. Причастные придаточные предложения	183
Субъектные придаточные предложения	183
Объектные придаточные предложения	186
Предикатные придаточные предложения	187
Дополнительные придаточные предложения	188
Определительные придаточные предложения	194
Причастие в придаточных предложениях	198
Таблица склонений чеченского причастия	210
Деепричастие в значении причастия	219
Придаточные определительные, выражающие количество	222
Причастные придаточные предложения с обобщенным значением	223
Г л а в а 4. Масдар, как придаточная форма	226
Масдарные придаточные предложения	226
Г л а в а 5. Придаточные предложения при глаголах со значением „чувствовать“, „сознавать“, „говорить“	236
Придаточные предложения при глаголах со значением „чувствовать“, „сознавать“	236
Прямая и косвенная речь	244
Прямой и косвенный вопрос	247
Прямой вопрос	248
Косвенный вопрос	249
Г л а в а 6. Обстоятельственные придаточные предложения	250
Придаточные предложения обстоятельства места	251
Придаточные определительные при обстоятельствах места	253
Придаточные обстоятельства места с обобщенным значением	254
Придаточные обстоятельства времени	255
Придаточные предложения обстоятельства времени, выражающие предшествование во времени	255
Придаточные предложения обстоятельства времени, выражающие одновременность	261
Придаточные предложения обстоятельства времени, выражающие последовательность во времени	265

	Стр.
Придаточные обстоятельства времени с обобщенным значением	269
Придаточные определительные при словах, обозначающих время	273
Употребление запятой в придаточных предложениях обстоятельства времени	274
Придаточные предложения обстоятельства образа действия	274
Изъяснительные придаточные предложения	277
Придаточные предложения обстоятельства причины	280
Придаточные предложения обстоятельства цели	282
Глава 7. Условные и уступительные придаточные предложения	285
Условные придаточные предложения	285
Реальный условный период	285
Нереальный условный период	286
Уступительные придаточные предложения	288
Реальный уступительный период	288
Нереальный уступительный период	291
Возвратные местоимения в придаточных предложениях	292
Глава 8. Сложноподчиненное предложение с несколькими придаточными	293
Связь нескольких придаточных предложений с главным	293
Связь однородных придаточных предложений с главным	294
Цель последовательно соподчиненных придаточных предложений	297
Порядок придаточных предложений в отношении главного	299

Приложение

Чеченские тексты:

Речь товарища Сталина на совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана 4 декабря 1935 г. (чеченский текст)	301
Речь товарища Сталина на совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана 4 декабря 1935 г. (оригинал)	303
Чеченская народная песня „Олень“	304
Две чеченские народные песни, записанные Л. Н. Толстым в 1852 г.	305
Песня Балты	305
Песня Садо	308
„Человек и змея“ (народная сказка, чеченский текст с подстрочным переводом)	308
„Человек и змея“ (народная сказка, литературный перевод)	313

Редактор издательства Т. Г. Брянцева

Технический редактор А. П. Дронов

Корректор С. И. Персидекич

Сдано в набор 15/IV 1940 г. Подписано к печати 16/XII 1940 г. Формат 70 X 103¹/₁₆. Объем 20 п. л.
В 1 п. л. 58 000 зн. Уч.-изд. л. 26,56. Тираж 3000 экз. А 30399. РИСО № 1320. АНИ № 1485. Заказ № 568.

Г. л. о. л. т. о. г. р. а. ф. и. я. Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
22	24 сверху	юьзэна	юьзэина
36	11 "	цхьобгалан	цхьогалан
58	14 "	такторо	тракторо
71	2 снизу	Дешархоша	Дешархошна
86	13 сверху	длакхьуьйтү	длакхьхьуьйтү
87	11 "	хозуьйтү-кх.	хозуьйтү.
103	21 снизу	болх дика	ваша кест-кеста
103	20 "	Я в состоянии (сам) хорошо знать свое дело	Я имею возможность часто видеть своего брата
105	23 "	тегнера.	тоьгура.
127	10 "	кьобучо	хьобгучо
269	13 сверху	садаь ира	садоьира
288	18—25 сверху	Эти строки следует поместить в центре таблицы, так как нереально-условная придаточная форма употребляется в придаточном, но может употребляться и в главном предложении.	
301	8 сверху	мерахь	шерахь
302	8—9 сверху	господствующи а кледдисина а	оалала деш долу, а, гелонгахь дахкош долу а
315	20—21 снизу	чтобы не открыть	что он откроет